

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

Том 60 • № 4 • 2025 • ИЮЛЬ—АВГУСТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

- Пороховский А. А.* Марксизм, мейнстрим и политическая экономия 3
- Лисон П. Т.* Сравнительная историческая политическая экономия:
уроки для развития 15
- Ореховский П. А.* Новая политэкономия: от «государства благосостояния»
к «государству социального апартхеида» 28
- Линь Дж. И., Чжан Ц., Лю Ю.* Стратегии и институты:
фактор, определяющий успех или неудачу развития 45
- Толкачев С. А.* Мирхозяйственные закономерности эволюции
парадигмы экономической теории 86
- Розинский И. А.* Механизмы экономического роста в России:
«экономика простых вещей» и эффект резонанса. 108
- Борох О. Н.* Участие преподавателей МГУ в становлении системы
экономического образования в КНР. 127
- Худокормов А. Г.* Федор Яковлевич Полянский (1907—1982)
как историк экономической мысли. 148
- Дроздов В. В.* Ф. Я. Полянский как историк народного хозяйства 159

Междисциплинарные исследования

- Григорьев Л. М.* Мир прощается с утопиями — пора пересматривать теории развития... 176
- Балацкий Е. В., Екимова Н. А.* Россия перед лицом демографических вызовов:
угрозы и возможности 206

Мировая экономика

- Гараева А. С.* «Зеленый» протекционизм: политэкономические аспекты 231

Трибуна преподавателя

- Мирзоян А. Г., Суслова И. П., Локтионова А. А., Синякова Е. А.*
Спустя годы: что помогает получить выгоды от экономического образования? 255

Научная жизнь

- Назарова И. А.* Развитие теории промышленных кризисов:
труды экономистов Московского университета 272
- Чаплыгина И. Г.* Московский университет в мировой экономической науке
(обзор итогов международной научной конференции) 297

Lomonosov Economics Journal

VOL. 60 • No. 4 • 2025 • JULY — AUGUST

CONTENTS

Economic Theory

<i>Porokhovskiy A.A.</i> Marxism, mainstream and political economy	3
<i>Leeson P.T.</i> Comparative historical political economy: lessons for development	15
<i>Orekhovskiy P.A.</i> New political economy: from the “welfare state” to the “social apartheid state”	28
<i>Lin J.Y., Zhang Z., Liu Y.</i> Institution vs. strategy: the determinant of development success or failure	45
<i>Tolkachev S.A.</i> World economic mode of the economic theory paradigm evolution	86
<i>Rozinsky I.A.</i> Mechanisms of Russia’s economic growth: “simple things economy” and the resonance effect	108
<i>Borokh O.N.</i> Participation of MSU professors in forming the system of economic education in the PRC.	127
<i>Khudokormov A.G.</i> Fyodor Yakovlevich Polyansky (1907–1982) as a historian of economic thought	148
<i>Drozdov V.V.</i> F.Ya. Polyansky as a historian of national economy	159

Interdisciplinary Studies

<i>Grigoryev L.M.</i> The world bids farewell to Utopias: time to reconsider development theories	176
<i>Balatsky E.V., Ekimova N.A.</i> Russia facing demographic challenges: threats and opportunities	206

World Economy Studies

<i>Garaeva A.S.</i> Green protectionism: political economy aspects	231
--	-----

Professor’s Tribune

<i>Mirzoyan A.G., Suslova I.P., Loktionova A.A., Siniakova E.S.</i> Years later: what helps to reap the benefits of economic education?	255
--	-----

Academic Life

<i>Nazarova I.A.</i> The development of the theory of industrial crises: the works of Russian economists of Moscow University	272
<i>Chaplygina I.G.</i> Moscow University in the world economic science (review of the international scientific conference).	297

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. А. Пороховский¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101.8

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-1

МАРКСИЗМ, МЕЙНСТРИМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

История политической экономики в России неразрывно связана с историей Московского университета, в котором в 1804 г. была образована кафедра политической экономики., когда еще не было ни марксизма, ни мейнстрима как ветвей классической политической экономики. Бурное развитие капитализма в XIX в. стало основой дальнейшего развития политической экономики и формирования неоклассического направления экономической теории, получившего впоследствии обобщенное название экономикс. В дальнейшем рыночные принципы экономики распространились по всему миру, что предопределило место экономикс как основы экономической науки и экономического образования, выделив его как мейнстрим. Однако несмотря на исторические зигзаги в развитии России кафедра политической экономики сохранила родовое название при одновременном преподавании и исследовании всех школ экономической теории, возникших в XIX–XXI вв. Этот подход соответствует одному из важнейших принципов МГУ — укреплять фундаментальность и системность университетского образования своих выпускников. Не умаляя значимость ни одной части современной общей экономической теории, в статье показано, что именно политическая экономия формирует фундаментальность и системность экономического знания, постоянно сохраняя связь с экономическим развитием и его проблемами, раскрывая ведущую роль человека и в цифровую интеллектуальную эпоху.

Ключевые слова: марксизм, политическая экономия, неоклассическая экономическая теория, экономикс, общая экономическая теория, экономическое образование.

Цитировать статью: Пороховский, А. А. (2025). Марксизм, мейнстрим и политическая экономия. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 3–14. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-1>.

¹ Пороховский Анатолий Александрович — д.э.н., профессор, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: porokhovskyya@my.msu.ru, ORCID: 0000-0001-5520-0550.

A. A. Porokhovskiy

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A12, A20, B14, P10

MARXISM, MAINSTREAM AND POLITICAL ECONOMY

The history of political economy in Russia is inextricably linked with the history of Moscow University, where the Department of Political Economy was established in 1804, when there was no yet either Marxism or mainstream as branches of classical political economy. Rapid development of capitalism in the 19th century became the basis for further development of political economy and the formation of neoclassical trend of economic theory, which further transformed into a generalized term 'economics'. In future, the market principles of economics spread throughout the world, which predetermined the place of economics as the basis of economic science and economic education, highlighting it as a mainstream. However, despite the historical zigzags in the development of Russia, the Department of Political Economy retained its generic name while simultaneously teaching and researching all the schools of economic theory that arose in the 19th–21st centuries. This approach is consistent with one of the most important principles of Moscow State University — to foster fundamental and consistent university education of its graduates. Without diminishing the importance of any part of modern general economic theory, the article shows that it is political economy that forms the fundamentality and consistency of economic knowledge, constantly maintains a connection with economic development and its problems, revealing the leading role of an individual in the digital intellectual age.

Keywords: marxism, political economy, neoclassical economic theory, economics, general economic theory, economic education.

To cite this document: Porokhovskiy, A. A. (2025). Marxism, mainstream and political economy. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 3–14. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-1>.

Введение

Политическая экономия имеет своим предметом экономические отношения людей, интересы которых отличаются не только большим разнообразием, глубоким взаимодействием и взаимозависимостью, но часто и конкурентным противостоянием. Вместе с тем экономические отношения во многом предопределяются уровнем развития промышленности и технологий, усложнением разделения труда, конкретными историческими условиями экономического и социального развития стран и регионов, национально-культурными и природно-географическими факторами. Иными словами, политическая экономия стремится через исследования отношений людей раскрыть суть развития экономики и общества, показать действие объективных экономических законов и правовых актов государств, влияющих на судьбы народов. Поэтому не только научное,

мировозренческое поле политической экономии во все времена сопровождалось порой жесткими дискуссиями и спорами, возникновением новых школ, программ и направлений, но и футурологическими предсказаниями будущего отдельных стран и человеческой цивилизации в целом.

220-летний исторический опыт работы кафедры в университете воочию свидетельствует об устойчивости и адаптивности как политической экономии, так и ее коллектива к изменяющейся среде в стране и образовании, к выбору национальной экономической модели России и ее политическому строю, к динамике и структуре мирового хозяйства (Пороховский, 2024а). Вместе с тем политическая экономия не только не уклонялась от вызовов рыночного развития, но и расширяла свою методологическую и предметную базу, предлагая теоретические и практические решения в разных исторических условиях при одновременной кооперации с неоклассической и другими новыми экономическими теориями (Рязанов, 2019; Пороховский, 2020).

Особый период в развитии политической экономии и общей экономической теории наступил с началом цифровой революции, когда практически одновременно изменяются как экономические отношения, так и технологическая база, государственные и общественные институты, переформируется глобализация, дополняющаяся стремлением стран, включая Россию, к национальным экономическим суверенитетам (Gilpin, 2001; Bradford, 2023; Пороховский, 2024в). Интеллектуальная собственность расширяет свое содержание и масштабы, одновременно мотивируя человека к новым открытиям и ограничивая их внедрение как общественных благ (Tiedrich et al., 2025). Обычным явлением становится использование генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) людьми, бизнесом, государством (Bick et al., 2025), что требует экономической и политико-экономической оценки этого процесса².

Поднятые выше проблемы нашли отражение в указанных в *Списке литературы* предшествующих публикациях автора. Это позволяет нам в статье остановиться на двух вопросах:

- древо экономической теории: современный ракурс;
- деловой прагматизм и политическая экономия.

Древо экономической теории: современный ракурс

Исторические аспекты современных явлений и научных учений в общественной сфере не могут дать их полную картину, но без них невозможно

² Farioli S., Caliste D., Federici M., Steffens T. Rewiring maintenance with gen AI. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/rewiring-maintenance-with-gen-ai?stcr=6356016B98A441A9BB825B8685A7D597&cid=other-eml-alt-mip-mck&hlkid=9662aacd34f5409ca53164508848e6e6&hctky=15946979&hdpid=3061f44a-ffda-40cb-94cb-473580a07ddb> (дата обращения: 22.02.2025).

раскрыть глубинные причины их возникновения, эволюции и развития. В полной мере такой подход относится к политической экономии и экономической теории вообще.

В связи с этим уместно упомянуть тот факт, что в центральном помещении кафедры экономикс Массачусетского технологического института (МТИ), которая дала немало лауреатов Нобелевской премии по экономике, в том числе первого американского лауреата профессора П. Самуэльсона в 1970 г., представлены портреты выдающихся ученых-экономистов А. Смита, К. Маркса, Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера и других, работы которых сохранили свою значимость и для современной экономической науки. Аналогичным образом к истории экономической мысли относится и кафедра политической экономии экономического факультета МГУ, которая после переезда в новое здание факультета в 2009 г. разместила на своей территории для общего обозрения 33 портрета известных во всем мире отечественных и зарубежных исследователей, начиная с М. В. Ломоносова, призывавшего в 1761 г. к обеспечению роста населения и экономики России. Понятное дело, что в обоих случаях демонстрируется не только уважение к личностям ученых, но и активное изучение и применение их богатого научного наследия.

В XVIII в. в Европе немало исследователей опубликовали свои работы по экономике. Однако первое систематическое исследование функционирования рыночного механизма в условиях мануфактурного капитализма отводится А. Смиту, который показал в своем произведении «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), состоящем из 5 книг, на базе разделения труда и трудовой теории стоимости всю совокупность отношений, влияющих на производство и распределение доходов предпринимателей, наемных работников, других граждан и всего королевства. Исходя из теории трудовой стоимости, он ввел деление труда на производительный и непроизводительный, фактически заложил основы анализа деления экономики на производство товаров и производство услуг. Не умаляя заслуг собственников капитала в организации и рационализации производства, А. Смит показал объективность экономических законов и специфику роли государства, которое имеет свои функциональные обязанности и права перед всем обществом, несет ответственность за социальный климат в стране (Пороховский, 2024в). Фактически была представлено системное видение национальной экономики и ее внешнеэкономических связей, дана характеристика политической экономии и ее первых систем.

Следует подчеркнуть, что по А. Смиту политическая экономия сосредоточена на экономических явлениях и процессах, вынося за скобки соперничество политиков. Не случайно поэтому считается, что А. Смит заложил древо экономической теории, крона которого продолжает обогащаться новыми ветвями политической экономии и других экономи-

ческих теорий. Примечательно, что упоминавшийся выше профессор МТИ П. Самуэльсон на внутренней стороне обложки своего ставшего всемирно известным учебника «Экономикс», выдержавшего более 20 изданий после первого выхода в 1948 г., размещал как раз свое видение *Древа экономической науки*, расширяющего свою крону по мере появления новых школ и программ.

Промышленная революция, машинное производство изменили рыночную экономику. Возникла возможность продолжить исследование капитализма на основе трудовой теории стоимости или на основе теории предельной полезности и предельной производительности факторов производства — капитала, труда и земли. Смитовское экономическое учение раздвоилось на марксистскую и неоклассическую ветви. Поскольку марксистский подход предполагает системное раскрытие социальной роли наемного труда и капитала наряду с развитием их содержания и форм в исторической перспективе, постольку он стал мишенью для критики и неприятия сторонниками неоклассики, предпочитающими методологический индивидуализм для анализа рыночного механизма при рациональном применении ограниченных ресурсов. Как известно, основные работы К. Маркса и основоположников неоклассики появились почти одновременно в начале второй половины XIX в. В этот же период впервые в европейской научной печати был использован термин *экономикс*, который активно стал использоваться после книг А. Маршалла и учебника П. Самуэльсона, теперь уже выражая неоклассический синтез микро- и макроанализа.

Со временем марксистское учение об экономике и обществе получило обобщенное выражение *марксизм*, в котором политическая экономия играет ключевую роль. «Капитал» К. Маркса заложил основу системной экономической теории, которая представила экономику как систему взаимосвязанных и субординированных явлений и категорий, где центральное место принадлежит человеку. Для политической экономии характерен также воспроизводственный подход, который означает, что экономика находится в движении и развитии, а это обуславливает развитие и теории экономики — политической экономии.

До образования СССР кафедра преподавала в университете политическую экономию, опирающуюся в основном на классические принципы, которые были заложены и в ее учебники (Пороховский, 2024а). Советская экономика нуждалась в теоретическом обосновании. Кафедра сумела подготовить свой «Курс политической экономии» в двух томах под редакцией профессора Н. А. Цаголова по капитализму и социализму на базе марксистской методологии. Учебник выдержал три издания. Широко использовался в советских вузах, был переведен на многие языки и получил известность в странах разных континентов. Советская политическая экономия оказалась одной из ветвей *на древе науки П. Самуэльсона*. Ме-

тодология и структура учебника до сих вызывает интерес среди преподавателей и исследователей.

Уже более 30 лет Россия совершенствует свою рыночную модель. Экономикс в виде разных предметов стал базовой дисциплиной в подготовке экономистов как на факультете, так и в других университетах России. Вместе с глобализацией мирового хозяйства неоклассическая теория повсеместно получила полное преимущество в научных исследованиях и журналах, в образовательной сфере и бизнес-образовании, превратилась в один из признаков глобализации. Своеобразным законодателем моды в этом процессе оказались США, откуда и стало распространяться выражение *мейнстрим*, главный смысл которого — это подтверждение господства неоклассики в экономической науке и деловой практике. Был сделан упор на количественные методы анализа с широким распространением математического моделирования. При таких обстоятельствах классическая политическая экономия не исчезла, так как никакая другая теория не заполнила ее научную нишу, но ее ветвь оказалась сильно подрубленной. Более того некоторые адепты экономикс не гнушались относить политическую экономию к маргинальным или радикальным течениям. Между тем эти две основные ветви экономической теории имеют тесную историческую и логическую связь, которая со временем только укрепляется (Татаркин, Барсенев, 2006).

Накопленный исторический опыт и научно-педагогический потенциал позволили кафедре активно включиться в разработку и чтение новых учебных курсов. Наряду с учебниками по микроэкономике и макроэкономике, экономике отраслевых рынков, кафедра предложила студентам курсы по сравнительному анализу экономических систем, экономике переходного периода, компаративистике, классическому институционализму, экономике России. По каждому курсу вышли научные работы и учебные пособия. Политическая экономия сохранилась как курс по выбору. При этом работа по политико-экономической тематике никогда не прекращалась. Получается, что если в этом случае вновь использовать образ *древо науки*, то кафедре политической экономии удалось на своем уровне и масштабе сохранить *древо экономической теории*.

Политическая экономия формирует также общественное видение экономики и ее перспектив для индивида, бизнеса и общества, обращает внимание на взаимосвязь частных и общественных интересов, условия их столкновений и гармонии. Примечательно, что в 1930 г. Дж. М. Кейнс представил свой прогноз развития капитализма на 100 лет для молодого поколения «Экономические возможности наших внуков» (Кейнс, 2009). Почти через 100 лет директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ) К. Георгиева в июне 2024 г. откликнулась на обращение Дж. М. Кейнса в условиях высокой турбулентности современной мировой экономики статьей «Экономические возможности для моих внуков», обра-

тив внимание на то, какие проблемы еще предстоит решить капитализму и мировому сообществу, чтобы не повторять трудности текущего периода (Георгиева, 2024). Причем нравственной стороне рыночного развития всегда придавалось важное значение в России. Еще в 1912 г. профессор Московского университета И. И. Янжул напомнил об этом предпринимателям и гражданам в своей работе «Экономическое значение честности. *Забытый фактор производства*». Опираясь на опыт разных стран, их культурные и национальные традиции, он показал, какую высокую роль в экономике и обществе играют доверие и элементарная порядочность, которые нередко сами по себе оптимизируют взаимосвязь частных и общественных интересов (Янжул, 2005). Широкое обсуждение и отклики в российском обществе вызвал коллективный труд отечественных экспертов о динамике общественного договора в России, когда уже стала оформляться национальная экономическая модель в условиях наступившей цифровой революции (Политическая..., 2010). Теперь стало известно, что новые современные технологии не снимают проблему доверия в обществе, еще более усложняют все взаимосвязи на различных уровнях.

Деловой прагматизм и политическая экономия

Развитие рыночной экономики постоянно дополняется разными аспектами. Поэтому как перед политической экономией, так и перед экономикс возникают вызовы теоретического и прикладного характера. Выше было показано, что рубежом событием для экономической теории в целом стала промышленная революция и ее последствия. Развитие форм и масштабов предпринимательства, появление новых рынков и отраслей, динамика социальной структуры общества и растущая взаимосвязь национальных экономик, вытекающая из международного разделения труда, — это лишь часть реальных процессов, расширяющих предметную область экономической теории и требующих совершенствования методов исследования и соответствующих практических рекомендаций, выработка которых стала опираться на междисциплинарный подход. Если промышленная революция изменила в основном характер физического труда, то информатизация и цифровые технологии по-новому определили роль и содержание умственного труда, что неизбежно сказалось как на наемном труде, так и на рынках труда и информации. И перед теорией трудовой стоимости, и перед теорией предельной полезности встали новые задачи. Процесс развивался настолько стремительно, что с 2000 г. в мировой статистике стали учитываться информатизация и цифровизация. Но и в этой динамике особую роль играет ИИ³. По-новому стали звучать

³ Calvin F., Samek L. How do different sectors engage with AI? URL: <https://www.oecd.org/en/blogs/2025/02/how-do-different-sectors-engage-with-ai.html?adestraproject=Sci->

и восприниматься традиционные стимулы и мотивация в рыночной экономике (Лаффон, 2008).

Тематика ИИ быстро переросла в вызовы и возможности генеративного ГИИ, претендующего на замену человека по многим направлениям (Bick et al., 2025; Calvino, Fontanelli, 2023). Исследуются вопросы влияния генеративного ГИИ на производительность труда в разных секторах занятости⁴. Еще продолжают исследования и внедрение цифровых технологий, но уже внимание многих ученых и практиков разных стран, включая Россию, приковано к нанотехнологиям, среди которых нельзя не отметить растущее практическое применение квантовой теории и создание квантовых компьютеров и других изделий, которые обладают особыми, ранее неизвестными свойствами, исключаящими, в частности, несанкционированное проникновение. Большая группа исследователей (174 соавтора) разных национальностей американской компании «Майкрософт» опубликовала итоги своей совместной работы по решению промежуточных проблем и перспективах квантового направления технологического прогресса⁵. Цифровая революция дополняется грядущей квантовой революцией, что оказывает существенное влияние на экономическое и социальное развитие.

В связи с этим следует обратить внимание на опыт КНР, сочетающий выдающиеся технологические достижения и гибкость общественных наук для обеспечения целей своего развития. Среди китайской модели экономической науки находят свое место как марксизм, так и экономикс, как работы К. Маркса, В. И. Ленина и китайских руководителей и ученых, так и исследования американских и европейских экономистов и известных людей из сферы бизнеса. Налицо деловой прагматизм, который не уступает, а по ряду направлений превосходит западный подход. Китайская экономическая рыночная модель не сковывает частную инициативу при сохранении стратегической роли государства, национальные интересы которого служат интересам всего китайского общества. Есть еще один аспект технологического прорыва в КНР — в стране поддерживается атмосфера, при которой новые технологии не сужают, а развивают способности человека, чтобы в любой обстановке, на любом рабочем месте он сохранял активность и креативность, понимал ответственность за свою судьбу и будущее страны. В определенном смысле можно

ence%252C%20Technology%20and%20Innovation&utm_campaign=STI%20News%2019%20February%20-%20Truth%20Ques (дата обращения: 20.02.2025).

⁴ Gambacorda L., Qiu H., Shan S., Rees D. M. Generative AI and labour productivity: a field experiment on coding // BIS Working Papers. 2024. No. 1208. September. URL: www.bis.org (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Interferometric single-shot parity measurement in InAs-Al hybrid devices // Nature. 2025. Vol. 638. 20 February. P. 651–655. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-024-08445-2?et rid=1105844553&et cid=5540989> (дата обращения: 24.02.2025).

говорить о китайском варианте экономикс и политической экономии. На *древе экономической науки* китайская ветвь стала пышной, дает новые ростки, сохраняя живой зеленый цвет во все времена года.

Концентрация экономикс на рыночных процессах оказалась недостаточной для анализа других сторон экономики, что обусловило возникновение уже в начале XX в. институциональной теории, которая раскрыла роль институтов при капитализме. В свою очередь классический институционализм получил развитие в новой институциональной теории, которая, с одной стороны, восприняла методологический индивидуализм мейнстрима, а с другой — внедрила правовые аспекты «правил игры», обеспечиваемых государством. Тем самым в экономической науке начали развиваться междисциплинарные исследования. Если экономикс сосредоточился на так называемых *экономических рынках*, то новый институционализм вошел в сферу политической жизни общества и занялся также экономическим анализом *политического рынка*. Тем самым сформировалась новая политическая экономия, которая не имеет прямой связи с классической политической экономией, самостоятельно развивающейся по мере развития экономических отношений на разных стадиях капитализма. Не случайно поэтому первые издания работ по новой политической экономии получили название *политический экономикс* (Person, Tabelini, 2000). В последующем подобные работы, касающиеся политической и экономической деятельности государства, влияния выборных процессов на деятельность институтов государства и общества, использовали просто сочетание *политическая экономия*, фактически рассматривая взаимодействие политики и экономики (Лаффон, 2008; Lancieri et al., 2022).

Привлечение к экономическому анализу психологических аспектов поведения человека способствовало рождению *поведенческой экономики*, а также *экономики счастья*. Стремление раскрыть экономическую роль конституции государства сформировало *конституционную экономику*. Появилось немало определений, связанных с термином «капитал» — человеческий капитал, социальный капитал, культурный капитал, политический капитал, сервисный капитал. Указанные определения демонстрируют в новых условиях прикладной характер экономикс, по-своему пополняя категориальный аппарат новой политической экономии. Можно сказать, что неоклассическая теория за время своего существования образовала свое собственное древо, которое не оставляет без ответа никакие вызовы рыночного развития, включая так называемые «провалы рынка».

Заключение

Капитализм XXI в. сохранил свои родовые генетические признаки. Вместе с тем у него возникло немало системных проблем, которые требуют системных решений. Среди них не терпят отлагательства вопросы,

вызванные бурным наступлением современных технологий, в основе большинства которых лежит цифровизация. Становится ясно, что ни одна экономическая теория сама по себе не может взять на себя ответственность за выработку единственно правильного всеобщего решения.

Политическая экономия отличается системным и воспроизводственным подходом к экономике. Неоклассическая теория и ее многочисленные ветви имеют склонность к прикладным решениям. Объединение возможностей всех частей современной общей экономической теории позволяет предложить обществу и государству пути развития национальной экономики и конфигурацию мировой экономики, учитывающей интересы всех стран. Возвращаясь к *древу экономической теории*, важно отметить, что если неоклассическая ветвь развивается путем активного включения междисциплинарного подхода, результатом которого стала в частности и новая политическая экономия, то национальные модели экономического развития в разной степени учитывают достижения как марксизма, так и неоклассики, о чем свидетельствует, к примеру, экономическая модель КНР. Процесс познания развития экономической теории и ее приложений набирает обороты.

В этом процессе первостепенная роль принадлежит экономическому образованию, которому следует отказаться от догм и штампов предшествующего периода, сосредоточившись на подготовке молодого поколения к системному видению экономического и социального развития. При этом современные технологии должны служить человеку, развивать его потенциал, чтобы преодолевать неизбежные барьеры физического и творческого роста индивида на всех этапах жизни.

Политическая экономия понимает свои преимущества и границы, никогда не стремилась преуменьшить роль неоклассической теории и других частей экономической теории и экономической науки. Мир настолько стал сложным, что всем экономическим школам найдется место и дело в науке и образовании. Именно такими принципами руководствуется кафедра политической экономии на протяжении своей двухвековой истории.

Список литературы

Георгиева, К. (2024). Экономические возможности для моих внуков. *Финансы и развитие*, июнь, 18–23. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/06/Economic-possibilities-for-my-grandchildren-Kristalina-Georgieva>.

Кейнс, Дж. М. (2009). Экономические возможности наших внуков. *Вопросы экономики*, 6, 60–67.

Лаффон, Ж.-Ж. (2008). *Стимулы и политэкономия*: пер. с англ. Н. В. Шиловой. 2-е изд. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 312 с.

Политическая экономия России: динамика общественного договора с 2000-х годов (2010). *Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор» 2000–2009*. Составитель А. А. Аузан и др. М., 720 с.

Пороховский, А. А. (2020). Еще раз о политической экономии как научной и учебной дисциплине (по поводу дебатлируемых аспектов проблемы). *Российский экономический журнал*, 5, 118–128. <https://doi.org/10.33983/0130-2020-5-118-128>.

Пороховский, А. А. (2024a). 220 лет на службе отечеству, экономической науке и образованию. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, 16(3), 161–174. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2024-16-3-161-174>.

Пороховский, А. А. (2024b). Значение «невидимой руки» А. Смита для развития экономической науки. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 39–49. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-3>.

Пороховский, А. А. (2024в). О судьбе марксизма в цифровую эпоху. *Вопросы политической экономии*, 4(40), 21–25. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14509266>.

Рязанов, В. Т. (2019). *Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза*. СПб.: Алетейя, 456 с.

Татаркин, А. И., & Барсенов, В. Л. (2006). Политическая экономия и еsonomics: особенное и общее. *Журнал экономической теории*, 4, 5–14.

Янжул, И. И. (2005). Экономическое значение честности (Забытый фактор производства). *Янжул И. И. Избранные труды*. М.: Наука, 402–420.

Bick, A., Blandin, A., & Deming, D. J. (2025). The rapid adoption of generative AI. *NBER Working paper 32966, February*, 34 p. <https://www.nber.org/papers/w32966>.

Bradford, A. (2023). *Digital Empires. The Global Battle to Regulate Technology*. New York: Oxford University Press, 624 p.

Calvino, F., & Fontanelli, L. (2023). A portrait of AI adopters across countries: Firm characteristics, assets' complementarities and productivity. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers, February*, 86 p. <https://dx.doi.org/10.1787/Ofb79bb9-en>.

Cohen, L., & Li, B. (2021). The Political Economy of Anti-Bribery Enforcement. *NBER Working paper 29624, December*, 71 p. <https://www.nber.org/papers/w29624>.

Gilpin R. (2001). *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton: Princeton University Press, X111 + 423 p.

Lancieri, F., Posner, E. A., & Zingales, L. (2022). The Political Economy of the Decline of Antitrust Enforcement in the United States. *NBER Working paper 30326, August*, 74 p. <https://www.nber.org/papers/w30326>.

Person, T., & Tabelini, G. (2000). *Political Economics: Explaining Economic Policy*. Cambridge, Mass., London, England: The MIT Press, XIX+533 p.

Tiedrich, L., Perset, S., & Fialho, S. (2025). Intellectual property issues in Artificial Intelligence trained on scraped data. *OECD Artificial Intelligence Papers*, 33. OECD Publishing, February, 49 p.

References

Georgieva, K. (2024). Economic opportunities for my grandchildren. *Finance & Development*, June, 18–23. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/06/Economic-possibilities-for-my-grandchildren-Kristalina-Georgieva>.

Keynes, J.M. (2009). The economic opportunities of our grandchildren. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 60–67.

Laffont, J.-J. (2008). *Incentives and Political Economy*. Translated from English by N. V. Shilova. 2nd ed. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 312 p.

Porokhovsky, A.A. (2020). Once again about political economy as a scientific and academic discipline (regarding the debated aspects of the problem). *Russian Economic Journal*. 5, 118–128. <https://doi.org/10.33983/0130-2020-5-118-128>.

Porokhovsky, A. A. (2024a). 220 years in the service of the Fatherland, economic science and education. *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*, 16(3), 161–174. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2024-16-3-161-174>.

Porokhovsky, A. A. (2024b) The significance of A. Smith's "invisible hand" in developing economic science. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 39–49. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-3>.

Porokhovsky, A. A. (2024v). The fate of Marxism in the digital age. *Problems in Political Economy*, 4(40), 21–25. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14509266>.

Ryazanov, V. T. (2019). *Modern Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist synthesis*. St. Petersburg: Aleteya, 456 p.

Tatarkin, A. I., & Barsenev, V. L. (2006). Political economy and economics: special and general. *Journal of Economic Theory*, 4, 5–14.

The Political Economy of Russia: the dynamics of the Social contract since the 2000s (2010). *Selected works of the Institute of the National project "Social Contract" 2000–2009*. Compiled by A. A. Auzan and others. M., 720 p.

Yanzhul, I. I. (2005). The economic importance of honesty (A forgotten factor of production). *Yanzhul I. I. Selected works*. Moscow: Nauka, 402–420.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. Т. Лисон¹

Университет Джорджа Мейсона (Фэрфакс, США)

УДК: 330.34, 330.35, 338.001.36, 338.1

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-2

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: УРОКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

Сравнительная историческая политическая экономия (Comparative historical political economy, CHPE – СИПЭ) использует аналитический подход к пониманию социальных явлений. Хотя ее применение далеко не всегда связано с вопросами развития, она часто генерирует идеи, имеющие отношение к экономике развития. Автор иллюстрирует подход СИПЭ к пониманию социальной практики с помощью примеров, которые, не будучи связаны с современным развитием, тем не менее дают уроки, имеющие к нему непосредственное отношение.

Ключевые слова: экономическое развитие, институты развития, теория экономического роста, экономика развития, экономическая история.

Цитировать статью: Лисон, П. Т. (2025). Сравнительная историческая политическая экономия: уроки для развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 15–27. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-2>.

P. T. Leeson

George Mason University (Fairfax, USA)

JEL: A13, B41, B53, K11, N90, O12, O17, O19, O43, O50, P50

COMPARATIVE HISTORICAL POLITICAL ECONOMY: LESSONS FOR DEVELOPMENT

Comparative historical political economy (CHPE) is an analytical approach to understanding social practices. That approach is not development specific, and many applications of it are not motivated by development questions. Despite that, such applications often generate development-pertinent insights. I illustrate CHPE's approach to understanding social practices using non-development applications that nevertheless furnish lessons relevant for contemporary development.

¹ Лисон Питер Т. — профессор экономики и права имени Дункана Блэка, Университет Джорджа Мейсона; e-mail: PLeeson@gmu.edu.

Keywords: economic development, development institutions, theory of economic growth, development economics, economic history.

To cite this document: Leeson, P. T. (2025). Comparative historical political economy: lessons for development. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 15–27. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-2>.

Введение

Сравнительная историческая политическая экономия (*СИПЭ*) использует аналитический подход к пониманию социальной практики, экономическое обоснование которой часто скрыто от глаз. Этот подход не является специфическим для развития, и его применение мотивировано не вопросами развития, но скорее стремлением к пониманию социальных практик, которые на первый взгляд не имеют экономического обоснования. Тем не менее применение *СИПЭ* к таким явлениям часто дает важные для развития идеи.

Объясняется это двумя причинами. Во-первых, объектами исследования *СИПЭ* — социальными практиками — являются институты, которые формируют развитие (Смит, 2007; Мизес, 2024; Хайек, 2018; La Porta et al., 2008; Аджемоглу, Робинсон., 2016). Во-вторых, определяющие элементы *СИПЭ* — политической экономии в историческом и сравнительном контексте — идеально подходят для генерации знаний, полезных для размышлений о развитии (Voettke et al., 2013).

В этой статье иллюстрируется подход *СИПЭ* к пониманию социальных институтов в части, не связанной с развитием, но дающей уроки, имеющие отношение к современному развитию. Примеры, которые я рассматриваю, довольно эклектичны; они взяты из моей собственной работы о ритуальном человеческом жертвоприношении в Индии XIX в., об ордалиях в средневековой Европе и об организации карибских пиратов начала XVIII в.

Таких основных уроков три. Во-первых, опасно судить о социальных практиках по их «обложкам» и, таким образом, стремиться к искоренению тех из них, которые, как кажется, мешают развитию в наименее развитых странах (НРС). Во-вторых, социальные практики являются адаптацией к ограничениям, с которыми сталкиваются общества, и эти практики помогают ими управлять. Для многих НРС эти ограничения включают ультралиберальное и неэффективное правительство. Наконец, эффективность социальных практик может быть разумно оценена только в рамках ограничений, определяющих возможности управления. Следовательно, значительно более высокие результаты развития стран, имеющих высокофункциональные структуры управления, не свидетельствуют о «неэффективности» неформального управления в НРС.

Политико-экономический аспект *СИПЭ*

Сравнительная историческая экономия является также политико-экономической, поскольку она анализирует социальные практики. Такие практики управляют межличностным поведением, соответственно *СИПЭ* изучает институты управления. Она основывается на том, что наблюдаемые социальные практики являются социально продуктивными, в противном случае мы бы их не наблюдали. Однако часто их социально продуктивный характер скрыт от глаз, как и тот факт, что они выполняют функцию управления. *СИПЭ* восстанавливает этот характер и функцию, выявляя информацию и/или стимулы, создаваемые для людей, управляемых социальными практиками.

В качестве иллюстрации рассмотрим практику ритуальных человеческих жертвоприношений среди кондов (племенных объединений) Ориссы, Индия (Leeson, 2014). В XIX в. британские колонизаторы столкнулись с кондами, состоявшими из нескольких сотен тысяч человек, которые были разделены на многочисленные общины. Британцы были шокированы и напуганы, обнаружив, что эти общины регулярно покупали людей, а затем ритуально рубили их на куски на шумных многодневных вечеринках, которые посещали члены соседних общин. Жертвоприношения приносились, чтобы умиловить злобную богиню земли, которая требовала крови купленных жертв.

Далеко не очевидно, что ужасная практика кондов содержала что-то кроме кровавого варварства. Конечно, британцы считали ее именно диким варварством; такое отношение к ритуальным человеческим жертвоприношениям сегодня свойственно практически всем людям. Однако, если учесть стимулы и информацию, генерируемую практикой кондов, становится видна выполняемая ею функция управления и ее социальная продуктивность.

Общество кондов было примитивным, сельскохозяйственным, анархичным. Это означало, что, с одной стороны, состояние данной общины кондов в любой год зависело от капризного климата, а с другой, что у них не было органа управления, который мог бы обеспечить соблюдение прав собственности между общинами. Такое сочетание факторов побуждало те общины кондов, у которых был плохой сельскохозяйственный год, жестоко грабить соседние общины, у которых был хороший сельскохозяйственный год, и, таким образом, угрожало частыми, эндемичными и очень дорогостоящими войнами в стране кондов.

Ритуал человеческих жертвоприношений кондов был решением этой проблемы управления и средством защиты имущественных прав каждой общины от всех других. Обменивая ценное имущество на людей, а затем убивая их, община уничтожала часть своего богатства. Это делало общину непривлекательной целью для грабежа, отбивая стимул к соседским на-

падениям, тем самым защищая оставшееся богатство общины, приносящей жертвы, от таких угроз. Хотя уничтожение богатства, конечно, дорого обходилось общинам, приносящим жертвы, война с их соседями обходилась еще дороже. Таким образом, чистый эффект ритуальных человеческих жертвоприношений заключался в увеличении, а не уменьшении общественного богатства. Несмотря на внешние формы, практика кондов обеспечивала межобщинное управление и была социально продуктивной.

Общины кондов использовали ритуальные человеческие жертвоприношения в качестве средства уничтожения богатства, и, следовательно, для создания стимулов, которые защитили бы их права собственности, потому что такие жертвоприношения имели свойство генерировать информацию: ритуальное человеческое жертвоприношение является превосходным общественным маркером уничтожения богатства. В отличие от сжигания большого объема урожая, человеческое жертвоприношение является зрелищным, вести об этом уничтожении богатства жертвующего сообщества распространяются на большие расстояния. Поэтому потенциальные нападающие, которые не наблюдали уничтожения напрямую, тем не менее узнавали о нем. Кроме того, в отличие от сжигания урожая, которое можно подделать, чтобы казалось, что уничтожается больше богатства, чем на самом деле, жертвоприношение живого человека подделать практически невозможно. Поэтому потенциальные нападающие могли быть уверены, что уничтоженное богатство на самом деле было уничтожено, и, таким образом, война с разрушающим сообществом не будет прибыльной. Чтобы побудить отдельных членов такого сообщества вносить богатство для уничтожения, человеческое жертвоприношение было представлено как религиозное обязательство — необходимость умиловить разгневанную богиню земли.

Мой анализ ритуальных жертвоприношений среди кондов в рамках *СИПЭ* позволяет извлечь два урока, имеющих отношение к современному развитию. Во-первых, опасно судить о социальных практиках в НРС по их внешней форме. Многие из таких практик кажутся в лучшем случае расточительными, и поэтому благодетельные «развиватели» стремятся их искоренить. Но, как показывает ритуальное человеческое жертвоприношение среди кондов, внешность может быть обманчивой. Непонимание функции управления наблюдаемой социальной практики не означает, что этой функции нет, а значит, простое искоренение грозит созданием «дыры в управлении». Таким образом, усилия по искоренению «варварских практик» в НРС могут способствовать проблемам развития этих стран, а не облегчать их.

Во-вторых, хотя необходимость отвечать за действия по вмешательству в устоявшиеся социальные практики часто их останавливает, это не означает, что такие действия никогда не дают полезных результатов. Случай с кондами является иллюстрацией. Британцы стремились цивилизовать

кондов, для чего они изначально пробовали два подхода: угрожать кондам жестоким наказанием, если они не откажутся от ритуальных человеческих жертвоприношений, и просвещать их о варварстве этой практики и ложности их веры в богиню земли, которая требовала крови купленных жертв. Ни один из подходов не сработал. И если бы какой-то из них сработал, конды в результате оказались бы в худшем положении. Поскольку без ритуальных человеческих жертвоприношений для защиты прав общинной собственности войны между общинами происходили бы чаще, что приводило бы к большему количеству смертей, а не к меньшему.

Однако в конце концов один британский офицер придумал тактику, которая оказалась эффективной. Офицер не понимал, что ритуальное человеческое жертвоприношение было решением кондов проблемы управления, созданной отсутствием надобщинного органа, обеспечивающего права собственности сообщества, но он понимал, что отсутствие такого органа создает проблему для кондов. Таким образом, офицер предложил кондам услуги британцев в этом качестве, если те прекратят приносить в жертву людей. Конды приняли это предложение, потому что предоставленное британскими властями решение проблемы управления было лучше ритуального человеческого жертвоприношения: британское обеспечение прав собственности сообщества было дешевле для кондов, чем уничтожение их богатства для обеспечения этих прав.

Последствия этого эпизода для развития очевидны. От устоявшихся социальных практик действительно можно с выгодой отказаться, причем очень быстро, но только в том случае, если появятся более совершенные заменители функций управления, которые эти практики выполняют. Более того, хотя внешнее вмешательство может в принципе способствовать такому замещению, на практике оно скорее нанесет ущерб развитию, поскольку те, кто его осуществляет, редко понимают, какую функцию управления фактически выполняет традиционная практика, предназначенная ими к устранению. Они часто вообще не понимают, что она выполняет какую-либо продуктивную функцию управления.

Исторический аспект сравнительной исторической политэкономии

СИПЭ является исторической, поскольку анализирует исторические социальные практики (или исторические корни их современных аналогов). Такие практики моделируются как решения конкретных проблем управления в условиях существующих ограничений. Таким образом, в дополнение к выявлению стимулов и/или информации, которые такие практики создают для лиц, которыми они управляют, *СИПЭ* определяет ограничения, с которыми сталкиваются эти лица, и которые порождают практики, используемые ими для управления.

В качестве иллюстрации рассмотрим средневековую практику ордалии, или суда через испытание (Leeson, 2012). Хорошо известно, что многие общества в христианском мире решали вопрос о виновности или невиновности обвиняемых преступников, прося их опустить руки в котел с кипящей водой, чтобы вытащить кольцо. Если рука обвиняемого, по свидетельству священника, проводившего испытание, была обожжена, обвиняемый признавался виновным. Если его рука оставалась невредимой, он оправдывался как невиновный. Согласно вере, на которой основывалась эта практика, Бог позволял кипящей воде обжечь виновных, чтобы доказать их вину, и совершал чудо, которое не позволяло воде обжечь невиновных, чтобы доказать их невиновность.

Ключ к пониманию социальной действенности суда через испытание заключается в понимании стимулов и информации, которые он создавал для управляемых людей, в то время как ограничения, с которыми сталкивались средневековые европейские системы правосудия при установлении фактов, объясняют, почему эти системы правосудия полагались на испытания, чтобы установить факты, а не на методы, которые считаются общепринятыми в нашем благополучном мире. Сначала мы обсудим стимулы и информацию, которые создавал суд через испытание, а затем ограничения, его породившие.

Стимулы и информация, которые создавались посредством ордалии, и то, как они способствовали уголовному правосудию, становятся очевидны, стоит только указать на них. В зависимости от веры, на которой основывалась ордалия, сама процедура побуждала виновных отказываться от испытаний, поскольку обвиняемые, которые были виновны, ожидали, что Бог позволит воде обжечь их, и в результате они будут осуждены. В то же время процедура испытания побуждала невиновных подвергаться испытаниям, поскольку обвиняемые, которые были невиновны, ожидали, что Бог не даст воде обжечь их, что приведет к их оправданию. Результатом стимулов, созданных испытанием, была, таким образом, криминальная самосортировка. Эта самосортировка, в свою очередь, давала точную информацию о том, какие обвиняемые были виновны, а какие невиновны: только последние, напомним, имели стимул пройти испытание. На основе этой информации виновные могли быть наказаны любым наказанием, которое выбрала бы система правосудия, в то время как невиновные могли быть оправданы благодаря тому, что «кипящая» вода на самом деле не кипела. Данные, полученные в ходе испытаний, свидетельствуют о том, что именно это и происходило на самом деле: подавляющее большинство обвиняемых, окунувших руки в «кипящую» воду, чудесным образом остались невредимы и, таким образом, были оправданы.

Ограничения на установление фактов в средневековом христианском мире, которые привели к зависимости уголовного правосудия от таких испытаний, столь же очевидны. С одной стороны, в средневековой Европе

не было технологий сбора доказательств, которые современные европейские и другие развитые страны используют для установления фактов, например, видео, снятие отпечатков пальцев, сохранение места преступления и анализ ДНК. Более того, в прошлом даже очевидцы были редки, поскольку преступления часто совершались ночью, и не было уличных фонарей, чтобы их освещать. С другой стороны, в средневековых христианских обществах было то, чего не хватает их современным аналогам: широко распространенная вера в то, что Бог участвует в судебных делах, если Его земные представители — священники — правильно призывают его на помощь. Эта вера была основой *Iudicium Dei*: суеверия, на котором основывался суд через испытание. Таким образом, хотя ограничения, с которыми сталкивались средневековые европейские системы правосудия, исключали возможность использования того, что сейчас считается общепринятыми предпосылками установления фактов в уголовном процессе, они позволяли этим системам правосудия полагаться на суеверие, которое, как сказано выше, тем не менее делало ордалию эффективным средством установления фактов.

Возможно, это покажется удивительным, но в контексте сравнительной исторической политэкономии мой анализ средневекового суда через ордалию дает важный урок для современного развития: социальные практики являются адаптациями к ограничениям, с которыми сталкиваются общества, и для управления которыми они используются. Значимость таких уроков для понимания роли традиционных социальных практик в обеспечении управления в НРС станет еще очевиднее, если рассмотреть ситуацию в современной Либерии, где ордалия широко используется в уголовном суде (Leeson, Coyne, 2012).

В сельской местности (а это большая часть страны) обвиняемых преступников просят выпить ядовитую смесь, чтобы определить их виновность или невиновность (Leeson, Coyne, 2012). Это испытание называется «сассивуд», по названию дерева сассивуд, из коры которого извлекается яд в смеси. Согласно распространенному либерийскому поверью, в смеси обитает дух — детектор лжи: он отравляет виновного, который ее выпивает, тем самым доказывая его вину, и заставляет невиновного, который ее выпивает, извергать смесь, тем самым доказывая его невиновность.

Экономическая логика либерийского сассивуда та же, что и у его средневекового европейского аналога: обусловленный верой в эффект испытания, сассивуд способствует точной криминальной самосортировке и, таким образом, уголовному правосудию. При этом, подобно тому, как ограничения, существовавшие в христианском мире до XIII в., привели к зависимости уголовного правосудия от практики ордалий, аналогичные ограничения в современной Либерии объясняют зависимость ее общества от суда через испытание.

Либерия — это очень бедная страна. Все ее правители и чиновники тесно связаны между собой, правительство в высшей степени коррумпировано и в целом недееспособно. Таким образом, обычные для современных развитых стран средства установления фактов в Либерии, как правило, недоступны. Более того, даже когда эти средства имеются, они находятся в руках государственных чиновников, которые часто продажны. При таких обстоятельствах государственное уголовное правосудие: а) недоступно многим и б) по большей части осуществляется в пользу политически «своих» или тех, кто может предложить достаточно привлекательные взятки. Однако есть в Либерии и такое, чего не хватает развитым странам, — это распространенное суеверие, согласно которому духи — детекторы лжи обитают в правильно составленной смеси, сделанной из коры дерева сассивуд. Таким образом, либерийский суд через испытание отражает институциональную адаптацию, способствующую уголовному правосудию при нехватке эффективных государственных институтов этого правосудия. Следовательно, сассивуд не только не сдерживает развитие Либерии, по крайней мере, в сельских районах страны, но и поддерживает возникающее там ограниченное развитие.

Сравнительный аспект СИПЭ

Наша историческая политэкономия является сравнительной в том смысле, что она анализирует социальные практики с точки зрения их способности быть альтернативными способами управления. Успех или неудача таких практик в решении управленческих проблем оценивается в свете ограничений, с которыми сталкиваются люди, ими управляемые.

В качестве иллюстрации рассмотрим практику управления карибскими пиратами начала XVIII в. (Лисон, 2023). Пираты были преступниками, которые зарабатывали на жизнь грабежом торговых судов. Они работали в командах, в среднем состоявших из 80 человек, живших вместе на судне в море в течение длительных периодов времени. Таким образом, карибское пиратское судно было одновременно и преступной фирмой, и миниатюрным плавучим преступным сообществом. Успех пиратского предприятия требовал гармонии на пиратском корабле: люди, приверженные воровству и насилию как образу жизни, должны были избегать воровства и жестокого поведения по отношению друг к другу. Поскольку они были вне закона, пираты не могли полагаться на государственные институты для поддержания необходимого порядка.

Проблема управления пиратами на самом деле была еще более сложной. Некоторые ситуации на пиратском судне, например, когда судно должно преследовать другой корабль или убегать от него, маневрировать при приближении к добыче и давать залп, требовали мгновенного принятия решений и единоличных указаний. Пират, имеющий право прини-

мать такие решения от имени всей команды, был незаменим. Другие важные решения на пиратском судне были менее чувствительны ко времени, но также выигрывали от наличия пирата-начальника. Например, провизия, абсолютно необходимая для людей, проводивших месяцы в море, должна была нормироваться и распределяться. Кто-то должен был делить добычу между членами команды. В случае появления правил, регулирующих поведение членов команды, пиратам потребовался бы орган, обеспечивающий их выполнение. Член команды, наделенный полномочиями в отношении таких задач, мог бы злоупотреблять своей властью, используя ее против других членов команды для личной выгоды. Последствия злоупотреблений офицеров были для пиратов отнюдь не гипотетическими: многие из них ранее плавали на торговых судах, капитаны которых обманывали их с оплатой, отнимали у них провизию и использовали дисциплинарную власть для сведения личных счетов. Если бы пираты на своих кораблях не получали возможность контролировать командиров, обладавших полномочиями принимать аналогичные решения, им не стоило бы объединять усилия для пиратства.

Пираты решили свои проблемы управления, предвосхитив основы американского правительства — конституционную демократию и разделение властей — за полвека до написания «Записок Федералиста». Пираты разделили власть на своих кораблях между двумя главными офицерами: капитаном и квартирмейстером. Один отдавал команды в ходе сражения, руководя преследованием и захватом добычи. Другой осуществлял командование в остальное время: квартирмейстер отвечал за распределение продовольствия, оплату и соблюдение пиратских законов членами команды. Такое разделение полномочий сделало офицеров элементами системы «сдержек и противовесов». Однако высшей инстанцией, оценивающей употребление или злоупотребление ими власти, была команда в целом: пираты «всенародно» избирали и смещали как своих капитанов, так и квартирмейстеров. Если капитан или квартирмейстер выходил за рамки его полномочий, как их толковал коллектив пиратов, он смещался со своей должности, и на его место избирался другой член команды.

Чтобы четко определить ограничения, тем самым дав возможность членам экипажа координировать действия в случае пресечения зон ответственности, и утвердить законы, которые, согласно желанию членов экипажа, квартирмейстеры должны применять для поддержания порядка на борту, пиратские экипажи закрепили их в письменных конституциях. Перед вступлением в команду ее потенциальные члены должны были такую конституцию единогласно принять. Пиратские конституции предусматривали демократию как правило коллективного принятия решений экипажем; устанавливали правила, запрещающие воровство и насилие; определяли условия, регулирующие компенсации членам экипажа, в том числе страхование травм, полученных «на работе», регулировали виды

деятельности, которые могли иметь негативные последствия для других членов экипажа, такие как употребление алкоголя и курение, устанавливали наказания за нарушения закона.

Примечательной особенностью управления пиратами является его резкий контраст с управлением торговыми (и военными) судами, с которых пришло большинство пиратов. Практика управления торговыми судами была автократической. Безраздельная власть находилась в руках капитана, в выборе которого члены экипажа не имели права голоса, и чья должность на время плавания была постоянной, а власть над членами экипажа неограниченной. Капитан торгового судна мог удерживать зарплату членов экипажа, задержать их продовольствие, изменить условия их контрактов и был юридически уполномочен физически наказывать членов экипажа, если, по его мнению, они переступали черту. Неудивительно, что капитаны торговых судов часто злоупотребляли этими полномочиями в личных целях.

Причина автократии торгового флота кроется в ограничениях, с которыми сталкивались торговые грузоотправители. Они имели дело с классической проблемой «владелец — экипаж — принципал — агент». Торговые суда и их грузы финансировались внешними финансистами — богатыми сухопутными крысами, которые инвестировали в коммерческие рейсы. Поскольку владельцы торговых судов не плавали на судах, в которые инвестировали, во время плавания их ценные суда и грузы были вне их поля зрения или досягаемости. Такая ситуация провоцировала оппортунизм моряков, а именно кражу грузов, уклонение от работы или даже побег вместе с судном. Чтобы противодействовать такому оппортунизму, владельцы торговых судов давали капитанам небольшие доли в своих судах и наделяли их автократическими полномочиями контролировать моряков, а также наказывать тех, которые действовали не в их интересах, как финансово, так и физически.

Капитан, не имеющий полной власти над своей командой, не мог успешно следить за поведением моряков и контролировать его. Уменьшение полномочий капитана в отношении продовольствия, выплат, трудовых заданий или дисциплины и передача их в руки другого моряка, попутно означало, что его капитанские полномочия заставлять моряков вести себя в интересах отсутствующих владельцев также уменьшились. Аналогично, если бы владельцы торговых судов не назначали своих капитанов постоянными командирами, а вместо этого позволяли бы матросам судна всенародно смещать капитана и по своему желанию выбирать другого члена команды на эту должность, то полномочия капитана как исполняющего обязанности управляющего в отсутствие владельцев судна прекратили бы свое существование. Для лучшего понимания рассмотрим, какого капитана выбрали бы моряки торгового флота, если бы им дали возможность выбирать его демократическим путем. Интересам моряков лучше всего отвечал бы либеральный, нестрогий капитан, позволяющий им делать все,

что за благорассудится, т.е., тип капитана, совершенно противоположный тому, который в наибольшей степени отвечал бы интересам владельцев.

Таким образом, на торговом судне автократия была необходима для решения проблемы принципал — агент (владелец — экипаж). И она была эффективна в решении этой проблемы управления. Хотя некоторые моряки все же умудрялись воровать с кораблей, на которых они плавали, не подчиняться приказам и в ряде случаев устраивать мятежи и скрываться с чужим судном, это были достаточно редкие исключения из общего правила, согласно которому торговые моряки под руководством автократических капитанов служили интересам отсутствующих владельцев судна. Такая практика управления торговыми судами давала капитану возможность выбора: капитаны могли действовать в собственных интересах и многие делали это, как часто жаловались торговые моряки, за их счет.

Причина, по которой пираты использовали совершенно иные практики управления, состояла в том, что ограничения, с которыми сталкивались пираты, были совершенно иными. У пиратов не было проблемы принципал — агент (владелец — экипаж) просто потому, что пираты свои корабли угоняли. На пиратских кораблях члены экипажа были и владельцами, и служащими — и принципами, и агентами. Следовательно, пиратам не требовались авторитарные капитаны, чтобы противостоять оппортунизму членов экипажа. Им по-прежнему нужны были лидеры, которые могли бы командовать во время битвы и применять правила, предотвращающие конфликты между членами экипажа. Но при отсутствии расхождений между интересами принципала и агента пираты могли демократически избирать своих лидеров и делить полномочия между ними, не будучи вынуждены учитывать возможность выбора, с которым сталкивались торговые суда. Для пиратов ограничение личной выгоды капитана было «бесплатным». Следовательно, практика управления пиратскими судами основывалась на конституционализме, демократии и разделении властей.

Мой анализ пиратского управления с помощью сравнительной исторической политической экономии дает урок для современного развития: эффективность социальных практик может быть разумно оценена только в рамках ограничений, которые определяют возможности управления, и, наоборот, она не может быть разумно оценена, если возможности управления рассматриваются в контексте ограничений, не оказывающих на них существенного влияния. Чтобы оценить важность этого урока, рассмотрим случай Сомали.

Сомали входит в число беднейших стран мира. Ее центральное правительство рухнуло в 1991 г., потом в течение ряда лет государство фактически отсутствовало, и, следовательно, управление осуществлялось неформальными институтами. Из этих фактов многими делается вывод, что «безгосударственные» институты управления в Сомали «неэффективны». Однако этот вывод неверен по той же причине, по которой неправильно

утверждать, что практика управления торговыми судами была неэффективной в свете достижений пиратов. Правильный вывод предполагает общие ограничения, тогда как на самом деле наборы возможностей управления различаются.

История Сомали до возникновения государства состояла из десятилетий существования крайне хищнического и неэффективного правительства. Следовательно, именно такое правительство, а не то, которое присуще богатому западному миру, было альтернативой неформальным институтам управления для Сомали. И сравнивать развитие Сомали в условиях анархии нужно не с развитием той части мира, которая управляется высокофункциональными государствами, а с развитием Сомали при крайне низкофункциональном правительстве, которое предшествовало сомалийской анархии.

Если провести это сравнение вместо неуместного сравнения с высокофункциональными западными государствами, то предполагаемая неэффективность неформальных институтов управления Сомали исчезнет. А именно: в условиях анархии развитие Сомали улучшилось (Лисон, 2023). Это говорит о том, что хищное и не выполняющее государственных функций правительство хуже для развития, чем отсутствие всякого правительства. Конечно, результаты всегда были бы лучше, если бы ограничения были менее жесткими. Это верно, рассматриваем ли мы современный Сомали или торговые суда XVIII в. Эффективность, однако, означает, что работа выполняется наилучшим образом при фактически существующих ограничениях, а вовсе не при менее серьезных ограничениях, с которыми сталкиваются другие.

Заключение

Сравнительная историческая политическая экономия применяет аналитический подход к пониманию социальных практик, экономические причины возникновения которых часто скрыты, а *СИПЭ* помогает их найти. Они могут не иметь отношения к развитию как таковому, но полученные в результате знания важны, поскольку *СИПЭ* фокусируется на институтах, которые определяют развитие, и составные элементы *СИПЭ* идеально подходят для изучения вопросов, связанных с развитием.

В данной работе проиллюстрирован подход *СИПЭ* к пониманию социальных институтов на примерах, не связанных с развитием. Это ритуальные человеческие жертвоприношения в Индии XIX в., средневековые европейские ордалии и особенности управления карибскими пиратами в начале XVIII в. Несмотря на отсутствие связи с развитием как таковым, эти примеры дают уроки, актуальные для современного развития.

Основных уроков три. Во-первых, опасно судить о социальных практиках по их внешней форме и, следовательно, стремиться к искоренению

тех, которые, по всей видимости, препятствуют развитию менее развитых стран. Во-вторых, социальные практики представляют собой адаптацию к ограничениям, с которыми сталкиваются управляемые ими общества. В наименее развитых странах это крайне хищническое и неэффективное государственное управление. Наконец, эффективность социальных практик можно разумно оценить только в рамках ограничений, определяющих возможности управления. Следовательно, значительно более высокие результаты развития стран, управляемых высокофункциональными государствами, не свидетельствуют о «неэффективности» неформального управления в менее развитых странах.

Список литературы

- Аджемоглу, Д., & Робинсон, Дж. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.
- Лисон, П. Т. (2023). *Невидимый крюк. Скрытая экономика пиратов*. М.: Дело.
- Мизес, Л. (2024). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. М.: Социум.
- Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Хайек, Ф. А. (2018). *Конституция свободы*. М.: Новое издательство.
- Boettke, P. J., Coyne, C. J., & Leeson, P. T. (2013). Comparative historical political economy. *Journal of Institutional Economics*, 9(3), 285–301. <https://doi.org/10.1017/S1744137413000088>.
- La Porta, R., Florencio, L., & Shleifer, A. (2008). The Economic Consequences of Legal Origins. *Journal of Economic Literature*, 46(2), 285–332. <https://doi.org/10.1257/jel.46.2.285>.
- Leeson, P. T. (2012). Ordeals. *Journal of Law and Economics*, 55, 691–714. <https://doi.org/10.1086/664010>.
- Leeson, P. T. (2014). Human Sacrifice. *Review of Behavioral Economics*, 1, 137–165. <https://doi.org/10.1561/105.00000007>.
- Leeson, P. T., & Coyne, C. J. (2012). Sassywood. *Journal of Comparative Economics*, 40, 608–620. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2012.02.002>.

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J. (2016). *Why Countries Are Rich and Others Poor: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. М.: AST Publishing House.
- Hayek, F. A. (2018). *The Constitution of Liberty*. М.: Novoe izdatelstvo Publishing House.
- Leeson, P. T. (2023). *The Invisible Hook: The Hidden Economy of Pirates*. М.: Delo Publishing House.
- Mises, L. (2024). *Human Action: A Treatise on Economic Theory*. М.: Socium Publishing House.
- Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. М.: Eksmo Publishing House.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. А. Ореховский¹

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.88

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-3

НОВАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ОТ «ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ» К «ГОСУДАРСТВУ СОЦИАЛЬНОГО АПАРТЕИДА»

Переход к экономической политике высоких налогов, больших государственных расходов, связанных со строительством инфраструктуры и осуществлением социальных программ, означает построение «государства благосостояния». Внедрение достижений научно-технической революции наряду с экзогенными шоками 1970-х гг. (энергетическим кризисом и распадом Бреттон-Вудской системы) привело к экономическому краху государства благосостояния. В большинстве богатых стран произошел переход к неолиберализму, который сопровождался фрагментацией и сокращением удельного веса среднего класса. Эти процессы привели к замене устойчивого демократического большинства на ситуационные коалиции меньшинств, которые образуются по наиболее важным политическим вопросам. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. интерпретируется многими экономистами как крах экономической политики неолиберализма. Однако, в отличие от кризиса 1970-х гг., вызвавшего отказ от государства благосостояния, и кризиса 1989–1992 гг., вызвавшего отказ от марксизма в большинстве бывших социалистических стран, отказа от неолиберализма не произошло. Критика неолиберализма стала респектабельной, власти перестали использовать прежнюю риторику, однако в экономической политике большинства стран внешне все остается по-прежнему. Вместе с тем целый ряд феноменов в современной экономике заставляет предположить, что многое меняется, однако экономисты не могут этого заметить в силу эффекта «слепого пятна». В XXI в. разворачиваются процессы сегрегации. Расизм, основанный на биологических признаках, считается аморальным. Однако практики социального расизма, которые ведут к резкому замедлению как вертикальной, так и горизонтальной мобильности, заодно ускоряя процессы социальной дифференциации общества, негласно одобряются многими социальными группами. Новая политическая экономия — дисциплина, которая позволяет охарактеризовать и проанализировать эти процессы. Практики социальной сегрегации становятся все шире, но в экономическом мейнстриме, как и в официальном политическом дискурсе, их не существует.

¹ Ореховский Петр Александрович — д.э.н., профессор, г.н.с., зав. сектором Философии и методологии экономической науки, Институт экономики РАН; e-mail: orekhovskypa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1298.

© Ореховский Петр Александрович, 2025

Ключевые слова: научно-техническая революция, государство диктатуры пролетариата, государство благосостояния, неолиберализм, социальный расизм, политико-экономические дискурсы, новая политэкономия.

Цитировать статью: Ореховский, П. А. (2025). Новая политэкономия: от «государства благосостояния» к «государству социального апартеида». *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 28—44. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-3>.

P. A. Orekhovskiy

Institute of economics of RAS (Moscow, Russia)

JEL: B41, H00, H40

NEW POLITICAL ECONOMY: FROM THE “WELFARE STATE” TO THE “SOCIAL APARTHEID STATE”

The transition to an economic policy of high taxes, large government expenditures related to developing infrastructure and implementing social programs means the construction of a “welfare state”. Tax cuts, market liberalization, and the privatization of part of the public sector are usually associated with the neoliberal state. Achievements of scientific and technological revolution, together with exogenous shocks of the 1970s (energy crisis and the collapse of the Bretton Woods system), led to the economic collapse of the welfare state. Most rich countries have undergone a transition to neoliberalism, accompanied by fragmentation and reduction in the share of the middle class. These processes have led to the replacement of stable democratic majorities with situational coalitions of minorities formed on most important political issues. The global 2008–2009 financial crisis is interpreted by many economists as a collapse of neoliberal economic policy. However, unlike the crisis of the 1970s, which led to the rejection of the welfare state, and the crisis of 1989–1992, which led to the rejection of Marxism in most former socialist countries, neoliberalism has not been rejected. Criticism of neoliberalism has become respectable, the authorities have stopped using the old rhetoric, but in the economic policy of most countries everything remains outwardly the same. At the same time, a number of phenomena in the modern economy suggest that much is changing, but economists cannot notice it due to the “blind spot” effect. Segregation processes are unfolding in the 21st century. Racism based on biological characteristics is considered immoral. However, the practices of social racism, which lead to a sharp slowdown in both vertical and horizontal mobility, while accelerating the processes of social differentiation of society, are tacitly approved by many social groups. New political economy is a discipline that allows us to characterize and analyze these processes. The practices of social segregation are becoming more widespread, but they do not exist in the economic mainstream, as well as in the official political discourse.

Keywords: scientific and technological revolution, welfare state, dictatorship of the proletariat, neoliberalism, social racism, political and economic discourses, new political economy.

Государство в классической политической экономии и в теории общественного выбора

В классической школе политической экономии государство рассматривается как отдельный субъект, ведущий хозяйственную деятельность, вступающий в обмен и различные финансовые операции (займы, кредиты, сбор налогов) с другими субъектами. Идеи экономического либерализма, восходящие к А. Смиту, отводят государству роль защитника собственности и правил свободной торговли. Торговля должна была обогащать третье сословие, которое в то время отождествлялось с «народом». Богатство государства, таким образом, представляло собой простой агрегат индивидуальных богатств своих подданных.

В этой простой, внешне нейтральной схеме был заложен политический подтекст — врагом свободной торговли оказывалась знать, которая пользовалась различными привилегиями. Лишение дворян привилегий приравнивало их к третьему сословию. Соответственно, борьба за отмену «Хлебных законов», защищавших владельцев земли от падения ренты, как и требования снижения акцизов на отдельные группы товаров, имели очевидный политический смысл.

К. Маркс, с одной стороны, продолжил классическую традицию политико-экономического анализа, рассматривая государство как инструмент в руках буржуазии. Свобода торговли и защита прав собственности (частной) являлись необходимыми условиями развития капитализма. С другой стороны, марксово учение о социальной революции, в рамках которой возникнет «государство диктатуры пролетариата» и произойдет переход к общественной собственности, выглядело разрывом с классической традицией. Так, если государство — *субъект*, обладающий собственной волей, пусть и связанной с интересами господствующего класса, то как же может произойти его замена на другой *субъект*, который не существует? Если же это «инструмент», «машина», «организация», т.е. *объект*, то зачем нужна «диктатура пролетариата»? Получения большинства голосов на демократических выборах достаточно, чтобы «инструмент» теперь действовал в интересах нового класса. Зачем нужны вооруженное восстание и революционная ломка государства?

По-видимому, стоит оговориться, что демагогическое утверждение об имуществе пролетариата, состоящего из его цепей, уже в XIX в. для западных стран не соответствовало действительности. Скажем, А. Маршалл указывает следующий список «насуточных жизненных средств», необхо-

димых британскому неквалифицированному рабочему для того, чтобы его труд был производительным: «...они включают имеющий современную канализацию дом из нескольких комнат, теплую одежду, какое-то количество смен нижнего белья, чистую воду, хлебопродукты в достатке, умеренное количество мяса и молока, немного чая и т.д., небольшое образование и кое-какие развлечения и, наконец, для жены рабочего — достаточно свободного от другой работы времени, чтобы она могла надлежащим образом выполнять свои материнские и домашние обязанности. Если в том или ином районе неквалифицированных рабочих лишают какого-либо из этих элементов, производительность их труда снижается так же, как производительность лошади, за которой нет должного ухода, или паровой машины, в топку которой подают недостаточно угля. Всякое потребление вплоть до этого предела является подлинно производительным потреблением...» (Маршалл, 1993. Т. 1. Гл. 3. § 4).

К. Маркс продолжил и радикализировал положение Г. Гегеля о противостоянии «общества» и «государства». По Гегелю, «гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства, ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право» (Гегель, 1990, с. 228). Гражданское общество — это общество собственников, где реализуются особенные интересы личности, в то время как государство является общим, политическим понятием, обладающим всей полнотой прав и в этом качестве ограничивающим «особенное». Очевидно, что рабочее, как не обладающий собственностью класс, членами гражданского общества не являются. Однако как социальная группа, противостоящая буржуазии, они находятся и в антагонистических противоречиях с капиталистическим государством. Это третья сила, которая может разрушить и общество, и государство.

Дж. С. Милль попытался решить «рабочий вопрос» через последовательную разработку концепции социал-реформизма. Логичным завершением этого подхода стало «государство благосостояния» А. Пигу. Собственно, уже в 1911 г. в Великобритании появляется система социального страхования. И хотя рабочий вопрос остается в центре внимания вплоть до 1950-х гг., вопрос о вооруженном восстании и переходе к диктатуре пролетариата уходит из повестки дня, в том числе и из программ коммунистических партий в большинстве богатых стран.

Тем не менее важнейшая дихотомия: государство — гражданское общество сохраняется в большинстве работ экономистов, связанных с институциональным анализом. Хотя государство благосостояния остается доминирующей концепцией в политической риторике и макроэкономи-

ческой политике, у экономистов возникает интерес к исследованиям институтов представительной демократии. Й. Шумпетер проводит аналогию между потребительским и политическим (электоральным) выбором, количество поданных голосов за того или иного политика представляет аналог ценности, которой он обладает. Демократия, таким образом, выступает как аналог конкурентного, эффективно работающего товарного рынка (Шумпетер, 1995). Такая реалистическая модель была подвергнута критике политологами: чистая конкуренция в экономике предполагает множество производителей — продавцов, тогда как в политической жизни наблюдается скорее олигополия, а то и вовсе дуополия предложения (Хелд, 2014, с. 236–261). В этом случае ценность товара — политического лидера — будет сильно завышаться с одновременным ухудшением его качества.

Теория общественного выбора — намного более изощренный подход к анализу политических процессов представительной демократии. Здесь уже появляются и парадокс голосования, и медианный избиратель, и группы интересов, и группы влияния... Из закона, который предназначен для защиты народа от хищной знати, конституция становится документом, регламентирующим производство и распределение общественных благ (Бьюкенен, Таллок. 1997). Таким образом, государство становится своеобразным юридическим лицом сервисной службы: домохозяйства по определенным ставкам оплачивают тарифы этого сервиса (так интерпретируются *налоги*), а взамен получают образование, здравоохранение, общественную безопасность и т.д. Государство, конечно, сохраняет свою экономическую субъектность, однако если в классической теории оно стояло «над» буржуазией, пролетариатом и знатью, то в новом дискурсе теоретики пытаются свести государство-Левиафан «вниз», до положения наемного слуги гражданского общества, укротив его хищническую природу². Опасность для гражданского общества представляет только бюрократия, преследующая собственные интересы. Но эта угроза нейтрализуется с помощью требований транспарентности, ротации государственных служащих и конкуренции за государственный заказ со стороны частного сектора. Собственно, подобный подход к характеристике государственных служб формируется уже в рамках концепции государства благосостояния, поэтому теория общественного выбора представляется естественным продолжением обычного неоклассического анализа (Ореховский, 2011).

² Важным исключением из мейнстрима являются работы анархо-капиталистов: М. Ротбарда и его последователей, для которых государство остается абсолютным злом. В этом варианте предполагается, что общественные блага должны производиться самим гражданским обществом (Ротбард, 2003).

На этом фоне следует отметить два направления исследований, которые не укладываются в приведенную выше сервисную логику. Первое из них связано с теорией «захвата регуляторов» (легального картеля), которая развивается в рамках чикагской школы (Стиглер, 2017). Здесь неявно предполагается, что государство может частично утратить свою субъектность, становясь объектом, которым управляют в своих интересах крупные частные компании. И хотя Дж. Стиглер и его коллеги писали в основном о разделах рынка и регулировании в интересах бизнеса цен и тарифов в разных гражданских секторах, но их аргументация вполне применима и к военно-промышленному комплексу. Последнее, однако, означает уже подчинение общенациональных интересов частным в такой чувствительной сфере, как безопасность и внешняя политика. В рамках теории общественного выбора такое подчинение производства и распределения общественных благ частным интересам выглядит опасной ересью.

Второе направление связано с именем М. Олсона и его теорией коллективного действия, в рамках которой дееспособными оказываются прежде всего малые группы (Олсон, 1995). Здесь тоже государство во многом утрачивает свою субъектность: группы вступают в коалиции, создают искусственный дефицит как условие ренты, которая потом подлежит разделу между участниками соглашения. Следствиями такого процесса являются рост цен и сокращение предложения, на макроэкономическом уровне это стагфляция. После того, как все рынки захвачены и поделены, в таком государстве развивается социальный склероз, не дающий реализоваться инновациям и не пускающий к политической и денежной власти опасных носителей новых идей (Олсон, 2013).

Здесь уже — и это принципиально важно для рассматриваемой темы — государство рассматривается как *состояние социума*. Несмотря на то что состояние это вырожденное — социальный склероз, делающий невозможным гармоничный, сбалансированный экономический рост, дихотомия между обществом и государством у Олсона неявно снимается: государство и общество являются здесь единым целым.

Смена дискурса: структурный кризис 1970-х гг., распад СССР и «Конец истории» Ф. Фукуямы

В 1970-х гг. в связи со скачком цен на нефть вследствие очередного арабо-израильского конфликта началась длительная структурная перестройка экономик богатых западных стран. Последнюю также связывают с научно-технической революцией, компьютерами и переходом к гибкому автоматизированному производству. С. Коткин указывает: «Кроме стремительного экономического спада, нефтяной кризис имел и долговременные последствия. Вся основанная на ископаемом топливе индустри-

альная экономика, которая выросла во второй половине XIX в., а в первой половине XX в. встала на рельсы массового производства, казалось, стремительно приближается к гибели.

В Англии 1970-х гг. Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более чем 150 тысяч рабочих мест только в сталелитейной индустрии; еще большие потери были в машиностроении; в результате крупнейшим работодателем Шеффилда стал городской совет. Тогда же “мастерская Германии” — Рурская область со множеством ее сталелитейных заводов — лишилась 100 тысяч рабочих мест...

В 1970-е гг. в США закрылось более тысячи заводов... И хотя в середине 1980-х гг. индустрия Среднего Запада вновь начала расти, занятость уже никогда не достигала здесь прежнего уровня» (Коткин, 2018, с. 20–22).

Часть промышленных предприятий из США и Западной Европы перенесли свои производства в КНР, воспользовавшись новыми китайскими свободными экономическими зонами и дешевой местной рабочей силой. Часть устаревших производств в США была ликвидирована. Большое сокращение произошло в угольной промышленности, которая во время «индустриального общества», наряду с металлургией и машиностроением, предоставляла рабочие места наиболее боевитой части рабочего класса. В связи с этим «рабочий вопрос», решение которого требовало «классового мира» и создания государства благосостояния, перестал иметь какое-либо политическое значение. Промышленные рабочие, как и фермеры, стали представлять сравнительно небольшую группу электората богатых «постиндустриальных» стран. Это существенно поменяло политический ландшафт.

Стагфляция 1970-х гг., которая вдохновила М. Олсона на описание картины «социального склероза», одновременно означала крах прежней кейнсианской политики. Монетаризм М. Фридмена и экономика предложения А. Лаффера стали новыми респектабельными концепциями. В США начались налоговые реформы. При этом переход от концепции «государства благосостояния» к тому, что стали называть «неолиберализмом», был быстрым и непоследовательным. С одной стороны, во многих странах провели налоговые реформы с резким сокращением шкалы прогрессивного налога, осуществили приватизацию большей части предприятий и организаций государственного сектора, а также осуществили либерализацию многих рынков (включая сектор финансовых услуг и банков, что подготовило условия будущего кризиса 2008–2009 гг.). В ряде случаев это привело к существенному снижению цен при одновременном росте качества товаров и услуг. С другой стороны, сохранилось большинство социальных программ поддержки для ряда групп населения. Кроме того, несмотря на призывы к оздоровлению государственных финансов, США и многие другие западные страны продолжали принимать дефицит-

ные бюджеты и наращивать государственный долг³. Такую либерализацию и приватизацию никак нельзя сравнивать с мерами «шоковой терапии», которая имела место в Польше и России.

Деиндустриализация привела к появлению большого количества «социальных инвалидов», которых в XXI в. станут называть «прекариатом». Партии были заинтересованы в голосах бедных слоев населения, составляющих существенную часть электората, поэтому основная часть социальных затрат оставалась неизменной. Как результат, на фоне постепенного падения удельного веса «среднего класса» влияние самых разных социальных меньшинств стало постепенно увеличиваться.

В 1990-х гг. в богатых странах исчезает устойчивое политическое большинство, которое придавало стабильность западным демократиям, вместо этого начинают формироваться различные коалиции меньшинств, обеспечивающие ситуационное большинство по тем или иным вопросам. Но этот сдвиг оставался почти незамеченным на фоне важнейшего геополитического события — распада СССР и краха советской модели «прямой демократии» (Хелд, 2014, с. 184–205).

Это событие было воспринято как окончание длительной идеологической борьбы вокруг наиболее эффективного и справедливого политического устройства. Ф. Фукуяма с опорой на Гегеля привел развернутое диалектическое доказательство тезиса «конца истории». «Первый человек», которого описывает Т. Гоббс в рамках своего политического анализа, располагает только правами на свою безопасность и сохранность имущества. Государству-Левияфану, напротив, принадлежат все остальные права, включая права оспаривания, свободы передвижения, заключения контрактов и т.д. Постепенно, в ходе развития демократического процесса, права государства становятся все меньше, а права отдельной политической личности — все больше. Наконец, «последний человек» обладает всей полнотой прав, в то время как государство превращается в «сервильный пролетариат», единственным правом которого является служба либеральному индивиду (Фукуяма, 2010).

Книга (а сначала статья) Ф. Фукуямы, принятая достаточно доброжелательно в 1990-е гг., впоследствии подверглась жесткой критике. В настоящее время про «конец истории» обычно говорят исключительно с сарказмом. На мой взгляд, это результат неверной интерпретации, связанный с буквальным пониманием основных тезисов этой работы. Правильнее же понимать этот текст как исчерпывающую иллюстрацию когнитивного тупика, в которой оказалась либеральная политическая мысль. Если исходить из реальности дихотомии государство — гражданское общество,

³ Стоит оговориться, что в условиях благоприятной конъюнктуры для западных стран в 1990-е гг. и в США, и странах Северной Европы наблюдался профицит бюджета, что и породило большие ожидания во время образования ЕС.

то вершиной политической эволюции, своеобразным венцом прогресса может быть только либеральная демократия. Дальнейшие изменения политических институтов неизбежно будут представлять собой регресс по сравнению с этим идеалом. Такую ревизию режима могут приветствовать враги свободы и цивилизации, враги «открытого общества», если обратиться к определению К. Поппера. Однако, как ни странно, либеральная демократия Ф. Фукуямы во многом совпадает с коммунистической утопией К. Маркса, которую Д. Хелд назвал «концом политики» (Хелд, 2014, с. 184—185). Фукуяма обходит стороной вопрос о собственности, делая акцент на сервисности государства по отношению к индивиду, поэтому гражданское общество у него состоит из свободных личностей, обладающих равными правами. И в коммунистической мечте главным компонентом является такое же общество, которое «не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека» (Энгельс, 1961, с. 305).

Такое совпадение является логичным следствием эгалитарности классического либерализма XIX в., наследниками которого были К. Маркс и Ф. Энгельс и каковым в конце XX в. стал Ф. Фукуяма. Это мировоззрение тогда поддерживалось большинством — средним классом. Последний объединялся вокруг общих стандартов потребления и «традиционных ценностей», включая и религиозные убеждения. Тем не менее в состав этого молчаливого большинства входили самые разные социальные группы, поэтому некоторые исследователи сегодня, задним числом утверждают, что «средний класс» вообще представлял собой идеологический конструкт, призванный смягчить социальные конфликты (Вайс, 2021). Структурный кризис 1970-х гг. способствовал фрагментации и сокращению этой самой большой социальной группы. Трудно сказать, что было первичным — изменение общественного сознания вследствие антибуржуазных, контркультурных бунтов «сердитых шестидесятников», научно-техническая революция или экономический кризис, однако *ценности эгалитарности в 1980-х гг. в богатых странах потеряли свое значение*. Именно этим обусловлены успехи как тэтчеризма, так и рейганомики. В XXI в. различные меньшинства уже требуют для себя «позитивной дискриминации» — получения различных привилегий для того, чтобы они лучше смогли реализовать свой творческий потенциал. Г. Гегель мог бы с удовлетворением констатировать очередную победу своего диалектического метода: если раньше знать требовала сохранения привилегий в силу своего благородного происхождения, то теперь новые многочисленные меньшинства хотят привилегий потому, что до настоящего времени их все время оскорбляли и унижали.

Кризис 2008—2009 гг. привел к тому, что неолиберализм из респектабельной экономической политики превратился в бранное слово. Был сделан вывод о том, что эта политика потерпела крах и должна уйти в прошлое (Крауч, 2012). Однако время шло, а новых концепций государства,

которые приобрели бы легитимность в глазах электората демократических стран, в число которых вошла и Россия, так и не появилось. Критика неолиберализма стала привычной и респектабельной, как и ритуальные призывы вернуть прогрессию подоходного налога и перейти к реализации программ базового безусловного дохода (Пикетти, 2023). Однако до сих пор попыток возврата к государству благосостояния в богатых странах не предпринималось. Что представляется более интересным, государство благосостояния не пытаются построить и страны со средним уровнем дохода — будь то в Восточной Европе, будь то в БРИКС. К. Крауч, рассуждающий в рамках стадияльного подхода, отмечает: «...я был несколько удивлен, когда моя книга была переведена на испанский, хорватский, греческий и корейский... Надо ли считать постдемократию реальным явлением в этих странах?... Если люди ощущали, что с их политическими системами что-то было не так, то были ли это проблемы постдемократии или же это были проблемы самой демократии?»

Схожие вопросы возникают и в связи с русским изданием. Разворачиваются ли в этих новых демократиях острые политические конфликты с широким участием масс, которые ограничиваются необходимостью не выходить за пределы демократии? Или они уже перешли к состоянию, когда единая политико-экономическая элита устранилась от активного взаимодействия с народом?... Значит ли это, что страна скатится к постдемократии, так и не узнав, что такое настоящая демократия?» (Крауч, 2010, с. 9—10).

Социальный апартеид и новая политическая экономия

Старый взгляд на государство как субъект в XXI в. стал во многом не адекватен даже в международном праве, где идет дискуссия о суверенитете и вариантах его «расщепления». Еще более неадекватной эта посылка является в отношении описания политико-экономической ситуации, где общество представляет собой калейдоскопическое сочетание меньшинств, образующих коалиции по разным животрепещущим вопросам. В теории общественного выбора права различных социальных групп сохраняются неизменными, а конституция представляет собой порядок производства и распределения общественных благ. В свою очередь, содержанием политики являлась *борьба за структуру и объем производства* последних: часть лоббистов отстаивала интересы «силовых структур», кто-то лоббировал интересы фармацевтических компаний, и т.д. В нынешнем состоянии содержанием политики является *борьба за изменение прав отдельных групп*, а единственным общественным благом признается национальная оборона (да и то в случае вхождения страны в военный блок часть прав и обязанностей по производству этого блага может перекладываться на государства-партнеров). Таким образом, произошел своеобразный возврат

к классическому пониманию политики, где последняя представляла собой борьбу за перераспределение власти. В результате становится востребованной новая политическая экономия, предпосылкой анализа которой является *неоднородность общества, где часть социальных групп находятся между собой в антагонистических отношениях*. В ее рамках теория общественного выбора, как и новая институциональная теория, представляют собой частный случай — здесь есть квалифицированное большинство, «средний класс», что позволяет пренебречь неоднородностью.

Апартеид является наиболее ярким политическим режимом, где законодательно закреплено *неравенство прав* отдельных социальных групп. Говоря об этом общественном устройстве, прежде всего вспоминают о политике расовой сегрегации, которая имела место как в южных штатах США, так и в ЮАР. Такая политика была криминализована в 1973 г., после создания Международного уголовного суда (ООН, 1973). ЮАР подверглась международным санкциям, а апартеид характеризовался как такое же преступление против человечности, как пытки, убийства, изнасилования, депортации и т.д. (следует отметить, что к расовой сегрегации США такое определение, как «преступление против человечности», не применялось). В 1991 г. законы о расовой сегрегации в ЮАР стали отменяться. Официально окончанием режима апартеида считается 1994 г., когда на выборах в Национальную Ассамблею победил Африканский национальный конгресс (АНК), а президентом был избран Н. Мандела.

Стоит отметить, что во время апартеида, в 1960 г. ВВП ЮАР составлял 8,75 млрд долл., в 1994 г. — 153,5 млрд долл. При этом уже с 1989 г. начался период политико-экономической нестабильности. В 2002 г. ВВП ЮАР снизился до 129 млрд долл. (World Bank, 2025), но потом начался период нового быстрого роста, который с определенными перебоями продолжается и сейчас.

Указание на быстрый экономический рост ЮАР в период 1960—1994 гг., естественно, не означает апологетику апартеида. Это свидетельствует о другом важном обстоятельстве — антигуманные политические режимы вполне могут быть экономически эффективными, на что в свое время указали Р. Фогель и С. Энгерман. Как показали их исследования, использование плантационного рабства в южных штатах США способствовало более высоким темпам экономического роста, чем в северных штатах (Fogel, Engerman, 1974). Поэтому рассчитывать на крах аморального апартеида по экономическим причинам, по-видимому, не стоит.

В свою очередь, если говорить о *практиках сегрегации*, которые основаны не на биологическом, а других социальных признаках, то такие практики сохраняются и признаются многими национальными и международными сообществами вполне легитимными. Достаточно указать на известное деление на граждан и неграждан (социальные расы) в постсоветской Прибалтике, отчего-то не привлекающее внимание Международного уго-

ловного суда. При этом стоит отметить, что социальный расизм по отношению к русскоязычным жителям этих республик стал открыто проявляться уже в позднем СССР. Например: «Социальная дифференциация порождается, на мой взгляд, именно маргинализацией. Маргиналы — это деклассированные элементы, это бомжи, это рабочие, не принадлежащие к рабочему классу, это люди, в течение жизни семь-восемь раз меняющие место жительства. Например, так называемое русскоязычное население Эстонии — это в большинстве своем маргиналы, люди, лишенные своих социокультурных корней, перекасти-поле» (Андреев и др., 1990, с. 89). Это высказывание принадлежало В. А. Красильщикову, на тот момент к.э.н., сотруднику Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Впоследствии он сделал блестящую научную карьеру экономиста-международника, защитил докторскую диссертацию и работал до своей смерти в 2019 г. главным научным сотрудником в ИНИОН РАН.

Апартеид интерпретируется здесь как система легального, официального социального расизма (Ореховский, Разумов, 2022). В этом случае сегрегация по биологическому признаку представляется частным случаем более общего подхода. Так, понятие расы широко применялось в XIX — первой половине XX в. Политические философы того времени часто писали о «высших» и «низших» расах, расах «рабов и господ» (Лебон, 2017). Высказывание марксиста Красильщикова не должно удивлять: государство диктатуры пролетариата открыто провозглашало необходимость лишения гражданских прав бывших «эксплуататорских классов»: дворян, крупных собственников (капиталистов), «буржуазной интеллигенции». Впоследствии к ним добавились и зажиточные крестьяне — кулаки. В позднесоветское время социальная сегрегация осуществлялась уже по другим признакам, достаточно напомнить о так называемых «лимитчиках».

Однако в последней трети XX в. само понятие расизма табуируется. Вместо него используется эвфемизм «вертикальная и горизонтальная социальная мобильность». Если степень социальной мобильности высока, можно считать, что практики сегрегации сведены к минимуму, и напротив, низкая социальная мобильность означает, что практики социального расизма получают все большее распространение.

Таким образом, после кризиса 2008—2009 гг. *возврата к государству благосостояния не происходит не потому, что неолиберализм сохраняет свое идейное доминирование.* Проблема, по моему мнению, в другом. Любой политический режим представляет собой законодательное закрепление тех социальных практик, тех институтов, которые уже сложились в обществе. Специфика нынешней ситуации в том, что важную часть таких практик, которые сложились в богатых обществах, пока еще нельзя признать открыто и закрепить законодательно. Приведем несколько известных примеров, в отношении которых у экономистов действует эффект «слепого пятна».

Общественная безопасность. В США, Великобритании, КНР, России и многих других странах количество частных охранников уже превысило количество полицейских (Ореховский, 2024). То, что *раньше считалось общественным благом, теперь во многом превратилось в услугу, которая покупается и продается на рынке.* Уровни безопасности личности и имущества сегментируются в соответствии не только с социальным статусом, но по уровню дохода, и это стало уже привычным, как и «фэйс-контроль» на входе во многие заведения. Использование автотранспорта со спецсигналами в личных целях пока еще вызывает раздражение, как и захват общественного пространства (парковки на тротуарах), но это связано скорее с ситуацией неясности основания привилегий: кому это можно, а кому — нельзя.

Городская среда. Фрагментация городского пространства — очень старый феномен, описанный в известной модели Т. Шеллинга (Shelling, 1978), однако в России этот процесс стал стремительно развиваться в последние два десятилетия. Наряду с кварталами, которые огорожены заборами и пропускной системой, в городах формируются и своеобразные гетто со свободным доступом. При этом, как правило, часть жилья и внутриквартальных сетей в последних достаточно сильно изношена, случаются перебои с подачей воды и энергии, однако плата за предоставляемые услуги в расчете на 1 кв. м такого жилья существенно выше, чем в кварталах с улучшенным благоустройством.

Миграция и гражданство. Статус «трудового мигранта» означает, что из всей совокупности гражданских прав индивид в полной мере обладает только одним — правом на труд, причем в отношении работников, прибывающих для выполнения работы на короткий срок, ограничивается даже право на свободу передвижения. Такое положение не так уж сильно отличается от ситуации плантационного рабства, описанного Р. Фогелем. Напротив, индивид, который обладает двойным или тройным гражданством, иногда с разными именами, обладает существенными преимуществами перед обычным гражданином как с точки зрения обязанностей (включая налоговые) перед своей страной, так и с позиции выбора варианта получения общественных благ в разных юрисдикциях.

Общественное сознание во многих странах пока еще не готово последовать за радикальными либеральными теоретиками, признать право на жизнь и неприкосновенность имущества личным делом каждого гражданина и распустить полицию общественной безопасности. Но в отношении прав частной собственности на городское пространство в отдельных кварталах вопрос представляется уже давно решенным. В настоящее время наиболее ожесточенные дискуссии ведутся в отношении трудовых мигрантов и множественности гражданства.

Идея, при которой бесправные трудовые мигранты будут делать всю тяжелую и неквалифицированную работу, получая скромное вознаграждение

за свой труд, в то время как граждане, составляющие коренное население страны, будут наслаждаться творчеством и заниматься эффективным менеджментом, может разделяться многими социальными группами. Однако такое положение плохо сочетается с либеральной демократией. Во-первых, добавленная ценность, которую создают мигранты, по преимуществу достается собственникам капитала, которые используют их труд. Во-вторых, они оказывают давление на цену труда местных работников в сторону снижения. Наконец, в-третьих, быстро выясняется, что прежняя ситуация «сервильного государства» радикально меняется. Все большая часть общественных благ, производимых за счет бюджетных затрат, достается бывшим и нынешним мигрантам. Что же до обеспеченных и влиятельных социальных групп, то они предпочитают более качественные платные услуги: частные школы, частные клиники, личную охрану, городские кварталы, в которые закрыт доступ посторонним. Фактически государства, которые во все больших масштабах привлекают мигрантов, постепенно осуществляют замещение коренного населения, что в свою очередь меняет и политический ландшафт в такой стране. Естественно, что многие граждане начинают нервно реагировать на размышления экономистов о либерализации международных рынков рабочей силы.

Такая же неопределенная ситуация возникает в случае приема на высокооплачиваемую работу в государственной корпорации индивидов, обладающих множественным гражданством. Конфликт идентичностей в таком случае становится весьма вероятным (хотя и не неизбежным). Законы об иностранных агентах, которые все чаще стали применяться во многих странах, также вызывают политическое напряжение.

Заключение

Инструменты анализа новой политической экономии позволяют выявлять и описывать как практики социальной сегрегации, так и прогнозировать их последствия. Несмотря на то что такие практики, по моему мнению, будут получать все большее распространение, они не будут признаваться социальным расизмом, и уж тем более — частью апартеида. Скорее всего, в законодательстве эти практики будут легализовываться под различными эвфемизмами типа «позитивная дискриминация», «квоты на дефицитную рабочую силу», «социальная жилая застройка» и т. п. Апартеид как правовой режим будет по-прежнему криминализован, а его открытое обсуждение применительно к сложившимся социальным практикам — особенно в богатых странах с демократическими режимами — останется табуированным. Всякий, кто будет говорить об этой теме, надо полагать, окажется виновным в нетолерантности и «риторике вражды».

Естественно, что при этом в мейнстриме еще долго будет сохраняться респектабельная дихотомия государства и гражданского общества (Орехов-

ский, 2015). «Конец истории» — и с этим трудно спорить... Но те, кто все же не согласен с Ф. Фукуямой, будут все чаще обращаться к новой политэкономии, осторожно обходя концепт государства, как субъекта. Как уже говорилось выше, работы Дж. Стиглера и М. Олсона могут быть примером такой исследовательской стратегии. Новая политэкономия — направление в экономической теории, которое, на мой взгляд, ждет большое будущее.

Список литературы

Андреев Э. М., Липкин В. Я., & Поздняков А. А. (ред.) (1990). *Частная собственность, эксплуатация, и социализм*. Материалы «круглого стола». М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Бьюкенен, Дж., & Таллок, У. (1997). Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. *Бьюкенен Дж. Сочинения*. М.: Таурус Альфа, 31–206.

Вайс, Х. (2021). *Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Гегель, Г. (1990). *Философия права*. М.: Мысль.

Коткин, С. (2018). *Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000*. М.: Новое литературное обозрение.

Крауч, К. (2010). *Постдемократия*. М.: ИД Гос. ун-та Высшей школы экономики.

Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неоллиберализма*. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС.

Лебон, Г. (2017). *Психология народов и масс*. М.: АСТ.

Маршалл, А. (1993). *Принципы экономической науки*. М.: Прогресс. https://web.archive.org/web/20220401083810id_/http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf.

Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория малых групп*. М.: Фонд экономической инициативы.

Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, stagflation и социальный склероз*. М.: Новое издательство.

Организация Объединенных Наций (1973). *Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него*. Принята резолюцией 3068 (XXVIII) 30 ноября 1973 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml.

Ореховский, П. А. (2015). Дихотомия «государство — общество» и экономический миф либерализма. *Журнал институциональных исследований*, 7(1), 79–94.

Ореховский, П. (2011). Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора. *Вопросы экономики*, 5, 75–86.

Ореховский, П. А. (2024). Охранные услуги: ведущий сектор «новой экономики»? *Journal of Economic Regulation*, 15(2), 93–107. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.093-107.

Ореховский, П. А., & Разумов, В. И. (2022). Скромное обаяние апартеида: обратная сторона нарциссической культуры. *SIBERIAN SOCIUM*, 6(2), 8–23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.

Пикетти, Т. (2023). *Краткая история равенства*. М.: АСТ.

Ротбард, М. (2003). *Власть и рынок: Государство и экономика*. Челябинск: Социум.

Стиглер, Дж. (2017). *Гражданин и государство. Эссе о регулировании*. М.: Изд-во Института Гайдара.

- Фукуяма, Ф. (2010). *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ.
- Хелд, Д. (2014). *Модели демократии*. М.: ИД Дело.
- Шумпетер, Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Энгельс, Ф. (1961). Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 20. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 5–342.
- Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. 2 Vols. Boston: Little, Brown and Company.
- Shelling, T. C. (1978). *Micromotives and Macrobehaviour*. New York: Norton.
- Word Bank Group. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ZA>.
- Word Bank Group. (2025). <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ZA>

References

- Andreev, E. M., Lipkin, V. Ya., & Pozdnyakov, A. A. (eds.) (1990). *Private Property, Exploitation, and Socialism*. Materials of the Round Table. М.: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU.
- Buchanan, J., & Tullock, W. (1997). The Calculus of Consent. The Logical Foundations of Constitutional Democracy. *Buchanan, J. Works*. М.: Taurus Alpha, 31–206.
- Crouch, K. (2010). *Postdemocracy*. М.: State University — Higher School of Economics.
- Crouch, K. (2012). *The Strange Un-Death of Neoliberalism*. М.: Publishing house Delo RANEPА.
- Engels, F. (1961). Anti-Dühring. The Revolution in Science Produced by Herr Eugen Dühring. *Marx K., Engels F. Works*. Vol. 20. 2nd ed. М.: Gospolitizdat, 5–342.
- Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. 2 Vols. Boston: Little, Brown and Company.
- Fukuyama, F. (2010). *The End of History and the Last Man*. М.: AST.
- Hegel, G. (1990). *Philosophy of Law*. М.: Mysl.
- Held, D. (2014). *Models of Democracy*. М.: Delo.
- Kotkin, S. (2018). *Armageddon Averted. The Collapse of the Soviet Union, 1970–2000*. М.: New Literary Observer.
- Lebon, G. (2017). *Psychology of Peoples and Masses*. М.: AST.
- Marshall, A. (1993). *Principles of Economic Science*. М.: Progress. https://web.archive.org/web/20220401083810id_/http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf.
- Olson, M. (1995). *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Small Groups*. М.: Economic Initiative Foundation.
- Olson, M. (2013). *The Rise and Decline of Nations. Economic Growth, Stagflation, and Social Sclerosis*. М.: New Publishing House.
- Orehovsky, P. (2011). Maturity of Social Institutions and the Specificity of the Foundations of Public Choice Theory. *Voprosy ekonomiki*, 5, 75–86.
- Orehovsky, P. A. (2024). Security Services: The Leading Sector of the «New Economy»? *Journal of Economic Regulation*, 15(2), 93–107. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.093-107.
- Orehovsky, P. A. (2015). The Dichotomy «State — Society» and the Economic Myth of Liberalism. *Journal of Institutional Studies*, 7(1), 79–94.

Orekhovsky, P. A., & Razumov, V. I. (2022). The Discreet Charm of Apartheid: the Other Side of Narcissistic Culture. *SIBERIAN SOCIUM*, 6(2), 8–23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.

Piketty, T. (2023). *A Brief History of Equality*. M.: AST.

Rothbard, M. (2003). *Power and Market: State and Economy*. Chelyabinsk: Socium.

Schumpeter, J. (1995). *Capitalism, Socialism, and Democracy*. M.: Economica.

Shelling T. C. (1978). *Micromotives and Macrobehaviour*. New York: Norton.

Stigler, J. (2017). *Citizen and State. Essay on Regulation*. M.: Gaidar Institute Publishing House.

United Nations (1973). *International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid*. Adopted by resolution 3068 (XXVIII) on 30 November 1973. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml

Weiss, H. (2021). *We Were Never the Middle Class. How Social Mobility Misleads Us*. M.: Publishing House of the Higher School of Economics.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Дж. И. Линь¹

Пекинский университет (Пекин, Китай)

Ц. Чжан²

Пекинский университет (Пекин, Китай)

Ю. Лю³

Пекинский университет (Пекин, Китай)

УДК: 338.24.021.8, 338.22.0, 338.22.021.1, 330.341.2, 330.341, 330.34.014.2

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-4

СТРАТЕГИИ И ИНСТИТУТЫ: ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ УСПЕХ ИЛИ НЕУДАЧУ РАЗВИТИЯ⁴

Погоня за динамичным и инклюзивным экономическим развитием является общей целью для стран всего мира. Лауреаты Нобелевской премии по экономике 2024 г. — Аджемоглу, Джонсон и Робинсон — выдвинули гипотезу, что институты являются эндогенными и представляют собой фундаментальный фактор успеха или неудачи развития. Однако авторы полагают, что их гипотеза не согласуется с кросс-секционными и историческими данными. В данной статье на основе подхода новой структурной экономики утверждается: стратегия развития, соответствующая сравнительным преимуществам, является ключом к динамичному росту экономики и справедливому распределению доходов. Институты, включая такие аспекты, как коррупция, открытость и риск экспроприации, сами по себе являются эндогенными в зависимости от выбранной стратегии развития. Данное положение подтверждается кросс-страновой эмпирической доказательной базой. Наконец, в статье отмечается, что для правительства развивающейся страны принятие стратегии развития, опирающейся на сравнительные преимущества, более целесообразно в качестве руководства

¹ Линь Джастин Ифу — декан Института новой структурной экономики, Пекинский университет; e-mail: justinlin@nsd.pku.edu.cn.

² Чжан Цзытун — постдокторант, Институт новой структурной экономики, Пекинский университет; e-mail: zitongzhang@nsd.pku.edu.cn, ORCID: 0009-0007-7702-0017.

³ Лю Юйсянь — аспирант, Институт новой структурной экономики, Пекинский университет; e-mail: liuyuxuan@nsd.pku.edu.cn.

⁴ Настоящая работа является переводом статьи: Lin, J. Y., Zhang, Z., & Liu, Y. (2025). Institution vs. strategy: the determinant of development success or failure. *China Economic Journal*, 18(2), 157–185. <https://doi.org/10.1080/17538963.2025.2489877>. Перевод публикуется с любезного разрешения *China Economic Journal*.

© Линь Джастин Ифу, 2025

© Чжан Цзытун, 2025

© Лю Юйсянь, 2025

экономическим развитием, чем внедрение «инклюзивных институтов», предложенных Аджемоглу, Джонсоном и Робинсоном, поскольку экзогенно навязанные институты вряд ли будут эффективными.

Ключевые слова: экономическое развитие, институты, стратегия развития, новая структурная экономика.

Цитировать статью: Линь, Дж. И., Чжан, Ц., & Лю, Ю. (2025). Стратегии и институты: фактор, определяющий успех или неудачу развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 45–85. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-4>.

J. Y. Lin

Peking University (Beijing, China)

Z. Zhang

Peking University (Beijing, China)

Y. Liu

Peking University (Beijing, China)

JEL: A13, D11-12, M31

INSTITUTION VS. STRATEGY: THE DETERMINANT OF DEVELOPMENT SUCCESS OR FAILURE⁵

The pursuit of dynamic and inclusive economic development is a common goal for countries worldwide. The 2024 Nobel laureates in Economics, Acemoglu, Johnson, and Robinson, posited that institutions are endogenous and are the fundamental determinant of development success or failure. However, the authors argue that their hypothesis does not align with cross-sectional and historical evidence. From the perspective of New Structural Economics, this paper contends that a comparative-advantage-following development strategy is the key to an economy's dynamic growth and equitable income distribution. Institutions, including aspects such as corruption, openness, and expropriation risks, are themselves endogenous to the choice of development strategies. The authors' proposition is supported by cross-country empirical evidence. Finally, the paper points out that for a developing country's government, adopting a comparative-advantage-following development strategy is more conducive to guiding the country's economic development than adopting an inclusive institution as proposed by Acemoglu, Johnson, and Robinson. This is because an exogenously imposed institution is unlikely to be effective.

Keywords: development economics, institutions, developmental strategy, new structural economics.

⁵ This article is a translation of: Lin, J. Y., Zhang, Z., & Liu, Y. (2025). Institution vs. strategy: the determinant of development success or failure. *China Economic Journal*, 18(2), 157–185. <https://doi.org/10.1080/17538963.2025.2489877>. Published with the kind permission of China Economic Journal.

Введение

Экономическое процветание — общее стремление всего человечества. С тех пор, как Адам Смит опубликовал «Богатство народов» в 1776 г., тем самым положив начало экономической теории как самостоятельной дисциплине, вопрос о том, что определяет успех или неудачу экономического развития страны, стал одним из фундаментальных вопросов экономических исследований. Даже сегодня экономисты не достигли консенсуса по этому вопросу. Ранние экономисты-классики объясняли экономический рост такими факторами, как рост населения, разделение труда и международная торговля. После 1950-х гг., с созданием и широким распространением неоклассической модели экономического роста, накопление капитала и технический прогресс стали рассматриваться как его основные движущие силы. Предсказывалось, что из-за снижения предельной доходности капитала уровень доходов в разных странах постепенно выровняется.

Однако при изучении эмпирических данных об экономическом росте стран после Второй мировой войны становится очевидным, что разрыв между бедными и богатыми странами не сократился; напротив, он демонстрирует тенденцию к увеличению. На рис. 1 показано изменение с течением времени доли стран, находящихся на разных стадиях развития. Стадия развития измеряется соотношением ВВП на душу населения к подушевому ВВП США. В частности, основываясь на соотношении ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2015 г.) к уровню США, мы разделяем мировые экономики на пять групп, как показано на рис. 1. С 1960 по 2023 г. общие пропорции каждой группы оставались относительно стабильными. В верхней части диапазона доля экономик с ВВП на душу населения, превышающим 70% от США, в целом снижалась, начиная с 1980-х гг. В нижней части диапазона доля экономик с ВВП на душу населения, составляющим 10% или менее от уровня США, стабильно держалась на уровне около 50%. Более того, более 70% экономик мира устойчиво имели ВВП на душу населения менее 30% от уровня США.

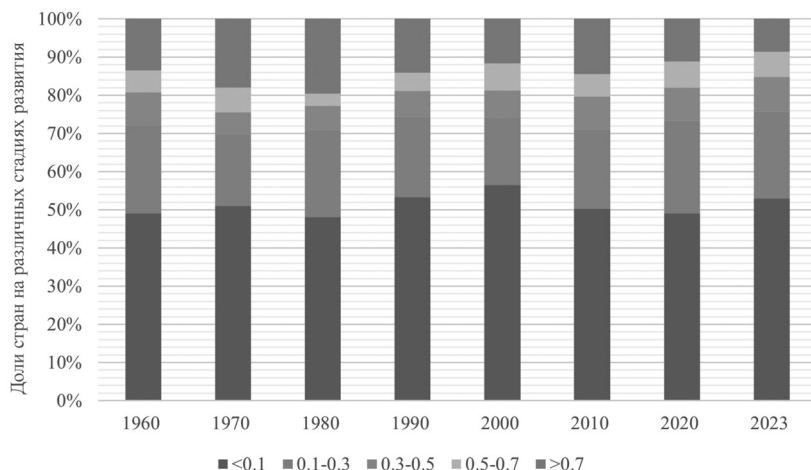

Рис. 1. Распределение стран по уровню (относительного) дохода, 1960–2023 гг., %
 Источник: Всемирный банк.

В табл. 1 и 2 мы дополнительно иллюстрируем показатели разных стран в достижении уровня США по показателю ВВП на душу населения в период с 1960 по 2023 г. В табл. 1 представлены страны, которые сократили разрыв с США более чем на 10 процентных пунктов по показателю ВВП на душу населения за этот период. Из 29 стран только Китай, Южная Корея, Мальдивы и Малайзия изначально находились в группе с самым низким относительным доходом ($<0,1$). Большинство остальных стран были развитыми и ненамного отставали от США. Более тревожная ситуация представлена в табл. 2, которая показывает, что в 26 странах разрыв с США по ВВП на душу населения не просто не сократился, но увеличился более чем на 10 процентных пунктов. Многие из них являются странами со средним уровнем дохода. Фактически, если рассмотреть 105 экономик, ВВП на душу населения которых изначально составлял 10% или менее от подушевого ВВП США в период с 1960 по 2023 г., то 58 из них столкнулись с дальнейшим снижением ВВП на душу населения по сравнению с США (рис. 2). Это свидетельствует о том, что после Второй мировой войны большинство развивающихся стран остаются в ловушке бедности или среднего уровня дохода.

**Успешные случаи догоняющего развития
(экономики с ростом относительного ВВП на душу населения
более чем на 0,10 по сравнению с Соединенными Штатами)**

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Китай	1960	2023	0.01	0.19	0.17
Южная Корея	1960	2023	0.05	0.52	0.47
Мальдивы	1970	2023	0.06	0.18	0.12
Малайзия	1960	2023	0.07	0.18	0.11
Венгрия	1960	2023	0.11	0.25	0.14
Оман	1965	2023	0.12	0.29	0.17
Мальта	1970	2023	0.12	0.48	0.36
Польша	1990	2023	0.13	0.27	0.14
Гайана	1960	2023	0.14	0.36	0.22
Панама	1960	2023	0.14	0.25	0.11
Сент-Китс и Невис	1977	2023	0.15	0.33	0.18
Сингапур	1960	2023	0.19	1.01	0.82
Гонконг (САР Китая)	1961	2023	0.21	0.67	0.46
Португалия	1960	2023	0.21	0.34	0.13
Кипр	1975	2023	0.23	0.47	0.25
Испания	1960	2023	0.33	0.43	0.10
Пуэрто-Рико	1960	2023	0.33	0.46	0.13
Япония	1960	2023	0.34	0.57	0.23
Ирландия	1960	2023	0.44	1.41	0.97
Израиль	1960	2023	0.46	0.66	0.20
Остров Мэн	1984	2021	0.54	1.43	0.89
Финляндия	1960	2023	0.59	0.71	0.12
Гренландия	2008	2021	0.61	0.77	0.16
Исландия	1960	2023	0.71	0.90	0.19

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Макао (САР Китая)	1982	2023	0.74	0.89	0.15
Фарерские острова	2008	2022	0.83	0.94	0.10
Норвегия	1960	2023	1.01	1.21	0.20
Люксембург	1960	2023	1.47	1.63	0.16
Монако	1970	2022	2.88	3.59	0.71

Примечание: Большая часть данных начинается в 1960 г. и заканчивается в 2023 г. В противном случае мы вычисляем начальную долю как можно раньше, а конечную — как можно позже.

Источник: Всемирный банк.

Таблица 2

**Страны, отставшие еще больше
(страны, в которых относительный ВВП на душу населения
сократился на 0,10 или более по сравнению с США)**

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Либерия	1960	2023	0.13	0.01	-0.12
Южная Африка	1960	2023	0.21	0.09	-0.12
Аргентина	1960	2023	0.39	0.19	-0.20
Северные Марианские острова	2002	2020	0.43	0.25	-0.18
Кюрасао	2000	2022	0.44	0.27	-0.17
Саудовская Аравия	1960	2023	0.47	0.32	-0.14
Острова Теркс и Кайкос	2009	2023	0.47	0.31	-0.16
Палау	1970	2023	0.51	0.19	-0.32
Бахрейн	1970	2023	0.66	0.38	-0.28
Сент-Мартен (автономия в составе Королевства Нидерландов)	1960	2023	0.71	0.53	-0.18

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Канада	1960	2023	0.81	0.68	-0.13
Виргинские острова (США)	2011	2021	0.88	0.59	-0.29
Новая Зеландия	1960	2023	0.94	0.64	-0.29
Французская Полинезия	1965	2022	0.98	0.30	-0.67
Багамы	1960	2023	1.01	0.46	-0.54
Австралия	1960	2023	1.05	0.94	-0.10
Сан-Марино	1997	2021	1.11	0.72	-0.38
Науру	1970	2023	1.13	0.12	-1.01
Бруней- Даруссалам	1974	2023	1.57	0.45	-1.12
Андорра	1970	2023	1.71	0.62	-1.10
Каймановы острова	2006	2022	1.79	1.30	-0.49
ОАЭ	1970	2023	1.87	0.72	-1.15
Бермуды	1960	2022	2.00	1.76	-0.23
Швейцария	1960	2023	2.10	1.38	-0.72
Кувейт	1970	2023	2.74	0.42	-2.32
Катар	1970	2022	2.96	1.00	-1.97

Примечание: Большая часть данных начинается в 1960 г. и заканчивается в 2023 г. В противном случае мы вычисляем начальную долю как можно раньше, а конечную — как можно позже.

Источник: Всемирный банк.

Учитывая различия в показателях развития разных стран и расхождения между реальностью и теорией, некоторые ученые, например, Дуглас К. Норт и Роберт П. Томас (North, Thomas, 1973), Аджемоглу и др. (Acemoglu et al., 2008), подчеркивали значение институтов и пытались объяснить расхождения в показателях развития различиями в институциональных системах этих стран. Они утверждали, что страны с более совершенными институтами, более защищенными правами собственности и менее деформирующей политикой, как правило, больше инвестируют

в физический и человеческий капитал и могут эффективнее использовать факторы производства, тем самым достигая более высоких уровней экономического развития. Экономические исследования, посвященные институтам и относящиеся к направлению, известному как «новая институциональная экономика», во многом основаны на трудах Коуза, Уильямсона и Норта. Коуз (Coase, 1937) новаторски ввел понятие транзакционных издержек в аналитическую парадигму экономики, в то время как Уильямсон расширил и углубил теорию Коуза, разработав подход к анализу институтов (Williamson, 2000). В рамках этой концепции значительная часть исследований в рамках новой институциональной экономики представляет собой анализ институциональной среды (формальных правил, таких как политические системы и правосудие) и управления (конкретного обеспечения соблюдения правил). Норт (North, Thomas, 1973; North, 1990; North, 2005) расширил эту перспективу до макроуровня, связав институты с экономическим ростом и исследовав их эндогенные детерминанты.

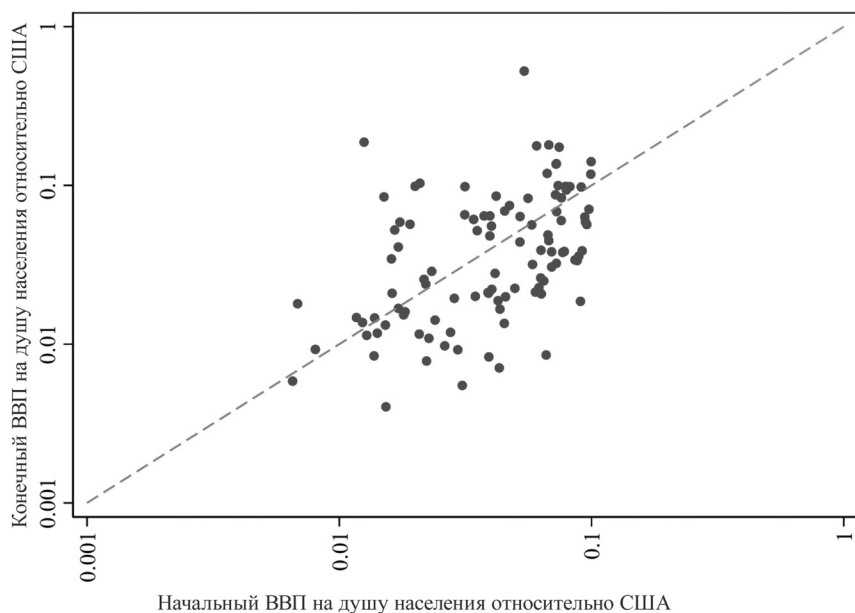

Рис. 2. Начальный и конечный ВВП на душу населения по сравнению с США в 1960–2023 гг.

Источник: Всемирный банк.

Несомненно, институты важны. Именно потому, что новая институциональная экономика включает роль институтов в изучение мейнстрима

экономической теории, она расширила ее исследовательскую парадигму. К 2023 г. четыре лауреата Нобелевской премии по экономике — Коуз, Норт, Остром и Уильямсон — были удостоены наград за свой вклад в эту область. Ллойд и Ли (Lloyd, Lee, 2018) обобщили четыре основных подхода в новой институциональной экономике с 2000 г. Первые три фокусируются на роли правовых, политических и культурных институтов в экономике, тогда как четвертый подход подчеркивает вклад Аджемоглу, Робинсона и их соавторов. Их работы представляют собой эмпирические исследования, подчеркивающие связь между «исходными» институтами, созданными в колониальные времена, и долгосрочными экономическими показателями (Acemoglu et al., 2008), и предполагающие, что «экстрактивные» (а не «инклюзивные») институты оказывают долгосрочное негативное воздействие на экономический рост. Но есть и ряд теоретических исследований, в первую очередь изучающих роль политической власти и ее влияние на экономический рост (Acemoglu, Robinson, 2000; Acemoglu et al., 2008; Acemoglu, Robinson, 2006), связывающие демократию с доходом на душу населения и экономическим ростом (Acemoglu et al., 2008; Acemoglu et al., 2014). Именно благодаря этой серии исследований Нобелевская премия по экономике за 2024 г. была вновь присуждена новой институциональной экономике, отметив работу Аджемоглу, Джонсона и Робинсона за их вклад в понимание роли институтов как фундаментального фактора, определяющего успех или неудачу развития страны.

В частности, Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2008) фокусируются на правах частной собственности и ограничениях государственной власти. Они используют «риск экспроприации» в качестве косвенного показателя для измерения риска того, что иностранные частные инвестиции (за исключением внутренних) будут присвоены правительством. Более того, они применяют смертность колонизаторов в колониальный период в качестве инструментальной переменной для оценки институтов в бывших колониальных странах и ее влияния на экономические показатели, а реальный ВВП на душу населения служит прокси для оценки экономических результатов. Авторы утверждают, что различные типы колониальных стратегий привели к появлению различных институтов, которые были сформированы качеством местных условий, в большей или меньшей степени подходящих для создания поселений. В регионах с высокой заболеваемостью и высокой смертностью колонизаторов вероятность создания «экстрактивных» колониальных институтов была выше. Напротив, в регионах с более низкой смертностью среди колонизаторов колониальные институты, имитирующие европейские и делающие упор на защиту прав частной собственности и систему сдержек и противовесов в отношении государственной власти, были более распространены. Даже после того, как эти бывшие колониальные страны обрели политическую независимость, институты колониальной эпохи

продолжали оказывать длительное, зависящее от выбранного пути влияние на современные институты. Экстрактивные институты, возникшие в результате высокой смертности колонизаторов, приводили к ухудшению экономических результатов, в то время как инклюзивные институты, защищающие права собственности, созданные в условиях низкой смертности колонизаторов, приводили к улучшению экономических результатов.

Хотя формирование институтов и их влияние являются важными академическими вопросами, упомянутые теории на самом деле не раскрыли фундаментальные детерминанты формирования институтов и не показали, какие именно институты действительно влияют на экономическое благосостояние. С точки зрения новой структурной экономики⁶, основополагающим фактором, определяющим успех или неудачу экономического развития страны, является соответствие выбранной правительством стратегии развития сравнительным преимуществам, определяемым внутренней структурой обеспеченности факторами производства. Если

⁶ Новая структурная экономика (НЭС), основоположником которой является Джастин Ифу Линь (Lin, 2011a), предлагает применение неоклассического подхода к изучению детерминант и влияния экономической структуры и ее эволюции, которые являются основой современного экономического роста, на развитие экономики. Основная идея новой структурной экономики заключается в том, что экономические структуры, включая структуру технологий и промышленности (определяющую производительность труда), а также физическую и нефизическую инфраструктуру (определяющую транзакционные издержки), являются эндогенными по отношению к структуре эндаументов, которая задана в любой конкретный момент времени и изменяется с течением времени в экономике. Это объясняется тем, что эндаументы и структура эндаументов определяют совокупный бюджет экономики и относительные цены на факторы производства в любой конкретный момент времени. Они, в свою очередь, определяют отрасли, в которых экономика имеет сравнительные преимущества. Когда все отрасли экономики соответствуют ее сравнительным преимуществам, экономика достигает оптимальной для данного конкретного момента времени промышленной структуры. Такая структура позволяет экономике иметь самые низкие издержки на факторы производства как на внутреннем, так и на международном рынках. Рост доходов зависит от повышения производительности труда посредством модернизации промышленной структуры, перехода от ресурсоемких или трудоемких отраслей к более капиталоемким. Это, в свою очередь, зависит от модернизации структуры обеспеченности ресурсами, например, относительного избытка рабочей силы или относительного избытка капитала. По мере модернизации промышленной структуры требуется также совершенствование физической и нематериальной инфраструктуры для снижения транзакционных издержек. НЭС утверждает, что наилучшим способом достижения динамичного роста экономики в любой момент времени является развитие отраслей экономики, соответствующих сравнительным преимуществам, определяемым ее структурой обеспеченности ресурсами на данный момент. Для этого необходим конкурентный рынок, который будет подавать ценовые сигналы, отражающие относительное изобилие факторов производства, направляя технологический и промышленный выбор фирм. Для устранения сбоев рынка при совершенствовании физической и нематериальной инфраструктуры в процессе структурной трансформации требуется активная роль государства (Lin, 2011a).

стратегия правительства заключается в том, чтобы помочь предпринимателям преобразовать скрытые сравнительные преимущества в реальные, преодолевая рыночные сбои в развитии материальной и нематериальной инфраструктуры, экономика будет процветать. И наоборот, если страна примет стратегию развития отраслей, противоречащую сравнительным преимуществам, определяемым ее структурой обеспеченности факторами производства, ее экономика пострадает (Lin, 2003). Как экономические показатели страны, так и ее различные институциональные механизмы являются эндогенными по отношению к выбранной ею стратегии развития (Lin, 2003; Lin, 2009).

В следующем разделе статьи мы рассмотрим литературу и факты, чтобы показать, почему Аджемоглу и др. (Acemoglu et al., 2008) не смогли выявить фундаментальный фактор экономического успеха или неудачи и формирования институтов. В третьем разделе мы объясняем, как действуют стратегии развития, идущие вразрез со сравнительными преимуществами, и стратегии, которые их реализуют, и предлагаем теоретическую основу влияния стратегий развития на национальные экономические показатели. На основе этой концепции в четвертом разделе мы представим предварительные оценки влияния стратегий развития на экономический рост и распределение доходов. Наконец, в заключительном разделе мы обобщим выводы статьи.

Причины несостоятельности книги «Почему одни страны богатые, а другие бедные»

Как уже упоминалось, серия исследований, проведенных Аджемоглу и соавторами и изложенных в их популярной книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные», убедительно показывает важность институтов, однако вследствие ряда причин, представленных ими данных недостаточно для того, чтобы доказать, что институты играют определяющую роль в успехе или неудаче развития страны.

Во-первых, существуют проблемы с их эмпирическими данными. Альбуи (Albouy, 2012) провел всесторонний анализ эмпирической стратегии, использованной в данной работе. Из 64 стран, включенных в выборку, данные о смертности только в 28 странах были получены из местных источников. Для остальных 36 стран авторы вывели показатели смертности в колониальных условиях, основываясь на данных соседних стран со схожей обстановкой в плане заболеваемости. Если бы эти 36 стран были исключены из выборки, корреляция между смертностью в колониях и риском экспроприации значительно снизилась бы. Кроме того, данные о колониальной смертности, используемые авторами, основаны не на смертности реальных европейских колонизаторов, а на показателях смертности местных европейских и американских солдат в XIX в.

В некоторых странах солдаты находились в мирных условиях, в то время как в других они участвовали в боевых действиях, что приводило к более высокому уровню смертности в последних. Если учитывать причины смертности, корреляция между смертностью и риском экспроприации также существенно снизится. Альбуи отмечает, что с учетом этих двух факторов корреляция между смертностью в колониальных условиях и риском экспроприации фактически исчезнет, что приведет к серьезной проблеме со слабой инструментальной переменной и сделает оценки модели нестабильными.

Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2012) ответили на вышеупомянутую критику, приведя многочисленные литературные источники в поддержку своей практики использования статистики соседних стран в качестве заменителей. Поскольку данные для многих латиноамериканских стран были получены из комбинации источников Куртина (Curtin, 1989; Curtin, 1995, Curtin, 1998) и Гутьерреса (Gutierrez, 1986), авторы использовали альтернативные сочетания этих данных для демонстрации надежности своих результатов и приняли показатели смертности британских моряков в Южной Америке в качестве прокси-данных. Однако эти ответы не развеяли сомнения. Литература, на которую ссылаются Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2012), не полностью подтверждает их практику дополнения данных статистикой соседних стран⁷. Независимо от принятого метода комбинирования, использование данных Гутьерреса (Gutierrez, 1986) по-прежнему подвергается критике со стороны Альбуи (Albouy, 2012). Гутьеррес просто сгруппировал различные города Латинской Америки по температуре и предположил, что в странах со схожим температурным режимом наблюдается схожая заболеваемость и, следовательно, схожий уровень смертности, что не является убедительным доказательством. Что касается альтернативного подхода, использующего показатели смертности британских моряков в Южной Америке, о которых сообщал Брайсон (Bryson, 1847), и экстраполирующего показатели смертности солдат на основе соотношения смертности британских моряков и военнослужащих в Средиземном море, о котором сообщал Таллох (Tulloch, 1841), то здесь также есть проблемы. Как отмечал Таллох, британские моряки и солдаты в Средиземноморье были сосредоточены в одних и тех же районах, что позволяло сравнивать показатели смертности от болезней. Однако в Южной Америке британских войск не было, а географическое положение и климат мест дисло-

⁷ Например, согласно Таллоху (Tulloch, 1838), они напрямую использовали данные командования Виндворд и Ливард для дополнения данных по Багамским островам, но Таллох указывает уровень смертности от болезней в 4,1% для темнокожих солдат и моряков на Багамах, тогда как в командовании Виндворд и Ливард уровень смертности от болезней составляет 4,2% для офицеров и 7,85% для армии, что отражает существенное расхождение при сравнении показателей смертности в вооруженных силах.

кации британских моряков и солдат в Вест-Индии и Северной Америке были разными, что делало невозможным прямое сравнение показателей смертности от болезней в этих регионах. Следовательно, нет достаточных оснований использовать соотношение смертности британских моряков и солдат в Средиземноморье для экстраполяции показателей смертности солдат на Южную Америку.

Во-вторых, что еще серьезнее, эта гипотеза не согласуется с историческими данными. Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2001) утверждали, что, поскольку в странах Латинской Америки в период колонизации уровень смертности был выше, чем в странах Северной Америки, в первых развивались хищнические институты, а в других — инклюзивные, что привело к более низким показателям экономического развития в этих странах. Однако в действительности существенной разницы в экономическом развитии между странами Латинской Америки и Северной Америки в течение длительного периода не наблюдалось.

Мэддисон (Maddison, 2006) собрал данные о реальном ВВП (в международных долларах 1990 г.) и численности населения для экономик мира с 1820 по 2001 г. Основываясь на этих данных, мы разделили этот период на пять сегментов: 1820—1870, 1870—1900, 1900—1930, 1930—1960 и 1960—1990 гг.⁸ Затем мы рассчитали среднегодовой совокупный темп роста реального ВВП на душу населения для Северной Америки (США и Канады) и восьми основных стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии, Мексики, Перу, Уругвая и Венесуэлы⁹) в каждом сегменте. Результаты представлены на рис. 3.

В течение трех периодов, вместе составивших около 100 лет, т.е. 1870—1900, 1900—1930 и 1930—1960 гг., не наблюдалось существенной разницы между Северной Америкой и основными странами Латинской Америки в среднегодовом совокупном темпе роста реального ВВП на душу населения. В начале XX в. средний темп роста основных стран Латинской Америки достигал около 1,6%, что превышало североамериканский уровень,

⁸ В период 1820—1870 гг. данные в основном сегментированы по декадам, но по основным латиноамериканским странам доступны только данные за 1820 и 1870 гг., отсутствуют данные за период 1830—1860 гг. Поэтому мы взяли пятидесятилетний интервал 1820—1870 гг. как первый временной период, а последующие периоды — по 30 лет.

⁹ В работе (Acemoglu et al., 2001) сообщается, что уровень смертности среди европейских поселенцев в США и Канаде составляет 15,0 и 16,1 на 1000 соответственно. Среди восьми основных рассмотренных стран Латинской Америки самые низкие показатели смертности наблюдаются в Аргентине и Чили — 68,9 на 1000, а самые высокие — в Венесуэле — 78,1 на 1000. Остальные страны попадают в диапазон 71,0 на 1000. Примечательно, что даже самые низкие показатели смертности, наблюдаемые в Аргентине и Чили, превосходят показатели США более чем в четыре раза. Согласно теории, выдвинутой Аджемоглу и соавторами, эти страны Латинской Америки, как ожидается, будут демонстрировать заметно более слабые показатели экономического развития в долгосрочной перспективе по сравнению со своими североамериканскими коллегами.

составлявший около 1,4%. Соответственно, различия в показателях экономического развития между двумя регионами в основном проявились в периоды 1820–1870 и 1960–1990 гг., при этом разница в темпах роста составляла приблизительно 1,2 и 0,8 п. п. соответственно.

Как известно, европейская колонизация обеих Америк началась еще в XVI–XVII вв. Если «первоначальные» институты колониального периода были главными факторами долгосрочного экономического развития этих двух типов стран, то трудно объяснить, почему на протяжении почти столетия средние экономические результаты крупнейших стран Латинской Америки были аналогичны показателям Северной Америки, а в течение значительного периода даже превосходили их.

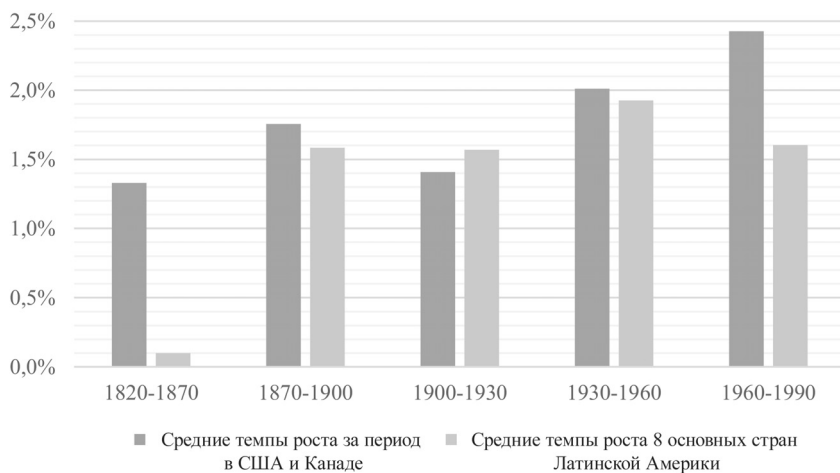

Рис. 3. Темпы роста ВВП на душу населения (в сложных процентах в год) в Северной и Латинской Америке
Источник: (Maddison, 2006).

Эта неоднородность становится еще более выраженной, если мы сосредоточимся на сравнении страновых показателей в динамике. Как показано на рис. 4, иллюстрирующем темпы роста реального ВВП на душу населения (составной годовой темп) для США, Канады, Аргентины и Чили в периодах 1870–1900, 1900–1930, 1930–1960 и 1960–1990 гг., разрыв в экономических результатах Аргентины и Чили по сравнению с североамериканскими странами в основном расширился после 1930-х гг. В конце XIX в. темпы роста доходов в Аргентине были даже значительно выше, чем в странах Северной Америки, при совокупном годовом росте реального ВВП на душу населения в 2,5%. Фактически в то время Аргентина была одной из самых эффективных экономик мира. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения, что «первоначальный» колониальный институт

не является главным фактором, определяющим долгосрочные результаты экономического развития страны.

В-третьих, они неверно поняли фундаментальные факторы, определяющие динамику развития. В конце XIX — начале XX в. латиноамериканские страны, такие как Аргентина и Чили, в основном ориентировались на земельно- и ресурсозатратные отрасли — сельское хозяйство и добычу полезных ископаемых, и в то время демонстрировали относительно хорошие результаты. Однако они так и не смогли развить обрабатывающую промышленность, начиная с трудоемкого производства, как это в самом начале сделали США по инициативе Александра Гамильтона. Когда в 1930-е гг. их настигла Великая депрессия, латиноамериканские государства понесли значительные убытки из-за неэластичного предложения ресурсной продукции, вследствие чего цены на их продукцию падали гораздо более резко, чем цены на промышленные товары.

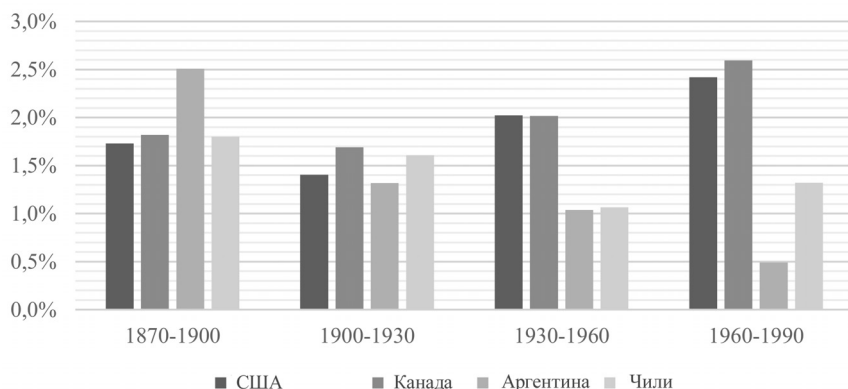

Рис. 4. Темпы роста ВВП на душу населения (в сложных процентах в год) в странах Америки

Источник: (Maddison, 2006).

Экономисты Латинской Америки неверно истолковали этот феномен и предложили «теорию центра — периферии», утверждая, что промышленно развитые страны являются центром, а страны, богатые ресурсами, — периферией. Если бы страны, богатые ресурсами, не смогли создать собственные независимые промышленные системы и вместо этого полагались исключительно на экспорт сырья, они бы навсегда остались в роли «периферии», эксплуатируемой странами «центра» и навсегда застрявшей в ловушке неразвитости. Они считали, что рынок приведет к серьезной поляризации и экономической отсталости внутри страны, в то время как внешняя торговля станет причиной потери ценных ресурсов, продаваемых по низким ценам.

Исходя из этого, они ожидали ухудшения условий торговли сырьевыми товарами, которые являются основной статьей экспорта их стран. Под влиянием структурализма, пропагандируемого Пребишем (Prebisch, 1950) и другими, многие страны Латинской Америки приняли стратегию «импортозамещения». Целью такой стратегии было развитие отечественного производства для замены импорта. На первом этапе предполагалось производство потребительских товаров, а на втором этапе приоритет отдавался тяжелой промышленности, т.е. вторичному импортозамещению.

Однако большинство этих стран Латинской Америки обладали относительно большим количеством рабочей силы или природных ресурсов и относительно ограниченным капиталом. При такой структуре обеспеченности факторами производства они не имели сравнительных преимуществ в приоритетных капиталоемких отраслях. Предприятия в приоритетных отраслях были нежизнеспособны на свободном конкурентном рынке (Lin, Tan, 1999). Для достижения этой стратегической цели правительство использовало ряд политических инструментов, включая сдерживание процентных ставок, завышение обменного курса и прямое выделение кредитов и иностранной валюты предприятиям в приоритетных отраслях административными средствами для поддержки их инвестиций и деятельности (Lin, 2009).

Многие предприятия в приоритетных отраслях были национализированы. В Бразилии, где проводилась стратегия импортозамещения, в 1984 г. 81 из 200 крупнейших предприятий принадлежали государству, на долю которого приходилось 74,2% совокупных активов и 56,3% чистой выручки этих 200 крупных предприятий (Chen et al., 1987). Финансовые репрессии привели к тому, что уровень доступных банковских средств (доля M2 в ВВП) в этих странах оказался значительно ниже, чем в других странах. В табл. 3 представлены коэффициенты обеспеченности заемными средствами в странах с различными стратегиями развития. В Бразилии и Аргентине, принявших стратегию импортозамещения, средние коэффициенты обеспеченности заемными средствами составляли всего 16,8 и 22,2% соответственно в период с 1960 по 1975 г., что значительно ниже показателей промышленно развитых стран (США и Франции) и развивающихся стран с другими стратегиями (Сингапура и Тайваня), где коэффициент обеспеченности заёмными средствами в тот же период, как правило, превышал 50% (Cody et al., 1980).

В свою очередь, в условиях политики низких процентных ставок и высокой степени регулирования любая фирма, претендующая на государственное распределение средств, получает выгоду из разницы между их рыночной ценой и регулируемой ценой. Это привело к распространению практик поиска ренты. На самом деле «экстрактивные институты» латиноамериканских стран, на которые ссылались Аджемоглу и соавторы, возникли не вследствие первоначальных колониальных институтов, а как

эндогенный ответ на необходимость поддерживать нежизнеспособные предприятия в отраслях, приоритетно развиваемых правительством в рамках стратегии импортозамещения, противоречащей сравнительным преимуществам. Другие страны, такие как Египет, Индонезия, Индия, Китай и многие другие развивающиеся страны, также имели схожие институциональные механизмы: они приняли стратегию импортозамещения вопреки сравнительным преимуществам под влиянием преобладающего структуралистского мышления в области развития в эпоху после Второй мировой войны несмотря на то, что у них было разное национальное историческое происхождение (Lin, 2009; Lin, 2011b). Кроме того, отрасли, приоритетно поддерживаемые этой стратегией, способны создавать лишь ограниченное число рабочих мест, что приводит к массовой безработице и неравенству в стране. Это, в свою очередь, породило различные популистские политики и политические колебания в латиноамериканских странах и, как следствие, невысокую динамику экономического развития (Lin, 2009).

Таблица 3

Сравнение ставок заемного капитала для различных стратегий развития

Экономика	Год	M2/ВВП
Экономики со стратегией импортозамещения		
Бразилия	Среднее за 1960–1975 гг.	0.168
Аргентина	Среднее за 1960–1975 гг.	0.222
Развитые индустриальные экономики		
США	Среднее за 1960–1975 гг.	0.665
Франция	Среднее за 1960–1975 гг.	0.533
Экономики с другой стратегией развития		
Сингапур	1975 г.	0.750
Китай, Тайвань	1975 г.	0.702

Источник: (Cody et al., 1980).

Новая структурная экономика: взгляд на стратегии развития и экономические результаты¹⁰

Правительство — важнейший институт в любой экономике. Его экономическая политика формирует структуру макроэкономических стимулов, с которой сталкиваются предприятия. Чтобы объяснить успех или неудачу

¹⁰ В этом разделе использованы материалы работ (Lin, 2003) и (Lin et al., 2004).

экономической конвергенции в менее развитой стране (МРС), мы проанализируем экономическую политику государства в отношении промышленного развития и разделим ее на различные стратегии. В целом стратегии развития делятся на две взаимоисключающие группы: стратегия отрицания сравнительных преимуществ (ОСП) и стратегия использования сравнительных преимуществ (ИСП). Стратегия ОСП поддерживает появление предприятий и их работу в отраслях, противоречащих сравнительным преимуществам экономики, которые определяются ее структурой обеспеченности факторами производства. Стратегия ИСП способствует работе фирм в отраслях, соответствующих сравнительным преимуществам экономики.

Ни одна страна никогда не придерживалась строго и неизменно ни одной из этих стратегий. Однако некоторые страны следовали одной из стратегий достаточно последовательно, чтобы считаться образцом данного подхода. Более того, страна, изначально выбравшая определенную стратегию, впоследствии может от нее отказаться. Смена стратегии представляет ценную возможность тщательно сравнить воздействие разных подходов в рамках одной страны.

Стратегия отрицания сравнительных преимуществ (ОСП). Для большинства менее развитых экономик характерен относительный избыток рабочей силы и дефицит капитала. На свободном, открытом и конкурентном рынке фирмы в таких странах обычно выходят в сравнительно трудоемкие отрасли и применяют трудоемкие производственные технологии. Однако их политические лидеры и интеллектуалы часто отождествляют индустриализацию, особенно передовую капиталоемкую тяжелую индустриализацию, с модернизацией. Они выступают за то, чтобы их страны развивали капиталоемкие тяжелые отрасли по примеру развитых экономик и как можно быстрее внедряли самые передовые производственные технологии.

Учитывая существующую структуру факторного эндаумента, эти фирмы не будут жизнеспособны на свободном, открытом и конкурентном рынке. При сохранении такого рынка фирма, следующая стратегии своего правительства, будет нести убытки в связи с этой политической нагрузкой (Lin, Tan, 1999). Поскольку правительство отвечает за работу предприятия в конкретной отрасли и внедрение конкретной технологии, оно несет ответственность за убытки такой фирмы. Следовательно, для реализации стратегии ОСП правительство должно предоставить предприятиям политическую субсидию для компенсации этих потерь.

В действительности размер субсидий, необходимых для компенсации политического бремени, зависит от того, насколько продвигаемая отрасль или технология отклоняются от сравнительных преимуществ экономики. Если разрыв невелик, правительство может использовать налоговые льготы или прямые бюджетные трансферты для субсидирования фирмы. Однако, когда правительство менее развитой страны реализует стратегию развития, основанную на принципах ОСП, этот разрыв часто

оказывается значительным, что требует специальных институциональных механизмов для достижения целей стратегии.

Когда правительство менее развитой страны реализует стратегию ОСП, одними из наиболее распространенных методов субсидирования являются регулирование и сдерживание процентных ставок для снижения капитальных издержек в проектах. Кроме того, оборудование, необходимое для проектов ОСП, как правило, не может быть произведено внутри этой страны и должно импортироваться из развитых стран (РС). В результате доступ к иностранной валюте имеет решающее значение. Однако в МРС иностранная валюта обычно дефицитна и дорога, поскольку их экспорт ограничен и в основном состоит из сельскохозяйственной продукции и сырья, обладающих низкой стоимостью. Чтобы снизить затраты на импорт оборудования для проектов ОСП, правительство склонно завышать курс национальной валюты и занижать курс иностранной.

С одной стороны, искажения процентных ставок и обменных курсов стимулируют фирмы как в приоритетных, так и в неприоритетных секторах к увеличению спроса на капитал и иностранную валюту. С другой стороны, эти искажения ослабляют стимулы к сбережению и экспорту, тем самым снижая доступность капитала и иностранной валюты в экономике. В результате возникнет дефицит как одного, так и другого, и правительству приходится прибегнуть к административным мерам для нормирования капитала и иностранных резервов, чтобы обеспечить фирмам, ориентированным на ОСП, необходимые ресурсы для выполнения стратегических задач. Это ограничивает или даже полностью заменяет рыночную функцию распределения ресурсов прямым государственным нормированием.

Теоретически, правительство, принимающее стратегию ОСП, должно нести ответственность только за предоставление субсидии для покрытия убытков, вызванных бременем политики. Однако из-за асимметрии информации оно не может отличить убытки, вызванные этой нагрузкой, от убытков, связанных с обычной хозяйственной деятельностью. Фирмы будут использовать политическое бремя как оправдание и выделять ресурсы для лоббирования правительства с целью получения авансом политических льгот: доступ к кредитам с низкими процентными ставками, налоговые послабления, тарифная защита и легальные монополии. Если предприятия по-прежнему несут убытки после получения таких преференций, они обратятся за дополнительной административной поддержкой, например, за более льготными кредитами. В результате экономика будет пронизана практиками поиска ренты или прямо непродуктивного извлечения прибыли. Поскольку фирмы могут использовать политическое бремя в качестве козыря для получения дополнительной государственной поддержки, а правительству сложно уклониться от своих обязательств, бюджетные ограничения предприятий становятся мягкими. При наличии мягких бюджетных ограничений у менеджеров фирм отсутствует давление,

необходимое для повышения производительности, и они могут позволять себе служебное потребление и другие формы недобросовестного поведения (moral hazard). Фактически, субсидии могут оказаться значительно выше, чем требуется для компенсации первоначальной политической нагрузки.

Стратегия использования сравнительных преимуществ (ИСП). Правительство менее развитой страны может принять альтернативную стратегию — ИСП. Эта стратегия поощряет фирмы входить в отрасли, соответствующие сравнительным преимуществам страны, определяемым ее структурой обеспеченности факторами производства, и использовать производственные технологии, соответствующие этим преимуществам. Компании в таких отраслях будут жизнеспособны, т.е. при нормальном управлении они смогут получать социально приемлемую нормальную прибыль (Lin, Tan, 1999).

Как обсуждалось выше, отрасли, в которых экономика обладает сравнительным преимуществом, а также соответствующие им производственные технологии определяются относительной обеспеченностью страны факторами производства. Однако руководители предприятий, как экономические агенты микроуровня, могут не иметь информации или не беспокоиться о фактической обеспеченности факторами производства. Их главными заботами являются цены на продукцию и издержки производства. Они войдут в соответствующую отрасль и выберут правильную технологию производства только в том случае, если относительные цены на факторы производства точно отражают относительное изобилие факторов, что возможно только на конкурентном рынке. Поэтому, когда правительство менее развитой страны принимает стратегию ИСП, его основная политика заключается в устранении всех потенциальных препятствий для функционирования свободных, открытых и конкурентных рынков товаров и факторов производства.

Приведенные выше рассуждения предполагают, что фирмы в экономике имеют свободный доступ к информации о товарных рынках, отраслях и производственных технологиях. Когда структура обеспеченности факторами производства экономики меняется и становится относительно капиталоемкой, фирмы будут модернизировать свои продукты или технологии, переходя от менее капиталоемких отраслей к более капиталоемким. В реальности такая информация может быть недоступна. Поэтому необходимо вкладывать ресурсы в поиск, сбор и анализ информации об отрасли, продуктах и технологиях. Если фирма осуществляет эту деятельность самостоятельно, добытая информация становится конфиденциальной, и другим предприятиям придется делать аналогичные инвестиции, чтобы получить те же сведения, что приведет к избыточным затратам на сбор информации. Поскольку информация обладает свойствами общественного блага, после ее сбора и обработки издержки ее распространения практически равны нулю. Таким образом, правительство может собирать

информацию о новых отраслях, рынках и технологиях и делать ее общедоступной в форме промышленной политики для всех фирм.

Модернизация технологий и промышленности в экономике часто требует координации между различными предприятиями и секторами. Например, новые отрасли или технологии могут предъявлять иные требования к человеческому капиталу или навыкам по сравнению с прежними. Одна фирма может не иметь возможности удовлетворить эти новые требования собственными силами и будет вынуждена обращаться к внешним источникам. Следовательно, успешная модернизация промышленности и технологий экономики зависит от наличия внешнего предложения нового человеческого капитала. Помимо человеческого капитала, предприятиям, проходящим модернизацию, могут также потребоваться услуги новых финансовых институтов, новые торговые соглашения, маркетинговые и дистрибьюторские возможности, а также улучшение материальной инфраструктуры, такой как энергоснабжение, порты и дорожные сети. Таким образом, правительство может также использовать промышленную политику для координации деятельности предприятий в различных отраслях и секторах, чтобы способствовать модернизации промышленности и технологий экономики.

Модернизация промышленности и технологий является формой инноваций и по своей природе сопряжена с риском. Даже при наличии информации и координации, обеспеченных государственной промышленной политикой, попытка фирмы модернизироваться может потерпеть неудачу из-за чрезмерно амбициозных целей, ограниченного объема нового рынка или недостаточной координации при улучшении физической и социальной инфраструктуры. Неудача сигнализирует другим фирмам о том, что цели промышленной политики могут быть неадекватными, что позволяет им избежать подобных неудач. Другими словами, фирма-первопроходец несет издержки от неудач и генерирует ценную информацию для других предприятий. Если фирма-первопроходец добивается успеха, ее успех также создает положительные экстерналии для других фирм, побуждая их участвовать в аналогичных модернизациях. Эти последующие улучшения снизят потенциальную ренту, которую могла бы получить фирма-первопроходец. Таким образом, существует асимметрия между издержками от неудач и выгодами от успеха для фирмы-первопроходца. Для компенсации этих внешних эффектов и асимметрии между потенциальными издержками и выгодами правительство может предоставлять определенные формы субсидий, такие как налоговые льготы или гарантии по кредитам, компаниям, которые изначально следуют государственной промышленной политике.

Важно отметить принципиальное различие между промышленной политикой стратегий ОСП и ИСП. Отрасли, стимулируемые стратегией ИСП, соответствуют сравнительным преимуществам, определяемым

структурой факторной обеспеченности экономики и ее изменениями. В отличие от них, приоритетные отрасли, стимулируемые стратегией ОСП, не соответствуют сравнительным преимуществам страны. Таким образом, компании, использующие стратегию ИСП, жизнеспособны, и небольшой, ограниченной по времени субсидии обычно бывает достаточно для компенсации информационных экстерналий. И наоборот, компании, использующие стратегию ОСП, нежизнеспособны и для выживания полагаются на масштабную и постоянную государственную поддержку.

Стратегия ИСП и стратегия ОСП: теоретические сравнения. Для любой МРС стремление догнать развитые страны разумно. Стратегия ОСП привлекательна для политических лидеров, широкой общественности и элиты интеллектуалов в МРС, поскольку они непосредственно наблюдают различия в структурах промышленности между развитыми странами и своими собственными и отмечают корреляцию между уровнем производительности труда в промышленности и доходом на душу населения. Однако именно стратегия ИСП позволяет МРС догнать развивающиеся страны, в то время как стратегия ОСП фактически препятствует этому. Многие другие теории также пытались объяснить успех или неудачу МРС в достижении устойчивого экономического развития. Концепция стратегии ИСП/ОСП предлагает единое объяснение.

Накопление капитала

Оптимальная структура производства экономики эндогенно определяется структурой ее обеспеченности ресурсами. Следовательно, если менее развитая страна стремится достичь структуры производства, аналогичной структуре развитой страны, ей необходимо сначала сократить разрыв между структурами обеспеченности факторами производства. Улучшение структуры обеспеченности факторами производства означает увеличение доли капитала по отношению к труду. Накопление капитала зависит от размера излишков или прибыли, получаемых фирмами, и нормы сбережений экономических агентов.

При использовании стратегии ИСП фирма входит в отрасль, в которой она обладает сравнительным преимуществом, и внедряет наименее затратную производственную технологию. В результате фирма становится конкурентоспособной, занимает наибольшую долю рынка и генерирует наибольший излишек или прибыль. Капитал, вложенный в отрасли, следующие этому сравнительному преимуществу, также будет иметь максимально возможную норму прибыли. Это создает серьезный стимул к сбережению для экономических агентов. Более того, правительство не искажает цены на факторы производства и товары и не использует административную власть для создания легальных монополий. В результате не остается места для расточительной деятельности по извлечению ренты. Компании

имеют жесткие бюджетные ограничения и должны улучшать управление и конкурентоспособность для получения прибыли.

Напротив, стратегия ОСП оказывает противоположное влияние на конкурентоспособность компаний, норму прибыли, рентную деятельность и смягчение бюджетных ограничений в приоритетных отраслях по сравнению со стратегией ИСП. Следовательно, обновление структуры целевого капитала происходит быстрее в рамках стратегии ИСП, чем в рамках стратегии ОСП.

Технологический прогресс

Модернизация структуры факторного эндаумента экономики закладывает основу для модернизации промышленной структуры (Basu, Weil, 1998). Для компаний в МРС целевая новая отрасль может перенять опыт развитых стран. Стоимость обучения в рамках стратегии ИСП ниже, чем в рамках стратегии ОСП, поскольку технологический разрыв между новыми и старыми отраслями в первом случае меньше (Barro, Sala-i-Martin, 1997; Hidalgo et al., 2007).

Более того, для многих целевых технологий в рамках стратегии ИСП срок действия патентной защиты мог уже истечь. Даже если технология все еще охраняется патентом, лицензионный сбор в рамках стратегии ИСП, вероятно, будет ниже, чем в рамках стратегии ОСП, при прочих равных условиях, поскольку целевая технология в рамках стратегии ИСП, как правило, старше. В некоторых случаях фирмы, использующие стратегию ОСП, не могут получить технологию от развитых стран и вынуждены самостоятельно инвестировать в дорогостоящие и рискованные НИОКР, фактически «изобретая велосипед». Таким образом, стоимость приобретения технологий в рамках стратегии ИСП ниже, чем в рамках стратегии ОСП.

Открытость международной торговли

Ряд эмпирических исследований показал, что открытые страны демонстрируют более выраженные тенденции к конвергенции, чем закрытые (Harberger, 1985; Dollar, 1992; Warr, 1994; Ben-David, 1993; Sachs, Warner, 1995; Harrison, 1996; Michaely, 1977; Frankel, Romer, 1999). Считается, что международная торговля способствует диффузии технологий. Чон-Ва Ли (Lee, 1995) обнаружил, что страны, импортирующие больше средств производства, как правило, растут быстрее — возможно потому, что именно в средствах производства могут быть заключены новые технологии. Однако Родригес (Rodríguez, 2000) утверждал, что «методологические проблемы эмпирических стратегий, используемых в этой литературе, оставляют результаты открытыми для различных интерпретаций», что делает неясной роль торговой политики. Например, если импорт оборудо-

вания способствует передаче технологий, неясно, следует ли правительству принимать меры по содействию такому импорту или проводить либерализацию торговли путем снижения тарифов и нетарифных барьеров.

В нашей модели страна, принимающая стратегию ИСП, будет импортировать товары, по которым у нее нет сравнительных преимуществ, и экспортировать товары, по которым преимущества у нее есть. Для такой страны открытость определяется эндогенно ее структурой обеспеченности факторами производства, а не экзогенной импортно-экспортной политикой (Lin, 2009). Если правительство МРС примет стратегию ОСП и попытается заменить импорт капиталоемких промышленных товаров отечественным производством, это приведет не только к сокращению импорта страны, но и к подавлению ее экспорта. Последнее связано с перенаправлением ресурсов из отраслей, обладающих сравнительным преимуществом, в приоритетные сектора, определяемые стратегией ОСП. Кроме того, обменный курс может быть завышен для поддержки развития приоритетных отраслей, что фактически ограничивает экспортные возможности. Примерами такой ситуации являются социалистические страны, Индия и многие страны Латинской Америки. По сравнению с экономиками, которые более точно следовали стратегии ИСП, показатели роста этих стран разочаровывают.

Даже если правительство менее развитой страны, приняв стратегию ОСП, будет стимулировать фирмы в приоритетных капиталоемких отраслях к экспорту, экспорт все равно может быть убыточным. Хотя эти компании могут иметь высокий уровень экспорта на внешние рынки (*export-to-foreign-market ratio*) и добиваться быстрого технологического прогресса, их выживание зависит от защиты внутреннего рынка, льготных банковских кредитов и других мер политической поддержки. Такая страна будет иметь слабый платежный баланс, накапливать внешний долг и оставаться уязвимой к внешним шокам. Хотя для МРС может быть выгоднее принять стратегию ОСП, стимулирующую экспорт, чем стратегию, делающую упор на импортозамещение, в целом экономика, придерживающаяся стратегии стимулирования экспорта за пределами своих сравнительных преимуществ, будет демонстрировать худшие результаты, чем экономика, придерживающаяся стратегии ИСП. Следовательно, не всегда верно, что увеличение экспорта обязательно приводит к более высокому росту ВВП.

Финансовая глубина экономики

Со времени новаторских работ Э. С. Шоу (Shaw, 1969) и Р. Маккиннона (McKinnon, 1973) многие исследователи утверждали, что существует причинно-следственная связь между финансовой глубиной экономики и экономическим ростом. Для измерения финансовой глубины обычно используется показатель $M2/ВВП$, или отношение общего объема кре-

дитов, предоставленных финансовыми посредниками частному сектору, к ВВП. Эмпирические данные подтверждают эту гипотезу (Levine, 1997; Rajan, Zingales, 1998).

Однако степень развития финансового сектора в менее развитых странах (МРС) в значительной степени зависит от государственной стратегии развития. В рамках стратегии ОСП крупные капиталоемкие компании являются основными проводниками государственной стратегии развития. Чтобы удовлетворить финансовые потребности этих нежизнеспособных крупных компаний, правительство часто национализировало их и использует прямые фискальные ассигнования для их поддержки, минуя финансовое посредничество. Такая ситуация наблюдалась в бывших социалистических плановых экономиках, сохраняется в Индии и многих других менее развитых странах. Даже если правительство опирается на частные компании для реализации стратегии ОСП, значительные финансовые потребности крупных компаний могут быть удовлетворены только за счет жестко регулируемой олигополистической банковской системы, что приводит к заниженным процентным ставкам. В любом случае финансовая система страны будет недостаточно развита.

Наиболее конкурентоспособные и динамичные компании в менее развитых странах часто представляют собой трудоемкие малые и средние предприятия. Однако крупные банки дискриминируют эти компании и часто отказывают им в доступе к финансовым услугам. В результате финансовая система крайне неэффективна. Более того, компании приоритетных секторов, получающие преимущественный доступ к банковским кредитам, нежизнеспособны и могут не выплачивать кредиты. Банки часто накапливают большой объем безнадежных долгов крупных компаний в приоритетных секторах, что может провоцировать финансовые кризисы. Поэтому необходимым условием для развития финансовой системы в наименее развитых странах является смена государственной стратегии развития со стратегии ОСП на стратегию ИСП.

Макроэкономическая стабильность

Многочисленные эмпирические исследования показали, что макроэкономическая волатильность может препятствовать долгосрочному росту (Barro, Sala-i-Martin, 1997). Если правительство МРС примет стратегию ОСП, компании в приоритетных отраслях окажутся нежизнеспособными и будут зависеть от льготных кредитов, торговых барьеров и других мер поддержки для выживания. Поскольку существующие сравнительные преимущества не используются, экономика в целом будет недостаточно конкурентоспособной, и устойчивые динамические изменения в сравнительных преимуществах экономики окажутся невозможны, что приведет к снижению экономических показателей. Экономика будет иметь слабый

финансовый сектор и неудовлетворительное внешнеэкономическое положение. Бюджетный дефицит, долговое бремя и финансовая нестабильность будут накапливаться, подрывая макроэкономическую стабильность.

Напротив, страна, которая следует стратегии ИСП, будет иметь лучший платежный баланс, более здоровую финансовую и налогово-бюджетную систему, более высокую устойчивость к внешним шокам и лучшие показатели макроэкономической стабильности.

Распределение доходов

Взаимосвязь между распределением доходов и экономическим развитием — одна из старейших тем в экономике развития. Саймон Кузнец (Kuznets, 1955) предложил гипотезу перевернутой U-образной формы, предполагающую, что неравенство имеет тенденцию к росту на начальных этапах экономического развития, а затем к обратному движению на более поздних. Однако доказательства этой гипотезы неоднозначны. Некоторые кросс-секционные исследования подтверждают ее (Paukert, 1973; Cline, 1975; Chenery, Syrquin, 1975; Ahluwalia, 1976), но исследование Гэри Филдса (Fields, 1991), проведенное с учетом 43 эпизодов в 19 странах, не выявило тенденции к росту неравенства в более бедных странах или к снижению неравенства в более богатых странах. Исследование Джона Фэя, Густава Раниса и Ширли У. И. Куо (Fei et al., 1979), показало, что экономика Тайваня достигла роста за счет обеспечения равенства. Мы предполагаем, что в МРС принятие стратегии ИСП смягчит неравенство доходов, тогда как принятие стратегии ОСП усугубит его. В МРС важнейшим активом бедных является их труд. Стратегия ИСП способствует развитию более трудоемких отраслей, которые могут создать больше рабочих мест для бедных, повысить уровень заработной платы и дать им возможность воспользоваться преимуществами экономического роста. Это приводит к более справедливому распределению доходов.

Напротив, стратегия ОСП, поддерживая развитие более капиталоемких отраслей, сокращает возможности трудоустройства для бедных и снижает заработную плату работников с низкими доходами. Такой рост неустойчив. Когда экономика сталкивается с трудностями, как показали Восточноазиатский финансовый кризис (Stiglitz, 1998) и мировой финансовый кризис 2008 г. (Almeida, 2020; Chen et al., 2019), бедные несут на себе основное бремя.

Подводя итог, мы утверждаем, что соответствие промышленности и технологий сравнительным преимуществам экономики имеет решающее значение для международного распространения необходимых технологий, ускорения экономического роста, достижения конвергенции и обеспечения справедливого распределения доходов. Динамика сравнительных

преимуществ экономики зависит от динамики изменений в ее структуре факторного обеспечения, которая, в свою очередь, зависит от скорости накопления капитала. Накопление капитала определяется тем, насколько эффективно экономические агенты используют существующие сравнительные преимущества в своих отраслях и технологиях. МРС, которая использует сравнительные преимущества, основанные на обеспеченности факторами производства, в качестве руководящего принципа при выборе отраслей и технологий, может минимизировать затраты на обучение новым технологиям, иметь более быстрые изменения в своей структуре обеспеченности, постоянно модернизировать свою промышленную структуру и улучшить распределение доходов.

Стратегия ИСП и стратегия ОСП: реальные экономические результаты.

В реальном мире, особенно в странах Латинской Америки, выбор стратегии ОСП приводит к нескольким последствиям. Во-первых, он ведет к неудовлетворительным темпам роста и снижению уровня доходов. Если посмотреть на совокупные годовые темпы роста реального ВВП на душу населения в 1930–1960 и 1960–1990 гг., то в Аргентине темпы роста составляли всего 1,0 и 0,5%, в Чили — 1,1 и 1,3%, а в Уругвае — 0,5 и 0,9%, в то время как в США темпы роста составляли 2,0 и 2,4% за тот же период (Maddison, 2006). Эти темпы роста не только не дотягивают до уровня США, но и увеличивают разрыв в развитии между странами Латинской Америки и США.

Во-вторых, такой выбор приводит к искажению экономической и социальной структуры, что ухудшает распределение доходов. Стратегия приоритетного развития капиталоемких отраслей приводит к дисбалансу в промышленной структуре и ограничению ее возможностей по трудоустройству. Например, в период с 1970 по 2000 г. средний уровень безработицы в Аргентине, Чили и Уругвае составлял 7,14, 9,68 и 9,42% соответственно, что является относительно высоким показателем. Большая доля населения с низкими доходами препятствует улучшению распределения доходов по мере экономического развития. Например, в Бразилии доля совокупного дохода, принадлежащая 5% самых богатых граждан, составляла 27,7% в 1960 г. и выросла до 39% в 1976 г. За тот же период доля совокупного дохода, принадлежащая 50% самых бедных граждан, сократилась с 17,7 до 11,8%. Иными словами, в 1976 г. среднедушевой доход самых богатых 5% населения был в 33 раза выше, чем у самых бедных 50%. В терминах коэффициента Джини он составлял 0,50 в 1960 г., 0,56 в 1970 г. и 0,60 в 1976 г. (Griffin, 1999).

В-третьих, это приводит к неэффективности и снижению благосостояния. Для реализации стратегии ОСП правительство проводит политику строгого протекционизма и субсидирования некоторых промышленных секторов. Эти отрасли и предприятия, занимающие монопольное положение и защищенные от внешней конкуренции, теряют стимулы к тех-

нологическим инновациям и совершенствованию управления бизнесом, что приводит к низкой эффективности. Наиболее заметным проявлением в этих экономиках выступает распространение рентного поведения. Поскольку государство дифференцирует отрасли посредством лицензирования, квот, кредитов с низкими процентными ставками и ценовых интервенций, а предприятия могут получать прибыль просто за счет этих преференциальных условий или субсидий, частные предприниматели вкладывают значительные человеческие, материальные и финансовые ресурсы в погоню за такой системной рентой. Это не только коррумпирует чиновников и подрывает репутацию правительства, но и приводит к растрате ресурсов и чистому снижению национального благосостояния. Согласно оценкам для Бразилии в 1967 г. (Griffin, 1999), если потери ВВП из-за нерационального распределения ресурсов, вызванного протекционизмом, составляли 1%, то потери, вызванные рентоориентированным поведением, составляли 7–9%. Долгосрочная высокая степень защиты обрабатывающей промышленности является важной особенностью экономики, придерживающихся стратегии ОСП (Krueger, 1974).

В-четвертых, это ухудшает бюджетную ситуацию и приводит к инфляции. Поскольку эти страны выходят за рамки своего самостоятельного развития и начинают полагаться на государственные субсидии или прямые государственные инвестиции для развития капиталоемких отраслей, они увеличивают свое бюджетное бремя и могут столкнуться с огромным бюджетным дефицитом. Чтобы восполнить этот финансовый дефицит, они активно заимствуют средства из внешних источников. Например, после 1970-х гг., особенно в начале 1980-х гг., Бразилия и Мексика, стремясь к быстрому росту и расширению инвестиций, накопили огромные долги, что привело к череде долговых кризисов. Темпы их роста резко упали, в некоторых случаях даже до отрицательных значений, а уровень жизни населения снижался более десяти лет. Инфляция также является распространенной проблемой во многих странах, придерживающихся стратегии ОСП. Для искусственного поддержания темпов экономического роста применяется ряд макроэкономических мер, стимулирующих инвестиции и расширение масштабов капитального строительства. Вследствие внутренней несбалансированности структуры промышленности перегрев экономики приводит к появлению множества узких мест. Недостаток продукции и факторов производства приводит к росту цен, создавая относительно серьезную инфляцию. Например, в период с 1970 по 2000 г. среднегодовые темпы инфляции в Мексике и Чили составляли 34,6 и 76,5% соответственно, а в Аргентине и Бразилии они достигали чрезвычайно высоких значений — 295,6 и 386,9% соответственно¹¹.

¹¹ Данные получены из открытых данных Всемирного банка.

Как можно видеть, коренная причина неспособности некоторых развивающихся экономик догнать конкурентов заключается именно в выборе ими стратегии ОСП, а также в сопутствующей макроэкономической политике, которая искажает относительные цены на продукты и факторы, и в системе государственного управления, основанной на вмешательстве государства в экономику.

Опыт развития восточноазиатских «четырёх малых драконов» служит хорошим примером преимуществ стратегии ИСП. Как и многие другие развивающиеся экономики, Тайвань, Южная Корея, Гонконг и Сингапур после Второй мировой войны были очень бедны. В начале 1950-х гг. уровень их индустриализации был низким, капитальные и валютные резервы — крайне ограниченными, а доходы на душу населения — крайне низкими. Они также столкнулись с проблемой выбора подходящего пути экономического развития. Тайвань, Южная Корея и Сингапур сначала приняли стратегию импортозамещения (ОСП), но отказались от попыток развития тяжелой промышленности на ранних этапах. Вместо этого, опираясь на имеющиеся факторы производства, они активно развивали трудоемкие отрасли, стимулировали экспорт и расширяли экспортоориентированную экономику, чтобы в полной мере использовать свои сравнительные преимущества.

В развитых странах, таких как многие европейские государства, США и Япония, трудоемкие отрасли постепенно заменялись технологически и капиталоемкими отраслями вследствие увеличения капитальных ресурсов и роста уровня заработной платы. В Гонконге, Тайване, Южной Корее и Сингапуре рабочая сила была в изобилии и стоила дешево. Таким образом, когда сравнительные преимущества развитых стран сместились в сторону более капиталоемких и технологически емких отраслей, «четыре малых дракона» смогли воспользоваться возможностями для роста. Благодаря торговым связям и экономической открытости трудоемкие производства из развитых стран были перемещены в эти азиатские экономики. Интенсивно используя свои сравнительные преимущества, «четыре малых дракона» достигли высокой конкурентоспособности и быстро накопили капитал. Наряду с накоплением капитала и изменением сравнительных преимуществ, они постепенно перешли к более капиталоемким и высокотехнологичным отраслям. В результате «Четыре малых дракона» получили более 30 лет быстрого роста, сначала став новыми индустриальными экономиками, а затем достигнув или почти достигнув уровня развитых экономик (Lin, 2003; Lin, 2009).

Эмпирические данные

В предыдущих разделах рассматривалось влияние стратегий развития на институциональные механизмы, экономический рост и распределе-

ние доходов внутри страны. Исходя из этого, мы можем выделить некоторые поддающиеся наблюдению тенденции в развивающихся странах. Для анализа этих закономерностей мы вводим индекс технологического выбора (Technology Choice Index — TCI) в качестве прокси-переменной для определения стратегии развития страны (Lin, 2003; Lin, 2009; Lin et al., 2004). TCI определяется следующим образом:

$$TCI_{it} = \frac{AVM_{it} / LM_{it}}{GDP_{it} / L_{it}},$$

где AVM_{it} — добавленная стоимость обрабатывающей промышленности страны i в момент времени t ; GDP_{it} — общая добавленная стоимость страны i в момент времени t ; LM_{it} — рабочая сила, занятая в обрабатывающей промышленности; L_{it} — общая численность рабочей силы. Если правительство реализует стратегию ОСП для стимулирования капиталоемких отраслей, ожидается, что TCI в этой стране будет выше, чем при других обстоятельствах. Это объясняется тем, что при принятии стратегии ОСП для решения проблемы жизнеспособности фирм в приоритетных производственных секторах правительство предоставляет этим компаниям монопольное положение на товарных рынках, что позволяет им устанавливать более высокие цены на свою продукцию. Кроме того, правительство предоставляет субсидируемые кредиты и ресурсы для снижения инвестиционных и операционных расходов. Эти меры политики приведут к увеличению AVM_{it} . В то же время более капиталоемкие инвестиции в приоритетные обрабатывающие отрасли при прочих равных условиях требуют меньше рабочей силы. Таким образом, числитель в уравнении будет больше для страны, реализующей стратегию ОСП. Учитывая уровень дохода и другие условия, величину TCI можно использовать в качестве показателя степени реализации стратегии ОСП в стране. Данные для расчета TCI взяты из доклада Всемирного банка «Показатели мирового развития» (2023).

Стратегия развития и институты. Чтобы проверить упомянутую ранее взаимосвязь между выбором стратегии развития и институциональной гипотезой, мы используем три ключевые косвенные переменные.

1) **Коррупция:** измеряет степень вмешательства правительства в распределение ресурсов и отражает восприятие того, в какой степени государственная власть используется не по назначению для личной выгоды. Она охватывает как мелкие, так и крупные формы коррупции, а также «захват» государства элитами и частными интересами.

2) **Риск экспроприации** — это риск прямой конфискации и принудительной национализации собственности.

3) **Открытость:** коэффициент торговой зависимости используется в качестве индикатора уровня открытости страны для международной торговли.

Стратегии развития и вмешательство государства в распределение ресурсов. Данные об оценке уровня коррупции в 123 странах за период с 1960 по 2023 г. получены из базы данных «Показатели мирового государственного управления» (Worldwide Governance Indicators — WGI). Этот показатель присваивает стандартизированный балл общей эффективности борьбы с коррупцией каждой стране, нормализованный по шкале от $-2,5$ до $2,5$. Более высокое значение указывает на более высокий уровень контроля над коррупцией, что свидетельствует о наличии более эффективных институциональных механизмов предотвращения злоупотреблений государственной властью. И наоборот, более низкое значение указывает на более слабый контроль над коррупцией и более высокую распространенность коррупции. Этот показатель фактически отражает эффективность институциональных механизмов в борьбе со злоупотреблениями государственной властью. На рис. 5 показана иллюстрирующая взаимосвязь между средней оценкой уровня коррупции и *TCI* для каждой страны корреляция.

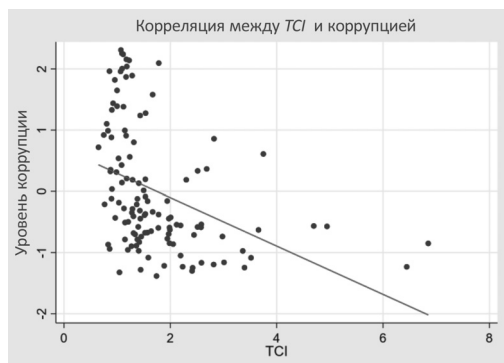

Рис. 5. *TCI* и контроль коррупции (1960–2023), средний показатель по странам

Существует сильная корреляция между индексом *TCI* и контролем над коррупцией, что соответствует теоретическим ожиданиям. Чем активнее правительство проводит стратегию ОПС, тем более масштабным становится необходимое государственное вмешательство. В результате повышается вероятность использования публичной власти в личных интересах, что приводит к более высокому уровню коррупции.

Стратегии развития и риск экспроприации. Данные о риске экспроприации для 123 стран с 1960 по 2023 г. взяты из Международного руководства

по страновым рискам (PRS group, 2023). Риск экспроприации представляет собой риск полной конфискации и принудительной национализации собственности. Диапазон значений варьируется от 0 до 12, а рейтинг представляет собой сумму трех подкомпонентов, каждый из которых оценивается максимально в 4 балла и минимально в 0 баллов. Более высокое значение указывает на меньшую вероятность экспроприации частных предприятий. Для каждой страны на рис. 6 представлена корреляция между средним риском экспроприации и средним индексом *TCI*.

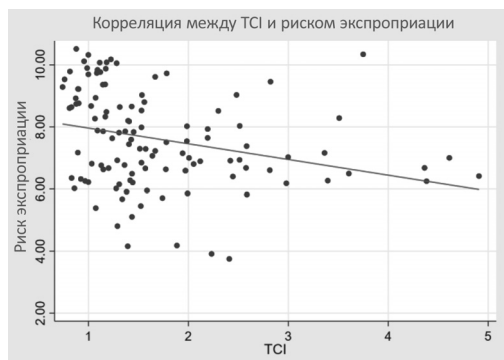
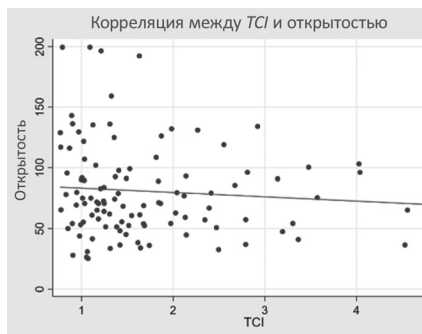

Рис. 6. *TCI* и риск экспроприации (1960–2023), средний показатель по странам

Как показано выше, существует сильная отрицательная корреляция между *TCI* и риском экспроприации, что соответствует теоретическим прогнозам. Чем активнее правительство реализует стратегию ОСП, тем выше вероятность конфискации или национализации предприятий.

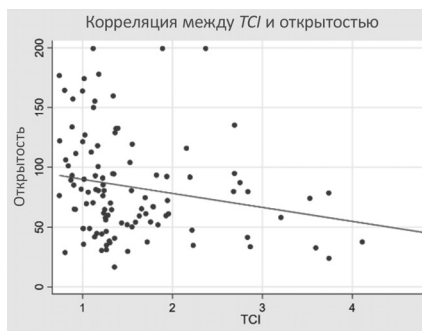
Стратегии развития и открытость. Коэффициент торговой зависимости служит индикатором открытости страны. Данные получены из базы данных «Показатели мирового развития» (WDI). В связи с ограниченностью данных на рис. 7 представлена корреляция между средним индексом (*TCI*) и средним коэффициентом торговой зависимости за последние четыре десятилетия, что наглядно демонстрирует взаимосвязь между степенью открытости и принятием стратегий развития с течением времени.

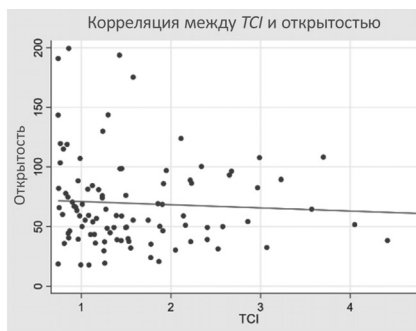
1990-е гг.

2000-е гг.

2010-е гг.

2020-е гг.

Рис. 7. *TCI* и открытость (1990-е, 2000-е, 2010-е, 2020-е гг.), средние значения по странам

Мы обнаружили, что *TCI* и открытость отрицательно коррелируют. Если правительство развивающейся страны примет стратегию ОСП, ее экономика станет более ориентированной на внутренние рынки. Это объясняется тем, что стратегия ОСП направлена на замещение импорта капиталоемких промышленных товаров отечественным производством, что приводит к сокращению импорта. Экспорт также подавляется, поскольку ресурсы неизбежно перенаправляются из отраслей, обладающих сравнительным преимуществом, в приоритетные секторы, определенные стратегией ОСП. Таким образом, чем больше страна придерживается стратегии ОСП, тем менее открытой будет ее экономика.

Стратегия развития и экономический рост. В долгосрочной перспективе страна, принимающая стратегию ОСП, будет демонстрировать низкие показатели роста. Сначала мы рассмотрим взаимосвязь между годовыми темпами роста ВВП на душу населения и индексом *TCI* в разных странах. Результаты корреляции, представленные на рис. 8, демонстрируют от-

рицательную связь между TCI и темпами роста ВВП на душу населения, что подтверждает результаты предыдущего анализа.

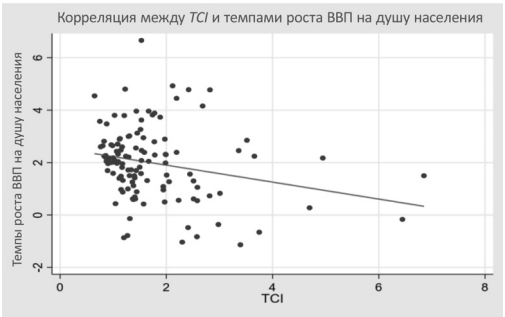

Рис. 8. TCI и темпы роста ВВП на душу населения, средние значения по странам

Далее мы строим следующую эконометрическую модель:

$$GROWTH_{it} = C + \alpha TCI_{it} + \beta X + \xi,$$

где $GROWTH_{it}$ — темп экономического роста в стране i в определенный период t ; X — вектор, включающий начальный ВВП на душу населения для контроля влияния стадии развития и показатель верховенства права для отражения качества институтов. Зависимой переменной является темп роста ВВП на душу населения каждой страны с 1960 по 2023 г. в постоянных долларах США 2015 г. В табл. 4 представлены результаты описательной статистики данных.

Таблица 4

Результат описательной статистики

Переменные	N	Mean	SD	Min	Max
TCI	3507	1,74	1,11	0,20	10,23
Law	2928	-0,02	1,02	-2,59	2,13
ln_GDP_pp_growth	5115	1,03	1,02	-6,91	5,01
ln_GDP_pp1960	5176	7,88	1,29	4,87	10,59
Corruption	2928	-0,02	1,05	-1,85	2,46
GINI	1703	38,26	9,14	22,00	66,00

Источник: базы данных WDI и WGI Всемирного банка (2023).

В табл. 5 представлены результаты оценки бенчмарка. Регрессионная модель 1 включает только прокси-переменную для стратегии развития — TCI. Модель 2 основана на модели 1 и добавляет ВВП на душу населения

за начальный год (GDP_pp1960). Модель 3 также включает дополнительные объясняющие переменные для контроля влияния качества институтов.

Таблица 5

**Регрессия базового показателя TCI и темпов роста ВВП
на душу населения**

	(1)	(2)	(3)
	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения
TCI	-0.224*** (0.078)	-0.602*** (0.100)	-0.220** (0.108)
ln_GDP_pp1960		-0.487*** (0.067)	-0.922*** (0.122)
law			0.640*** (0.146)
_cons	2.400*** (0.143)	6.623*** (0.630)	9.435*** (0.993)
N	3505	2372	1842

Примечание: Стандартные ошибки указаны в скобках; уровни значимости коэффициентов: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Как показано в табл. 5, оценки TCI имеют ожидаемый отрицательный знак и статистически значимы во всех регрессиях. Этот результат подтверждает предположение о том, что стратегия развития является основным фактором, определяющим долгосрочные показатели экономического роста страны.

Стратегия развития и распределение доходов. Чтобы проверить влияние стратегии развития на распределение доходов, мы используем следующее уравнение регрессии:

$$GINI_{it} = C + \alpha TCI_{it} + \beta X + \varepsilon,$$

где $GINI_{it}$ — коэффициент Джини, характеризующий уровень неравенства в стране i в момент времени t ; TCI — прокси-фактор стратегии развития; X — вектор контрольных переменных.

Коэффициент Джини рассчитывается на основе базы данных Всемирного банка. Он измеряет степень отклонения распределения доходов (или, в некоторых случаях, потребительских расходов) отдельных лиц или домохозяйств от идеального равенства. Индекс представляет собой площадь

между кривой Лоренца и гипотетической линией абсолютного равенства, выраженную в процентах от максимально возможной площади под кривой. Индекс Джини, равный 0, указывает на абсолютное равенство, а индекс Джини, равный 100, — на абсолютное неравенство. В связи с ограничениями доступности данных панельный набор данных состоит из 1703 выборок из 111 стран. На рис. 9 показана прямая связь между индексом титров и коэффициентом Джини.

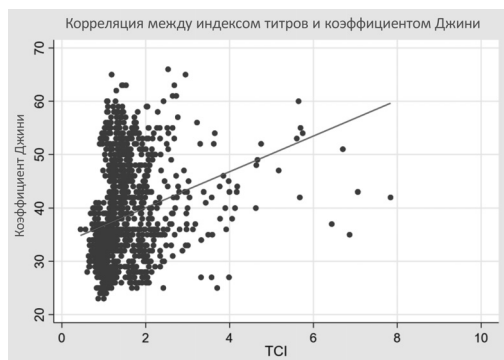

Рис. 9. ТСИ и коэффициент Джини, средние значения по странам

Коррупция и верховенство закона также могут влиять на распределение доходов. Мы включаем в регрессионный анализ две объясняющие переменные: индекс коррупции и показатель верховенства закона из базы данных СРΙΑ Всемирного банка, чтобы отразить качество институтов. Более высокое значение индекса коррупции указывает на более низкий уровень коррупции в стране, в то время как более высокий балл по показателю верховенства закона отражает более сильную защиту прав собственности. В соответствии с теоретическими ожиданиями, как индекс коррупции, так и показатель верховенства закона должны иметь отрицательный коэффициент.

В табл. 6 представлены результаты оценки ТСИ и коэффициента Джини. Во всех трех регрессионных моделях расчетные значения ТСИ положительны и значимы на уровне 1%. Эти результаты убедительно подтверждают гипотезу о том, что чем активнее страна реализует стратегию ОСП, тем сильнее будет неравенство доходов в ней.

Результат регрессионного анализа TCI и индекса GINI

	(1)	(2)	(3)
	GINI	GINI	GINI
TCI	3.350*** (0.381)	1.402*** (0.363)	1.177*** (0.358)
Corruption		-3.329*** (0.200)	
Law			-3.930*** (0.223)
_cons	33.369*** (0.566)	36.524*** (0.591)	37.072*** (0.601)
N	1453.000	1276.000	1276.000

Примечание: Стандартные ошибки указаны в скобках; уровни значимости коэффициентов: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Заключение

Нобелевская премия по экономике 2024 г. была присуждена Аджемоглу, Джонсону и Робинсону в знак признания их исследований роли институтов в экономическом развитии. Однако, проведя всесторонний анализ, мы обнаружили, что их исследования не выдерживают ни кросс-секционных, ни лонгитюдных исторических исследований. Во-первых, существуют проблемы с их эмпирическими данными. Во-вторых, их гипотеза не может объяснить, почему экономические показатели Латинской Америки были сопоставимы с показателями Северной Америки в период с 1870 по 1960 г. и даже в большей степени между 1900 и 1930 гг., но не достигали уровня Северной Америки в периоды до 1870 г. и после 1960 г. В-третьих, они неверно поняли фундаментальные детерминанты институциональной системы.

С точки зрения новой структурной экономики основополагающим фактором успеха или неудачи экономического развития страны является то, насколько правительственная стратегия промышленного развития использует сравнительные преимущества, которые эндогенно определяются структурой обеспеченности страны факторами производства. Если страна примет стратегию использования сравнительных преимуществ и, благодаря совместным усилиям эффективного рынка и госу-

дарства, содействующего развитию, поможет компаниям преобразовать скрытые сравнительные преимущества в реальные, экономика будет процветать. Это предполагает предоставление государством компенсации за отрицательные экстерналии первопроходцам и совершенствование инфраструктуры и институтов для помощи предприятиям в преодолении узких мест в «мягкой» и «жесткой» инфраструктуре в процессе модернизации промышленности. Напротив, если страна примет стратегию, которая игнорирует сравнительные преимущества, ее экономика столкнется с трудностями, а именно с низкими показателями роста, перекосами в распределении доходов и неэффективным распределением ресурсов. Как экономические показатели страны, так и распределение доходов, а также различные институциональные механизмы определяются выбранной стратегией развития.

Важно отметить, что переменная, используемая в данной статье для измерения стратегий развития, TCI, — это результирующая переменная. В силу эндогенности, сложности реальной экономики и других факторов она может неточно измерять стратегический выбор. Дальнейшие исследования следует направить на разработку более точных индикаторов для эмпирической проверки гипотезы, представленной в данной статье.

Наконец, согласно исследованию Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, институты имеют значение, а инклюзивные институты являются эндогенными для специфической среды Северной Америки в период колонизации. Поэтому было бы сложно перенести предложенные ими инклюзивные институты в другие страны, не имеющие схожих исторических условий. В противоположность этому, новая структурная экономика утверждает, что правительственная стратегия развития определяет как институты, так и успех или неудачу экономического развития страны. Правительство развивающейся страны может принять стратегию, способствующую развитию отраслей в соответствии со сравнительными преимуществами, определяемыми структурой обеспеченности факторами производства. Таким образом, страна может добиться устойчивого, динамичного и инклюзивного роста и достичь экономического процветания.

Список литературы

Acemoglu, D., Gallego, F. A., & Robinson, J. A. (2014). Institutions, human capital, and development. *Annual Review of Economics*, 6, 875–912. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080213-041119>.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American Economic Review*, 91(5), 1369–1401. <https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1369>.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2012). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation: Reply. *American Economic Review*, 102(6), 3077–3110. <https://doi.org/10.1257/aer.102.6.3077>.

- Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A., Yared, P. (2008). Income and democracy. *American Economic Review*, 98(3), 808–842. <https://doi.org/10.1257/aer.98.3.808>.
- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2006). Defacto political power and institutional persistence. *American Economic Review*, 96(2), 325–330. <https://doi.org/10.1257/000282806777212549>.
- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2000). Why did the West extend the franchise? Democracy, inequality, and growth in historical perspective. *Quarterly Journal of Economics*, 115(4), 1167–1199. <https://doi.org/10.1162/003355300555042>.
- Ahluwalia, M. S. (1976). Inequality, poverty and development. *Journal of Development Economics*, 3(4), 307–342.
- Albouy, D. Y. (2012). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation: Comment. *American Economic Review*, 102(6), 3059–3076. <https://doi.org/10.1257/aer.102.6.3059>.
- Almeida, V. (2020). Income inequality and redistribution in the aftermath of the 2007–2008 crisis: The U. S. case. *National Tax Journal*, 73(1), 77–114.
- Barro, R. J. (1992). Convergence. *Journal of Political Economy*, 100(2), 223–251. <https://doi.org/10.1086/261816>.
- Barro, R. J., & Sala-i-Martin, X. (1997). Technological diffusion, convergence, and growth. *Journal of Economic Growth*, 2(March), 1–26.
- Basu, S., & Weil, D. N. (1998). Appropriate technology and growth. *Quarterly Journal of Economics*, 113(4), 1025–1054. <https://doi.org/10.1162/003355398555829>.
- Ben-David, D. (1993). Equalizing exchange: Trade liberalization and income convergence. *Quarterly Journal of Economics*, 108(3), 653–679. <https://doi.org/10.2307/2118404>.
- Bryson, A. (1847). *Report on the climate and principal diseases of the African station: Compiled from documents in the office of the Director-General of the Medical Department, and from other sources, in compliance with the directions of the Right Honorable the Lords Commissioners of the Admiralty*. W. Clowes and Sons.
- Chen, L., Gu, Y., & Tan, S. (1987). *The strategy for economic development and new international economic order of developing country*. Economic Science Press.
- Chen, W., Mrkaic, M., & Nabar, M. (2019). *The global economic recovery 10 years after the 2008 financial crisis (IMF Working Paper No. WP/19/83)*. International Monetary Fund.
- Chenery, H. B., & Syrquin, M. (1975). *Pattern of development, 1950–1970*. Oxford University Press.
- Cline, W. R. (1975). Distribution and development: A survey of literature. *Journal of Development Economics*, 1(4), 359–400.
- Coase, R. H. (1937). The nature of the firm. *Economica*, 4(16), 38–405.
- Cody, J., Hughes, H., & Wall, D. (1980). *Policies for industrial progress in developing countries*. World Bank.
- Curtin, P. D. (1995). *African history: From earliest times to independence* (2nd ed.). Longman. <https://cir.nii.ac.jp/crid/1130282272128552832>.
- Curtin, P. D. (1989). *Death by migration: Europe's encounter with the tropical world in the nineteenth century*. Cambridge University Press.
- Curtin, P. D. (1998). *Disease and empire: The health of European troops in the conquest of Africa*. Cambridge University Press.
- Dollar, D. (1992). Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–1985. *Economic Development and Cultural Change*, 40(3), 523–544. <https://doi.org/10.1086/451959>.
- Fei, J. C. H., Ranis, G., & Kuo, S. W. Y. (1979). *Growth with equity: The Taiwan case*. Oxford University Press.

Fields, G. (1991). Growth and income distribution. In G. Psacharopoulos (Ed.), *Essays on poverty, equity, and growth* (p. 1–52). Pergamon.

Frankel, J., & Romer, D. (1999). Does trade cause growth? *American Economic Review*, 89(3), 379–399.

Griffin, K. (1999). *Alternative strategies for economic development* (2nd ed.). St. Martin's Press.

Gutierrez, H. (1986). La mortalité des évêques latino-américains aux XVIIe et XVIIIe siècles. *Annales de Démographie Historique*, 29–39.

Harberger, A. C. (Ed.). (1985). *World economic growth*. ICS.

Harrison, A. (1996). Openness and growth: A time-series, cross-country analysis for developing countries. *Journal of Development Economics*, 48(2), 419–447.

Hidalgo, C. A., Klinger, B., Barabási, A.-L., & Hausmann, R. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317(5837), 482–487. <https://doi.org/10.1126/science.1144581>.

Krueger, A. O. (1974). The political economy of rent-seeking society. *American Economic Review*, 64(3), 291–303.

Kuznets, S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, 45(1), 1–8.

Lee, J.-W. (1995). Capital goods imports and long run growth. *Journal of Development Economics*, 48(1), 91–110.

Levine, R. (1997). Financial development and economic growth: Views and agenda. *Journal of Economic Literature*, 35(2), 688–726.

Lin, J. Y. (2003). Development strategy, viability, and economic convergence. *Economic Development and Cultural Change*, 51(2), 277–308. <https://doi.org/10.1086/367535>.

Lin, J. Y. (2009). *Economic development and transition: Thought, strategy, and viability*. Cambridge University Press.

Lin, J. Y. (2011a). New structural economics: A framework for rethinking economic development. *The World Bank Observer*, 26(2), 193–221.

Lin, J. Y. (2011b). *Demystifying the Chinese economy*. Cambridge University Press.

Lin, J. Y., Cai, F., & Li, Z. (2004). *The China miracle: Development strategy and economic reform* (Revised ed.). Chinese University Press.

Lin, J. Y., & Tan, G. (1999). Policy burdens, accountability, and the soft budget constraint. *American Economic Review*, 89(2), 426–431. <https://doi.org/10.1257/aer.89.2.426>.

Lloyd, P., & Lee, C. (2018). A review of the recent literature on the institutional economics analysis of the long-run performance of nations. *Journal of Economic Surveys*, 32(1), 1–22. <https://doi.org/10.1111/joes.12186>.

Maddison, A. (2006). *The world economy*. OECD Publishing.

McKinnon, R. (1973). *Money and capital in economic development*. Brookings Institution.

Michaely, M. (1977). Exports and growth: An empirical investigation. *Journal of Development Economics*, 4(1), 49–53.

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.

North, D. C. (2005). *Understanding the process of economic change*. Princeton University Press.

North, D. C., & Thomas, R. P. (1973). *The rise of the Western world: A new economic history*. Cambridge University Press.

Paukert, F. (1973). Income distribution at different levels of development: A survey of evidence. *International Labour Review*, 108(August–September), 97–125.

Prebisch, R. (1950). *The economic development of Latin America and its principal problems*. United Nations.

Rajan, R. G., & Zingales, L. (1998). Financial dependence and growth. *American Economic Review*, 88(3), 559–586.

Rodriguez, F. (2000). Trade policy and economic growth: A skeptic's guide to the cross-national evidence. *NBER Macroeconomics Annual*. MIT Press.

Sachs, J. D., & Warner, A. (1995). Economic reform and the process of global integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1, 1–95.

Shaw, E. S. (1969). *Financial deepening in economic development*. Oxford University Press.

Stiglitz, J. E. (1998). Towards a new paradigm of development: Strategies, policies, and processes. *Prebisch Lecture, United Nations Conference on Trade and Development*, Geneva, October 19.

Tulloch, A. M. (1841). Comparison of the sickness, mortality, and prevailing disease among seamen and soldiers, as shown by the naval and military statistical reports. *Journal of the Statistical Society of London*, 4(1), 1–16. <https://doi.org/10.2307/2338034>.

Tulloch, A. M. (1847). On the mortality among Her Majesty's troops serving in the colonies during the years 1844 and 1845. *Journal of the Statistical Society of London*, 10(3), 252–259. <https://doi.org/10.2307/2337701>.

Tulloch, A. M. (1838). On the sickness and mortality among the troops in the West Indies. *Journal of the Statistical Society of London*, 1(7), 428–444. <https://doi.org/10.2307/2337776>.

Warr, P. G. (1994). Comparative and competitive advantage. *Asian-Pacific Economic Literature*, 8(2), 1–14. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8411.1994.tb00091.x>.

Williamson, O. E. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, 38(3), 595–613. <https://doi.org/10.1257/jel.38.3.595>.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. А. Толкачев¹

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

УДК: 330.836, 330.88, 330.342.44

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-5

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ²

В статье поставлена проблема обобщения критических оценок современной экономики в ракурсе онтологических, гносеологических, методологических и идеологических компонентов парадигмы экономической теории. Показаны кризисные проявления всех четырех компонентов на современном этапе мирохозяйственного развития. Методологической базой исследования являются современные западные концепты новой парадигмы экономической теории, такие как многоуровневая парадигма и «встроенная» экономика, а также оригинальная авторская концепция циклической модификации господствующей парадигмы в зависимости от циклической смены фаз долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития. Показано, что фаза локомотивной роли производственных технологий и фаза протекционизма способствуют окончательной дискредитации предшествующей экономической ортодоксии и расчищают дорогу новой парадигме экономической теории. Фаза локомотивной роли транспортных технологий и фаза фритредерства обеспечивают «золотой век» для господствующей ортодоксии, которая приписывает себе результаты экономического роста и подъема благосостояния, достигнутые в рамках данных фаз за счет максимизации эффекта масштаба. Фаза информационных технологий и сопутствующая фаза глобализма вскрывают существенные парадигмальные недостатки господствующей ортодоксии, которые тем не менее временно микшируются за счет инкорпорирования идей онтологически близких, но гносеологически отличающихся экономических школ. Результаты исследования констатируют, что завершение цикла долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития, состоящего из трех указанных фаз, подготавливает переход к новой парадигме и новой господствующей ортодоксии экономической теории. Обоснована важная роль идеологической (апологетической) компоненты в эволюции парадигмы на каждой фазе в виде смены господствующих политико-экономических групп, выступающих заказчиками соответствующих теорий. В выводах высказывается предположение, что новая промышленная революция и новый мирохозяйственный

¹ Толкачев Сергей Александрович — д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; e-mail: tsa2000@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3766-2246.

² Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

© Толкачев Сергей Александрович, 2025

уклад выдвигают новый элитный слой — «индустриальные цифровики», — заинтересованный в радикальном изменении парадигмы экономической теории.

Ключевые слова: ортодоксия, гетеродоксия, парадигма, онтология, гносеология, методология, экономикс, неолиберализм, политическая экономия, мирохозяйственный уклад, технологический уклад.

Цитировать статью: Толкачев, С. А. (2025). Мирохозяйственные закономерности эволюции парадигмы экономической теории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 86–107. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-5>.

S. A. Tolkachev

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

JEL: B10, B13, B59

WORLD ECONOMIC MODE OF THE ECONOMIC THEORY PARADIGM EVOLUTION³

The article raises the problem of generalizing critical assessments of modern economics in the context of ontological, epistemological, methodological and ideological components of the paradigm of economic theory. The paper shows crisis manifestations of all four components at the current stage of world economic development. The methodological basis of the study are modern Western concepts of a new paradigm of economic theory, such as the multi-level paradigm and the “embedded” economy, as well as the original author's concept of cyclical modification of the dominant paradigm depending on the cyclical change of phases of long-term technological and world economic development. The author shows that the locomotive role of production technologies and protectionism contribute to the final discrediting of previous economic orthodoxy and clear the way for a new paradigm of economic theory. The phase of the locomotive role of transport technologies and the phase of free trade provide a “golden age” for the dominant orthodoxy, which attributes to itself the results of economic growth and welfare gains achieved within these phases by maximizing the scale effect. The phase of information technologies and the accompanying phase of globalism reveal significant paradigmatic shortcomings of the dominant orthodoxy, which, however, are temporarily mixed by incorporating the ideas of ontologically close, but epistemologically different economic schools. The author argues that the completion of the cycle of long-term technological and world economic development, consisting of the three specified phases, prepares the transition to a new paradigm and a new dominant orthodoxy of economic theory. The important role of the ideological (apologetic) component in the evolution of the paradigm at each phase is substantiated in the form of a change in the dominant political and economic groups that act as customers of the corresponding theories. The findings suggest that the new industrial

³ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Finuniversity.

revolution and the new world economic order are giving rise to a new elite layer — “industrial digitalists” — interested in a radical change in the paradigm of economic theory.

Keywords: orthodoxy, heterodoxy, epistemology, neoliberalism, political economy, world economic mode, technological mode.

To cite this document: Tolkachev, S. A. (2025). World economic mode of the economic theory paradigm evolution. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 86–107. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-5>

Введение

Вопрос о кризисе научной парадигмы существующей ортодоксальной версии экономической теории — неоклассической экономики — давно уже сам по себе стал настоящей «классикой». Процесс этот длится уже по меньшей мере полстолетия, с кризисных для Запада 1970-х гг. Количество публикаций, посвященных этой теме, заслуживает периодизации и структуризации в рамках специальных библиографических исследований. Некоторые подобные попытки выделяют новые явления (т.е., новую фазу) в уже давно существующем третьем этапе кризиса экономики (Худокормов, 2021). В России еще в 1990-х гг. в разгар увлечения неоклассикой стали раздаваться голоса о необходимости отказа от нее (Бузгалин, Колганов, 1998). В том же году вышла знаковая статья академика В. М. Полтеровича, послужившая общепризнанной точкой отсчета данной проблемы (Полтерович, 1998).

Позднее проблемы поиска новой парадигмы охватили гораздо более широкий круг отечественных экономистов (Николаева, 2019; Нусратуллин, 2014; Колпаков, 2008; Бирюков; 2024). Признание кризиса парадигмы экономики и необходимость поиска новых методологических оснований экономической теории уже давно можно услышать из уст российских глуповиков знатоков истории экономических учений (Ананьин, 2009).

Целью нашего исследования является анализ проявлений кризиса всех компонентов парадигмы экономической теории и обоснование концепции циклического развертывания данного кризиса, сопряженного с циклическостью долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития.

«Технологическая» линия кризиса парадигмы экономической теории

В настоящее время на фоне развертывания эпохальных мирохозяйственных перемен вопрос о смене парадигмы экономической теории приобретает конкретное онтологическое обоснование. Растущая популярность стадийных подходов в исследовании экономического развития, получившая мощный импульс после всплеска общественного интереса

к Четвертой промышленной революции К. Шваба (Шваб, 2016), актуализировало исследования, посвященные влиянию этапов долгосрочного технологического развития на парадигмальное наполнение экономической теории. Хотя отечественные экономисты всегда проявляли интерес к данной методологической линии и в этом плане выделяются работы А. А. Мальцева. Он одним из первых обратил внимание на связь вектора развития ортодоксии с технологическими изменениями во время «инновационной паузы» (Мальцев, 2011) и предложил «техницистскую» гипотезу развития экономической мысли, которая соединяет знаковые изменения в технологиях широкого применения, структурные кризисы экономики и ключевые изменения в ортодоксальной экономической теории (Мальцев, 2016). В другой работе, задействовав концепции «технологий широкого применения» и «инновационной паузы», А. А. Мальцев сформулировал вывод о существовании определенной параллели между процессами замещения технологических парадигм, хозяйственными кризисами и сдвигами в экономических учениях (Татаркин, Мальцев, 2016). Вопрос о влиянии экономических кризисов на смену парадигмы экономической теории рассматривался в работах и других авторов (Мельников, 2012).

Хорошо известна позиция академика РАН С. Ю. Глазьева, который на основе своей теории технологических укладов (ТУ), принадлежащей к более широкому направлению теорий долгосрочного технико-экономического развития и дополненной теорией мирохозяйственных укладов (МХУ) (Глазьев, 2016а), предлагает новую парадигму экономической теории, где объектом изучения являются не процессы достижения равновесия на микро- и макроуровнях, а процесса нелинейного и неравновесного инновационного развития (Глазьев, 2016б). Не лишним будет напомнить, что данная методологическая линия напрямую увязана с оригинальной концепцией технико-экономических парадигм Карлотты Перес (Perez, 2010), которые она рассматривает не просто как смену набора технологий, а полномасштабные изменения культурного и институционального порядка. Эти парадигмы включают «общее знание» (common sense), которое влияет на повседневную практику бизнеса, государственную политику и поведение потребителей. Но в то же время К. Перес не углубляется в вопросы собственно новой парадигмы, идущей на смену неоклассике.

Новейший этап, получивший название «цифровизация», дает новый импульс попыткам понимания взаимосвязи воздействия технологических изменений на парадигму экономической теории. Исследования влияния процессов цифровизации на экономическую теорию фиксируют серьезный разрыв в экономических взглядах между экономистами-теоретиками и активными участниками цифровой революции (Сухих, 2025).

Последние исследования в области смены парадигмы экономической теории на Западе, наряду с продолжением «вечной» темы критики базовых постулатов мейнстрима, пытаются сформулировать целостные методоло-

гические и онтологические образы того, что должна прийти на смену неоклассике. Например, в недавней статье Уилсона и Сновера (Wilson, Snower, 2024) в качестве альтернативы неоклассике предлагается так называемая «мультиуровневая» парадигма (multilevel paradigm), основанная на обобщенной дарвинистской теории. Авторы предлагают использовать эволюционную теорию как основу для создания интегративной модели экономики. Основой служит обобщенный дарвинизм (generalized Darwinism), включающий процессы вариации, отбора и репликации не только в биологии, но и в культуре, институтах, экономике. Данный интересный подход находится в русле таких современных популярных методологических линий, как сочетание конкуренции и кооперации, представление об экономике как встроенной (embedded economy) в более широкие политические, экологические и культурные системы. Следовательно, анализ экономических явлений невозможен без учета их многослойной природы. Это требует отказа от атомистических моделей и перехода к системным, эволюционно обоснованным моделям.

Уилсон и Сновер применяют методологию «встроенности» и для обоснования тезиса о культурной эволюции как ключевого механизма развития. Культурная эволюция как синтетический социальный процесс способствует передаче накопленного опыта через поколения. Этот процесс быстрее генетической эволюции и требует своей методологии. Формирующиеся экономические институты и поведение людей являются результатами культурного отбора, а не только рационального выбора индивидуумов, помещенных неоклассикой вне социальных рамок.

Концепция «встроенной» экономики превращается в общую методологическую линию экономистов, озабоченных поиском более эффективных путей устойчивого развития и понимающих, что существующая неоклассическая ортодоксия не создает теоретического базиса для реализации этой задачи. При этом популярными для формирования новой парадигмы становятся идеи экологических ограничений и признания невозможности достижения устойчивого развития в рамках рыночной парадигмы самоорганизации.

Концепцию встроенной экономики или «экономики пончика» давно разрабатывает Кэйт Рэйворт. Автор впервые огласила ее в статье 2012 г. (Raworth, 2012), затем превратила в развернутую монографию (Raworth, 2017), заслужившую звание лучшей книги года от Financial Times, и получила возможность ее презентации на страницах журнала Международного валютного фонда (Raworth, 2024).

Автор предлагает радикально новый взгляд на экономическую науку, критикуя традиционные представления о необходимости бесконечного экономического роста и о роли человека как рационального максимизатора выгоды. Автор утверждает, что нынешняя экономическая система устарела и уже не способна решать глобальные вызовы, такие как из-

менение климата, социальное неравенство и нестабильность финансовых рынков. Рэйворт предлагает переосмыслить традиционные экономические модели, заменив устаревшую цель бесконечного роста ВВП на концепцию «экономики пончика». Этот подход ориентируется на достижение социального благополучия в пределах экологических границ планеты, подчеркивая необходимость изменения экономических ориентиров для устойчивого развития.

Экономика пончика представляет собой схему с двумя границами. Внутренний круг — это «социальный фундамент», включающий основные человеческие потребности: питание, здравоохранение, образование, жилье, экономическую стабильность и политические права. Если эти базовые условия не соблюдены, люди оказываются в «дырке пончика», сталкиваясь с бедностью и социальными кризисами. Внешний круг — «экологический потолок», за пределами которого начинается разрушение окружающей среды: изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение воздуха и воды, истощение природных ресурсов. Между этими двумя границами находится зона процветания, в которой человечество может устойчиво развиваться.

Модель пончика с жесткими верхними экологическими границами означает переход к регенеративной модели экономики. В традиционной экономике преобладает линейная модель «добыть — произвести — использовать — выбросить», что приводит к накоплению отходов и истощению ресурсов. Рэйворт призывает перейти к рециклической, регенеративной модели, где отходы становятся ресурсами, а продукция проектируется для повторного использования. В этом смысле модель получила второе название «встроенной» экономики, поскольку производственные процессы не должны разрушать биофизические контуры Земли.

Кэйт Скин (Skene, 2022) также предлагает похожий вариант «встроенной» экономики. Скин считает, что современная экономика, будучи построенной на принципах бесконечного роста и рыночного саморегулирования, не учитывает критические ограничения, накладываемые окружающей средой и социальными факторами. В результате сложилась ситуация, при которой экономика, вместо того чтобы обеспечивать устойчивое развитие, способствует разрушению экосистем, истощению природных ресурсов и усилению социального неравенства.

Скин предлагает концепцию встроенной экономики (*embedded eсоonomy*), в которой экономические процессы рассматриваются как часть сложной системы, состоящей из экологических, социальных и технологических факторов. Автор утверждает, что применение системного мышления позволяет выявить ключевые ошибки традиционной экономической теории, такие как убеждение в бесконечности ресурсов, слепая вера в рыночные механизмы и игнорирование негативных последствий экономического роста.

Очень важным для экономической теории является тезис автора о том, что традиционные рыночные механизмы не работают для устойчивого развития. Неолиберальная экономическая теория утверждает, что свободный рынок способен автоматически решать экологические проблемы с помощью механизма ценообразования. Однако на практике это не работает. Автор приводит примеры того, как рыночные инструменты, такие как налоги на выбросы, торговля углеродными квотами и субсидии на «зеленые» технологии, не приводят к реальному сокращению негативного воздействия на окружающую среду.

Кроме того, автор критикует надежду на технологические инновации, которые, по мнению сторонников «зеленого капитализма», должны решить экологические проблемы. В реальности технологические решения часто создают новые риски: производство «экологически чистых» электромобилей требует добычи редкоземельных металлов, что наносит серьезный вред окружающей среде, а переход на возобновляемые источники энергии сопровождается высокими экологическими затратами на производство солнечных панелей и ветряных турбин.

Таким образом, происходящие в последние годы глобальные технологические изменения подтолкнули экономистов-теоретиков к концептуализации новых подходов к роли и задачам экономической теории. Однако полноценное изменение парадигмы науки возможно лишь в результате осознанной и реализованной смены всех ее компонентов.

Компоненты парадигмы экономической теории

Любая фундаментальная экономическая теория помимо онтологических, методологических и гносеологических компонентов неизбежно содержит идеологический компонент. Вместе они формируют ту или иную парадигму науки. Новая экономическая теория, о необходимости которой сегодня все чаще говорят еще недавно верные рыцари господствующей неоклассической ортодоксии (Deaton, 2016), должна отражать изменившиеся онтологические основы общества, повлиявшие на сдвиг методологических, гносеологических и даже идеологических позиций исследователя, допуская опережающее обратное воздействие последних на первые.

Онтология как раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, применительно к объекту экономической теории описывает основные изменения в производительных силах, т.е. в технологиях, способах организации процессов производства и доведения продуктов/услуг до потребителя. Последние получили название организационно-производственных отношений, поскольку изучают новые формы взаимодействия работника и средств производства.

Методология как система осознанных принципов и способов организации и построения теоретической деятельности включает набор мето-

дов и приемов исследований, отобранных на основе устоявшихся философских подходов, ценностных ориентиров, базирующихся на глубоких культурных и даже религиозных основаниях.

Гносеология изучает взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности, отношение знания к действительности, возможности познания мира человеком, критерии истинности и достоверности знания, дает характеристики социально-экономических процессов с точки зрения ключевых параметров их познаваемости и возможностей достоверного описания.

Идеология как система концептуально оформленных идей, отражающих мировоззрение, интересы и идеалы различных социальных субстратов — классов, социальных и профессиональных групп, и пр. — выполняет роль убеждения широких социальных слоев в необходимости следовать общественным переменам, выявленным благодаря онтологическим и гносеологическим исследованиям. Идеология отвечает за общественную поддержку необходимых перемен, осуществляемых управленческим центром, и является важнейшим компонентом убеждения не только академических кругов, но и широких народных масс в содержательной целостности транслируемых из управленческого центра ценностных концептов, определяющих экономическую политику.

Кризис неоклассической парадигмы носит столь яркий характер именно потому, что охватывает все данные четыре компоненты. Мы уже обосновали так называемые «онтологические ножницы» мейнстрима как неспособность неоклассической догматики дать адекватное описание реальных экономических процессов, а именно: 1) внеисторический универсализм, игнорирующий закономерности стадияльного мирохозяйственного развития; 2) неспособность выработать новый онтологический подход к фундаментальной проблеме власти в экономике; 3) отсутствие потенциала качественных обобщений процессов, порождаемых новой промышленной революцией (Толкачев, 2025).

Гносеологические и методологические компоненты кризиса экономики были многократно описаны в бесчисленном количестве публикаций такого рода, отчасти уже упомянутых выше. Отметим лишь влияние позитивистских принципов в экономической науке на рубеже XIX и XX вв., приведшее к формированию образа псевдонаучного теоретического знания, построенного якобы на заимствовании самых «научных» математических и физических способов познания. По мнению Х. Хэнэппи (Hanappi, 2024) из Венского института политико-экономических исследований, экономическая теория, начиная с маржинализма, пошла по пути «физикализации». Данный тезис был в свое время изложен в обстоятельной статье Ф. Майровски (Mirowski, 1984). Вальрас, Джевонс, Менгер проложили путь от политической экономики к формализованной математизированной науке, построенной на аналогиях с физикой. Индивид, редуцированный до homo

economicus, стал исходной единицей, а экономика — системой оптимизации с дефицитными ресурсами. Через заимствование уравнений из ньютоновской механики экономика построила образ саморегулирующегося рынка, отрезанного от власти, идеологии, классов и истории. Это стало способом вытеснить марксизм и подменить динамическое представление о классовой борьбе статической математической гармонией. В итоге экономическая теория, по мнению Хэнэппи, превратилась в утопию буржуазного самооправдания, прикрытую уравнениями.

Российский ученый Е. В. Балацкий, продолжая критику физикализации, обосновывает так называемый *парадокс научности* экономической теории, «согласно которому удовлетворение всем строгим критериям научности не позволяет нынешнему экономическому знанию дать эффективный ответ на вызовы современности» (Балацкий, 2022, с. 1). Автор показывает, как экономика — лидер всех общественных наук, продвинувшись дальше всех по пути математизации и физикализации, парадоксальным образом потеряла связь с реальностью и заодно весь свой академический престиж. «...экономическая наука опять продемонстрировала масштабные ошибки и просчеты, а также еще более возросшую за последние 30 лет пропасть между экономической теорией и реальной жизнью. Эта пропасть принимает форму противоречия между колоссальной инструментальной сложностью и изощренностью теоретических конструкций экономики и удивительной примитивностью, а порой, и откровенной нелепостью, ее практических рекомендаций» (Балацкий, 2022, с. 18).

Дополнительное оригинальное выявление гносеологических недостатков экономикс осуществил Е. В. Балацкий, сформулировав «инверсию познавательной парадигмы в экономической теории», когда «происходит переход от аддитивного принципа к субтрактивному». Он пишет: «Указанная инверсия познавательной парадигмы является вполне естественным процессом, когда накапливается не просто слишком много информации и специальных знаний, но они еще имеют и большой процент брака, когда в арсенале науки оказывается множество теорий, моделей, концепций и исследований, не имеющих никакого шанса быть использованным ни на практике, ни в дальнейших теоретических изысканиях. Со временем процент брака растет, ибо наука замыкается сама на себя, не предполагая широкого применения в иных сферах. Судя по всему, этот процесс в той или иной степени характерен для всех наук без исключения, однако в economicus сегодня эта тенденция обозначилась особенно ярко» (Балацкий, 2025, с. 13).

Е. Балацкий считает, что «в основе инверсии познавательной парадигмы лежат три взаимосвязанных процесса: во-первых, предлагаемые теории и модели становятся все более сложными и головоломными, во-вторых, их становится неимоверно много, в-третьих, они имеют все меньше

связей с реальностью, будучи чрезмерно абстрактными и искусственными» (Балацкий, 2022, с. 13).

Практическая не востребованность экономикс подтверждается непрерывно и не только теми управляющими социальными слоями, которые формулируют запрос на результаты науки в виде рекомендаций, но и самим академическим сообществом экономистов-теоретиков. Самые официозные и достопочтенные представители мейнстрима в ходе последней январской 2025 г. ежегодной конференции Американской экономической ассоциации, наиболее представительной общественной организации экономистов-теоретиков, обсуждали вопросы, касающиеся тотального провала их рекомендаций, основанных на неоклассических рецептах, и сопутствующего падения престижа экономической науки. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс», написавший обзорную статью об этой конференции, печально замечает: «...их знаменитая уверенность — критики сказали бы высокомерие — была, если не разбита вдребезги, то, безусловно, получила сокрушительный удар. В чем был смысл их тщательного сбора данных, их сложных моделей, их замысловатых теорий, если никто все равно не собирался слушать их советы?» (Casselman, 2025). И на официальных заседаниях, и в ходе неформальных бесед лидеры экономикс постоянно обсуждали один и тот же набор вопросов: почему так много политических лидеров и так много представителей общественности отвергли так много центральных принципов нашей теории?

Орен Касс, главный экономист American Compass, консервативного экономического аналитического центра, один из немногих экономистов, не разделяющий базовые неоклассические догмы, присутствовал на той конференции и подчеркивал фундаментальные провалы экономикс в экономической политике, являющиеся результатом следования основополагающему «символу веры» экономикс — теории сравнительных преимуществ в издержках Д. Рикардо. Касс отмечает, что благодаря слепой вере в эту догму США, имевшие постоянный профицит в торговле передовыми технологическими продуктами до вступления Китая в ВТО в 2001 г., уже в 2002 г. превратили профицит в дефицит, который в 2023 г. превысил 200 млрд долл. При этом Соединенные Штаты импортировали более 3 долл. передовых технологичных продуктов на каждые 2 долл. экспорта (Cass, 2024).

При этом Касс саркастически замечает, что экономисты-неолибералы продолжают полагаться на принципы свободной торговли при оценке последствий экономической политики Д. Трампа. «Приверженные своей дискредитированной исследовательской платформе, экономисты продолжают полагаться на модели, построенные с ее помощью. Например, Институт Петерсона использует модель, известную как G-Cubed, чтобы предсказать, что США пострадают от более высоких цен, более низких доходов и сокращения производства, если они отменят постоянные нор-

мальные торговые отношения, предоставленные Китаю в 2000 г. Экономисты используют эту модель с 1990-х гг. для проведения исследований, гарантирующих, что свободная торговля всегда будет работать хорошо для всех сторон» (Cass, 2024)⁴.

Как бы оправдываясь за провалы прогностического аппарата экономикс, профессор Гарварда Дэни Родрик объясняет их следующим образом: «...экономическая дисциплина — это, скорее, способ мышления, а не набор стратегических рекомендаций. Инструменты современной экономической науки позволяют сделать крайне мало обобщений, на основе которых можно предложить неотложные рекомендации в области экономической политики» (Rodrik, 2024, p. 10).

Джеймс Кеннет Гэлбрейт, известный сын своего легендарного отца Джона К. Гэлбрейта, также озабочен нарастающим практическим и прогностическим бесплодием мэйнстрима. Он критикует неоклассическую экономику, которая возникла как реакция на радикальные изменения в политическом и экономическом ландшафте XIX в. Он утверждает, что неоклассика, с ее акцентом на идею свободных рынков, «невидимую руку» и саморегулирующийся рынок, не может объяснить реальные экономические явления, такие как финансовые кризисы (Galbraith, 2021).

Итак, совокупность онтологических, методологических и гносеологических установок исследователей формируют ту или иную парадигму экономической теории. Разумеется, существует непосредственная связь парадигмы и основных функций экономической теории, что мы отразили в табл. 1.

Таблица 1

Компоненты парадигмы и функции экономической теории

Компоненты парадигмы экономической теории	Функции экономической теории	
Онтология	Объяснительная мировоззренческая	Практическая, прогностическая, политическая
Гносеология	Познавательная	
Методология	Методологическая критическая	
Идеология	Идеологическая или апологетическая	

Источник: составлено автором.

Отметим, что основные компоненты любой экономической парадигмы помимо своих специфических функций, представленных в центральном

⁴ URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/23/opinion/what-economists-could-learn-from-george-costanza.html>

столбце табл. 1, коллективно отвечают за практическую и прогностическую и политическую функции науки. Последняя наиболее тесно связана с идеологической (апологетической) компонентой, поскольку отвечает за обоснование конкретных элементов экономической политики, которые должны создавать для публики впечатление следования определенным ценностям и принципам, присущим политическим партиям, призванным выражать интересы социальных групп. При этом идеология, методология и отчасти гносеология являются более гибкими и подвижными элементами парадигмы, представляя «защитную оболочку», тогда как основная часть гносеологии и онтология формируют известное по Т. Куну «жесткое ядро» науки.

Соответственно, распад и замена парадигмы происходят, начиная с наиболее гибкого уровня (идеология) и постепенно доходят до «жесткого ядра» онтологии. Способность идеологической компоненты приспосабливаться к меняющимся политическим установкам настолько велика, что даже полная замена ее содержания может не поколебать целостность господствующей парадигмы.

В этом плане А. Хайзе резонно отмечает, что несмотря на появление новых политик и институтов, происходящие изменения не соответствуют критериям парадигмального сдвига в смысле Куна или Лакатоса (Heise, 2024). Он предлагает отличать научные и политические парадигмы. Первая связана с онтологическими и эпистемологическими основаниями теории, вторая — с целями и инструментами экономической политики. Сдвиг в политике не обязательно сопровождается сменой научной парадигмы.

Действительно, «кейнсианскую революцию» 1930-х гг. и неolibеральную «контрреволюцию» 1970-х гг. никак нельзя назвать парадигмальными сдвигами экономической теории. На деле они представляли собой изменения в пределах одной и той же неоклассической парадигмы — переходы между ее внутренними вариантами. Даже грандиозный крах политической доктрины Вашингтонского консенсуса и поиск его концептуальной альтернативы в виде, например, продуктивизма Д. Родрика (Толкачев, 2024а) не является чем-то большим, чем очередной попыткой модернизировать мейнстрим на несколько измененной идеологической и методологической платформе.

Хейсе совершенно справедливо считает, что ключевая проблема смены парадигм — отсутствие философской глубины и онтологического переосмысления в экономике. Без новой философии невозможно преодолеть границы неоклассики. Только гетеродоксальные школы, основанные на отличных онтологиях (например, посткейнсианство Х. Мински, критическая макрофинансовая теория), способны предложить настоящую альтернативу.

Безусловно разделяя этот тезис, мы считаем, что переход к настоящей новой парадигме возможен только при условии одновременной смены всех

вышеуказанных ее четырех компонентов, что возможно только в случае смены господствующего мирохозяйственного уклада (МХУ). По крайней мере, недолгая история одновременного сосуществования экономических парадигм и циклов накопления капитала по Арриги (Арриги, 2006) или МХУ иллюстрирует справедливость данного тезиса, чему была посвящена наша предыдущая статья (Толкачев, 2024b).

Поддержку нашей позиции мы находим в статье А. Реати (Reati, 2011), где автор на примере неудачной судьбы посткейнсианства доказывает, что доминирование парадигмы в экономике зависит не только от ее логической и методологической силы, но также от институциональных, социальных и властных отношений в академическом и политическом поле. Реати строит свой анализ, комментируя работу Л. Пазинетти (Pasinetti, 2007) который ранее показал, что даже если теоретическая структура парадигмы безупречна, этого недостаточно. Теоретическая сила — необходимое, но не достаточное условие для того, чтобы парадигма стала доминирующей. Завершающий вывод эссе Реати весьма показателен для подтверждения как идеологической функции экономической теории, так и «комплекса» условий для смены парадигмы: «...наша задача состоит в том, чтобы углубить нашу работу в соответствии с принципами, указанными в книге Пазинетти, чтобы поддержать социальные движения твердым аналитическим и политическим фоном, который будет использоваться, когда благодаря социальной борьбе баланс сил снова сместится в сторону рабочего класса» (Reati, 2011, p. 372).

Отметим, что мощное европейское левое течение длительное время существовало в политической парадигме классовой борьбы, оставаясь в рамках «западноцентричного» мировоззрения, недооценивая как возрастающие азиатские центры экономической силы, так и обострение геоэкономической конкуренции между США и ЕС. События последних лет выдвинули именно последние мирохозяйственные факторы на роль драйверов парадигмальной эволюции экономической теории. Как мы отметили выше, полнейшее концептуальное банкротство Вашингтонского консенсуса послужило причиной обсуждения смены, по крайней мере, идеологической и методологической компонент неоклассической парадигмы. Но полная смена парадигмы возможна только когда общество осознает завершенность перехода к новому мирохозяйственному укладу, который естественным образом сформировал запрос на все четыре компонента новой парадигмы.

Фактически такое событие произошло в ходе становления, точнее, возвращения, политической экономии в СССР в 1930–1950-х гг. Тогда была принята в качестве основополагающей марксистская парадигма политэкономии капитализма, все четыре компонента которой радикально отличались от экономикс и А. Маршалла, и П. Самуэльсона. Не случайно возврат политэкономии в вузовские программы и ее научная реабилита-

ция в СССР состоялись после знаковых событий 1927–1929 гг., когда политическое руководство выбрало стратегический курс на создание независимого от Запада хозяйственного комплекса (суверенную экономику, как стало модно говорить в последнее время), который после создания мировой системы социализма по завершении Второй мировой войны окончательно сформировал альтернативный мирохозяйственный уклад. Оставляем вне рамок данной статьи вопрос о попытках на основе марксистской парадигмы построить экономическую теорию социализма.

Циклические факторы эволюции парадигмы

Важнейший вопрос, возникающий сегодня в связи с крахом глобализма и американско-центричного мироустройства (американского МХУ), состоит в том, насколько возможен переход к новой парадигме экономической теории вместо обанкротившейся экономикс. Попробуем обосновать наш ответ, развивая концепцию синхронизации эволюции экономической ортодоксии с фазами долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития. Эта концепция изложена нами ранее (Толкачев, 2024b), развивая ее, приведем фрагмент таблицы из данной статьи с дополнительными пояснениями.

Американское мирохозяйственное господство начинает отчетливо зреть в начале XX в. благодаря опережающему освоению достижений Второй промышленной революции (ПР) или производственных технологий третьего ТУ. Этот переходный период от уходящего английского к американскому МХУ сопровождается кризисными процессами в экономической ортодоксии. Совсем недавно сформировавшееся благодаря А. Маршаллу неоклассическое направление испытывает кризис и ожесточенную конкуренцию со стороны как «внутренних диссидентов» (Дж. Робинсон и многие другие кембриджские левые), так и, разумеется, альтернативных школ. Великая депрессия 1929–1933 гг. и последующая «кейнсианская революция» окончательно закрывают вопрос о претензиях неоклассики в обрамлении Л. Роббинса на роль ортодоксии. Предпоследняя колонка таблицы отражает те ключевые господствующие социальные слои, которые предъявляют запрос на парадигму экономической теории, прежде всего, на ее апологетический компонент и на практическо-прогностические функции. В данный период в качестве таковых в США выступают две противоречивые группы — традиционный банковский капитал, консолидированный в ФРС с 1914 г., и нарождающаяся рузвельтовская государственная бюрократия с мечтами о построении «нового» общества, способного преодолеть кризисы начала XX в. Первая группа полагалась на неоклассические тезисы о саморегулировании рынка, тогда как вторая (к которой принадлежал молодой и ищущий новые идеи Дж. К. Гэлбрейт, устроившийся на работу в рузвельтовский Комитет по ценам (Гэлбрейт, 1986)) пыталась найти новые парадигмальные основания науки.

**Цикличность развития технологических и мирохозяйственных факторов
и их воздействие на экономическую ортодоксию⁵**

ПР ⁵ и ТУ	Период	Лидирующий сектор экономики	Мирохозяйственный режим	Господствующая экономическая теория	Господствующий слой — заказчик ЭТ	МХУ
II — 3	1910—1930-е гг.	Средства производства	Протекционизм	Кризис маршаллианства и валърасианства, поиск альтернатив	Банковский капитал + госбюрократия	Американский
II — 4	1940—1970-е гг.	Средства транспорта	Фритредерство	Золотой век неоклассического синтеза П. Самуэльсон, 1948 г.	Государственно-монополистический индустриальный капитал	
II — 5	1980—2010-е гг.	Средства коммуникации	Глобализм Империализм	Модернизация неоклассического синтеза: неоконсерватизм + неонституционализм	«Неиндустриальные» цифровики и офшорные банкиры	
III — 6	2010—2040-е гг. (?)	Средства производства	Протекционизм	Кризис ортодоксии, неомеркантилизм	Индустриальные цифровики	Азиатский Многополярный
III — 7	2050 г.	Средства транспорта	Фритредерство	Утверждение новой парадигмы и ортодоксии		

Источник: составлено автором.

⁵ В отличие от Шваба мы считаем, что с 1960-х гг. разворачивается Третья промышленная революция (ПР), вступившая с 2010-х гг. в стадию цифровизации производства.

Американский триумф Дж. М. Кейнса и быстрое формирование альтернативного английскому американского «Кембриджа» логически завершаются появлением в 1948 г. учебника П. Самуэльсона, и данный вариант неоклассики с более точным названием неоклассический синтез надевает корону господствующей ортодоксии. Отметим, что данный этап соответствует «транспортной» фазе технологического развития и фритредерской фазе мирохозяйственного развития после Бреттон-Вудса 1944 г. Именно на данных фазах за счет растущего мирового эффекта масштаба, способствующего росту доходов и благосостояния всех слоев населения, господствующая ортодоксия достигает своего парадигмального пика по всем четырем компонентам. Причем результаты данного самого благоприятного этапа МХУ ортодоксия пусть даже неосознанно приписывает себе и общество все более проникается уважением к экономистам-теоретикам. Эта вершина американского мирохозяйственного развития олицетворяет этап расцвета государственно-монополистического капитализма, глубоко исследованного в многочисленных трудах советских экономистов. Неоклассический синтез удачно выступил в качестве теоретической основы политико-регулятивной парадигмы, получившей название кейнсианско-рузвельтианский консенсус, доминировавшей около 40 лет вплоть до stagflation 1970-х гг., и возвращение к которой попытался осуществить Дж. Байден в ходе своей «байденомики». Государственно-монополистический капитал, взросший на финансировании американской военной машины в годы Второй мировой войны, сосредоточенный в промышленно-производственных отраслях, естественным образом «одобрил» сложившуюся парадигму экономической теории. Она представляла адекватную для этого периода времени картину экономических взаимосвязей, все основные компоненты парадигмы и функции экономической теории удовлетворяли господствующий социально-политический слой.

Однако кризисные 1970-е гг., сопровождавшиеся началом промышленной деградации Америки и возвратом банковскому капиталу роли центра экономической власти, особенно после старта рейганомии с резким взлетом ставки рефинансирования ФРС и курса доллара, дискредитировали кейнсианско-рузвельтианский консенсус, вернули неоконсервативные и неолиберальные доктрины регулирования экономики, о разрушительном характере которых пророчески предупреждал Дж. К. Гэлбрейт (Galbraith, 1981). Глобализация на основе развития информационно-коммуникационных технологий содействовала упрочению власти офшорного банковского капитала и владельцам «информационного» капитала. Новому господствующему слою стала нужна «модернизированная» под изменившиеся реалии экономическая теория, и набор идей монетарного либерализма, дерегулирования (реальный экономический цикл), теории игр применительно к экономике заменил неокейнсианские идеи регулируемого государством экономического роста и неуклонного прогресса.

А исследовательская программа неоинституционализма с полным отказом от производственной тематики удачно перенесла онтологию и методологию науки в сферу радикально интенсифицированных в эпоху глобализма межличностных и межорганизационных контактов. Парадигма неоклассического синтеза устояла за счет инкорпорирования идей данных онтологически близких, но гносеологически отличающихся экономических школ.

Наконец, после финансового кризиса и Великой рецессии 2008—2009 гг. логика мирохозяйственного развития, завершив полный цикл американского доминирования, вышла на стартовый этап нового МХУ, характеризующегося технологическим обновлением производственного аппарата (цифровизация производства, Четвертая промышленная революция) и естественным возвратом протекционистского регулятивного режима в международные экономические отношения. Радикальное изменение экономического миропорядка или болезненное становление нового МХУ (пока неясно, можно ли его называть вслед за Дж. Арриги «азиатским», «интегральным» согласно С. Ю. Глазьеву, или позаимствовать у политологов название «многополярный») не может не привести в конечном итоге к смене парадигмы экономической теории.

В пользу данного тезиса говорит не только давно наблюдаемый кризис всех компонентов парадигмы, но и зримое формирование нового политико-экономического элитного слоя с претензией на лидерство, который мы предлагаем называть «индустриальные цифровики». Именно этот капитал социальных платформ и искусственного интеллекта (ИИ), осуществляющий в последние годы масштабную интервенцию в реальный сектор американской экономики с целью его возрождения, будет заинтересован в создании новой парадигмы экономической теории, в которой неизбежно будут переосмыслены многие онтологические и гносеологические компоненты старой. А пока индустриальные цифровики в команде Трампа пытаются перехватить у ФРС магический источник экономической власти, рассчитывая на криптовалюты, привязанные к доллару, как на часть своей стратегии по перестройке глобальной денежной системы (Varoufakis, 2025).

На уровне политико-экономических доктрин регулирования экономики (что соответствует идеологической и отчасти методологической компонентам парадигмы) уже происходят попытки перемен. Наиболее популярным является объяснение неизбежности смены парадигмы, понимаемой как совокупность целей экономической политики и ценностей экономического развития, которые некоторые авторы на Западе предпочитают называть «политико-экономическая парадигма». Под ней понимается доминирующая группа идей или «политические/экономические цели, аналитические/теоретические рамки для понимания функционирования экономики и общества, нарративы, описывающие и обосновывающие цели и аналитические рамки, а также экономическую и соци-

альную политику, основанную на аналитических рамках и направленную на достижение конкретных целей. Политико-экономические парадигмы могут оказывать мощное влияние на академические и медийные дискуссии, а также на институты, формирующие политику, как национальную, так и международную» (Laybourn-Langton, Jacobs, 2018, p. 113). В этом свете выделяют периоды господства парадигмы свободного рынка, затем кейнсианства, затем неолиберализма.

Мы уже рассмотрели попытку внедрения в общественную повестку США обновленной доктрины «экономики предложения» (Толкачев, Тепляков, 2025), если и входящей в расширенный мейнстрим, то занимающей в нем явное маргинальное положение, а также нового концептуального мема продуктивизма Д. Родрика (Толкачев, 2024а), который он предлагает называть не иначе как парадигма. Однако все указанные «политико-экономические» парадигмы укладываются в рамки широкого мейнстрима, поскольку не затрагивают глубокие мировоззренческие вопросы, скрывающиеся в онтологии и гносеологии. В данном случае сдвиг парадигмы обосновывается в основном изменениями идеологических компонентов на фоне жесточайшего провала неоклассических рецептов регулирования экономики, ставших уже привычным явлением на протяжении нескольких десятилетий. Однако по мере продолжения нынешнего мирохозяйственного кризиса, и, особенно, в случае его перехода в острую фазу аналогичную Великой депрессии 1930-х гг., следует ожидать интенсификации теоретических построений, претендующих на роль новой всеобъемлющей парадигмы.

По аналогии с логикой развития фаз предыдущих МХУ можно предположить, что появление новой общепризнанной парадигмы экономической теории должно состояться в начале фазы фритредерства мирохозяйственного развития и фазы транспортных технологий долгосрочного технологического развития. Прибегая к совсем уже формальной аналогии, напомним, что олицетворением классической парадигмы стала книга Дж. Ст. Милля 1848 г., неоклассической парадигмы — книга П. Самуэльсона 1948 г., а 2048 г. вполне соответствует началу прогнозируемого этапа фритредерства после завершения нынешнего этапа протекционизма, в ходе которого будут сформированы и очерчены контуры нового мирового экономического порядка.

Таким образом, переход к новому мирохозяйственному укладу одновременно прокладывает путь к постепенному формированию новых парадигмальных устоев экономической теории. Пока же в отсутствие всеобъемлющей теории как в широкое общественное сознание, так и в узкие экспертные круги вбрасываются новые доктринальные установки, отвечающие на ключевые экономические проблемы и претендующие на роль остова (основы) будущего возможного стройного теоретического здания. Новые доктринальные установки, дающие простое объяснение существую-

щих экономических неурядиц и предлагающие столь же простые рецепты перестройки экономической политики, представляют собой порой не более чем очередной идеологический мем, отражающий самые поверхностные этажи глубокой теоретической конструкции. Их появление становится возможным на фоне глубочайшего концептуального кризиса существующего расширенного мейнстрима экономической теории, скомпрометировавшего себя как на уровне базовых закономерностей, так и в области экономической политики.

Список литературы

- Ананьин, О. А. (2009). Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования). *Экономика образования*, 3, 35–50.
- Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: ИД «Территория будущего», 472 с.
- Балацкий, Е. В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки. *AlterEconomics*, 22(1), 6–21. doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2.
- Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к соционике. *Социальное пространство*, 8(4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2
- Бирюков, В. В. (2024). Поиск современной политико-экономической парадигмы и актуализация идей классической политической экономии. *Теоретическая экономика*, (12), 22–32. https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-12-22-32.
- Бузгалин, А. В., & Колганов, А. И. (1998). К критике еsonomics (теоретическое обоснование необходимости коррекции господствующей модели учебного курса по экономической теории). *Вопросы экономики*, 6, 87–107.
- Глазьев, С. Ю. (2016). Мировоззренческие уклады в глобальном экономическом развитии. *Экономика и математические методы*, 52(2), 3–29.
- Глазьев, С. Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке. *Государственное управление. Электронный вестник*, 56, 5–39. DOI: 10.24411/2070-1381-2016-00017.
- Гэлбрейт, Дж. (1986). *Жизнь в наше время. Воспоминания*. М.: Прогресс, 406 с.
- Колпаков, В. А. (2008). Экономическая теория в поисках новой парадигмы. *Знание. Понимание. Умение*, 1, 79–88.
- Мальцев, А. А. (2016). Гипотеза о техницистской истории экономической мысли. *Общественные науки и современность*, 5, 30–48.
- Мальцев, А. А. (2011). Кризис неоклассической ортодоксии или смена технологических укладов. *Журнал экономической теории*, 4, 111–122.
- Мельников, Н. М. (2012). Особенности влияния экономических кризисов на смену парадигм экономической теории. *Дискуссия*, 2, 67–71.
- Николаева, Е. Е. (2019). О новой парадигме экономической теории. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 1, 254–259.
- Нусратуллин, В. К. (2014). О необходимости новой парадигмы в развитии экономической теории. *Теоретическая экономика*, 23(5), 17–22.
- Полтерович, В. М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России*, (1), 46–66.
- Сухих, В. В. (2025). Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий. *AlterEconomics*, 22(1), 54–65. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5.

Татаркин, А. И., & Мальцев, А. А. (2016). Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов. *Журнал экономической теории*, 3, 12–27.

Толкачев, С. А. (2024а). Сдвиг парадигмы: заменит ли продуктивизм «вашигтонский консенсус»? *Мир новой экономики*, 18(3), 63–72. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-3-63-72>.

Толкачев, С. А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса. *AlterEconomics*, 22(1), 22–39. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3>.

Толкачев, С. А. (2024b). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus*, 22(3), 6–20. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20).

Толкачев, С. А., & Тепляков, А. Ю. (2025). «Новая» экономика предложения как политико-экономическая парадигма нового мирохозяйственного уклада. *Научные труды Вольного экономического общества*, 252(2), 83–104. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-83-104.

Худокормов, А. Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс. *Вопросы политической экономики*, 1, 103–125. DOI: 10.5281/zenodo.4666161.

Шваб, К. (2016). *Четвертая промышленная революция*. Эксмо, 138 с.

Cass, O. (2024). What Economists Could Learn From George Costanza. *The New York Times*, December 23. <https://www.nytimes.com/2024/12/23/opinion/what-economists-could-learn-from-george-costanza.html>.

Casselman, B. (2025). Economists Are in the Wilderness. Can They Find a Way Back to Influence? *The New York Times*, January 10. <https://www.nytimes.com/2025/01/10/business/economy/economists-politics-trump.html>.

Deaton, A. (2016). Rethinking My Economics, IMF Finance and Development, March. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2024/03/Symposium-Rethinking-Economics-Angus-Deaton>.

Galbraith, J. K. (1981). The Conservative Onslaught. *The New York Review of Books*. 27(21–22), 30–36.

Galbraith, J. K. (2021). What is economics? A policy discipline for the real world. *Real-World Economics Review*, 96, 67–81, <http://www.paecon.net/PAEReview/issue96/Galbraith96.pdf>.

Hanappi, H. (2024). Culture — The elephant in the room: Meticulous analysis, grandiose synthesis and their oscillations. *Real-World Economics Review*, 109, 2–17. <http://www.paecon.net/PAEReview/issue109/Hanappi109>.

Heise, A. (2024). New Economics, paradigm shifts and the lack of philosophical foundations in economics or: Is the future of economics heterodox? *ZÖSS Discussion Paper. 112. University of Hamburg, Centre for Economic and Sociological Studies*. <https://hdl.handle.net/10419/305296>.

Laybourn-Langton, L., & Jacobs, M. (2018). Paradigm shifts in economic theory and policy. *Intereconomics*, 53(3), 113–118.

Mirowski, Ph. (1984). Physics and the «marginalist revolution». *Cambridge Journal of Economics*. 8, 361–379.

Pasinetti, L. (2007). *Keynes and the Cambridge Keynesians: A “Revolution in Economics” to be Accomplished*. UK: Cambridge University Press, 384 p.

Perez, C. (2010). Technological revolutions and techno-economic paradigms. *Cambridge Journal of Economics*, 34(1), 185–202.

Raworth, K. (2017). *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. London: Random House Business, 384 p.

Raworth, K. A. (2024). New Compass for Economics. *Finance & Development*, March. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/03/Point-of-view-a-new-compass-for-economics-Kate-Raworth>.

Raworth, K. A. (2012). Safe and Just Space for Humanity: Can We Live Within the Doughnut? *Oxfam Discussion Paper*, February, 1–25. https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/dp-a-safe-and-just-space-for-humanity-130212-en_5.pdf.

Reati, A. (2011). Power Relations and Economic Paradigms, or Why Post-Keynesian Theory Is Not Dominant. *Review of Radical Political Economics*, 43(3), 361–372. DOI: 10.1177/0486613410395898.

Rodrik, D. (2024). Addressing Challenges of a New Era. *Finance and Development*, March. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/03/Point-of-view-addressing-challenges-of-a-new-era-Dani-Rodrick>.

Skene, K. R. (2022). How can economics contribute to environmental and social sustainability? The significance of systems theory and the embedded economy. *Frontiers in Sustainability*, 3, Article 980583. <https://doi.org/10.3389/frsus.2022.980583>.

Varoufakis, Y. (2025) Trump Wants Big Tech to Own the Dollar. *Project Syndicate*, May 29. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-wants-private-stablecoins-to-replace-dollar-by-yanis-varoufakis-2025-05>.

Wilson, D. S., & Snower, D. J. (2024). Rethinking the theoretical foundation of economics I: The multilevel paradigm. *Economics E-Journal*, 18(1), 1–18. https://www.researchgate.net/publication/378394978_Rethinking_the_Theoretical_Foundation_of_Economics_I_The_Multilevel_Paradigm.

References

Ananyin, O. A. (2009). Economic Theory: Crisis of the Paradigm as a Crisis of Higher Professional Education. *Ekonomika obrazovaniya*, 3, 35–50. (In Russ.)

Arrighi, J. (2006). *The long twentieth century. Money, power and the origins of our time*. M.: ID ‘Territory of the Future’, 472 p.

Balatsky, E. V. (2022). New imperatives of economic knowledge: towards socionomics. *Sotsial'noye prostranstvo*, 8(4), 1–19. (In Russ.). DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2.

Balatsky, E. V. (2025). On the eve of a new paradigm of economic science. *AlterEconomics*, 22(1), 6–21. (In Russ.). doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2.

Biryukov, V. V. (2024). The Search for a Modern Political-Economic Paradigm and the Actualization of the Ideas of Classical Political Economy. *Teoreticheskaya ekonomika*, 120(12), 22–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-12-22-32>.

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (1998). Towards a Critique of Economics (Theoretical Justification of the Need to Correct the Dominant Model of the Academic Course on Economic Theory). *Voprosy Ekonomiki*, 6, 87–107. (In Russ.).

Galbraith, J. (1986). *Life in Our Time: A Memoir*. M.: Progress, 406 p.

Glazyev, S. Yu. (2016a). On the new paradigm in economic science. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 56, 5–39. (In Russ.). DOI: 10.24411/2070-1381-2016-00017.

Glazyev, S. Yu. (2016b). World economic structures in global economic development. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, 52(2), 3–29. (In Russ.).

Khudokormov, A. G. (2021). New data on the “third crisis” of economics. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 1, 103–125. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.4666161.

Kolpakov, V. A. (2008). Economic Theory in Search of a New Paradigm. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 1, 79–88. (In Russ.).

Maltsev, A. A. (2016). Hypothesis on the Technicist History of Economic Thought. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 5, 30–48. (In Russ.).

Maltsev, A. A. (2011). The crisis of neoclassical orthodoxy or the change of technological patterns. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 4, 111–122. (In Russ.).

Melnikov, H. M. (2012). Features of the influence of economic crises on the change of paradigms of economic theory. *Diskussiya*, 2, 67–71. (In Russ.).

Nikolaeva, E. E. (2019). On the new paradigm of economic theory. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye*, 1, 254–259. (In Russ.).

Nusratullin, V. K. (2014). On the need for a new paradigm in the development of economic theory. *Teoreticheskaya ekonomika*, 23(5), 17–22. (In Russ.).

Polterovich, V. M. (1998). The crisis of economic theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 1, 46–66. (In Russ.).

Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. M.: Eksmo, 138 p.

Sukhikh, V. V. (2025). Digital Revolution, the Crisis of Economic Theory, and the Return of Utopias. *AlterEconomics*, 22(1), 54–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5>.

Tatarkin, A. I., & Maltsev, A. A. (2016). Transformation of scientific knowledge under the influence of economic crises. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 3, 12–27. (In Russ.).

Tolkachev, S. A. (2025). Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis. *AlterEconomics*, 22(1), 22–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3>.

Tolkachev, S. A. (2024a). Paradigm Shift: Will Productivism Replace the “Washington Consensus”? *Mir novoy ekonomiki*, 18(3), 63–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-3-63-72>.

Tolkachev, S. A. (2024b). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus*, 22(3), 6–20. (In Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20).

Tolkachev, S. A., & Teplyakov, A. Yu. (2025). “New” supply-side economics as a political and economic paradigm of the new world economic order. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, 252(2), 83–104. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-83-104.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

И. А. Розинский¹

(Москва, Россия)

УДК: 330.16

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-6

МЕХАНИЗМЫ

ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ:

«ЭКОНОМИКА ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ»

И ЭФФЕКТ РЕЗОНАНСА

Целью работы является рассмотрение некоторых фактически сложившихся механизмов экономического роста в современной России и возможных перспектив их развития. Формирование этих механизмов связано с важной особенностью нашей страны — сохраняющимся рыночным характером экономики (прежде всего это касается механизма ценообразования), сочетающимся с растущей ролью государства как регулятора экономической жизни, который оказывает непосредственную поддержку тем или иным отраслям и предприятиям. В силу этого сочетания экономический рост имеет два «двигателя». Первый, рыночный, включается благодаря реакции экономических агентов (прежде всего предпринимателей-инвесторов и банков) на изменения структуры спроса, вызываемыми трендами развития общества, в первую очередь демографическими. Второй, двигатель государственной поддержки, включается по политическому решению государства, чтобы поддержать ту или иную отрасль либо территорию. Обычно два двигателя не работают в одном направлении: в общем случае государству бессмысленно тратить ограниченные ресурсы на поддержку тех, кто успешно «поймал тренд» и активно растет. Тем не менее, как показано в работе на основе анализа ряда реализованных государственных программ, иногда в результате сознательного политического решения или неполного предвидения государственная поддержка помогает расти тому, что выросло бы и само по себе. В результате возникает экономический резонанс — сочетание господдержки и рыночных сил, действующих в одном направлении. Он способен привести к быстрому экономическому росту, особенно если господдержка затрагивает массовые, «простые» инвестиции, осуществляемые в той сфере экономики, которая определяется как «экономика простых вещей». В работе на основе анализа Пространственной стратегии развития России и сложившихся демографических трендов делаются предположения о наиболее вероятных эффектах экономического резонанса в ближайшие годы.

Ключевые слова: экономический рост, госпрограммы поддержки экономики, экономический резонанс.

Цитировать статью: Розинский, И. А. (2025). Механизмы экономического роста в России: «экономика простых вещей» и эффект резонанса. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 108–126. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-6>.

¹ Розинский Иван Анатольевич — д.э.н.

© Розинский Иван Анатольевич, 2025

I. A. Rozinsky

(Moscow, Russia)

JEL: J11, J18, R23, R31, R38

MECHANISMS OF RUSSIA'S ECONOMIC GROWTH: “SIMPLE THINGS ECONOMY” AND THE RESONANCE EFFECT

The purpose of the paper is to consider some of established mechanisms of economic growth in modern Russia and possible prospects for their development. Formation of these mechanisms is linked to an important specific feature of our country, i.e. preserved market nature of the economy (especially regarding price mechanism) combined with the growing role of the state as a regulator of economic activity, which provides direct support to certain industries or enterprises. Due to this combination, the economic growth has two “engines”. The first, the market one, is switched on by the reaction of economic agents (primarily entrepreneurs-investors and banks) to the changes in demand structure, caused by societal (especially demographic) development trends. The second, the state support one, is switched on by political decision of the government, which decides to support this or that industry or region. Normally these two engines do not work in the same direction, since generally it is unreasonable for the state to spend limited budget resources on supporting those who have successfully caught the trend and is actively growing on its own. Nevertheless, based on performance analysis of some state support programs, the paper claims that sometimes — due to either political decision or incomplete foresight — the state support contributes to growth in spheres that would grow even without such support. This results in the emergence of economic resonance, i.e. the combination of state support and market forces working in the same direction. Such resonance may lead to fast economic growth, especially in case when the state support involves “simple” mass investments, occurred in the economic sector defined as the “simple things’ economy”. Drawing on the Strategy of Spatial Development of Russia and relevant demographic trends, the paper makes certain forecasts on most probable effects of the economic resonance in the forthcoming years.

Keywords: economic growth, state programs of economic support, economic resonance.

To cite this document: Rozinsky, I. A. (2025). Mechanisms of Russia's economic growth: “simple things economy” and the resonance effect. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 108–126. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-6>.

Введение

Целью работы является рассмотрение некоторых фактически сложившихся механизмов экономического роста в современной России и возможных перспектив их развития. Формирование этих механизмов связано с важной особенностью нашей страны — сохраняющимся рыночным характером экономики (прежде всего это касается механизма ценообра-

зования), сочетающимся с растущей ролью государства как регулятора экономической жизни, который оказывает непосредственную поддержку тем или иным отраслям и предприятиям. В силу этого сочетания экономический рост имеет два «двигателя». Первый, рыночный, включается благодаря реакции экономических агентов (прежде всего предпринимателей-инвесторов и банков) на изменения структуры спроса, вызываемыми трендами развития общества, в первую очередь демографическими. Второй, двигатель государственной поддержки, включается по политическому решению государства, чтобы поддержать ту или иную отрасль либо территорию. Обычно два двигателя не работают в одном направлении: государству бессмысленно тратить ограниченные ресурсы на поддержку тех, кто успешно «поймал тренд» и активно растет. Тем не менее некоторые экономические тренды сразу не видны, и государственная поддержка иногда помогает расти тому, что выросло бы и само по себе. Помимо неполного предвидения последствий принимаемых мер господдержки, причиной такой ситуации может быть и сознательное решение государства, вызванное политическими соображениями. В результате возникает экономический резонанс — сочетание господдержки и рыночных сил, действующих в одном направлении. Он способен привести к быстрому экономическому росту, особенно если господдержка затрагивает массовые, «простые» инвестиции, осуществляемые в той сфере экономики, которая определяется как «экономика простых вещей».

Для того чтобы экономический рост был значимым, требуются не точечные (они есть всегда, даже в условиях спада), а фронтальные, массовые инвестиции. В условиях рыночной экономики это означает, что большое количество людей должно принять инвестиционные решения, поверив, что активы, в которые они инвестируют, будут расти в цене. Такие решения, принимаемые большим количеством людей, и активы, по поводу которых эти решения принимаются, по необходимости должны быть (сравнительно) простыми, доступными для осмысления потенциальными инвесторами с разным уровнем подготовки. Здесь можно вести речь об «экономике простых вещей».

Стержневой отраслью экономики простых вещей является жилищное строительство, инвестиции в которую (покупка либо строительство жилья) служат наиболее массовой формой индивидуальных инвестиционных решений. Еще одним примером, показывающим, о чем идет речь, служит массовое строительство автосалонов, магазинов и торговых центров современного формата в России в 2000-е гг. Обоснование такого строительства укладывалось на два-три слайда презентации: сравнение с Восточной Европой, демонстрирующее разрыв в подушевой обеспеченности торговыми площадями и уровне владения автомобилями; упрощенная бизнес-модель с ожидаемыми трех-пятилетними сроками окупаемости; конкурирующие предложения нескольких банков по условиям финан-

сирования. Такие презентации прошли в тот период в сотнях компаний и банков по всей стране. Некоторые из этих «простых» решений привели к неудачам и даже банкротствам в кризис 2008–2009 гг. Но гораздо большее их число привело к успеху и стало важнейшей составляющей быстрого (в среднем на 7% в год) экономического роста 2000-х гг.

Сказанное не означает, что экономика может обойтись только «простыми» инвестициями. Наоборот, качественное развитие, технологические изменения и т.д. происходят как раз благодаря «сложным» инвестициям — условно говоря, не в торговые центры, а в станкостроение. Поэтому, когда не стоит задача ускорить экономический рост (ситуация второй половины 2024 г.), государство стремится ограничить сферу своей поддержки только «сложными» инвестициями, способствующими не столько росту, сколько развитию, т.е. качественным изменениям экономики. Когда же вопрос стоит о необходимости избежать спада, то и экономическая, и политическая логика подсказывают выбор в пользу поддержки «простых» инвестиций — инвестиций в сфере экономики простых вещей.

Опишем, как в последние годы реализовывалась господдержка ряда отраслей российской экономики с точки зрения влияния на «простые» инвестиции, какими трендами развития экономики эти инвестиции определялись и какие эффекты резонанса в связи с этим возникли. Затем попробуем оценить наиболее вероятные экономические резонансы ближайших нескольких лет.

Государственные программы поддержки отраслей экономики в 2020–2024 гг.

В период 2020–2025 гг. российская экономика столкнулась с двумя колоссальными вызовами — пандемией ковида в 2020–2021 гг. и переходом рядом ведущих торговых партнеров страны от частичных санкций к полномасштабной санкционной войне вслед за началом боевых действий на Украине в 2022 г. Оба вызова привели к падению экономики — в 2020 г. на 2,7% и в 2022 г. на 1,2%. Но для государственной политики еще более важными, чем размер фактического падения, были порожденные этими вызовами беспрецедентные уровни негативных ожиданий. Во втором квартале 2020 г. падение ВВП по итогам года оценивалось многими экспертами двузначными величинами². После начала вооруженного конфликта на Украине и введения санкций средний уровень ожидаемого падения ВВП России за 2022 г., по оценкам российских экспертов, составлял порядка 10%, а по оценкам зарубежных — 15% и более³.

² См., например, обзор таких оценок в: URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1013080.html>

³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>

Еще в феврале-марте 2023 г. российские экономические власти ожидали по итогам 2023 г. отрицательных или в лучшем случае нулевых темпов роста. Для того чтобы предотвратить развитие этих негативных сценариев, государство прибегло к активному использованию программ поддержки различных отраслей экономики; во многом эти программы были ориентированы на поощрение «простых» инвестиций.

В период до 2020 г. государство неоднократно пыталось нащупать наиболее эффективные механизмы господдержки. Делались попытки субсидированного кредитования отобранных специальной межведомственной комиссией инвестпроектов (так называемая программа 1044 — здесь и далее программы господдержки указываются по номеру соответствующего правительственного постановления), а также малого и среднего бизнеса (программа 1764). Первым общепризнанным успехом стала программа льготного кредитования в сфере АПК. Благодаря субсидированию аграриям процентной ставки по банковским кредитам сперва удалось обеспечить бесперебойное финансирование сезонных сельскохозяйственных работ независимо от менявшихся условий денежно-кредитной политики, а затем — реализацию инвестиционных программ постепенно нарастающей степени сложности. Важно отметить, что программа реализовывалась в рыночной среде: банки конкурировали за заемщиков, предлагая им ставки ниже, чем максимально разрешенный условиями программы уровень. По данным Росстата, за период с 2015 по 2022 г. сельхозпроизводство выросло на 70% — с 76 до 129 млрд долл.; Россия впервые за много десятилетий стала нетто-экспортером сельскохозяйственной продукции, причем на фоне позитивных изменений в подушечном потреблении основных продуктов (рис. 1).

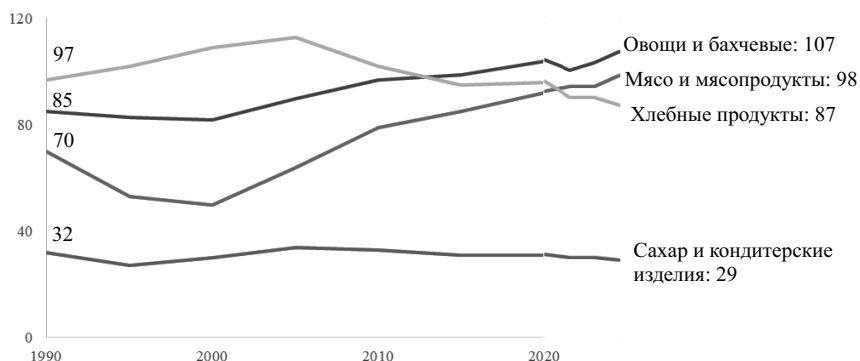

Рис. 1. Изменение потребления основных продуктов в России, в среднем на потребителя, кг в год
Источник: (РБК, 09.08.2024).

К моменту начала пандемии механизм субсидирования процентных ставок по кредитам считался доказавшим свою эффективность и стал поэтому активно использоваться. Был реализован ряд госпрограмм, нацеленных на сохранение занятости: сначала малый и средний бизнес, а затем и крупные компании получили кредиты по околонулевым ставкам в обмен на неувольнение работников в период карантина. Условия одной из программ (программа 696, запущена в мае 2020 г.) предусматривали даже погашение за счет бюджета не только процентов, но и основного долга по таким кредитам.

Важнейшей госпрограммой, запущенной в период пандемии и ориентированной не только на спасение оказавшихся в тяжелом положении предприятий и бизнесов, но и на содействие экономическому росту, следует считать программу поддержки жилищного строительства. Строго говоря, эта программа представляла собой не один документ, но сочетание введенного Федеральным законом № 214-ФЗ механизма финансирования строительства многоквартирных домов с помощью счетов эскроу и введенного постановлением Правительства РФ механизма льготной ипотеки, по условиям которого госбюджет субсидировал ставку по ипотечным кредитам, делая ее нечувствительной к изменениям денежно-кредитной политики и тем самым поддерживая спрос на строящееся жилье. Запуская эту программу, государство, как представляется, руководствовалось описанной выше логикой: поскольку в период пандемии масштабный экономический спад рассматривался как очевидная угроза, была сделана ставка на «простые» инвестиции. Так же, как и в случае аграрной госпрограммы, она реализовывалась в рыночной, зачастую остроконкурентной среде: максимально стимулировав и защитив «простые» инвестиции, государство подталкивало банки и застройщиков к тому, чтобы бороться за эти инвестиции.

Ставка на «простые» инвестиции была сделана и в 2022 г., когда в результате санкционного удара был зафиксирован экономический спад и ожидания роста на 2023 г. «крутились» около нуля. Основой стала льготная ипотека: хотя она во многом «виновна» в инфляционном росте цен на рынке жилья, но, вкупе с общим механизмом поддержки жилищного строительства, она помогла ускорить экономический рост, удлинив цепочку создания спроса в экономике. Как известно, с 2022 г. в силу ряда факторов (запуск и полная загрузка ранее простаивавших либо сильно недозагруженных предприятий ВПК, импортозамещение, частичная мобилизация и т.д.) уровень безработицы снизился до минимума, в экономике стала формироваться нехватка рабочей силы, что вело к росту реальных доходов занятых. Благодаря льготной ипотеке произошло усиление эффекта мультипликатора: выросшие доходы занятых трансформировались в спрос на жилье, на материалы для ремонта, мебель и т.д. Данный эффект проиллюстрирован на рис. 2, где показан прирост запуска новых

жилищных проектов в ряде регионов страны, традиционно считающихся военно-промышленными.

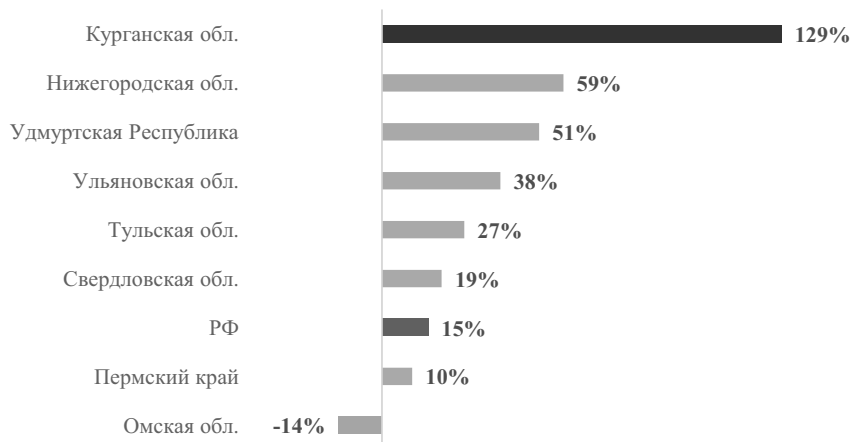

Рис. 2. Прирост запуска новых жилищных проектов за 9 мес. 2023 г., % г/г

Источник: Рассчитано автором на основе аналитических данных ДОМ.РФ.

В 2023 г. был введен максимальный за всю историю страны объем жилья, 110 млн кв. м (Минстрой РФ, январь 2024), а подушевая обеспеченность жильем выросла до 28,8 кв. м (РИА Новости, 2024).

Двумя другими направлениями «простых» инвестиций стали дороги и сельское хозяйство. В 2022–2024 гг. реализовывались масштабные дорожные проекты (магистраль Москва — Казань и Казань — Екатеринбург, «Азовское кольцо», Краснодар — Крымский мост и др., а также многочисленные обходы крупных городов), в которых было задействовано большое число компаний-подрядчиков, получавших финансирование под банковские гарантии. В области сельского хозяйства активно осуществлялось субсидирование инвестиционных кредитов аграриям.

Говоря о выборе названных «простых» отраслей, следует отметить три важных момента. Во-первых, нельзя не увидеть преимущества с «кейнсианской классикой»: в 1930-е гг. усилия многих государств по выводу своих экономик из Великой депрессии также концентрировались на этих отраслях. Во-вторых, данные отрасли оптимально подходят именно для банковского финансирования: банки обладают значительным опытом работы с ними, их технологии сравнительно просты, а активы легко могут быть оценены кредиторами. Важность данного пункта связана с тем, что в России сложилась структура финансового рынка с доминированием именно банков, а не, скажем, фондового рынка, как в англосаксонских странах (Shleifer, Vishny, 1997). Известно, что банки хорошо приспособлены для финансирования «простых» отраслей (где есть залогов, а тех-

нологии известны и апробированы) и существенно хуже — для отраслей «сложных», с трудно прогнозируемой структурой спроса и сложными для внешней оценки технологиями и активами. Таким образом, налицо соответствие (комплементарность) фактической структуры российского финансового рынка (и, соответственно, структуры внешнего финансирования) названным отраслевым приоритетам.

Наконец, в-третьих, Россия, в отличие от ряда зарубежных стран, еще не собрала в этих отраслях все «низковисящие плоды» (Капелюшников, 2015; Cowen, 2011). В сфере жилищного строительства имеется ряд мощных факторов сохранения массового спроса на жилье. Обеспеченность жильем в нашей стране заметно отстает от показателей Восточной Европы (около 30,0 кв. м на человека против примерно 35 кв. м (Интерфакс, 2025)), не говоря уже о США и Канаде; кроме того, в ближайшие годы будет нарастать процесс перехода в категорию ветхого жилья домов массовых советских серий — дома, куда переехали герои фильма «Покровские ворота», уже почти достигли предельного срока эксплуатации, а дома, где жили герои «Иронии судьбы», достигнут его в ближайшие 5–10 лет. В области сельского хозяйства, согласно оценкам экспертов⁴, земельный фонд и климатические условия нашей страны позволяют увеличить урожай зерна с нынешних 130 млн до 200 млн т, урожай сахарной свеклы, картофеля и овощей — вдвое, а масличных, фруктов и ягод — почти втрое. В сфере автодорожного строительства еще не достигнута связанность автомагистралями даже основных городов страны, образующих каркас расселения; железнодорожные высокоскоростные магистрали тоже еще только строятся. Другими словами, Россия пока еще имеет возможность расти и мультипликативно увеличивать ВВП за счет «экономики простых вещей».

По мере того, как задача стимулирования экономического роста перестала быть актуальной (середина 2024 г.) и на первый план вышла проблема инфляции, в сфере госпрограмм была фактически приостановлена поддержка массовых «простых» инвестиций и декларирован переход к точечной поддержке «сложных». Была прекращена массовая программа льготной ипотеки; заметно сокращены объемы нового финансирования и подняты процентные ставки по программам поддержки малого и среднего бизнеса и предприятий АПК; де-факто изменен подход к финансированию контрактов на строительство дорог. Приоритетными стали реализуемые через ВЭБ.рф и Фонд развития промышленности программы реализации специально отобранных инвестиционных проектов в машиностроении и ряде других отраслей.

⁴ См., например: URL: <https://lenta.ru/news/2024/08/22/nazvany-neozhidannye-plyusy-izmeneniya-klimata-dlya-selskogo-hozyaystva-rossii/>

Большие тренды и экономические резонансы в России в 2015–2025 гг.

Описанные выше направления государственного стимулирования («второй двигатель» российской экономики) накладывались на объективно существующие тренды развития российского общества. Совокупные действия многочисленных рыночных агентов, реагировавших на эти тренды принятием собственных инвестиционных решений, формировали «первый двигатель». Для целей настоящего анализа наиболее важными представляются три больших тренда, относящихся к сфере демографии: стягивание населения в крупные и особенно в крупнейшие города; миграция людей в климатически благоприятные регионы страны в силу роста ценности хорошего климата по мере роста дохода; «революция одиночества».

В постсоветский период вполне четко обозначились два основных вектора движения населения России. Первый вектор связан с пространственной концентрацией экономической активности (Коломак, 2013) и направлен в крупнейшие агломерации, прежде всего в Москву, Петербург и их области. За период с 2002 по 2021 г., невзирая на общее демографическое сжатие, население городов с численностью свыше 500 тыс. выросло с 40 до 48 млн (на 20%), а население миллионников — с 27,7 до 35,5 млн (на 28%) (Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года). Второй вектор — перемещение населения с севера и востока на юг и запад. В исследовании автора совместно с Н. А. Розинской (Розинская, Розинский, 2019) показано, что в Европейской России, помимо Москвы и Петербурга с областями, сложился еще один мощный пояс миграционного притяжения — Теплороссия, макрорегион с комфортным климатом, первоначально включавший Краснодарский край, Воронежскую и Белгородскую области, а также «западный филиал Теплороссии» — Калининградскую область и потенциально — Крым и Севастополь. Эти регионы отличались от остальной страны стабильностью и значимостью положительного внутреннего миграционного потока. Белгород и Краснодар выделились как центры миграционного притяжения еще в 1990-е гг. (Рыбаковский, Судоплатова, 2015). В работе Н. В. Мкртчяна (Мкртчян, 2003) говорится о «феномене Белгородской области» и отмечается, что эта область — единственная в ЦФО (за исключением Москвы с областью), имеющая положительный баланс миграции в пределах округа. Воронеж присоединился к этой группе несколько позднее.

Начало боевых действий на сопредельной с Теплороссией территории Украины сделали Белгородскую область прифронтовой и радикально изменили сальдо миграции в этот регион. Тем не менее даже в нынешних условиях климатический фактор остается магнитом, притягивающим в Теплороссию внутреннюю миграцию. Во-первых, сохраняется миграционная

привлекательность Краснодарского края. Во-вторых, частью Тёплороссии фактически стали Крым и Севастополь. В 2015–2022 гг. миграционный нетто-приток в Севастополь составлял в среднем 12 тыс. человек в год, в 2023 г. он снизился вдвое, но остался положительным. В Крыму ежегодный нетто-приток в 2015–2022 гг. превышал 10 тыс. человек, в 2022 г. он стал отрицательным, но в 2023 г. вновь вернулся в положительную область (Росстат РФ, 2014–2023).

В Сибири также можно увидеть перемещение населения с севера и востока на юг и запад (Розинская, Розинский, 2019). При этом Сибирь не сливается с остальной Россией в единый миграционный рынок, там сложилась своя зона миграционного притяжения (Новосибирская и юг Тюменской областей), привлекающая мигрантов из остальных регионов Сибири (Мкртчян, 2003).

Наконец, третий важнейший демографический тренд, о котором следует сказать, — это «революция одиночества», т.е. быстрое увеличение числа и доли домохозяйств, состоящих из одного человека (рис. 3).

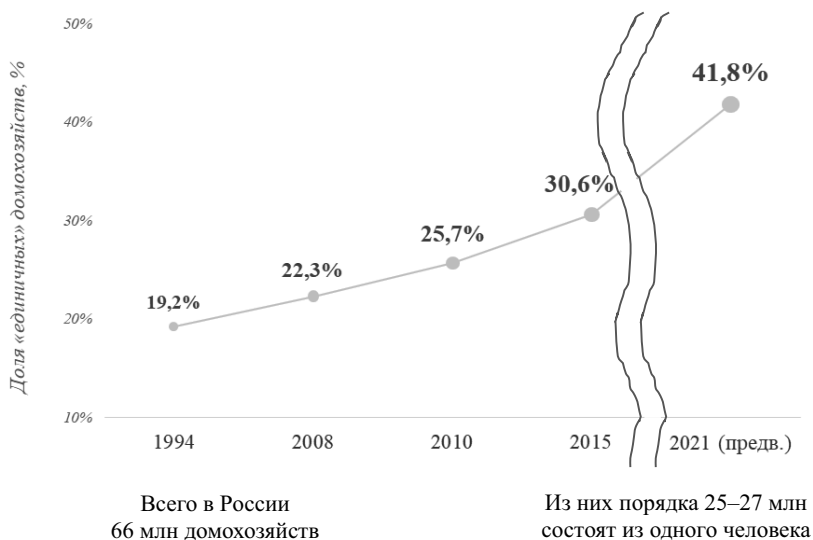

Рис. 3. «Революция одиночества»: рост доли домохозяйств, состоящих из одного человека
Источник: (РБК, 19.08.2023).

Состав домохозяйств-«одиночек» весьма различен, включая самые разные социальные и возрастные группы — от отдельно живущих студентов до одиноких пенсионеров. Динамика численности этих групп также может быть различной, но совокупная их численность в последние десятилетия неуклонно росла. Данный тренд ведет к росту спроса на отдельные квартиры, обычно небольшие.

Сочетание отмеченных трендов и госпрограмм поддержки породили несколько резонансных эффектов. В сфере сельского хозяйства резонанс проявился в очень быстром и массовом строительстве теплиц, птицефабрик и свинокомплексов в Теплороссии в 2015–2020 гг. Хорошо известно, хоть и не самым позитивным примером резонанса выступает массовое строительство жилья эконом-класса в прилегающих к Москве районах Московской области и на окраинах Петербурга: под воздействием описанных демографических трендов оно активно развивалось бы и «само по себе», но было резко ускорено благодаря наличию госпрограмм. Еще один пример — взрывной рост объемов строительства и стоимости жилья в Краснодарском крае, особенно в Краснодаре и в Сочи. В течение ряда лет Краснодарский край занимал второе место в стране по объему жилищного строительства, обходя не только Петербург, но и Москву (!) и уступая только Московской области. Вообще быстрое развитие данного региона можно считать примером резонанса на региональном уровне: Кубань в целом оказалась бенефициаром как демографических трендов, так и аграрной и строительной госпрограмм.

Вероятные резонансы ближайших лет

Предположения о возможных эффектах резонанса в ближайшие годы делаются на основе объявленных руководством страны целей и приоритетов развития страны на период до 2030 г. (национальные проекты и Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года). Для реализации поставленных целей будут реализовываться госпрограммы поддержки определенных отраслей и территорий. Конкретные условия этих программ будут, разумеется, зависеть от политических факторов, бюджетной ситуации и т. д., но ряд параметров можно попытаться предсказать уже сегодня.

Важнейшей задачей государства является преодоление демографического кризиса и, в частности, повышение рождаемости. Как известно, «рождаемость любит жилье» — существует зависимость между обеспеченностью жильем и склонностью семей заводить/откладывать заведение детей. Это означает, что субсидирование ипотеки в виде ныне существующей программы «Семейная ипотека» или в каком-то ином сохранится; скорее всего, оно будет привязано к количеству и возрасту детей в семье.

Объявлено, что государство будет стимулировать сохранение населения на сельских территориях. С очень большой вероятностью это означает стимулирование индивидуального жилищного строительства (ИЖС) — через субсидирование ипотечных кредитов сельским жителям на строительство индивидуальных домов и/или субсидирование застройщиков, строящих такие дома и финансирующих стройку с помощью механизма эскроу-счетов.

Стратегия пространственного развития России, ставя задачу сохранить численность населения Сибири, Дальнего Востока и Арктики хотя бы на уровне 2023 г., вводит для ответственного государственного органа (Минстроя) специальный показатель: доля ввода жилья в Сибири и на Дальнем Востоке от совокупного ввода жилья в стране должна составить 15–17% (в настоящее время — 13,1% (Стратегия пространственного развития России, 2024)). Чтобы выполнить поставленную цель, придется субсидировать ипотеку и/или жилую стройку в Сибири.

Наконец, по вполне очевидным причинам в фокусе внимания государства будут задачи интеграции и восстановления регионов Донбасса и Новороссии, недавно вошедших в состав России, а также развитие так называемых геостратегических регионов — Крыма, Севастополя, Калининграда, Курска, Брянска, Белгорода и ряда других. Здесь можно ожидать масштабных программ как в части стимулирования строительства (восстановления) жилья, так и в части общей поддержке бизнеса. Ряд таких программ (например, льготная ипотека в Донбассе и Новороссии предоставляется под 2% годовых) уже запущен.

Реализация начатых либо предполагаемых госпрограмм будет развиваться на фоне развития отмеченных выше больших трендов. Можно предположить, что «огни большого города» по-прежнему будут манить людей: возможно, интенсивность центростремительной миграции удастся снизить, но полностью остановить рост крупных и особенно крупнейших городов едва ли реалистично. После завершения боевых действий на Украине можно уверенно ожидать усиления миграции россиян в регионы Теплороссии. Данные ожидания связаны с влиянием климатического фактора в условиях роста доходов населения, по данным Росстата, +8,5% за 2024 г. (РБК, 2025) и повышения средней продолжительности жизни.

Роль климата как мощного фактора, влияющего на направления миграционных потоков и тем самым на динамику развития различных регионов, изучается в экономической литературе с конца XIX в. (Piguet, 2013, р. 148–162), а особенно интенсивно — в послевоенное время (Ullman, 1954; Greenwood, 1969; Svart, 1976) и на рубеже XX–XXI вв. (Cragg, Kahn, 1999; Redhanz, Maddison, 2009). В качестве основной теоретической предпосылки принята следующая. Если хороший климат относится к «нормальным» благам (спрос на которые растет по мере роста дохода), а также если верно то, что люди более старшего возраста обычно имеют более высокий спрос на хороший климат в силу большей значимости для них условий поддержания здоровья, то из этого следует, что в обществе, где растут доходы и увеличивается средняя продолжительность жизни, спрос на благоприятный климат будет расти. В ряде работ сделана попытка оценить этот спрос в денежном выражении: например, для того чтобы компенсировать отказ от переезда во Флориду американцу в возрасте от 50

до 60 лет (в работе показано, что предельная полезность хорошего климата увеличивается с возрастом), ему надо заплатить 17,398 долл. в год (Cragg, Kahn, 1997).

Указанная теоретическая предпосылка находит практическое подтверждение: для стран, расположенных в нескольких климатических поясах, одним из важнейших трендов XX — начала XXI в. было постепенное смещение населения в зоны более благоприятного климата, способствовавшее ускоренному развитию этих территорий. Хорошо известно, что в США во второй половине XX в. произошел относительный сдвиг населения из более холодных северных штатов («снежного пояса») в южные («солнечный пояс»). Данный сдвиг не сводится только к падению доли относительно слаборазвитых штатов в общем населении США в пользу экономически более динамичных: в табл. 1 показано изменение соотношения численности населения между высокоразвитыми штатами «солнечного» и «снежного» поясов.

Похожие процессы происходили в XX в. и развиваются до сих пор в целом ряде других стран. В Финляндии имеет место постепенный сдвиг населения с севера на юг, в зону Хельсинки — Турку — Тампере. В Шотландии доля в общем населении воспетых Р. Бернсом Highlands (гористых северных районов) падает, тогда как доля южных (Lowlands) растет. В Канаде примерно 85% населения проживает в сравнительно теплой 300-километровой зоне вдоль границы с США, доля относительно холодных Ньюфаундленда и приморских атлантических провинций уменьшается, а арктические районы остаются практически пустыми — там живет менее 1% канадцев. В Китае, где, как известно, последние десятилетия наблюдался значительный рост уровня жизни, население холодной по местным меркам Маньчжурии устойчиво сокращается, во многом за счет миграции в южные районы страны⁵.

Таким образом, ожидания дальнейшего развития демографического тренда, связанного с миграцией в Теплороссию, имеют под собой как теоретические, так и эмпирические основания.

Что касается дальнейшего развития «революции одиночества», то здесь прогнозы делать существенно сложнее, поскольку она представляет собой сравнительно новый феномен и исследований пока недостаточно. Есть два аргумента в пользу предположения о ее постепенном затухании. Во-первых, рост доли домохозяйств, состоящих из одного человека, с 40 до 50% и выше плохо сочетается с сохранением семейной модели организации российского общества, которая все же остается социальной нормой. Во-вторых, в России намечается тренд роста популярности ИЖС, который плохо сочетается с домохозяйством-«одиночкой» (рис. 4).

⁵ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маньчжурия#В_составе_КНР

Таблица 1

Население крупнейших штатов США в 1990–2006 гг.

Штат	Численность населения, тыс. чел.			Прирост населения с 1980 по 1990 г.		Прирост населения с 1990 по 2005 г.		Прирост населения с 1980 по 2005 г.		Ранг по численности населения		
	1980	1990	2005	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	1980	1990	2005
Штаты «Солнечного пояса»												
Калифорния	23 668	29 811	36 132	6 143	26,0	6 321	21,2	12 464	52,7	1	1	1
Техас	14 229	16 986	22 860	2 757	19,4	5 874	34,6	8 631	60,7	3	3	2
Флорида	9 746	12 938	17 790	3 192	32,8	4 852	37,5	8 044	82,5	7	4	4
Штаты «Снежного пояса»												
Нью-Йорк	17 558	17 991	19 255	433	2,5	1 264	7,0	1 697	9,7	2	2	3
Иллинойс	11 427	11 431	12 763	4	0,0	1 332	11,7	1 336	11,7	5	6	5
Пенсильвания	11 864	11 883	12 430	19	0,2	547	4,6	566	4,8	4	5	6
Огайо	10 798	10 847	11 464	49	0,5	617	5,7	666	6,2	6	7	7

Источник: (US Census Bureau, 2007).

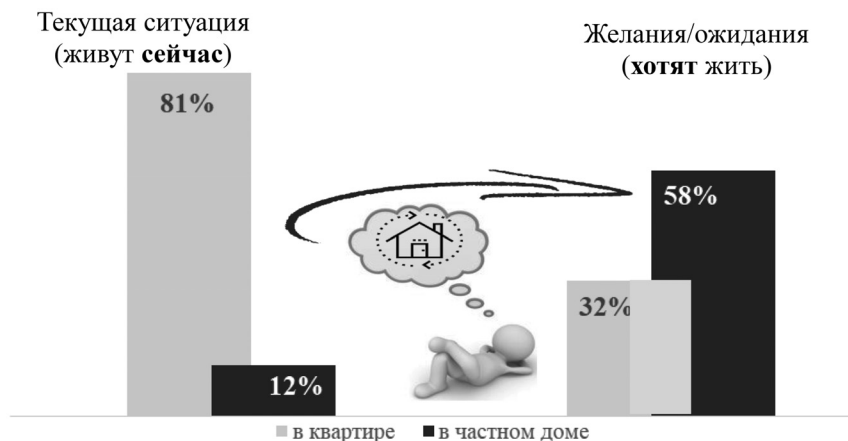

Рис. 4. Где живут и где хотят жить россияне
 Источник: (Ведомости, 11.03. 2024).

Сказанное позволяет сделать несколько предположений. Во-первых, зонами будущих экономических резонансов после завершения боевых действий могут стать *большие теплые города*, прежде всего Донецк, Калининград и Севастополь. В их пользу работают сразу три мощных фактора — климат, размер и наличие господдержки. Хотя во всех названных городах климат сильно отличается от ялтинского, по меркам остальной России там, безусловно, тепло. Размер городов создает сравнительно емкий рынок труда, что служит важнейшим фактором притяжения людей (вовсе не случайно приток в Краснодар непропорционально больше притока в Армавир или Тихорецк). Наконец, в силу политических причин наличие господдержки можно считать гарантированным.

Во-вторых, наметившийся рост популярности ИЖС вкупе с его ожидаемой господдержкой на сельских территориях может создать эффект резонанса в Белгороде, Воронеже, а также, вероятно, в Татарстане, Башкирии и на Северном Кавказе. В пользу такого предположения опять же говорит сочетание факторов — господдержки, исторических традиций проживания и, в случае регионов Теплороссии, климата.

В-третьих, сочетание сложившегося положительного миграционного сальдо в Новосибирске и Тюмени и ожидаемой программы поддержки строительства в Сибири с большой вероятностью даст резонансный эффект именно в этих двух регионах. Повторим еще раз, что Сибирь не сливается с Европейской Россией в единый «миграционный рынок», а значит, необходимо оценивать экономическую и климатическую привлекательность сибирских регионов не столько по общероссийским, сколько по сибирским меркам.

В-четвертых, регионом ожидаемого резонанса после завершения боевых действий на Украине видится Крым — в результате сочетания лучшего (на взгляд автора) климата в стране и фактора господдержки. Данное предположение подтверждается динамичным развитием в Крыму сектора недвижимости, прежде всего жилищного строительства, которое наблюдается уже сегодня.

В-пятых, резонансными точками могут стать крупные города — центры ВПК, такие как Екатеринбург, Пермь и др. Здесь, как ожидается, работает сочетание факторов размера и фактора господдержки, связанного с выполнением гособоронзаказа.

Заключение

Проведенный анализ позволил прийти к конкретным практическим выводам, которые, как представляется, могут иметь определенную ценность для экономических субъектов. Опыт Кубани наглядно показывает силу эффекта экономического резонанса: вложения, сделанные 7–10 лет назад в жилую недвижимость Краснодар, окупились многократно. И хотя едва ли разумно рассчитывать на точное повторение кубанского опыта в Донецке, Севастополе или Новосибирске (условия все же везде разные), наличие двух работающих в одном направлении «двигателей» экономического роста — рыночного и государственного — открывает перед бизнесом этих городов большие перспективы.

В то же время сделанные прогнозы о будущих эффектах экономического резонанса, безусловно, представляют собой лишь предположения. Безусловно и то, что названы далеко не все подобные эффекты даже из числа существующих на федеральном уровне; при этом гораздо большее их число проявляется не на федеральном, но на региональном или даже на субрегиональном (местном) уровне. Тем не менее, как представляется, сам подход к анализу — рассмотрение взаимодействия рыночных сил и силы государственной поддержки и поиск точек, где они взаимно усиливают друг друга — заслуживает внимания и может быть использован в последующих исследованиях.

Список литературы

Администрация Президента РФ, официальный сайт. (2023, 11 февраля) *Послание Президента РФ Федеральному Собранию*. Дата обращения 11.06.2025, <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.

Бухгалтерский учет. Налоги. Аудит (2020, 25 мая). *Как сильно рухнет экономика России из-за коронавируса: 5 экспертных прогнозов*. Дата обращения 11.06.2025, <https://www.audit-it.ru/news/finance/1013080.html>.

Ведомости. (2024, 11 марта). *Россияне поделились предпочтениями по жилью: 58% хотят жить в частном доме*. Дата обращения 11.06.2025, <https://www.vedomosti.ru/>

press_releases/2024/03/11/rossiyane-podelilis-predpochteniyami-po-zhilyu-58-hoteli-bi-zhit-v-chastnom-dome.

Интерфакс. (2025, 11 августа). *Хуснуллин заявил о низкой обеспеченности россиян жильем*. Дата обращения 12.08.2025, <https://www.interfax.ru/russia/1040598>.

Капелюшников, Р. (2015) Идея «вековой стагнации»: три версии. *Вопросы экономики*, 5, 104–133.

Коломак, Е. (2013) Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии. *Вопросы экономики*, 2, 132–150.

Лента (2024, 22 августа). *Названы неожиданные плюсы изменения климата для сельского хозяйства России*. Дата обращения 11.06.2025, <https://lenta.ru/news/2024/08/22/nazvany-neozhidannye-plyusy-izmeneniya-klimata-dlya-selskogo-hozyaystva-rossii/>.

Минстрой РФ, официальный сайт. (2024, 26 января). *Подведены итоги жилищного строительства в 2023 году*. Дата обращения 11.06.2025, <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/podvedeny-itogi-zhilishchnogo-stroitelstva-v-2023-godu/>.

Мкртчян, Н. В. (2003). Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты. *Мир России*, 2, 151–165.

РБК. (2023, 19 августа). *Перепись показала рост числа одиночек в России*. Дата обращения 11.06.2025, <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2023/64dcdcd9a794758fcac52e4?ysclid=mbqb35xffq271189327>.

РБК. (2024, 09 августа). *Россияне стали есть рекордно много мяса*. Дата обращения 11.06.2025, <https://www.rbc.ru/economics/09/08/2024/66b4b9919a7947473323a075?ysclid=mbp2qzw76o853891502>.

РБК. (2025, 26 марта). *Мишустин сообщил о росте реальных доходов россиян на 8,5% в 2024 году*. Дата обращения 11.06.2025, <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67e3cce19a79476935a9853a>.

РИА Новости. (2024, 13 мая). *Названы регионы — лидеры по вводу жилья в 2023 году*. Дата обращения 11.06.25, <https://ria.ru/20240513/zhile-1945474657.html>.

Розинская, Н. А., & Розинский, И. А. (2019). Юго-западный вектор: климатический фактор социально-экономического развития России. *Вопросы экономики*, 5, 122–135.

Росстат РФ. *Статистические бюллетени по миграции населения за 2014–2023 гг.* Дата обращения 11.06.2025, <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>.

Рыбаковский, О. Л., & Судоплатова, В. С. (2015). Постоянная миграция населения российских регионов. *Народонаселение*, 3, 4–14.

Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года (2024). Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р.

Cowen, T. (2011). *The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better*. NY: Penguin Group.

Cragg, M. I., & Kahn, M. E. (1997). New estimates of climate demand: evidence from location choice. *Journal of Urban Economics*, 42, 261–284.

Cragg, M. I., & Kahn, M. E. (1999). Climate consumption and climate pricing from 1940 to 1990. *Regional Science and Urban Economics*, 29, 519–539.

Graves, P. E. (1980). Migration and Climate. *Journal of Regional Science*, 20(2), 227–237.

Piguat, E. (2013). From “Primitive Migration” to “Climate Refugees”: The Curious Fate of the Natural Environment in Migration Studies. *Annals of the Association of American Geographers*, 103(14).

Redhanz, K., & Maddison, D. (2009). The amenity value of climate to households in Germany. *Oxford Economic Papers*, 61, 150–167.

Shleifer, A., & Vishny, R. (1997). A Survey of Corporate Governance. *The Journal of Finance*, 52(2) (January), 737–783.

Svart, L. (1976). Environmental Preference Migration: A Review. *Geographical Review* 66(3), 314–330.

Ullman, E. L. (1954). Amenities as a Factor in Regional Growth. *Geographical Review* 44(1), 119–132.

References

Administration of the President of Russia, official site (2023, February 11) *Address of the President of Russia to the Federal Assembly*. Retrieved June 11, 2025, from <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.

Buhgalterskiy uchët. Nalogi. Audit (2020, May 25). *5 expert prognoses on the extent of Russian economy collapse because of coronavirus*. Retrieved June 11, 2025, from <https://www.audit-it.ru/news/finance/1013080.html>.

Interfax. (2025, August 11). *Khusnullin claimed the Russians' per capita availability of housing is low*. Retrieved August 12, 2025, from <https://www.interfax.ru/russia/1040598>.

Kapeliushnikov, R. (2015). The idea of secular stagnation: Three versions. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 104–133.

Kolomak, E. (2013). Uneven territorial development in Russia: explanations by new economic geography. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 132–150.

Lenta. (2024, August 22). *Unexpected positive consequences of climate change for the Russia's agriculture are named..* Retrieved June 11, 2025, from <https://lenta.ru/news/2024/08/22/nazvany-neozhidannye-plyusy-izmeneniya-klimata-dlya-selskogo-hozyaystva-rossii/>.

Minstroy (Ministry of Construction of Russia), official site (2024, January 26). *Housing construction results in 2023*. Retrieved June 11, 2025, from <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/povedeny-itogi-zhilishchnogo-stroitelstva-v-2023-godu/>.

Mkrtchan, N. (2003). From Russia to Russia: from where and where to are internal migrants moving? *Mir Rossii*, (2), 151–165.

RBK. (2023, August 19). *The census revealed growth of number of singles in Russia*. Retrieved June 11, 2025, from <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2023/64dcdcd9a794758fcac52e4?ysclid=mbqb35xfiq271189327>.

RBK. (2024, August 9). *Russians tend to eat meat in record amounts*. Retrieved June 11, 2025, from <https://www.rbc.ru/economics/09/08/2024/66b4b9919a7947473323a075?ysclid=mbp2qzw76o85>.

RBK. (2025, March 26). *Mishustin reported Russians' real income growth by 8,5% in 2024*. Retrieved June 11, 2025, from <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/67e3cce19a79476935a9853a>.

RIA Novosti. (2024, May 13). *Leading regions in housing construction volumes in 2023 are announced*. Retrieved June 11, 2025, from <https://ria.ru/20240513/zhile-1945474657.html>.

Rosstat (Russian State Committee on Statistics). *Statistical bulletins of migration in 2014–2023*. Retrieved June 11, 2025, from <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>.

Rozinskaya, N., & Rozinskiy, I. (2019). South-western vector: climate factor of Russia's socio-economic development. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 122–135.

Rybakovskiy, O., & Sudoplatova, V. (2015). Permanent migration of people in Russian regions. *Narodonaseleniye*, 3, 4–14.

Strategy of spatial development of Russia until 2030 with forecast until 2036. *Approved by the Government of the Russian Federation on Dec. 28, 2024, 4146.*

Vedomosti (2024, March 11). *The Russians revealed their preferences on housing: 58% prefer individual houses.* Retrieved June 11, 2025, from https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/03/11/rossiyane-podelilis-predpochteniyami-po-zhilyu-58-hoteli-bi-zhit-v-chastnom-dome.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

О. Н. Борох¹

Институт Китая и современной Азии РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.85

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-7

**УЧАСТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГУ
В СТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР**

Статья анализирует воздействие модели экономического факультета МГУ на формирование системы преподавания политической экономики в Китае в 1950-е гг. В центре внимания находится изучение деятельности экономистов МГУ в Народном университете Китая (В. А. Жамин, Н. К. Каратаев) и Пекинском университете (Я. С. Кумаченко). Исследование основано на материалах на китайском языке, раскрывающих малоизвестные аспекты работы советских экономистов в КНР. В России данная тема изучена недостаточно, в Китае в течение длительного времени господствовала негативная оценка заимствования советской модели экономического образования. Статья нацелена на целостную объективную реконструкцию процессов переноса теоретических экономических знаний и практического опыта их преподавания из СССР в Китай. Предметом исследования являются формы и механизмы взаимодействия преподавателей МГУ с китайским экономическим сообществом, включая чтение лекций, составление учебных программ и пособий. Выдвигается гипотеза, что освоение советской модели преподавания экономических дисциплин было обусловлено необходимостью ускоренной замены старых дореволюционных курсов экономической науки марксистской политэкономией наряду с практическими потребностями создания в Китае социалистической экономики. Рассмотрен вклад экономистов МГУ в подготовку квалифицированных преподавательских кадров, способных использовать теоретические знания для анализа китайских проблем. Выявлена роль преподавателей МГУ в создании в китайских университетах системы кафедр по советскому образцу, позволившей наладить координацию образовательной работы и организацию научных исследований. Хотя под влиянием политических перемен второй половины 1950-х гг. интерес китайской стороны к советской системе марксистской политэкономии снизился, она оказала долгосрочное воздействие на преподавание и изучение экономической теории в КНР. Сделан вывод, что заложенная экономистами МГУ в 1950-е гг. научная и образовательная традиция прошла путь длительной всесторонней китаизации.

Ключевые слова: Китай, политическая экономия, высшее образование, кафедр, советские специалисты, Жамин, Каратаев, Кумаченко.

¹ Борох Ольга Николаевна — к.э.н., в.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН; e-mail: borokh@hotmail.com, ORCID: 0000-0002-0109-4462.

Цитировать статью: Борох, О. Н. (2025). Участие преподавателей МГУ в становлении системы экономического образования в КНР. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 127–147. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-7>.

O. N. Borokh

Institute of China and Contemporary Asia of RAS (Moscow, Russia)

JEL: B2, B24, A2

PARTICIPATION OF MSU PROFESSORS IN FORMING THE SYSTEM OF ECONOMIC EDUCATION IN THE PRC

The paper analyzes the impact of the model of MSU Economics faculty on forming the system of teaching political economy in China in the 1950s. The focus of the research is on the activities of MSU economists at the People's University of China (V. A. Zhamin, N. K. Karataev) and Peking University (Ya. S. Kumachenko). The study is based on the materials in Chinese that reveal little-known aspects of the work of Soviet economists in China. In Russia, this topic has not been sufficiently studied, while in China negative assessments of the borrowed Soviet model of economic education prevailed for a long time. The paper is aimed at a comprehensive objective reconstruction of the processes of transferring theoretical economic knowledge and practical teaching experience from the USSR to China. The subject of the research is the forms and mechanisms of interaction between MSU teachers and the Chinese economic community, including giving lectures, compiling curricula and manuals. The author puts forward a hypothesis that mastering the Soviet model of teaching economic disciplines was due to the need to accelerate the replacement of old pre-revolutionary courses in economics with Marxist political economy, alongside the practical need to build socialist economy in China. The paper examines the contribution of MSU economists to training qualified teaching staff capable of using theoretical knowledge to analyze Chinese problems. The role of MSU teachers in establishing "teaching and research sections" (kafedry) in Chinese universities according to the Soviet model made it possible to coordinate educational work and organize scientific research. Although Chinese interest in the Soviet version of Marxist political economy declined under the influence of political changes in the second half of the 1950s, it had a long-term impact on teaching and research of economic theory in the PRC. The author concludes that the academic tradition transferred by the economists of Moscow State University in the 1950s has undergone a lasting and comprehensive sinofication.

Keywords: China, political economy, higher education, teaching and research section (kafedra), Soviet experts, Zhamin, Karataev, Kumachenko.

To cite this document: Borokh, O. N. (2025). Participation of MSU professors in forming the system of economic education in the PRC. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 127–147. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-7>.

Введение

Советская экономическая наука XX в. продолжает привлекать внимание исследователей. Одной из причин выступает ее существенное отличие от того, чем занималось мировое экономическое сообщество (Автономов, 2016, с. 117). В конце минувшего столетия марксистская политэкономия утратила нормативный статус в странах Восточной Европы и на пространстве бывшего СССР. Эту традицию наследует Китай, нацеленный на формирование самобытной экономической науки в рамках марксистской теории.

В статье поставлена задача восполнить пробел в изучении советского влияния на преподавание политической экономии в Китае в первой половине 1950-х гг. С опорой на первоисточники исследована деятельность экономистов МГУ в двух пекинских вузах, ставших лидерами в освоении советской образовательной системы — Народном университете Китая (НУК) и Пекинском университете (ПУ). Оба университета считали МГУ образцом для проведения преобразований.

В. А. Жамин (1920–1989) и Н. К. Каратаев (1899–1976) внесли значительный вклад в формирование системы преподавания политэкономии в образованном после победы революции 1949 г. НУК. Я. С. Кумаченко (1899–1970) в качестве советника ректора ПУ оказал влияние на развитие университета. В статье рассматривается содержание их деятельности в Китае, включая чтение лекций, составление пособий, передачу навыков организации учебной и научно-исследовательской работы.

При написании статьи использованы китайские материалы 1950-х гг. Большую ценность представляют опубликованные журналом НУК «Цзяосюэ юй яньцзю» («Преподавание и исследования») статьи и стенограммы выступлений советских специалистов о политической экономии и методах ее преподавания. Важным подспорьем стал изданный ПУ сборник выступлений советских специалистов (Beijing daxue..., 1955).

В Китае вышло большое число публикаций о деятельности советских специалистов в 1950-е гг. Однако многие аспекты взаимодействия в области общественных наук остаются неизвестными. Знаком растущего внимания к этой странице истории советско-китайского сотрудничества стала публикация издательством НУК альбома о работавших в университете в 1950-е гг. советских преподавателях (20 shiji..., 2017). Основой стали сведения из заполненных на китайском языке регистрационных карточек. Данные о предшествующем месте работы советских специалистов и русском написании фамилий отсутствуют, что в ряде случаев затрудняет возможность их идентификации. Недостаток информации особенно заметен в области экономической науки.

Фундаментальный труд П. Трескотта об истории ознакомления Китая с западной экономической наукой (Trescott, 2007) вскользь упоминает

о советском влиянии с опорой на интервью с китайскими экономистами старшего поколения. Воспринятые на слух фамилии советских специалистов написаны с искажениями («Каратьеф» вместо Каратаев, «Бодлиеф» вместо Болдырев), места их работы в Китае указаны с ошибками (Каратаев преподавал в НУК, а не в ПУ). В книге сказано о «трех или четырех» преподававших в НУК советских экономистах (Trescott, 2007, p. 297), на деле их было намного больше.

Работавшие в китайских университетах в 1950-е гг. советские экономисты не оставили опубликованных свидетельств об этой странице своей научной биографии. Воспоминания их китайских коллег и учеников той эпохи носят фрагментарный характер. Одной из возможных причин умолчания могло стать ухудшение советско-китайских отношений во второй половине 1950-х гг. Приуроченная к празднованию 270-летия МГУ международная конференция «Московский университет в мировой экономической науке» (2024) напомнила о необходимости создания целостного понимания этой темы, важным компонентом которой является влияние на Китай.

«Станки для производства станков»: советский опыт подготовки кадров

После образования КНР требовалось создать соответствующую изменившейся социально-политической реальности систему преподавания общественных наук. Для решения данной задачи Коммунистическая партия Китая (КПК) могла опереться на два национальных ресурса. Первый — университеты, созданные в конце правления династии Цин и в республиканский период. Вторым ресурсом служил опыт обучения партийных кадров на базе созданной в 1937 г. Школы Северной Шэньси, преобразованной в 1939 г. в Северо-Китайский объединенный университет (Liu et al., 2010, p. 130–132).

Добиться успеха путем совмещения старых университетов с практикой партийного образования было сложно. Хорошо подготовленная «буржуазная» профессура не понимала новую идеологию и не была готова взять на себя миссию ее преподавания. Система партийной учебы не обладала прочной теоретической и методологической базой, способной стать основой для общенациональной системы высшего образования. КПК встала на путь заимствования советской модели преподавания общественных наук. В декабре 1949 г. Первая всекитайская конференция по образовательной работе утвердила направление строительства новой системы из трех компонентов — опыта нового образования в находившихся под властью КПК с конца 1930-х гг. освобожденных районах, полезного опыта старого образования и опыта СССР (Liang et al., 2010, p. 138).

В декабре 1949 г. в решении Государственного административного совета о создании НУК было указано, что образовательная политика нового университета призвана «соединить преподавание с практикой и сочетать советский опыт с китайской ситуацией» (Zhao, 2012, p. 65). Официальное открытие университета в октябре 1950 г. было приурочено к первой годовщине образования КНР.

Используя формулировку Сталина о том, что для создания промышленности нужно подготовить «командный состав» и «инженерно-технический персонал», ректор НУК У Юйчжан заявил, что университет готовит в основном «командный состав» для нового Китая. Он отметил, что с самого начала советских специалистов рассматривали не как обычных профессоров, читающих лекции студентам, а как «станки для производства станков», обучающие китайских преподавателей и аспирантов (Wu, 1953).

В октябре 1950 г. заместитель председателя КНР Лю Шаоци заявил, что «новым научным знаниям мы можем научиться только у СССР. Например: экономической науке, банковскому делу, финансовой науке, науке торговли, педагогике и т.д.» (Zhao, 2012, p. 64). Очевидный интерес к экономическим дисциплинам был обусловлен как идеологическим запросом на распространение марксистской теории, так и практическими потребностями в получении знаний для строительства социалистической экономики в Китае.

Первоначально в НУК предполагалось создать экономический факультет для преподавания политэкономии, отраслевой экономики, истории экономических учений, экономической истории Китая и зарубежных стран. После прибытия советских специалистов план был пересмотрен. В университете открыли факультеты народнохозяйственного планирования, финансов, торговли, кооперации, экономики промышленности, права, дипломатии и русского языка. Была создана общеуниверситетская кафедра политической экономии, а экономический факультет стал частью факультета народнохозяйственного планирования (Wu, Geng, 2017, p. 64).

Флагманами идеологического образования в НУК стали четыре общеуниверситетские кафедры, отвечавшие за обязательные курсы политической теории — основы марксизма-ленинизма, политическая экономия, история китайской революции, диалектический и исторический материализм. Кафедры получили неофициальное образное наименование «четырёх великих амплуз», относящееся к жанрам пекинской оперы. Их курсы стали сердцевиной обучения в НУК и были включены в программы всех китайских вузов.

НУК первым заимствовал советскую модель высшего образования, включая создание кафедр как инструмента организации и планирования преподавательской и исследовательской работы, проведение семинаров, устный экзамен, четырехуровневую систему оценок и производственную практику. Из стен НУК эта модель распространилась по всему Китаю.

Привычное для СССР было новым для Китая. Современные китайские авторы уделяют большое внимание роли кафедр, которых не было в ориентированной на американский образец дореволюционной китайской системе образования (Liu, 2011; Geng, Wu, 2016; Wu, Liu, 2013). В качестве эквивалента слова «кафедра» проректор НУК Чэн Фанью предложил использовать сочетание «кабинет преподавания и исследований» (*цзяояньши*) (Cheng, 1951). У советского семинара также не было аналога в китайской практике, первоначально слово передали с помощью фонетической транскрипции «симиннаэр», подразумевая под этим обсуждение в аудитории (Wu, 2012, p. 143; Jing, 2024, p. 57).

В 1949–1953 гг. приоритетом НУК было всестороннее освоение опыта СССР. Желая сохранить «целостность советской научной системы» и «следовать по пути Московского университета», лекции советских специалистов тщательно изучали, их указания неукоснительно выполняли. Пока китайская работоспособная система не была создана, отклонения от советской модели воспринимали как нежелательное «экспериментаторство» (Geng, Wu, 2016, p. 60). Вместе с тем впитывание советского опыта в отрыве от китайской реальности также считалось неконструктивным. Ректор У Юйчжан призывал бороться с двумя ошибочными подходами — слепым копированием советского опыта либо его искажением по собственному усмотрению (Wu, 1953).

Экономисты МГУ Жамин и Каратаев в Народном университете Китая

Летом 1950 г. НУК принял первую группу советских специалистов, по их количеству университет занимал первое место среди всех китайских вузов. Всего в 1950–1957 гг. в НУК работали 98 советских специалистов. Многие из них преподавали экономические дисциплины — политэкономия (7 чел.), планирование и статистику (5 чел.), экономику промышленности (5 чел.), экономику сельского хозяйства (3 чел.), финансы и торговлю (15 чел.) (Wu, Liu, 2013, p. 144). В НУК читали лекции А. М. Бирман, Б. Г. Болдырев, Б. И. Гоголь, Б. Д. Бреев.

По числу советских преподавателей политэкономии и продолжительности их работы НУК также стал лидером. Одним из первых прибыл заведующий кафедрой политической экономии в Московском нефтяном институте им. И. М. Губкина Н. А. Алмазов, работавший в НУК с июня 1950 г. по май 1953 г. Известный экономист Ху Цзюнь вспоминал, что после поступления в качестве аспиранта на кафедру политэкономии НУК осенью 1950 г. он изучал первоисточники вместе с Алмазовым, «главу за главой, страницу за страницей, предложение за предложением, “подбирая ключи” к “Капиталу”» (Wu, Geng, 2017, p. 68).

Преподаватель экономического факультета МГУ Жамин работал в НУК с марта 1951 г. по июль 1954 г. Он читал лекции по политэкономии и истории экономических учений для аспирантов второго года обучения кафедры политэкономии, также для второго курса вечернего отделения, принял участие в подготовке 40 преподавателей и стажеров из других вузов, 120 аспирантов. Его пособие «Политэкономия (раздел социализма)» было издано для внутреннего пользования, работы «История экономических учений» и «Структура второго и третьего томов “Капитала”» были опубликованы для широкого распространения (Wu, Geng, 2017, p. 65). Благодаря лекциям Жамин НУК стал первым университетом, где после создания КНР стали читать курс по истории экономических учений.

Бытовые условия советских специалистов были непростыми. Жамин жаловался на холод в комнате, и эта проблема долго оставалась нерешенной. В гостинице было нашествие мышей, что заставляло приехавших специалистов заводить кошек (Geng, Wu, 2016, p. 59).

В 1950 г. одновременно с созданием в НУК группы подготовки аспирантов по политической экономии Министерство высшего образования КНР организовало в бывшем миссионерском Яньцзинском университете группу подготовки преподавателей политэкономии из более чем 20 известных китайских вузов. Обучение продолжалось один год, в основном изучали «Капитал» Маркса, главными лекторами были работавшие в НУК Алмазов, Жамин и Новоселов (Chang, 2015, p. 65).

Рассказы советских специалистов об организации образовательной и научной работы в СССР вызывали большой интерес. В выступлении на кафедре политической экономии НУК Жамин сообщил, что советские вузы уделяют большое внимание научно-исследовательской работе преподавателей. Им необходимо следить за экономическим строительством в стране, изменением пропорций между отраслями, чтобы помогать партии и правительству разрабатывать обоснованную экономическую политику, опирающуюся на объективные законы. Для планомерного осуществления исследовательской работы сначала нужно определить тему, которая может быть общетеоретической или касающейся отдельных сторон общественного производства. Важность и актуальность темы должна оценить кафедра (Ranming, 1954, p. 38).

При выборе темы исследования Жамин призвал предварительно оценить возможность сбора материалов. Необходимо прочитать труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна, чтобы узнать их подходы к проблеме, составить список литературы, обозначить источники цитат. Далее необходимо собрать постановления партии и правительства по данному вопросу, статистику, материалы обследований, исследовательские работы других авторов (Ranming, 1954, p. 40). После этого нужно разработать первоначальный план исследования, систематизировать материалы, сформулировать собственные соображения. В качестве

примера Жамин привел изучение развития капитализма в России Лениным, собравшим большое количество статистических данных и материалов буржуазных ученых, чтобы в итоге сделать на основе их анализа свои выводы (Ranming, 1954, p. 41).

Жамин рекомендовал строить материал в логическом порядке и, подобно художнику или архитектору, исправлять общий облик работы, чтобы отдельные разделы не были слишком большими или маленькими. В итоге труд следует напечатать, «в СССР важным показателем оценки научной работы исследователя является не то, сколько написал, а сколько напечатал» (Ranming, 1954, p. 41). Жамин посоветовал китайским коллегам при написании текста не терять основное направление исследований, на всех этапах записывать свои соображения подобно тому, как Ленин заносил свои мысли в тетрадь, постоянно задавать себе вопросы (Ranming, 1954, p. 41).

Эти рекомендации отражали советский научно-идеологический консенсус того времени. Жамин указывал, что исследования являются не только необходимым звеном повышения качества преподавания, но и «средством содействия переходу общества к коммунизму путем обобщения итогов собственных научных исследований и достижений». Он призывал ориентироваться на практику строительства социалистической экономики и планомерно «выбирать комплексные проблемы», чтобы каждый преподаватель мог внести вклад в их исследование (Wu, Geng, 2017, p. 68).

Отражением интереса к теме стала публикация в журнале «Цзяосюэ юй яньцзю» перевода вышедшей в 1952 г. в «Вестнике высшей школы» статьи Н. С. Спиридоновой (с 1953 по 1972 г. возглавляла кафедру политэкономии естественных факультетов МГУ). Материал подробно рассказывал о тематике научно-исследовательской работы кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, о привлечении к этой работе студентов, осуществлении руководящего принципа связи теории с практикой. Большое внимание было уделено публикационной активности преподавателей, включая рекомендацию установить необходимый годовой объем научных публикаций (Sibiliduoluowa, 1953, p. 16).

Поначалу советские специалисты готовили китайские кадры по схеме «преподавание и обучение одновременно». Они читали лекции молодым преподавателям и аспирантам, а те на следующий день преподавали усвоенное студенческой аудитории (Wu, Liu, 2013, p. 146). В 1952 г. способ преподавания изменился. Советские специалисты стали инструктировать китайских преподавателей в качестве научных руководителей на кафедрах при подготовке лекций и проведении научных исследований (Wu, Geng, 2017, p. 65).

С 1952 г. кафедра политической экономии НУК уделяла большое внимание развитию способности преподавателей использовать теоретические знания для анализа экономической ситуации в Китае. Советские специалисты указывали, что «лекции должны быть интегрированы

с китайской реальностью», «в каждой лекции необходимо говорить о том, как марксизм-ленинизм используется в Китае» и «все время необходимо показывать связь с преимуществами китайской демократической системы». Советские специалисты предпринимали самостоятельные усилия по изучению Китая. Жамин при помощи переводчика и с использованием словаря смог прочитать «Избранные труды» Мао Цзэдуна (Wu, Geng, 2017, p. 65).

План работы кафедры политэкономии НУК на 1953/1954 учебный год среди достигнутых с помощью советских специалистов успехов указывал на укрепление связи с практикой. Преподаватели кафедры стали более четко объяснять теоретические принципы, шире использовать новые научные достижения и материалы, обращать больше внимания на критику буржуазной экономической науки. В образовательную программу вошли теоретические положения «Экономических проблем социализма в СССР» и касающиеся политэкономии разделы материалов XIX съезда КПСС (Zhengzhi jingjixue..., 1954, p. 28).

Лекции преподавателей МГУ были востребованы в Китае на самом высоком уровне. Китайский метеоролог и геолог Чжу Кэжэнь (1890—1974), в то время вице-президент АН Китая, оставил дневниковую запись о прослушанной 19 ноября 1952 г. лекции Жамина о законах политической экономии. Мероприятие состоялось в зале Хуайжэньтан на территории правительственного комплекса Чжуннаньхай в центре китайской столицы. Жамин начал с того, что общественные или естественные законы не зависят от воли людей, истинной является лишь та наука, которая опирается на объективные законы. Люди бессильны изменить эти законы, но они не бессильны перед ними — они могут использовать их, понять их и превратить разрушительные силы в производительные.

Обратившись к истории экономической мысли, Жамин отметил необходимость учитывать, интересы какого класса представляли идеи экономиста. Например, Адам Смит и Давид Рикардо выражали интересы формировавшегося класса буржуазии, а Маршалл и Кейнс представляли умирающую буржуазию, что препятствовало взаимному соответствию производственных отношений и производительных сил. Социалистическое общество, по мысли Сталина, должно быть построено не путем классовой борьбы, а путем мягкого перехода. В качестве примера Жамин привел механизацию сельского хозяйства. В социалистическом обществе производственные отношения также отстают от производительных сил, поэтому реформы проводят постепенно, одним из примеров является изменение характера банков. Жамин «показал огромное превосходство социализма, который в первую очередь заботится о людях и их нуждах, в то время как в капиталистическом обществе речь идет о максимальной прибыли», «указал на необходимость пропорционального и планового развития национальной экономики» (Zhu, 2007, p. 729).

10 декабря 1952 г. Чжу Кэчжэнь прослушал лекцию Жамина о законах товарного производства и законе стоимости, в которых речь шла об их различии при социализме и капитализме (Zhu, 2007, p. 740).

Советские специалисты неизменно делали упор на изучении работ классиков марксизма и старались включить в систему знаний новые тезисы Сталина и Мао Цзэдуна наряду с опытом строительства социалистической экономики в СССР и КНР. В 1952 г. Алмазов прочитал лекцию «О значении работы Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” для политической экономии», Жамин сделал доклад об «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталина. В сентябре 1953 г. Жамин выступил с лекцией на тему «Как применять в преподавании документы, опубликованные КПСС и Советом министров СССР». Это подтолкнуло китайских преподавателей политэкономии НУК к теоретическому анализу практики экономического развития КНР. К примеру, заведующий кафедрой политэкономии Су Син и секретарь кафедры Сюй Хэ участвовали в обсуждении основных экономических законов переходного периода к социализму в Китае (Wu, Geng, 2017, p. 70).

НУК издал лекции Жамина «Переходный период от капитализма к социализму», «Материально-производственная база социализма», «Товарное производство и закон стоимости при социализме», «Значение марксистско-ленинской теории воспроизводства» и др. (Каратаев, 1956, с. 333). Важным вкладом в развитие экономического образования в КНР стал курс Жамина по истории экономических учений из 32 лекций. Основную часть составляла история марксистско-ленинской политической экономии, особое внимание было уделено вкладу Сталина в ее развитие. Жамин четко указал, что «объектом истории экономических учений является история возникновения и развития науки политической экономии». Он изложил партийный принцип построения системы знаний по истории экономических учений — стоять на позициях рабочего класса и «разоблачать в области экономической науки врагов рабочего класса, всех лакеев империализма» (Wu, Geng, 2017, p. 70). Изданный НУК курс Жамина стал популярным учебником по истории экономических учений в китайских вузах.

После отъезда Жамина работу над курсом истории экономических учений в НУК продолжил в декабре 1955 г. преподаватель МГУ Каратаев. Он читал лекции, подготовил около десяти преподавателей и более десятка аспирантов (Wu, Geng, 2017, p. 65), написал опубликованную для широкого распространения в Китае «Историю экономических учений» (том 1) (Kaladayefu, 1957). Уже обретший известность исследователь истории экономической мысли обратился к специфике древних китайских экономических учений. Каратаев высказал предположение, что они возникли раньше, чем «наука ведения домашнего хозяйства» Древней Греции и были направлены на решение экономических проблем государства. Советский специалист советовал начинать изложение с периода рабовладельческого

строю и феодализма, а затем «выделить два особых исторических периода: полуфеодальный и полуколониальный Китай и социалистический Китай». Особое внимание он рекомендовал уделить разработке истории китайских экономических учений, в том числе их роли в истории Китая, в особенности — новому развитию марксистско-ленинской экономической науки в социалистическом Китае (Wu, Geng, 2017, p. 70).

В мае 1956 г. Каратаев выступил в Министерстве высшего образования КНР с докладом о критике современной буржуазной политэкономии. Он отметил, что на современную буржуазную политическую экономию большое влияние оказал умерший в 1946 г. английский экономист Дж. М. Кейнс, термин «кейнсианство» очень популярен, многие экономисты называют себя учениками и последователями Кейнса. Каратаев подчеркнул, что неверно считать Кейнса и его теории историческим прошлым, кейнсианство — это современная буржуазная политэкономия (Kaladayefu, 1956).

Из-за болезни Каратаев не смог вернуться в Китай в 1956 г. после летнего отпуска в СССР. НУК несколько раз просил продлить назначение Каратаева еще на два года или прислать специалиста аналогичной квалификации для продолжения создания курса по истории экономических учений. Эта просьба не была удовлетворена. Чтобы восполнить пробел, в Китае в 1958–1960 гг. перевели и опубликовали трехтомную «Историю политической экономики» Д. И. Розенберга — влиятельную и репрезентативную для «советской парадигмы» работу по истории экономической мысли (Jia, 2023, p. 89).

В зарубежной научной литературе можно встретить дискуссионное суждение о том, что запрос на приглашение на 1957–1959 гг. советского преподавателя по истории экономической мысли, а не по политэкономии, было проявлением несогласия НУК со «сталинизмом». По мнению Д. Стиффлера, политическая экономия якобы означала «сталинскую версию пятилетнего плана», которую преподавали в НУК Жамин и специалист в области народнохозяйственного планирования Бреев. Однако к февралю 1957 г. администрация НУК «поняла, что политические ветры переменялись и сталинистская экономическая наука в Китае не в фаворе; следовательно, эксперт по истории экономической теории мог бы предложить перспективы и, возможно, альтернативы по мере отказа от “сталинистских экономических наук”» (Stiffler, 2010, p. 315).

Предполагаемое противоречие между политэкономией и историей экономической мысли является надуманным. Китайской стороне был нужен опытный специалист для доработки идеологически выверенного курса истории экономических учений. Советская трактовка истории экономической мысли как процесса подготовки к появлению марксизма не противоречила «сталинской» версии политэкономии.

Последним советским преподавателем кафедры политэкономии НУК с августа 1955 г. до июня 1957 г. был В. С. Спановский из Москов-

ского финансового института. Он был советником НУК и читал лекции по политэкономии для аспирантов (Wu, Geng, 2017, p. 65).

Преподаватель и советник ректора Пекинского университета Кумаченко

Начавшаяся в 1949 г. реформа образовательной программы ПУ, который существовал уже полвека, обладал известностью и сформировавшимися традициями, продвигалась постепенно. В 1952 г. к ПУ были присоединены школы гуманитарных наук и права Университета Цинхуа и Яньцзинского университета. В итоге преподавание общественных и гуманитарных наук было сосредоточено в ПУ, Университет Цинхуа получил специализацию на естественных науках, Яньцзинский университет прекратил существование.

В отличие от НУК, во главе которого в 1950-е гг. встали выдвиженцы из системы партийного образования, ректором ПУ в 1951 г. назначили известного экономиста с американской докторской степенью Ма Иньчу. Занятия в реорганизованном ПУ начались осенью 1952 г. Преподавателей экономической теории из ПУ, Университета Цинхуа и Яньцзинского университета собрали вместе для создания программы политической экономии. Тогда же в ПУ прибыл доцент кафедры политической экономии МГУ Кумаченко, участник Великой Отечественной войны, занимавшийся в 1940-е гг. вопросами коллективизации сельского хозяйства. Он работал в ПУ до 1954 г., изучал китайскую земельную реформу, руководил 34 аспирантами из 28 высших учебных заведений Китая (Liu, 2021, p. 235).

После дальнейшей реструктуризации в 1954 г. на экономическом факультете ПУ были созданы кафедры политической экономии (заведующий Чжан Южэнь, 17 преподавателей), народнохозяйственного планирования, экономической истории и экономических учений (Liu, 2021, p. 235).

Кумаченко помогал адаптировать модель преподавания МГУ к китайским условиям. Он отмечал, что в МГУ подготовка по политической экономии занимает пять лет. Чтобы сократить в Китае время обучения до четырех лет, от некоторых курсов придется отказаться — например, от всеобщей истории. Он указал, что курс «Организация и методы преподавания политической экономии» в МГУ занимает 160 часов, в него входят лекции об организации и методах преподавания политэкономии. В китайских условиях этот курс не должен быть столь длинным, большую часть времени должна занимать практика преподавания. Такой курс можно назвать «Методы и практика преподавания политической экономии» (Beijing daxue..., 1955, p. 70).

Кумаченко рассказал, что в СССР при наличии одинаковых образовательных планов по одной специальности между вузами могут быть

различия. К примеру, подготовку преподавателей политэкономии ведут МГУ и Московский институт народного хозяйства, последний делает акцент на отраслевой экономике. По его мнению, похожая модель возможна в Китае. В НУК есть условия для чтения курсов экономики промышленности, организации и планирования промышленности и сельского хозяйства. Кумаченко рекомендовал при необходимости приглашать в ПУ преподавателей из НУК для чтения лекций.

Различие программ политэкономии МГУ и МИНХ не было существенным, среди 20 с лишним курсов различались два или три, специальность студентов от этого не менялась. Вместе с тем этот опыт позволяет адаптировать преподавание к запросам конкретного вуза. По словам Кумаченко, в ПУ можно не читать курс «Планирование и организация производства» и включить его в «Экономику промышленности», немного увеличив количество часов. Однако нельзя объединять курс «Техника производства промышленности и сельского хозяйства» с курсом «Организация и планирование предприятий». Первый — это техника, а второй — экономика. Первый упомянутый курс очень важен, особенно в период индустриализации, поэтому он должен быть в Китае. В МГУ на него отводят 204 часа, на деле читают 68 часов, остальное — практика, в китайских условиях часов может быть меньше (Beijing daxue..., 1955, p. 71).

Кумаченко признал допустимым объединение в одну дисциплину «Статистика» курсов «Принципы статистики» и нацеленной на конкретные проблемы «Экономической статистики». Изучение высшей математики желательно для студентов по специальности «Политэкономия», однако в условиях недостатка времени с учетом знаний, полученных в средней школе, от этой дисциплины можно отказаться. В программе обязательно должно быть введение в статистику и математику, поскольку подсчет темпов роста промышленности в период первого пятилетнего плана достаточно сложен. Для изучающих политэкономия важны история народного хозяйства и отраслевая экономика, Кумаченко рекомендовал думать о сокращении курсов лишь на основе всестороннего представления о плане преподавания (Beijing daxue..., 1955, p. 72).

К 1954 г. ПУ определил содержание подготовки по специальности политическая экономия. В течение четырех лет студентам следовало изучить курсы политической теории (основы марксизма-ленинизма, диалектический и исторический материализм, история современной революции в Китае), два года изучать политическую экономию, пройти курсы экономической истории, географии, истории экономических учений, народнохозяйственного планирования, статистики и экономики промышленности. Для воспитания у студентов способности соединять теорию с практикой, помимо использования в каждом курсе советских пособий в сочетании с китайскими специфическими условиями была предусмотрена производственная и педагогическая практика.

Представляет интерес состоявшаяся в марте 1953 г. беседа Кумаченко с проректором ПУ Цзян Лунци. Советский специалист одобрил планы ПУ, нацеленные на сочетание научно-исследовательской работы с преподаванием и с подготовкой новых курсов. При этом он предложил расширить намеченную сферу НИР, что требовало дополнительных организационных усилий и привлечения к работе большего числа преподавателей (Beijing daxue..., 1955, p. 84).

Кумаченко подчеркнул, что кафедры марксизма-ленинизма, политэкономии, философии должны изучать материалы генеральной линии КПК в переходный период. Этим не нужно ограничиваться, однако на определенном этапе изучение генеральной линии можно определить как цель. По просьбе заведующего кафедрой политэкономии советский специалист определил 20 тем о генеральной линии КПК.

По мнению Кумаченко, кафедры должны обсуждать цели и темы научно-исследовательской работы, давать указания относительно ее направления. Он рекомендовал разработать общий научно-исследовательский план всего университета и создать для продвижения работы с учетом опыта МГУ ученый совет ПУ (Beijing daxue..., 1955, p. 85). Признание в подготовленном ПУ докладе недостаточного понимания научно-исследовательской работы в СССР Кумаченко охарактеризовал как «большую проблему», на которую необходимо обратить внимание (Beijing daxue..., 1955, p. 86).

Китайскую сторону интересовал вопрос о соотношении преподавательской и научной работы. Советский специалист рассказал об опыте их соединения в МГУ, отметив, что отдаление от исследовательской работы делает содержание преподавания скудным. Он также пояснил, что не всякую работу по составлению пособий следует считать исследовательской. Если у профессора исторического факультета есть десятилетний опыт, то ему не нужно больше писать лекции, остается только их исправлять. Но если он обогатил содержание преподавания, это считается исследованием (Beijing daxue..., 1955, p. 87). Кумаченко заметил, что китайские историки могут в соответствии с духом марксизма-ленинизма изучить историю, быстро научиться правильно относиться к истории и анализировать ее, поскольку «методы там не слишком сложные». На юридическом факультете создают курс «Государственный строй Китая», для которого нужно изучить много материалов. Если это творческая работа, ее следует считать исследованием, если это просто изложение — то нет (Beijing daxue..., 1955, p. 88).

В другой беседе Кумаченко подробно рассказал о советском опыте подготовки аспирантов, включая составление плана работы, взаимодействие с научным руководителем, изучение теоретических дисциплин и иностранных языков, утверждение темы диссертации и решение кафедры о принятии к защите — вплоть до рассылки автореферата и практики пу-

бликации в газете объявления с указанием места, времени и темы защиты (Beijing daxue..., 1955, p. 146–148). Еще одной темой сообщения стала система проверки преподавательской деятельности в советских вузах (Beijing daxue..., 1955, p. 185–186).

Кумаченко выступал с научными докладами за пределами ПУ. 12 декабря 1952 г. он прочитал в Министерстве образования КНР лекцию о характере действия экономических законов при социализме. Советский специалист рассказал, что широкие массы знают только колебание цен, но не закон их колебания. Причина в том, что люди не понимают, что в основе цены лежит стоимость. Только наука может обнаруживать законы. Экономические законы обусловлены способом производства, который представляет собой единство производительных сил и производственных отношений. При социалистической системе экономические законы имеют гораздо большее применение. Соревнование также осуществляется при социалистическом строе, при улучшении положения рабочих, отсутствии эксплуатации и при новой технике его проводят овладевшие политикой технические кадры (Zhu, 2007, p. 740).

В 1955 г. ректор ПУ Ма Иньчу выступил с речью по поводу двухсотлетия МГУ. Он назвал МГУ образцом для китайских вузов: «Все мы четко понимаем, что СССР сегодня — это наше завтра, а МГУ сегодня — это завтра наших многопрофильных университетов и Пекинского университета» (Ma, 1999, p. 393). Отдельно был упомянут Кумаченко: «После реорганизации наших факультетов в октябре 1952 г. одним из первых советских специалистов, пришедших работать в наш университет, был профессор политэкономии МГУ товарищ Кумаченко. За время работы в университете он подготовил преподавателей политэкономии для Пекинского университета и многих других высших учебных заведений Китая, был советником ректора, руководил реформой преподавания в университете» (Ma, 1999, p. 391–392).

Проректор ПУ Цзян Лунцзи назвал советских специалистов «добрыми наставниками и надежными друзьями», с помощью которых созданы курсы по марксистским теоретическим дисциплинам, развернута научная работа. «Они работают самоотверженно, их стиль работы — отказаться от сна и забыть о еде. Приехав в Китай, они как в работе, так и в жизни в начале чувствуют себя непривычно, климат не подходит. Однако это не влияет на их работу. Часто их нагрузка превышает ту, что была на родине. Специалист по политической экономии Кумаченко один вел две группы аспирантов» (Beijing daxue..., 1955, p. 4).

Проректор ПУ отметил, что помимо преподавательской деятельности Кумаченко исследовал практические проблемы китайской экономики, написал статью о земельной реформе и сельской экономике. Его работа воплощает стремление советских специалистов к соединению преподавания марксизма-ленинизма и политэкономии с китайской реальностью. Кума-

ченко много раз говорил аспирантам о том, что не надо «глотать, не переваривая», не надо отрываться от практики, рекомендовал им заниматься общественной работой, больше читать газеты и художественные произведения (Beijing daxue..., 1955, p. 5).

К тому времени Кумаченко уже вернулся в МГУ. Там он встретил направленную экономическим факультетом ПУ аспирантку Сюй Шуцзюань. «Он отнесся к ней как к члену семьи, расспросил, стал ее научным руководителем» (Beijing daxue..., 1955, p. 7). На смену Кумаченко в ПУ по специальности политэкономия приехали Ю. М. Гумина и Лопухов, преподававшие в университете в 1954–1955 гг. и в 1955–1956 гг. соответственно (Wu, Geng, 2017, p. 64).

Заключение

Развернувшийся в первой половине 1950-х гг. перенос в Китай советской практики организации учебного процесса (создание кафедр, проведение семинаров) сопровождался заимствованием программ и учебников политической экономии. Поставленную руководством КНР задачу соединения в системе высшего образования опыта СССР с китайской практикой экономисты МГУ поддерживали и проявляли в этом направлении инициативу. Они живо интересовались происходившим в Китае. Часть из них опубликовала статьи и книги об экономике КНР, собрав во время пребывания в стране необходимые материалы. В СССР Жамин в 1957 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора экономических наук на тему «Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики» и издал на этой основе курс лекций (Жамин, 1957). Кумаченко написал популярные брошюры «Экономический строй Китайской Народной Республики» (Кумаченко, 1955) и «Особенности переходного периода в Китайской Народной Республике» (Кумаченко, 1958).

Преподаватели из СССР учили китайских слушателей старательно, делились организационным опытом, методами преподавательской работы. В 1950–1953 гг. они много рассказывали о «Кратком курсе истории ВКП(б)» и работах Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Они не могли в то время преподавать в Китае что-то другое по собственному усмотрению. Во второй половине 1950-х гг. присутствие советских специалистов в области экономической теории потеряло актуальность. Критика Сталина в СССР стала для Китая стимулом к глубокому пересмотру подходов к советскому опыту. После XX съезда КПСС в 1956 г. Мао Цзэдун предложил «использовать Советский Союз как зеркало» и начал искать собственный путь социалистического строительства в Китае. Курс политической экономии НУК раскритиковали за «догматизм», а различия между взглядами

сотрудников кафедры и советскими специалистами становились все более очевидными.

Несмотря на критику, влияние советской модели образования в Китае стало долгосрочным. Была заимствована коллективистская система, в которой кафедра направляла и контролировала работу преподавателей, следила за их идейным воспитанием. Китайским преподавателям политэкономии прививали партийный дух и плановый стиль работы. Советские специалисты трактовали политэкономию как классовую науку, нацеленную на борьбу с буржуазными теориями. Этот подход сохранялся в Китае на протяжении нескольких десятилетий, утвердился акцент на впитывании теоретических знаний с опорой на изучение классических работ от Маркса до Мао Цзэдуна, на обеспечении соответствия между теорией и экономической практикой.

Присутствующая в работах западных авторов предвзятая трактовка заимствования советского опыта как негативного явления для китайской системы образования не позволяет создать объективную картину происходившего в 1950-е гг. Китайские исследователи отмечают, что в течение долгого времени при обсуждении истории развития высшего образования КНР многие ученые любили использовать слово «трансплантация». Речь шла о том, что все методы работы и системы дисциплин «пересажены» в Китай из-за рубежа, произошло их пассивное принятие. Однако применительно к освоению новой модели управления китайскими вузами в 1950-е гг. лучше подходит слово «заимствование», нежели «трансплантация» или «тотальная советизация», поскольку в процессе адаптации в систему вносили корректировки и конструктивные улучшения (Jing, 2024, p. 62).

В современной китайской научной литературе происходит смена оценки восприятия советского опыта. Раньше исследователи привычно объясняли неудачи в развитии КНР копированием модели СССР. Теперь на первое место выходит позитивная трактовка попыток китайской стороны адаптировать советскую модель к местной специфике. Данный подход замечен при обсуждении истории заимствования советской системы преподавания и исследования политической экономики. Появилось стремление реконструировать процесс взаимодействия советских специалистов с китайской средой, уделить внимание ассимиляции советских знаний в Китае.

Этот поворот связан с идеологическими требованиями сегодняшнего дня. Си Цзиньпин требует не противопоставлять период Мао Цзэдуна периоду реформ, поэтому сквозной объединяющей темой становится создание экономической науки с китайской спецификой. Формируется единая история этого процесса, в центре внимания находятся собственные китайские поиски. 1950-е гг. и деятельность советских специалистов становятся частью этой картины.

С конца 1950-х гг. лейтмотивом экономической идеологии китайского руководства стали повышение трудового энтузиазма и классовой сознательности, критика «правых» взглядов. Когда Мао Цзэдун поставил задачу создать китайскую версию политэкономии марксизма, исходная советская трактовка не была отвергнута. Символическим шагом стало коллективное критическое прочтение китайским руководством в 1960 г. советского учебника политэкономии. К этой книге подходили с уважением, ее содержание не отрицали полностью. Основной целью было выявить положения, не отвечающие требованиям строительства социализма в Китае и потому нуждавшиеся в исправлении и дополнении. Во время «культурной революции» идеи мобилизационного подъема народных масс, участия кадровых работников в трудовом процессе, искоренения «буржуазного права» достигли апогея. На фоне приостановки экономического образования в вузах в начале 1970-х гг. прозвучало требование Мао Цзэдуна «изучить немного политэкономии». В середине десятилетия в КНР были подготовлены экспериментальные учебники политэкономии, осуждавшие экономическую политику СССР 1960-х — 1970-х гг.

С провозглашением курса реформ и открытости началось широкое заимствование западной экономической науки, сопровождавшееся критикой в адрес «советской парадигмы». Мягкое вытеснение марксистской политэкономии из высшего образования стало повсеместным, но этот процесс оказался обратимым. В конце первого десятилетия XXI в. политэкономия вернули на экономические факультеты китайских вузов. Темы революции и классовой борьбы отошли в сторону, повышенное внимание получили вопросы марксистского понимания рыночной экономики, глобализации и формирования единого мирового хозяйства. Продолжилось изучение «Капитала» и ленинской теории империализма. Раздел политэкономии социализма после распада СССР стал тождественен изучению экономической теории и практики социализма с китайской спецификой. Адаптация к китайской реальности вобрала в себя требования признавать партийное руководство экономикой, ставить в центр внимания интересы народа, развивать производительные силы общества, прививать студентам социалистические ценностные воззрения. Западная экономическая наука осталась в научном и образовательном пространстве КНР, но ее все чаще критикуют за неспособность вникнуть в китайскую реальность и решить китайские проблемы.

Заимствованная у СССР система кафедр ушла в прошлое, ныне в ПУ и НУК существуют Школы экономики, состоящие из факультетов и институтов (центров). Вместе с тем НУК сохранил традицию советского семинара в форме проводимого раз в месяц научного обсуждения, нацеленного на обмен идеями между преподавателями и повышение научного влияния экономических исследований НУК.

Созданный по советскому образцу НУК изменился, но не утратил статус флагмана в китайской системе преподавания марксистской политической экономии. Примечательно, что именно в стенах этого университета Си Цзиньпин рассказал об унаследовании «красных генов» партийной идеологии, поставил задачу ускорения создания общественных наук с китайской спецификой, построения самостоятельной китайской системы знаний (Xi, 2022). Заложенная советскими специалистами научная традиция не исчезла, но прошла путь длительной, глубокой и всесторонней китаизации.

Список литературы

Автономов, В. С. (2016). Экономическая теория в ИМЭМО: советский период. *Вопросы экономики*, 11, 117–134. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-117-134>.

Жамин, В. А. (1957). *Социалистические преобразования сельского хозяйства в Китайской Народной Республике. Лекции по курсу политической экономии*. М.: Советская наука.

Каратаев, Н. К. (1956). *Экономические науки в Московском университете (1755–1955)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Кумаченко, Я. С. (1958). *Особенности переходного периода в Китайской Народной Республике*. М.: Знание.

Кумаченко, Я. С. (1955). *Экономический строй Китайской Народной Республики. Лекции по курсу политической экономии*. М.: Советская наука.

20 shiji 50 niandai Sulian zhuanjia zai Zhongguo Renmin daxue [Soviet experts at Renmin University of China in the 1950s] (2017). Beijing: Zhongguo Renmin daxue chubanshe.

Beijing daxue Sulian zhuanjia tanhua baogao ji [Collection of talks and reports by Soviet experts at Peking University] (1955). Beijing: Beijing daxue.

Chang, Xiuze (2015). Yi ren ben sixiang wei hexin jingjixue tixi chuangxin zhi wo jian [My opinion on people's-centered thinking as the core of the innovation of the economics system]. *Xueshu yanjiu*, 10, 64–68.

Cheng, Fangwu (1951). Zhongguo Renmin daxue de jiaoyan shi gongzuo [Work of teaching and research sections of Renmin University of China]. *Renmin ribao*, 30.03.

Geng, Huamin, & Wu, Qimin (2016). Sulian zhuanjia yu xin Zhongguo gaoxiao zhengzhi lilun kecheng de jianli [The Soviet experts and the establishment of the political theory courses in universities in New China]. *Zhonggong dangshi yanjiu*, 6, 55–67.

Jia, Genliang (2023). Waiguo jingji sixiangshi xueke zai Zhongguo de yuanliu yu fazhan [The origin and development of the discipline of history of foreign economic thought in China]. *Xueshu yanjiu*, 5, 84–96.

Jing, Yuhang (2024). Zhongguo Renmin daxue zaoqi guanli tizhi de xingcheng yu tuiguang (1950–1957) [The formation and promotion of the early management system of Renmin University of China (1950–1957)]. *Dangshi yanjiu yu jiaoxue*, 2, 52–62.

Kaladayefu [Karataev] (1956). Dui xiandai zichan jieji zhengzhi jingjixue de pipan (1956 nian 5 yue 4 ri zai Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu suo zuo de baogao) [A critique of Modern bourgeois political economy (Report given at the Ministry of Higher Education of the People's Republic of China on May 4, 1956)]. *Jiaoxue yu yanjiu*, 1(6), 20–23.

Kaladayefu [Karataev] (1957). *Jingji xueshuoshi jiangyi. Shang ce (Makesi he Engesi chuangli wuchanjieji zhengzhi jingjixue yiqian de shiqi)* [Lecture notes on the history of economic

doctrines. Part 1 (The period prior to the creation of proletarian political economy by Marx and Engels)]. Beijing: Zhongguo Renmin daxue chubanshe.

Liang, Jingzhi, Liu, Xiangbing, & Fu, Chunmei (2010). Xin Zhongguo chengli chuqi Zhongguo Renmin daxue zai gaodeng jiaoyu lingyu de diwei he zuoyong [Renmin University of China's role and function in higher education in the initial period of New China]. *Zhongguo Renmin daxue xuebao*, 6, 136–143.

Liu, Qunyi (2021). Renmin de jingjixue: yuanxi tiaozheng zhong de Beijing daxue jingji xueke [Economics for the people: Peking university's economic disciplines under faculty restructuring]. In *Dai zong yang zhi — Chen Daisun xiansheng danchen 120 zhounian jinian wenji* [With respect to teacher Chen Daisun: An anthology of essays on the 120th anniversary of Mr. Chen Daisun's birth] (p. 229–241). Beijing: Beijing daxue chubanshe.

Liu, Xiangbing, Liang, Jingzhi, & Wang, Jing (2010). Zhongguo Renmin daxue qianshen shiqi dui Zhongguo gaodeng jiaoyu de yiyi [The impact of predecessor period of Renmin University of China on higher education in New China]. *Zhongguo Renmin daxue xuebao*, 6, 130–135.

Liu, Ying (2011). Xin Zhongguo chengli chuqi zhonggong chuanguan xinxing gaoxiao de changshi — yi Zhongguo Renmin daxue de chuanguan wei li [The CPC's attempt to create new type of colleges and universities in the early period of the founding of New China — The founding of Renmin University of China as an example]. *Zhonggong Nanjing shiwei dangxiao xuebao*, 6, 89–93.

Ma, Yinchu (1999). Qingzhu Mosike daxue kaixue erbai nian [Celebrating the bicentennial of the opening of Moscow University]. In *Ma Yinchu quanji. Di shisi juan* [Complete works of Ma Yinchu. Vol. 14] (p. 391–393). Hangzhou: Zhejiang renmin chubanshe.

Ranming [Zhamin] (1954). Kexue yanjiu gongzuo de zuzhi yu fangfa [Methods of organizing scientific research work]. *Jiaoxue yu yanjiu*, 4, 38–41.

Sibilduoluowa [Spiridonova]. (1953). Shehuijingji jiaoyanshi de kexue gongzuo [Scientific work of socio-economic teaching and research sections]. *Jiaoxue yu yanjiu*, 4, 15–16.

Stiffler, D. (2010). “Three blows of the shoulder pole”: Soviet experts at Chinese People's University, 1950–1957. In Th. P. Bernstein & Hua-yu Li (Eds.), *China learns from the Soviet Union, 1949 – present* (p. 303–325). Lanham, MD: Lexington Books.

Trescott, P. B. (2007) *Jingji Xue. The History of the Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950*. Hong Kong: The Chinese University Press.

Wu, Huifan (2012). Xin Zhongguo wenke gaodeng jiaoyu de “gongzuo muji” — 20 shiji wu liushi niandai Zhongguo renmin daxue de banxue tansuo yu gongxian [The “mother machine” of the humanities in higher education in New China — Educational exploration and contribution of Renmin University of China in the 1950s and 1960s]. *Zhongguo renmin daxue xuebao*, 6, 140–145.

Wu, Huifan, & Liu, Xiangbing (2013). Sulian zhuanjia yu Zhongguo Renmin daxue xueke diwei de xingcheng — 1950–1957 nian Sulian zhuanjia zai Zhongguo Renmin daxue de gongzuo yu gongxian [Soviet experts and the discipline status of Renmin University of China — Practical contribution of Soviet experts in Renmin University of China from 1950 to 1957]. *Zhongguo Renmin daxue xuebao*, 6, 143–151.

Wu, Qimin, & Geng, Huamin (2017). Sulian zhuanjia yu Zhongguo Renmin daxue zhengzhi jingjixue lilun kecheng de jianli (1949–1957 nian) [Soviet experts and the establishment of the course on the theory of political economy at Renmin University of China]. *Dangdai Zhongguo shi yanjiu*, 7, 63–72.

Wu, Yuzhang (1953). Zhongguo Renmin daxue san nian lai gongzuo jiben zongjie [A basic summary of three years of work of Renmin University of China]. *Renmin ribao*, 04.09.

Xi, Jinping (2022, April 25). Xi Jinping zai Renmin daxue kaocha shi qiangdiao: jianchi dang de lingdao chuancheng hongse jiyin zhagen Zhongguo dadi zouchu yi tiao jianshe Zhongguo tese shijie yi liu daxue [Xi Jinping stressed during his inspection at Renmin University of China: Adhere to the leadership of the Party, inherit the red gene, take root in the land of China, and embark on a new path to build a world-class university with Chinese characteristics]. *Xinhua*, 25.04. http://www.gov.cn/xinwen/2022-04/25/content_5687105.htm

Zhao, Jing (2012). Dui xin Zhongguo chengli chuqi gaoxiao jiaoxue gaige zhong xuexi Sulian wenti de renshi [Understanding of the problem of studying the Soviet Union in the teaching reform of colleges and universities in the early period of New China]. *Dangdai Zhongguo shi yanjiu*, 2, 63–66.

Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi shang xuenian jiaoxue jiben qingkuang [Basic situation in teaching in the political economy teaching and research section in the last school year]. (1954). *Jiaoxue yu yanjiu*, 9, 28–30.

Zhu, Kezhen (2007). *Zhu Kezhen quanji. Di 12 juan* [Complete works of Coching Chu. Vol. 12]. Shanghai: Shanghai keji jiaoyu chubanshe.

References

Avtonomov, V.S. (2016). Economic theory in IMEMO: The Soviet period. *Voprosy ekonomiki*, 11, 117–134. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-117-134>.

Karataev, N.K. (1956). *Economic sciences at Moscow University (1755–1955)*. M.: Moscow University Publishing House.

Kumachenko, Ya.S. (1958). *Features of the transition period in the People's Republic of China*. M.: Znanie.

Kumachenko, Ya. S. (1955). *The economic system of the People's Republic of China. Lectures on the course of political economy*. M.: Sovetskaya nauka.

Zhamin, V.A. (1957). *Socialist transformations of agriculture in the People's Republic of China. Lectures on the course of political economy*. M.: Sovetskaya nauka.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. Г. Худокормов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.16

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-8

ФЕДОР ЯКОВЛЕВИЧ ПОЛЯНСКИЙ (1907–1982) КАК ИСТОРИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

К 75-летию юбилею
кафедры Истории народного хозяйства
и экономических учений

Статья посвящена научному творчеству Федора Яковлевича Полянского — одного из основателей кафедры Истории народного хозяйства и экономических учений, чей 75-летний юбилей отмечен на Экономическом факультете МГУ в 2024 г. Ставится задача раскрыть научный вклад профессора Полянского в историю экономической мысли. На базе подробного изучения текстов анализируются достижения данного автора в интерпретации экономических идей Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Утверждается, что в науке Ф. Я. Полянский был последовательным марксистом, исследовал социальные мотивы экономических доктрин, проводил принцип научного историзма, оценивая содержание той или иной концепции с учетом реальных обстоятельств эпохи. Подчеркивается, что свобода от эклектизма не препятствовала богатству и содержательности его историко-экономического анализа. Установлено такое важнейшее качество научной деятельности Ф. Я. Полянского, как стремление к фундаментальности. Указанное свойство проявилось в его работе над учебными курсами университетского уровня. Именно профессор Полянский был инициатором подготовки «Всемирной истории экономических учений» (в шести томах). Он же явился автором основной структуры издания, успел написать для него ряд глав и параграфов. Отмечено, что не все в идейном наследии Ф. Я. Полянского сохранило ценность. С позиции сегодняшнего дня имеются замечания и к форме, и к содержанию его публикаций, особенно в части полемики с идейными противниками. В заключении статьи сделан вывод, что вклад ученого в науку определяется отнюдь не отдельными слабостями, но сохранившими актуальность сильными и глубокими положениями его трудов.

Ключевые слова: история экономических доктрин, научный историзм, курсы по истории экономических учений, «Всемирная история экономической мысли».

Цитировать статью: Худокормов, А. Г. (2025). Федор Яковлевич Полянский (1907–1982) как историк экономической мысли. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 148–158. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-8>.

¹ Худокормов Александр Георгиевич — д.э.н., профессор, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: inh-k@mail.ru.

A. G. Khudokormov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A14, A22, A39, B11, B24

FYODOR YAKOVLEVICH POLYANSKY (1907–1982) AS A HISTORIAN OF ECONOMIC THOUGHT

*The article examines the scientific work of Fyodor Yakovlevich Polyansky, one of the founding fathers of the Department of History of National Economy and Economic Doctrines, whose 75th anniversary was celebrated at MSU Economics Faculty in 2024. The task is to reveal the scientific contribution of Professor Polyansky to the history of economic thought. Drawing on a detailed study of the texts, the author analyzes the achievements of this scholar in interpreting economic ideas of Antiquity, the Middle Ages, Modern and Contemporary Times. It is argued that in science, F. Ya. Polyansky was a consistent Marxist who studied social motives of economic doctrines, carried out the principle of scientific historicism, evaluating the content of a particular concept taking into account the real circumstances of the era. The author emphasizes that freedom from eclecticism does not interfere with the richness and meaningfulness of his historical and economic analysis and highlights F. Ya. Polyansky's strive for fundamentality as a fundamental quality of his scientific activity. This property manifests itself in his work on university-level courses. It was Professor Polyansky who initiated the preparation of the *World History of Economic Doctrines* (in six volumes). He was also the author of the main structure of the publication, and managed to write a number of chapters and paragraphs for it. It should be noted that not everything in the ideological heritage of F. Ya. Polyansky has retained its value. From today's standpoint, there are comments on both the form and content of his publications, especially in terms of polemics with ideological opponents. The paper concludes that the scholar's contribution to science is determined not by individual weaknesses, but by strong and profound provisions of his works that have retained their relevance.*

Keywords: history of economic doctrines, scientific historicism, history of economic teachings, World History of Economic Thought.

To cite this document: Khudokormov, A. G. (2025). Fyodor Yakovlevich Polyansky (1907–1982) as a historian of economic thought. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 148–158. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-8>.

Введение

В 2024 г. мы отмечаем 75-летие со дня основания одного из старейших подразделений Экономического факультета МГУ — кафедры Истории народного хозяйства и экономических учений. В дни юбилеев принято вспоминать отцов-основателей. Для нас в этом качестве выступает прежде всего профессор, доктор исторических наук Федор Яковлевич Полянский, возглавлявший нашу кафедру ровно четверть века, с 1958 г. по день его кончины.

Творчество Ф. Я. Полянского объемно и многогранно. Мне предстоит рассказать о нем как об историке экономических учений (мой друг и коллега В. В. Дроздов расскажет об исследованиях профессора Полянского в области истории народного хозяйства).

Начнем с вопросов общего мировоззрения и методологии...

В связи с этим отметим, что Ф. Я. Полянский происходил из крестьян Тверской губернии, он был «крестьянский сын», как сам писал о себе в анкетах. Его дальними предками были не просто крестьяне, но крестьяне крепостные. Тем не менее упорство, целеустремленность, трудолюбие и природный талант помогли ему получить высшее образование, рано защитить докторскую диссертацию (1947 г.), стать профессором (1949 г.).

Убеденный сторонник общественного строя, при котором ему довелось жить и трудиться, Ф. Я. Полянский в науке был последовательным марксистом. В исследовании истории экономических учений Федор Яковлевич сознательно следовал материалистической методологии, искал объективные предпосылки экономической мысли, фиксировал ее «земные корни». Кроме того, он последовательно проводил принцип научного историзма, оценивая содержание экономических идей с точки зрения реальных условий эпохи, ее своеобразия (см.: История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 7).

Ф. Я. Полянский одним из первых приступил к анализу экономической мысли древности. Как известно, на Древнем Востоке рабы не составляли большинства эксплуатируемого населения. Тем не менее именно в Древнем Египте возникло первое определение раба, исполненное мрачной безысходности: носители рабства именовались здесь «живыми убитыми». В более развитых античных странах, подчеркивал профессор Полянский, раб тоже рассматривался не как человек, а как *instrumentum vocale* — «говорящее орудие», или «орудие одушевленное» (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 71). Исследуя римское право, Ф. Я. Полянский обратил внимание, что римские юристы упорно настаивали на праве владельца вещи саму эту вещь уничтожить. Нелепо защищать право на уничтожение телеги или мотыги. Откуда же взялась такая норма? По мнению Ф. Я. Полянского, она возникла не случайно: если раб — не более чем вещь, значит, смысл данной нормы заключался в том, чтобы защитить безнаказанность рабовладельца, т.е. право на физическое уничтожение раба.

Ф. Я. Полянскому принадлежат и другие интересные находки. Откуда появились, например, грезы ранних христиан о «манне небесной» или, скажем, их зависть к птицам небесным, которые «не сеют, не жнут, а сыты бывают» (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 83)? И еще: по какой причине в той же среде родились легенды, что можно накормить многочисленную толпу семью хлебами и двумя рыбами, да еще набрать продовольствия в запас? Словом, откуда эти мечтания жизни без труда или почти без труда? Профессор Полянский справедливо полагал, что все

это проявление подхода к труду как к «библейскому проклятию». Известно, что христианство возникало первоначально как религия социальных низов, отверженных, преимущественно рабов. Из этого и проистекало отношение к трудовой деятельности как к чему-то непременно тяжелому, неприятному, от чего лучше поскорей избавиться.

С анализом рабства связана интерпретация профессором Полянским движущих сил, мотивов и программы восстания Спартака (73—71 гг. до н.э.). Само это восстание он трактовал как нечто большее, чем рядовое возмущение рабов и колонов. По его мнению, речь шла о «спартаковской революции» (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 66, 76—78). Главная цель восставших состояла в том, чтобы вырваться за пределы Римской империи, покинуть территорию, где господствовали рабовладельческие и протофеодальные отношения (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 76).

Как убежденный марксист, Ф. Я. Полянский при анализе отдельного направления или течения экономической мысли считал необходимым исследовать социальные, сословные или классовые мотивы той или иной экономической доктрины. Возьмем для примера его работы по экономической мысли западноевропейского Средневековья (XI—XV вв.). Тогда в Западной Европе действовали четыре основных сословия: светские феодалы, духовенство, зависимые от феодалов крестьяне и средневековое бюргерство (горожане). Каждое сословие, как подчеркивал Ф. Я. Полянский, имело свои особенности и устойчивые сословные интересы. Самой зрелой и разветвленной экономической мыслью обладало средневековое духовенство. И не только потому, что оно было в достаточной мере материально обеспечено. Представители духовенства были единственно грамотным сословием и в большинстве своем знали латынь — язык средневековой науки. Соответственно и экономическая мысль священнослужителей была тогда наиболее богатой и развитой.

Как пишет Ф. Я. Полянский, уже в трудах Фомы Аквинского (1225—1274) разбирались довольно сложные вопросы «справедливой цены», а епископ французского города Лизьё Николя Орезм (Орем, до 1330—1382 гг.) даже сформулировал общий принцип, согласно которому монеты с большим содержанием меди всегда вытесняют из обращения монеты полновесные, из серебра и золота. Утверждение, согласно которому «плохие деньги всегда вытесняют деньги хорошие», стало по существу первым законом, открытым мировой экономической мыслью.

Оставаясь на позициях историзма, Ф. Я. Полянский решительно возражал тем, кто полагал, что вопросы рынка, обмена и денег всегда были главными для экономической мысли любой эпохи. Он подчеркивал, что тот же Фома Аквинский (вслед за Аристотелем) считал натуральное хозяйство нормальным явлением и основой благополучия людей (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 110). Николя Орезм в специальном сочинении

о происхождении и природе денег также квалифицировал деньги, как искусственное богатство. Он же писал, что даже изобилие денег не всегда спасает человека от голодной смерти (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 116).

Будучи оригинальным мыслителем, Ф. Я. Полянский по-своему объяснял «рыночный перекося» в исторических документах добуржуазных эпох, где реально господствовало натуральное хозяйство. Он рассуждал при этом так: возьмем крупную деревню или феодальный замок XII–XIII вв. Здесь все необходимое производится на месте, а торг идет за счет излишков. Но раз в год в округе разворачивается ярмарка, на которую товары доставляются со всех концов Западной Европы. О чем будет писать летописец, местный хронист? Конечно, о ярмарке, а не о повседневной натурально-хозяйственной рутине.

Ф. Я. Полянский подчеркивал, что, интерпретируя хозяйственные явления своего времени, тот же Фома Аквинский не забывал и об узкосословных интересах духовенства. Защищая твердую королевскую власть, Аквинат доказывал, что король обязан внимать советам священников и непременно подчиняться Папе Римскому (концепция «папской теократии») (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 109).

Другие мыслители Средневековья, указывал профессор Полянский, также не были равнодушны к интересам своего сословия. Так, французский юрист и дворянин по происхождению Филипп де Бомануар (около 1250–1296 гг.), занимавший высокие административные посты, сформулировал главный принцип феодального хозяйства: «Nulle terre sans seigneur!» («Нет земли без господина!»).

И напротив, идеологи средневекового крестьянства оспаривали данный принцип, требуя возвращения общинных земель, захваченных феодалами. Они же порой прямо утверждали ненужность дворянского сословия для повседневной хозяйственной жизни. Отлученный от официальной церкви проповедник по имени Джон Болл, сыгравший видную роль в крестьянском восстании Уота Тайлера (1381 г.), воспевал социальное равенство. Ф. Я. Полянский цитирует принадлежащие ему слова: «When Adam delved and Eve span, who was then the gentleman?!» («Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?!») (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 129).

Оригинальной экономической мыслью обладало, как показывает Ф. Я. Полянский, и сословие средневековых горожан. Об этом свидетельствуют разделы так называемого Магдебургского права (XIII в.), защищавшие городское самоуправление и прежде всего самостоятельный сбор налогов от алчности средневековых сеньоров. Кроме того, бюргерская экономическая мысль прославилась выразительным и лапидарным девизом «Stadtluft macht frei!» («Воздух города делает человека свободным!») (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 119). В этом девизе

выражался антикрепостнический правовой обычай, согласно которому зависимый от феодала крестьянин или слуга, проживший в городе один год и один день, обретал личную свободу.

Все эти изречения, по мнению Ф. Я. Полянского, свидетельствовали о том, что социально-классовый подход к истории экономической мысли вовсе не превращает ее в нечто плоское и малоинтересное. Все обстоит как раз наоборот: полученные таким образом выводы становятся научно объяснимыми, а историко-экономический анализ — богатым и содержательным.

Из других методологических вопросов истории экономической мысли, безусловно, важнейшим является вопрос о содержании самого предмета нашей науки. Ф. Я. Полянский был решительным противником той точки зрения, что в этом качестве следует ограничиться одной лишь историей политической экономии и тем более — историческим анализом категорий одной лишь рыночно-капиталистической системы (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 5–6). По его мнению, история экономической мысли значительно шире по охвату проблем. Во-первых, до XVII в. политическая экономия и целостная рыночная система отсутствовали вовсе, а история экономической мысли уже имела материал для размышлений. С позиций приведенной выше суженной формулы нельзя правильно осветить экономическую мысль Древнего Востока, Античности, Средневековья. Во-вторых, как писал Ф. Я. Полянский, Иван Тихонович Посошков был оригинальным мыслителем, но почти не затрагивал категорий в духе политической экономии. Таким образом, ограничительная трактовка предмета истории экономических учений ведет к искаженному описанию и отечественной экономической мысли. Кроме того, согласно мнению профессора Полянского, суженный подход к предмету нашей науки оставляет без внимания экономические программы революционных движений. За пределами анализа оказывается экономическая мысль церкви. Между тем экономические идеи ранних христиан, пророка Мухаммеда, Мартина Лютера, Жана Кальвина влияли и влияют на экономическое поведение миллионов людей. Как в прошлом, так и в настоящем они становились обоснованием массовых движений, длительных войн, больших общественных сдвигов.

Наконец, суженный подход к изучению нашей науки только как истории политической экономии (экономической теории) не дает возможности дать верную интерпретацию экономическим идеям Новейшего времени. Разве можно оценивать экономическую мысль столь крупной и противоречивой фигуры, как И. В. Сталин, если отталкиваться только от формулировок в его экономических публикациях и докладах? Ф. Я. Полянский был убежден, что корень действительных воззрений Сталина лежит не столько в его политико-экономических формулировках, сколько в его экономической политике. Формально в работе «Экономические проб-

лемы социализма в СССР» (1952) Сталин выступал сторонником основного экономического закона социализма — обеспечения «максимального удовлетворения постоянно растущих потребностей всего общества» (Сталин, 1952, с. 40). На деле же он буквально разорил своей политикой наше крестьянство, т.е. бóльшую часть населения СССР², вверг его в бедность и нищету. Подрыв основной производительной силы аграрного сектора — трудящегося крестьянина — привел к тому, что в нашей стране продовольственная проблема не была решена вплоть до распада СССР и самого социализма. Ф. Я. Полянский, хорошо знавший жизнь деревни, в устных беседах не раз отмечал, что попытка Сталина вынести хозяйственную политику за пределы экономической теории и истории экономических учений связана с тем, что сам Сталин «не хотел, чтобы советские экономисты изучали его экономическую политику».

Федор Яковлевич ясно видел и границы расширительного толкования предмета нашей науки. Он, в частности, писал: «Конечно, нельзя расширять предмет истории экономической мысли включением в него всякого отражения экономических отношений». Ее предметом должны быть высказывания, «содержащие элементы обобщений». Такой подход не будет означать умаления значимости экономической теории, ее системности и категориального аппарата. «Наоборот, изучение ее истории, ее предпосылок окажется более полным». Станут возможными подлинный историзм и глубокое выяснение генезиса экономических доктрин, самой теории экономики (История экономической мысли, Ч. 1, 1961, с. 6–7).

Говоря в редких случаях о себе, Федор Яковлевич часто повторял одну фразу: «Я всегда был очень самоуверенным». Точнее было бы утверждать, что наш мэтр всегда был самостоятелен в своем научном творчестве. Излюбленным полем работы советских обществоведов неизменно выступала история марксистской мысли. Казалось, в этой области сказано все или почти все. Но профессор Полянский и здесь смог сказать свое веское слово, создав оригинальные исследования по истории экономических идей Первого Интернационала (Полянский, 1964), экономическим концепциям Г. В. Плеханова (Полянский, 1965). Не потеряли своего значения труды Ф. Я. Полянского по экономической мысли Античности (Полянский, 1974; Полянский, 1978). В критическом разборе современных концепций предметом его анализа стали теории анархизма и западноевропейской социал-демократии (Полянский, 1973; Полянский, 1972).

Никогда не забуду, с каким трудом нам, тогда молодым аспирантам, приходилось сдавать кандидатский минимум по специальности. Это было настоящим испытанием на профессиональную пригодность. На экзамене Федор Яковлевич никогда не ограничивался легкими и традиционными вопросами по курсу истории экономических учений. Помню, среди про-

² В Советском Союзе городское население превысило сельское только в 1958 г.

чих мне попался вопрос о течениях внутри современного анархизма и об их экономических воззрениях. Вопрос был трудным, но мне повезло. Как раз накануне удалось проштудировать монографию Ф. Я. Полянского об анархизме, и я быстро вспомнил о трех разновидностях анархистских теорий: анархо-индивидуализме, анархо-коммунизме и анархо-синдикализме, с их представителями и особенностями. Федор Яковлевич заметил тогда, что неплохо было бы изложить еще некоторые близкие анархизму идеи Л. Н. Толстого и «уж конечно, новейшие концепции студенческого бунтарства» — по итогам событий мая-июня 1968 г. во Франции (Даниэль Кон-Бендит и др.). Но долгожданную оценку я тогда все же получил.

Защищая принципы научного анализа, Федор Яковлевич неоднократно сетовал на то, что в учебных курсах и специальных изданиях экономическая мысль дается в усеченном виде: экономические учения Древнего Востока подменяются изречениями из Ветхого завета (и то не всегда), идеи Античности излагаются односторонне (в виде анализа преимущественно рыночных категорий), идейная борьба Средневековья заслоняется суждениями одного Фомы Аквинского, игнорируются программы антифеодальных революций, более поздних революционно-демократических направлений, на Западе искажается или вовсе замалчивается история экономического учения марксизма (особенно в XX в.) (Всемирная история экономической мысли, Т. 1, 1987, с. 8).

Можно ли считать, что эта критика устарела? Наш ответ здесь преимущественно отрицателен. Заслуга Федора Яковлевича Полянского состоит, кроме всего прочего, в том, что в его трудах история экономических учений представлена в единстве всех ее потоков, с выделением их особенностей, деталей, нюансов.

С этим связана такая важнейшая черта творчества нашего учителя, как стремление к научной фундаментальности. С именем профессора Полянского теснейшим образом связана эпоха создания многотомных трудов и учебников по историко-экономическим дисциплинам, которая продолжается на нашей кафедре и по сей день. Под его редакцией и при непосредственном авторском участии на Экономическом факультете МГУ были подготовлены и последовательно опубликованы три тома курса истории экономической мысли университетского уровня (История экономической мысли, Ч. 1, 1961; История экономической мысли, Ч. 2, 1964; История экономической мысли, Ч. 3, 1970).

Не подлежит сомнению, что современный мир движется от состояния «Рах Америгана» к учету все большего цивилизационного разнообразия и к многополярности. Соответственно, процесс вызревания экономических идей будет неизбежно становиться транснациональным. Можно предположить, что уже в недалеком будущем экономическая мысль и ее высшая форма — экономическая теория — станут во все большей степени всемирными и по генезису, и по накоплению новаций.

В связи с этим хочется еще раз вспомнить о Ф. Я. Полянском, который был главным инициатором издания «Всемирной истории экономической мысли» (ВИЭМ) — фундаментального шеститомного труда, в котором развитие экономических идей впервые представлено в подлинно мировом масштабе, во всемирном облачении. Авторами ВИЭМ были многие преподаватели Экономического факультета МГУ. Но именно профессору Полянскому принадлежит заслуга разработки общей структуры данного издания. Он же успел написать ряд глав и параграфов к его первым трем томам.

Труда, подобного ВИЭМ, нет не только у нас в стране, но и во всем мире. Многие мои коллеги и я сам испытываем законную гордость за то, что принимали непосредственное участие в его создании. Большинство из нас исполнено глубокой благодарности к нашему профессору Федору Яковлевичу Полянскому, который привлек нас к этой работе.

Не все в произведениях Ф. Я. Полянского одинаково удачно и выверено. Последовательно критикуя идейных противников, он иногда хватал через край, пытался дополнить, а порой заменить научный критический анализ резкостью выражений. Но надо признать, что, прибегая к резким суждениям, он порою оказывался не так уж неправ. Федор Яковлевич, например, часто воспроизводил известное изречение, согласно которому при капитализме все принимает форму товара; все покупается и все продается: земля, фабрики, заводы, газеты, пароходы, а также честь, совесть, голоса избирателей и т.д.

Мы, молодые тогда преподаватели, порой посмеивались над нашим профессором, полагая, что все это не более, чем карикатура на современный капитализм. Но не так давно (уже после начала второго пришествия капитализма в Россию), выезжая за город по Ярославскому шоссе, я оказался свидетелем следующей сцены: недалеко от обочины полукругом выстроилось около двадцати молодых женщин; поскольку дело было вечером, полукруг освещали фары нескольких дорогих автомобилей. На лицо были и «свободное рыночное предложение» и «свободный рыночный спрос», и «свободный рыночный выбор», а на деле — грубое уничижение человеческого достоинства. И вот тогда я сразу вспомнил высказывания моего учителя.

И по содержанию, и по форме Федор Яковлевич Полянский был человеком своего времени. Не все, что он писал, сохранило высокую ценность. И все же последним делом является глумление некоторых над слабыми местами его публикаций. Здесь я позволю себе вспомнить библейскую легенду о Ное и его сыновьях. Строитель библейского ковчега Ной, как известно, «не был врагом бутылки» (подобно месье Бопре из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина). Из-за этого он попадал иногда в трудное положение. Один из его сыновей по имени Хам, увидев его в таком положении, начал громко смеяться, и от того его имя стало нарицатель-

ным. Другой же сын — Сим — смеяться не стал, но получше укрыл отца от солнца и ветра.

Совершенно очевидно, что вклад того или иного автора в науку определялся отнюдь не слабыми местами его работ. (Таких слабостей у каждого можно надергать сколько угодно.) Научный вклад ученого заключается в его наиболее сильных положениях и выводах. В их выявлении как раз и состоит смысл доклада, посвященного памяти Федора Яковлевича Полянского.

Список литературы

Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 1 (1980). МГУ им. М. В. Ломоносова; гл. ред. колл. В. Н. Черковец и др. М.: Мысль.

История экономической мысли. Ч. 1. (1961) / под ред. И. Д. Удальцова, Ф. Я. Полянского. М.: Изд-во Моск. ун-та.

История экономической мысли. Ч. 2. (1964) / под ред. Ф. Я. Полянского. М.: Изд-во Моск. ун-та.

История экономической мысли. Ч. 3. (1970) / под ред. Ф. Я. Полянского. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1980). *Вопросы политической экономии феодализма: курс лекций*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1977). *Критика В. И. Лениным антимарксистских экономических теорий*. М.: Госполитиздат.

Полянский, Ф. Я. (1965). *Плеханов и русская экономическая мысль*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1973). *Социализм и современный анархизм*. М.: Экономика.

Полянский, Ф. Я. (1972). *Социализм и современный реформизм*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1969). *Товарное производство в условиях феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1975). *Экономическая история зарубежных стран: период империализма (1870–1917 гг.)*: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1954). *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1978). *Экономическая мысль Древнего Рима*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1974). *Экономическая мысль Древней Греции*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1972). *Экономическая мысль Древней Индии: курс лекций*. М.

Полянский, Ф. Я. (1964). *Экономические идеи I Интернационала*. М.: Знание.

Полянский, Ф. Я. (1956). *Экономический строй мануфактуры в России XVIII века*. М.: Изд-во Академии наук СССР.

Полянский, Ф. Я. (1983). *Цена и стоимость в условиях феодализма: влияние государственной муниципальной и цеховой регламентации на ценообразование в эпоху феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я., Аникин, А. В. (1979). *А. Смит и современная политическая экономия*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Сталин, И. В. (1952). *Экономические проблемы социализма в СССР*. М.: Госполитиздат.

References

Istorija jekonomicheskoj mysli. Ch. 1. (1961) / pod red. I. D. Udal'cova, F. Ja. Poljanskogo. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Istorija jekonomicheskoj mysli. Ch. 2. (1964) / pod red. F. Ja. Poljanskogo. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Istorija jekonomicheskoj mysli. Ch. 3. (1970) / pod red. F. Ja. Poljanskogo. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1983). *Cena i stoimost' v uslovijah feodalizma: vlijanie gosudarstvennoj municipal'noj i cehovoj reglamentacii na cenoobrazovanie v jepohu feodalizma*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1975). *Jekonomicheskaja istorija zarubezhnyh stran: period imperializma (1870 — 1917 gg.)*: kurs lekcij. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1974). *Jekonomicheskaja mysl' Drevnej Grecii*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1972). *Jekonomicheskaja mysl' Drevnej Indii*: kurs lekcij. М.

Poljanskij, F. Ja. (1978). *Jekonomicheskaja mysl' Drevnego Rima*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1954). *Jekonomicheskaja istorija zarubezhnyh stran. Jepoha feodalizma*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1964). *Jekonomicheskie idei I Internacionala*. М.: Znanie.

Poljanskij, F. Ja. (1956). *Jekonomicheskij stroj manufaktury v Rossii XIII veka*. М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Poljanskij, F. Ja. (1977). *Kritika V. I. Leninym antimarksistskih jekonomicheskikh teorij*. М.: М.: Gospolitizdat.

Poljanskij, F. Ja. (1965). *Plehanov i russkaja jekonomicheskaja mysl'*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1973). *Socializm i sovremennyy anarhizm*. М.: Jekonomika.

Poljanskij, F. Ja. (1972). *Socializm i sovremennyy reformizm*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1969). *Tovarnoe proizvodstvo v uslovijah feodalizma*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja. (1980). *Voprosy politicheskoi jekonomii feodalizma: kurs lekcij*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Poljanskij, F. Ja., Anikin, A. V. (1979). *A. Smit i sovremennaja politicheskaja jekonomija*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Stalin, I. V. (1952). *Jekonomicheskie problemy socializma v SSSR*. М.: Gospolitizdat.

Vsemirnaja istorija jekonomicheskoj mysli: v 6 t. T. 1 (1980). MGU im. M. V. Lomonosova; gl. red. koll. V. N. Cherkovec i dr. М.: Mysl'.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. В. Дроздов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова / Университет МГУ-ППИ
(Москва, Россия / Шэньчжэнь, Китай)

УДК: 330.85; 94

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-9

Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ КАК ИСТОРИК НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье исследована историографическая концепция видного советского ученого, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1958–1982 гг. Федора Яковлевича Полянского. На основании текстуального анализа опубликованных им работ показано, что по многим важным вопросам экономической истории западноевропейского Средневековья и России периода генезиса капитализма Ф. Я. Полянский занимал самостоятельные позиции и отстаивал их в течение всей своей научно-педагогической деятельности. В результате исследования выявлены и охарактеризованы взгляды и выводы Ф. Я. Полянского по таким проблемам, как генезис феодализма, содержание феодального синтеза, конституирующие признаки феодализма, экономическая политика цехов в странах Западной Европы, роль товарного производства и закона стоимости в феодальной экономике, первоначальное накопление капитала в России, экономический строй русской мануфактуры. Сделан вывод о большом вкладе Ф. Я. Полянского в политическую экономию феодализма и об актуальности его работ для современных исследований в области истории народного хозяйства.

Ключевые слова: история народного хозяйства, крепостничество, мануфактура, натуральное хозяйство, политическая экономия феодализма, Ф. Я. Полянский, феодализм, цеховое ремесло.

Цитировать статью: Дроздов, В. В. (2025). Ф. Я. Полянский как историк народного хозяйства. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 159–175. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-9>.

¹ Дроздов Виктор Викторович — д.э.н., профессор, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: dro-viktor@yandex.ru, ORCID: 0009-0004-2071-653X.

V. V. Drozdov

Lomonosov Moscow State University /

Shenzhen MSU-BIT University

(Moscow, Russia / Shenzhen, China)

JEL: A10, N00, N13, N33

F. YA. POLYANSKY AS A HISTORIAN OF NATIONAL ECONOMY

The article examines the historiographical concept of a prominent Soviet scholar, Doctor of Historical Sciences, Professor, head of the Department of History of National Economy and Economic Studies at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in 1958–1982 Fyodor Yakovlevich Polyansky. Based on a textual analysis of his published works, it is shown that F. Ya. Polyansky occupied independent positions on many important issues of the economic history of West European Middle Ages and Russia during the genesis of capitalism and defended them throughout his scientific and pedagogical activity. The research reveals and characterizes the views and conclusions of F. Ya. Polyansky on such issues as the genesis of feudalism, the content of feudal synthesis, the constituent features of feudalism, the economic policy of workshops in West European countries, the role of commodity production and the law of value in the feudal economy, the initial accumulation of capital in Russia, the economic system of Russian manufacture. The findings underscore the great contribution of F. Ya. Polyansky to the political economy of feudalism and the relevance of his work for modern research in the field of the history of national economy.

Keywords: history of national economy, political economy of feudalism, natural economy, serfdom, manufacture, F. Ya. Polyansky, feudalism, guild craft.

To cite this document: Drozdov, V. V. (2025). F. Ya. Polyansky as a historian of national economy. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 159–175. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-9>.

На пути в большую науку

Федор Яковлевич Полянский (31 мая 1907 г. — 8 ноября 1983 г.) родился в деревне Тарасиха Удомельского района Тверской области. В 1930 г. он окончил Ленинградский педагогический институт им. А. Г. Герцена и с 1931 г. вел научно-педагогическую работу в высших учебных заведениях страны. Однако путь в большую науку открылся для него, когда в 1947 г. в сравнительно молодом возрасте он получил ученую степень доктора исторических наук, защитив диссертацию на тему: «Хозяйственный строй цехового ремесла».

По материалам успешно защищенной диссертации Ф. Я. Полянским была опубликована монография «Очерки социально-экономической по-

литики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв.» (Полянский, 1952)². Она сразу привлекла внимание медиевистов. В частности, на нее были опубликованы две рецензии в журнале «Вопросы истории» (Стоклицкая-Терешкович, 1953; Сюзюмов, 1953).

Другой работой, возвестившей о появлении в научном сообществе трудолюбивого и серьезного ученого, была монография Ф. Я. Полянского «Экономическая история зарубежных стран» (Полянский, 1954). Это было солидное учебное пособие по истории народного хозяйства для студентов экономических факультетов, освещавшее проблемы экономической истории³ и политической экономии феодализма. Предшественником Ф. Я. Полянского в создании фундаментальных учебных курсов по историко-экономическим дисциплинам был выдающийся русский и советский экономист И. М. Кулишер (1878–1933). В замыслы Ф. Я. Полянского входило создание цикла первоклассных учебных пособий по истории народного хозяйства, написанных с марксистских позиций⁴. Монография «Экономическая история зарубежных стран» открывала этот цикл.

В середине 1950-х гг. в научно-педагогической деятельности Ф. Я. Полянского начинается новый и весьма плодотворный период. К этому времени он уже заявил о себе как видный историк-экономист, специалист в области экономической истории западноевропейского Средневековья, публиковавший свои труды в первоклассных журналах и издательствах и смело отстаивавший свои научные взгляды в полемике с самыми авторитетными медиевистами.

В 1958 г. Ф. Я. Полянский возглавил кафедру истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, став преемником профессора И. Д. Удальцова, и оставался ее бессменным руководителем до 1982 г. За это время кафедра стала одним из ведущих центров историко-экономических исследований и историко-экономического образования в СССР и приобрела международную

² Результаты исследования, проведенного Ф. Я. Полянским в докторской диссертации, впоследствии воспроизводились и развивались в других его работах по экономике западноевропейского феодализма (Полянский, 1969; Полянский, 1980а; Полянский, 1983).

³ Ф. Я. Полянский не проводил различия между историей народного хозяйства и экономической историей. Поэтому в данной статье эти термины используются как равнозначные.

⁴ Во введении к рассматриваемой работе Ф. Я. Полянский отмечал, что «Лекции по истории экономического быта Западной Европы» И. М. Кулишера не соответствуют «основным требованиям марксизма-ленинизма», «носят преимущественно обзорный характер», а сам автор «по своим классовым позициям ... являлся буржуазным экономистом», который «в годы нэпа ... возрождал буржуазные концепции космополитического толка» (Полянский, 1954, с. 8, 9). Поэтому одну из своих задач Ф. Я. Полянский видел в том, чтобы «вступить в соревнование с Кулишером» и создать книгу, которая «с марксистских позиций осветила бы вопросы истории народного хозяйства зарубежных стран» (Полянский, 1956в, с. 126).

известность. Государство высоко оценило заслуги Ф. Я. Полянского в области научно-педагогической деятельности, и в 1961 г. он был награжден орденом «Знак Почета».

Основным учебным курсом, который Ф. Я. Полянский читал на факультете, была история народного хозяйства. Под его руководством защищали кандидатские и докторские многие его ученики, некоторые из них и сейчас работают на факультете (профессор Е. Ф. Авдокушин) и в том числе на кафедре ИНХиЭУ (зав. кафедрой, проф. А. Г. Худокормов, профессора В. В. Дроздов и Д. Н. Платонов). Работая на экономическом факультете, Ф. Я. Полянский получил широкие возможности для осуществления своих планов в области науки. Этому способствовали благоприятная научная среда, его высокий авторитет как руководителя кафедры, ученого, профессора, а также поддержка руководством факультета публикаций его научных трудов и учебных пособий.

Возглавляя кафедру, Ф. Я. Полянский придавал большое значение подготовке и изданию учебных пособий по историко-экономическим дисциплинам, многие из которых сохраняют свою ценность и сейчас. Большим достижением Ф. Я. Полянского и работавшим под его руководством коллектива кафедры была публикация учебных пособий по всем периодам экономической истории⁵. Что же касается медиевистики, то в центре внимания исследователя оказались вопросы политической экономии феодализма и истории генезиса капитализма в России. Ф. Я. Полянский продолжал отстаивать свои научные взгляды и критиковать концепции ведущих советских медиевистов в своих публикациях, но они относились к этой критике сдержанно⁶.

Концепция генезиса феодализма

Специальных работ по проблемам генезиса феодализма в странах Западной Европы и в России, у Ф. Я. Полянского нет. Практически все его исследования в области медиевистики посвящены анализу экономического развития в периоды зрелого феодализма и генезиса капитализма. Тем не менее концепция генезиса феодализма у него была, он придавал ей большое значение и формулировал ее в своих лекциях, в учебных пособиях по экономической истории и в монографиях.

Историки давно обсуждают вопрос о влиянии античного наследства (рабства, колоната, патроната, крупной земельной собственности и дру-

⁵ См., например: (Авдаков, Полянский (ред.), 1962; Полянский и др. (ред.), 1960; Полянский, 1961; Полянский, Жамин (ред.), 1971; Полянский (ред.), 1977; Полянский, 1980б; Полянский, Жамин (ред.), 1986).

⁶ Кроме трудов по экономической истории, Ф. Я. Полянский опубликовал ряд значительных исследований по истории экономической мысли и критике зарубежных экономических концепций. Их анализ в задачи данной статьи не входит.

гих институтов) на формирование феодальных отношений в Западной Европе. В той или иной степени эта дискуссия восходит к давним спорам между германистами и романистами, в современном варианте — к концепции континуитета между Античностью и Средневековьем. Советские историки также приняли участие в обсуждении этих вопросов, но главным образом в связи с разработкой марксистской концепции развития общества как естественно-исторического процесса смены общественно-экономических формаций в результате социальных революций.

Многие советские специалисты, изучавшие переход от рабства к феодализму в романизированных регионах Европы, отрицали возможность возникновения феодальных отношений в Римской империи IV–V вв., полагая, в частности, что признание такой возможности было бы уступкой романизму и эволюционизму. Особенно много споров вызывал вопрос об экономической природе колоната⁷.

Позиция Ф. Я. Полянского в этой дискуссии состояла в том, что колонат позволил вовлечь в орбиту феодальной эксплуатации огромные массы крестьянства, а не только рабов, его экономическая природа «явно феодальна» (Полянский, 1980б, с. 153; см. также с. 150, 152). По его мнению, крушение античной цивилизации было во многом предопределено тем, что позднеримская государственность «оказалась в противоречии с экономическим базисом империи, который стал уже феодальным» (Полянский, 1978, с. 339). Он же ввел в научный оборот термин римское «феодальное наследство» (Полянский, 1957, с. 24).

Ф. Я. Полянский в трактовке феодального синтеза исходил из своего положения о феодальности экономического базиса Позднеримской империи и всегда подчеркивал роль римского «феодального наследства» в развитии феодализма в романизированных странах (Полянский, 1954, с. 42, 99, 100, 134; Полянский, 1957, с. 10, 11; Удальцов, Полянский (ред.), 1961, с. 85; Полянский, 1980б, с. 155, 170). Он считал, что в этих регионах было два этапа феодализации: первичная (IV–V вв.), когда бессинтезным путем формировался «сервогенный феодализм», и вторичная, в процессе которой возникали формы «общинногенного феодализма». Таким образом, по его мнению, на территории Франции, Италии, Испании и Византии основным содержанием феодального синтеза был синтез «сервогенного феодализма» (прежде всего колоната) с общиной (германцев, славян), причем роль рабства была второстепенной. В нероманизированных регионах Европы феодализация шла по «общинногенному» варианту (Полянский, 1980б, с. 163, 169, 178; Полянский, 1957, с. 9; Полянский, 1980а, с. 128).

⁷ Обзор этой дискуссии со ссылками на ее материалы см. (Дроздов, 2019, с. 22–48).

Вопросы политэкономии феодализма

Значительная часть научного творчества Ф. Я. Полянского посвящена вопросам политэкономии феодализма.

Наиболее значимыми исследованиями Ф. Я. Полянского в этой области были «Товарное производство в условиях феодализма» (1969 г.), «Вопросы политической экономии феодализма» (1980 г.) и «Цена и стоимость в условиях феодализма» (1983 г.).

Лейтмотивом книги «Товарное производство в условиях феодализма» является критика концепции вотчинного капитализма, выдвинутой одним из лидеров «критического направления» в западноевропейской медиевистике австрийским историком А. Допшем и поддержанной советским академиком Д. М. Петрушевским⁸. Однако оппонентами Ф. Я. Полянского в рассматриваемой работе оказались не только А. Допш и Д. М. Петрушевский, но и другие авторитетные отечественные медиевисты, преувеличивавшие, по мнению автора, роль товарного производства при феодализме (М. А. Барг, Н. П. Грацианский, Е. А. Косминский, Б. Ф. Поршнев, В. В. Стоклицкая-Терешкович)⁹. Однако в центре полемики были все-таки работы Е. А. Косминского и М. А. Барга — ведущих специалистов по истории английского феодализма.

Так, например, в отличие от Е. А. Косминского, Ф. Я. Полянский считал, что «именно монастырское хозяйство ... дает нам классический пример феодального поместья, его натурально-крепостнической организации» (Полянский, 1969, с. 129). Признавая большие заслуги академика Е. А. Косминского в исследовании истории аграрного строя Англии в XIII в.¹⁰, он в то же время отмечал, что критика Е. А. Косминским «клас-

⁸ Д. М. Петрушевский в работе «Очерки из экономической истории средневековой Европы» характеризовал А. Допша «как одного из самых крупных представителей современной истории исторической науки» (Петрушевский, 1928, с. 81).

⁹ Нельзя не отметить, что жанр полемики был одним из самых часто используемых Ф. Я. Полянским в своих работах. Более того, полемика с оппонентами была его эффективным педагогическим приемом. Автору этой статьи довелось прослушать курс лекций проф. Ф. Я. Полянского дважды: студентом первого курса и будучи аспирантом. Лектор очень часто обращался к критике своих оппонентов, которыми были не только представители западной историко-экономической науки, но и советские медиевисты. Это заметно оживляло лекционный материал, хотя студентам не всегда была понятна излишняя резкость в оценках концепций ученых, исследовавших далекую от современности феодальную экономику.

¹⁰ Ф. Я. Полянский признавал, что исследования Е. А. Косминского (Косминский, 1947) «опираются на тщательное исследование уникальных документов по аграрной истории Англии», а анализ статистического материала «оказался очень тонким, изощренным, даже изысканным». Он соглашался с автором в том, что «нельзя утверждать, что вся Англия XII–XIII вв. была покрыта манорами, да еще крупными и обязательно с барщиной системой», что феодализация Англии была неполной, а денежные оброки получили распространение раньше, чем в других европейских странах. Не возражал он и против тезиса Е. А. Косминского, что совпадение манора с деревней не было типичным. Заслугой иссле-

сической теории манора» «идет слишком далеко». Исследователь «затерял проблему феодального способа производства и подменил ее проблемой деревни», а тезис Е. А. Косминского о господстве денежной ренты в Англии уже в классический период феодализма «весьма сомнителен». Делая такой вывод, Ф. Я. Полянский не без оснований указывает на то, что оценка переписчиками повинностей крестьян в деньгах не означает, что они «в самом деле выполнялись в денежной форме» (Полянский, 1969, с. 333, 334, 340).

Серьезной критике подверглась в рассматриваемой работе и книга известного советского историка М. А. Барга «Исследования по аграрной истории английского феодализма в XI–XIII вв.» (Барг, 1962). По мнению Ф. Я. Полянского, в ней «автор не избежал серьезных ошибок». Основные возражения Ф. Я. Полянского сводятся к тому, что автор «выдвигает на неподобающее место роль торговли и ее влияния», так что торговля «оказывается конститутивной чертой феодализма и даже более важной, чем вилланство, крепостничество». Признавая, что в монографии М. А. Барга содержатся «сложные и трудоемкие подсчеты, изощренный анализ документов, тотальные сопоставления», автор тем не менее делает вывод, что в целом эта работа «является серьезной уступкой буржуазной историографии» (Полянский, 1969, с. 384, 385, 387, 392).

Однако работа Ф. Я. Полянского «Товарное производство в условиях феодализма», на наш взгляд, представляет научную ценность не столько за критику допшианства, сколько за подробный анализ таких проблем, как особенности и противоречия феодального воспроизводства, его натурально-хозяйственные и крепостнические основы и ресурсы, экономические основы генезиса городов, экономическая природа средневекового города, цеховая регламентация ремесла, закон стоимости в условиях феодализма. Этот анализ по степени своей многоаспектности, документированности и детализации сохраняет свое научное значение и поныне¹¹. Его результаты найдут отражение в последующих работах автора, посвященных исследованию феодальной экономики с позиций политической экономии (Полянский, 1980а; Полянский, 1983).

Центральной темой данной монографии является обоснование натурально-хозяйственной концепции феодализма. «Две главных особенности экономики феодализма, — пишет Ф. Я. Полянский, — имеют ... ре-

дователя Ф. Я. Полянский считал также то, что он «поставил очень важный вопрос о роли дофеодальных пережитков в разложении феодализма и генезисе капитализма» (Полянский, 1969, с. 324, 330, 331, 332).

¹¹ В документальную базу анализа в данной работе входят такие источники, как королевские ордонансы, экстенды (описи) монастырских имений (картулярий Рамзейского аббатства, картулярий Глостерского аббатства св. Петра), цеховые уставы, содержащиеся в «Книге ремесел» Этьена Буало, документы по истории промышленности и торговли Франции, опубликованные Г. Ш. Фанье, полицейские предписания Нюрнберга и другие источники.

шающее значение: натуральность хозяйства и крепостничество как форма эксплуатации», причем крепостничество является «прямо конститутивной особенностью феодального способа производства», поскольку в нем «дана сущность феодальной экономики, так как феодальный способ производства и есть способ крепостной эксплуатации крестьянства» (Полянский, 1969, с. 51, 53; см. также: Полянский, 1954, с. 242).

Значительная часть монографии Ф. Я. Полянского «Вопросы политической экономии феодализма» (1980 г.) посвящена анализу взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на экономический строй Средневековья¹². К классикам марксизма апеллировали все советские медиевисты, находившие в их высказываниях подтверждение своих позиций. Ф. Я. Полянский в этом отношении не был исключением. Однако его заслугой было то, что он дал действительно полный систематизированный и в целом объективный анализ многочисленных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, встречающихся в разных работах. Этот анализ, на наш взгляд, имеет самостоятельное научное значение и является существенным вкладом в советскую историко-экономическую науку.

Одной из проблем, которая активно обсуждалась советскими историками и экономистами в 1960–1970-е гг., была проблема азиатского способа производства, переросшая в дискуссию об общественно-экономических формациях. Как известно, термин «азиатский способ производства» был введен К. Марксом, который усматривал в восточных обществах существенные особенности в сфере земельной собственности. Активного участия в этой дискуссии Ф. Я. Полянский не принимал. В то же время, оценивая позицию К. Маркса по вопросу об азиатском способе производства, он приходил к выводу, что «Маркс не находил абсолютной противоположности между феодальными системами Запада и Востока ... Маркс находил общие черты у восточного и западного феодализма. Поэтому нужно признать ошибочным мнение, будто Маркс считал восточный феодализм чем-то совершенно экзотическим. Он отмечал лишь особенности этого феодализма ...» (Полянский, 1980а, с. 54).

Много места в рассматриваемой работе Ф. Я. Полянского отведено анализу экономической природы феодального поместья (Полянский, 1980а, с. 139–203) и продолжена критика теории вотчинного капитализма (допущанства), начатая в монографии «Товарное производство в условиях феодализма» (Полянский, 1969). Автор на основе материалов, содержащихся в картулярии Глостерского аббатства (Англия), исследовал организацию производства в английских манорах и пришел к выводу, что роль обмена в экономике маноров была значительной, но не определяющей, а деньги за продаваемые продукты обслуживали отношения феодальной эксплуатации крестьянства.

¹² Рецензию на эту работу см. (Дроздов, Рачинский, 1983).

Одной из проблем, которую автор рассматривает в данной работе, является вопрос об особенностях воспроизводства при феодализме и его цеховых границах. Ф. Я. Полянский подчеркивает, что воспроизводство при феодализме было, как правило, простым, свободным от кризисов перепроизводства, «происходило на почве натурального хозяйства и крепостничества, а потому отличалось ограниченностью и медленностью развития». Его особенностью была расчлененность, так как оно «не было единым, всеобъемлющим, а распадалось на три потока» (воспроизводство в господском поместье, крестьянских дворах и в мастерских городских ремесленников) (Полянский, 1980а, с. 235, 236).

Принципиальный вопрос, который возникает при исследовании феодального способа производства с позиций политической экономии, является вопрос о его основном экономическом законе. Эта проблема многократно трактовалась в советской научной и учебной литературе 1950–1980-х гг. и, судя по публикациям того времени, среди историков и экономистов по ней был консенсус¹³.

По вопросу об основном экономическом противоречии феодализма исследователи были менее единодушны¹⁴. Что касается Ф. Я. Полянского, то, по его мнению, таковым было «противоречие двух форм собственности, которое было характерно для всех стадий развития феодального способа производства, но на каждой из них было своеобразным». В период раннего Средневековья основным противоречием был «антагонизм общинной и феодальной собственности», в классическое Средневековье — «противоречие между феодальной и мелкой собственностью «непосредственных производителей»» (Полянский, 1980а, с. 272; см. также: Полянский, 1969, с. 506).

В 1983 г. была опубликована работа Ф. Я. Полянского «Цена и стоимость в условиях феодализма». В ней автор сформулировал вывод о том,

¹³ В учебнике «Политическая экономия», опубликованном в 1954 г., «главные черты основного экономического закона феодализма» определялись как «присвоение феодалами для своего паразитического потребления прибавочного продукта путем эксплуатации зависимых крестьян на основе собственности феодала на землю и неполной собственности его на работников производства — крепостных» (Островитянов К. В. и др., 1954, с. 31). Весьма близкую формулировку основного экономического закона феодализма дает Б. Ф. Поршнев (Поршнев, 1956, с. 53, 57). Аналогичным образом его определяют авторы «Курса политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова (Цаголов и др., 1973, с. 122), Р. М. Нуреев (Нуреев, 1980, с. 271) и другие авторы.

¹⁴ Так, по мнению Л. И. Абалкина, «основное противоречие феодальной формации — противоречие между постепенным развитием производительных сил, углублением общественного разделения труда и узкими рамками феодальной собственности» и проявлялось оно «в противоречии между феодалами и крепостными крестьянами; углублением разделения труда и натуральной формой хозяйства; внеэкономическим принуждением и материальной заинтересованностью работника» (Абалкин, 1979, с. 188). Но, как правило, авторы ограничивались констатацией противоречий феодализма, не выделяя среди них основного (см., например: Цаголов и др., 1973, с. 122).

что уже при феодализме «начинается становление капиталистического процесса ценообразования с ... превращением закона стоимости в закон цен производства». Он признает, что натуральность хозяйства крестьянина не могла не оказывать влияние на пропорции обмена, но в то же время не исключала существование «трудовых пропорций», поскольку условия производства в сельском хозяйстве и ремесле были однородными.

В цеховой и муниципальной регламентации Ф. Я. Полянский правомерно выделял элементы, нейтральные по отношению к ценообразованию, и элементы, образующие «ценообразующую регламентацию». К первым он отнес предписания, касавшиеся внешнего распорядка производства, торговли, стандартизацию качества товаров, фискальные предписания, социальные предписания, запреты фальсификации изделий, административные статуты. Ко вторым — фиксацию цен, локализацию рынков решениями городских и цеховых властей, ограничения миграции рабочей силы, ограничения хозяйственной экспансии мастеров и купцов, фиксацию издержек производства, предписания против спекуляции, запреты на вне рыночную торговлю, регламентацию ограничений потребления (Полянский, 1983, с. 39–93).

На базе обширного исторического материала автором был сделан вывод о том, что закон стоимости «как закон социальной эволюции товарного производства и превращения последнего в капиталистическое ... встречал серьезные ограничения в господстве крепостничества, натурального хозяйства эпохи и в самом цеховом строе городского ремесла» (Полянский, 1983, с. 165).

Проблемы генезиса капитализма в России

Заметное место в научных исследованиях профессора Ф. Я. Полянского занимают генезис капитализма в России и история русской мануфактуры. Этим проблемам посвящены такие его работы, как «Экономический строй мануфактуры в России XVIII века» (Полянский, 19566), «Первоначальное накопление капитала в России» (Полянский, 1958) и «Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в.» (Полянский, 1960). В этих книгах автором введены в научный оборот обширные архивные материалы (в основном из фондов ЦГАДА и ЦГИАЛ, в которых хранятся документы Мануфактур- и Берг-коллегий), а также использованы многочисленные публикации других авторов, содержащие ценный фактический материал¹⁵.

¹⁵ Наиболее часто Ф. Я. Полянский ссылается на работы К. И. Арсеньева, Б. Б. Кафенгауза, Н. М. Дружинина, Е. И. Заозерской, Е. Ф. Зябловского, И. И. Игнатовича, Е. П. Карновича, А. А. Кизеветтера, П. И. Лященко, К. А. Пажитнова, И. Г. Прыжова, Н. А. Рожкова, В. И. Семецкого, С. Г. Струмилина, П. А. Хромова, М. П. Щепкина, А. П. Юдина, В. Н. Яковцевского.

В монографии Ф. Я. Полянского «Экономический строй мануфактуры в России XVIII века» сделан вывод о том, что устоявшееся в литературе деление мануфактур на казенные, купеческие, дворянские и крестьянские в зависимости от сословного статуса их владельца «не выражает особенностей экономического строя мануфактур разных категорий», так как «сословное положение владельца мануфактуры и экономический строй последней часто не соответствовали друг другу». Автор доказывает, что «по своему генезису русская мануфактура XVIII в. в основном была капиталистической» и «в этом отношении не было различия между Россией и Западом», но поскольку этот процесс происходил в условиях господства крепостничества, возникали феодализированные (посессионные) мануфактуры (Полянский, 1956б, с. 422, 448, 449, 450. См. также: Полянский, 1956а, с. 74–87).

Одним из самых значительных исследований Ф. Я. Полянского является монография «Первоначальное накопление капитала в России» (Полянский, 1958). В монографии на базе обширного документального материала представлена панорама экономической жизни Российского государства в XVIII–XIX вв. К числу основных выводов, сформулированных в этой работе, относится определение хронологических границ первоначального накопления капитала, которые, по мнению автора, в основном совпадают с периодом мануфактурного капитализма и конечной гранью эпохи первоначального накопления следует считать 1873 г., когда в России случился промышленный кризис (Полянский, 1958, с. 10, 11, 21, 157, 412).

В монографии Ф. Я. Полянского «Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в.» (1960 г.) проанализировано огромное количество архивных данных, содержится обширная историческая статистика, систематизированная и хорошо обработанная автором, что делает это исследование во многих отношениях энциклопедическим.

В последней главе, посвященной состоянию мелкой городской промышленности и ее значению для мануфактуры, вводятся в научный оборот материалы весьма ценного исторического источника из фондов ЦГАДА — «Экономических примечаний к планам Генерального межевания» по губерниям европейской части России. Их анализ позволил автору сделать вывод о том, что «мелкая промышленность русских городов XVIII века ... сыграла важную роль как в исторической подготовке, так и в самом развитии мануфактурного производства». Эти материалы доказывают несостоятельность широко распространенного в историографии тезиса об «указном» характере русской мануфактуры, развивавшейся только в новых отраслях и в связи с казенными поставками (Полянский, 1960, с. 188, 192).

Заключение

Данный обзор научных работ профессора Ф. Я. Полянского позволяет сделать следующие выводы:

1. Ф. Я. Полянский — один из выдающихся советских историков-экономистов конца 1940-х — начала 1980-х гг. Им опубликовано большое количество монографий и учебных пособий по истории народного хозяйства, отвечавших высоким стандартам научных исследований и историко-экономического образования в СССР.

2. В центре внимания Ф. Я. Полянского как исследователя находились проблемы экономической истории западноевропейского Средневековья и России эпохи первоначального накопления капитала, а также вопросы политической экономии феодализма.

3. Сильными сторонами научных работ Ф. Я. Полянского было сочетание локальных историко-экономических исследований с широкими обобщениями на материале ряда стран и регионов, а также политэкономический анализ на базе конкретных исторических материалов.

4. В начале своей научно-педагогической деятельности Ф. Я. Полянский поставил перед собой цель посоревноваться с И. М. Кулишером в области историко-экономических исследований и публикации учебных курсов. Удалось ли ему одержать победу в этом соревновании и «затмить» Кулишера? Скорее всего, нет. И. М. Кулишер был высокообразованным историком-экономистом. Он закончил престижную гимназию в Санкт-Петербурге, учился в университетах Австро-Венгрии и Германии, собирал материалы для научных исследований в зарубежных библиотеках. Свои самые значительные работы он писал до революции, не испытывая какого-либо идеологического давления. Что касается Ф. Я. Полянского, ему приходилось работать в условиях жесткой идеологии того времени, участвовать в идеологической борьбе, что не могло не сказаться на его трудах. То, что объединяет обоих ученых, — это исследовательский и педагогический талант, широкий исторический кругозор, огромное трудолюбие и преданность науке. Важно то, что Ф. Я. Полянскому удалось создать законченный цикл учебных пособий, в которых вопросы истории народного хозяйства (экономической истории) освещались с марксистских позиций, что отвечало потребностям преподавания этой дисциплины в советской высшей школе. Труды и того и другого ученого занимают почетное место в отечественной историографии.

5. Как отмечалось в нашем обзоре, Ф. Я. Полянский полемизировал не только с зарубежными историками, но и с известными советскими медиевистами. В задачи данной статьи не входил сколько-нибудь подробный анализ этих дискуссий, так как для этого понадобились бы специальные исследования и публикации. Но дело не только в этом. Нужно учитывать, что оппонентами Ф. Я. Полянского были действительно крупные и ав-

торитетные ученые. Обвинения оппонента в незнании и непонимании марксизма или в уступках буржуазной идеологии были обычными для того времени. Такие обвинения встречаются как в работах Ф. Я. Полянского, так и его оппонентов, но вряд ли они могли усиливать аргументацию. Однако главная трудность в квалификации позиций участников полемики состоит в том, что нередко она шла по вопросам, на которые дать определенный ответ невозможно. Например, какая феодальная рента преобладала в Англии в XII–XIII вв. — натуральная или денежная? Что считать производственной ячейкой при феодализме — поместье или крестьянское хозяйство? Можно ли считать крепостничество в разных его формах конституирующим признаком феодализма? И таких вопросов немало. Поэтому неудивительно, что и Ф. Я. Полянский, и его оппоненты остались на своих позициях. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. сложилась ситуация, когда Ф. Я. Полянский время от времени резко критиковал своих оппонентов, а они перестали ссылаться на его работы и, казалось, не замечали этой критики.

6. Значительная часть научно-педагогического наследства Ф. Я. Полянского сохраняет свою актуальность и в наше время. Большую ценность для специалистов в области экономической истории Средневековья представляют введенные им в научный оборот документальные и архивные материалы по истории западноевропейских цехов, английской мануфактурной системы, мануфактурного и мелкотоварного производства в России. Во многих отношениях уникальными являются его исследования по политической экономии феодализма (прежде всего таких проблем, как особенности и противоречия феодального воспроизводства, его натурально-хозяйственные и крепостнические основы и ресурсы, товарное производство и закон стоимости в условиях феодализма). До сих пор в преподавании историко-экономических дисциплин используются учебные пособия, опубликованные Ф. Я. Полянским.

7. Если говорить о рецепции экономических взглядов Ф. Я. Полянского в отечественной историко-экономической науке, то в сравнении с масштабами его научного творчества она была ограниченной. В значительной мере это связано с тем, что он работал на экономическом факультете, а его учениками были студенты-экономисты, научные интересы которых были связаны прежде всего с методологией политической экономии, современной экономической теорией, конкретными экономическими дисциплинами, а не с историей и экономикой феодализма. Тем не менее публикации, в которых развиваются идеи Ф. Я. Полянского в области медиевистики, есть¹⁶. Результаты научных исследований Ф. Я. Полянского нашли отражение в его лекциях и учебных пособиях по истории народного хозяйства и оказали влияние на формиро-

¹⁶ См., например: (Дроздов, 2019).

вание экономического кругозора многих выпускников экономического факультета МГУ.

8. Профессор Ф. Я. Полянский долгое время руководил кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ. Под его руководством она стала одним из ведущих центров историко-экономических исследований в нашей стране. Для сотрудников кафедры, аспирантов и студентов общение с таким незаурядным, не в меру скромным и обаятельным человеком, как Федор Яковлевич Полянский, всегда было нравственно ценным и возвышающим. Читая его книги и статьи, мы слышим голос талантливого человека, высказывающего и отстаивающего свои убеждения и выводы, до которых он дошел упорным трудом.

Список литературы

Абалкин, Л. И. (1979). Основное противоречие формации. *Экономическая энциклопедия Политическая экономия*: в 4 т. Т. 3 / гл. ред. А. М. Румянцев. М.: Советская энциклопедия, 188–189.

Авдаков, Ю. К., & Полянский, Ф. Я. (ред.) (1962). *Экономическая история капиталистических стран. Курс лекций*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.

Барг, М. А. (1962). *Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.* М.: Изд-во АН СССР.

Дроздов, В. В. (2019). Колонат: история и экономическая природа института. М.: Экономика.

Дроздов, В. В., & Рачинский, Ю. М. (1983). Итог многолетнего исследования экономики феодализма (Полянский Ф. Я. Вопросы политической экономии феодализма. Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980). *Вестник Московского ун-та. Серия 6. Экономика*, 1, 76.

Косминский, Е. А. (1947). *Исследования по аграрной истории Англии XIII века*. М. — Л.: Изд-во Академии Наук СССР

Нуреев, Р. М. (1980). Феодализм. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия*: в 4 т. Т. 4 / гл. ред. А. М. Румянцев. М.: Советская энциклопедия, 270–275.

Островитянов, К. В. и др. (1954). *Политическая экономия: учебник*. М.: Государственное изд-во политической литературы.

Петрушевский, Д. М. (1928). *Очерки из экономической истории средневековой Европы*. М. — Л.: ОГИЗ.

Полянский, Ф. Я. (1952). *Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв.* М.: Изд-во АН СССР.

Полянский, Ф. Я. (1954). *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Полянский, Ф. Я. (1956а). Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. *Вопросы истории*, 6, 74–87.

Полянский, Ф. Я. (1956б). *Экономический строй мануфактуры в России XVIII века*. М.: Изд-во АН СССР.

Полянский, Ф. Я. (1956в). Письмо в редакцию. *Вопросы истории*, 12, 126 – 128.

Полянский, Ф. Я. (1957). *Материал к лекции на тему «Феодальный способ производства»*. М.: [Б. и.].

- Полянский, Ф. Я. (1958). *Первоначальное накопление капитала в России*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.
- Полянский, Ф. Я. и др. (ред.) (1960). *История народного хозяйства СССР: курс лекций*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.
- Полянский, Ф. Я. (1960). *Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в.* М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я. (1961). *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я. (1969). *Товарное производство в условиях феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я., & Жамин, В. А. (ред.) (1971). *Экономическая история социалистических стран: учебн. пособие*. М.: Экономика.
- Полянский, Ф. Я. (ред.) (1977). *Экономическая история зарубежных социалистических стран (дореволюционный период): курс лекций*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я. (1978). *Экономическая мысль Древнего Рима*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я. (1980а). *Вопросы политической экономии феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я. (1980б). *Экономическая история капиталистических стран: курс лекций*. Вып. I. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я. (1983). *Цена и стоимость в условиях феодализма: Влияние государственной, муниципальной и цеховой регламентации на ценообразование в эпоху феодализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Полянский, Ф. Я., & Жамин, В. А. (ред.) (1986). *Экономическая история капиталистических стран*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Поршневу, Б. Ф. (1956). *Очерк политической экономии феодализма*. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Столклицкая-Терешкович, В. В. (1953). Рец. на книгу Ф. Я. Полянского «Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв.». *Вопросы истории*, 7, 158—162.
- Сюзюмов, М. Я. (1953). Рец. на книгу Ф. Я. Полянского «Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв.». *Вопросы истории*, 7, 162—166.
- Удальцов, И. Д., & Полянский, Ф. Я. (ред.) (1961). *История экономической мысли: курс лекций: в 3 т. Т. I*. М.: Изд-во МГУ.
- Цаголов, Н. А. и др. (1973). *Курс политической экономии: в 3 т. Т. I. Досоциалистические способы*. М.: Экономика.

References

- Abalkin, L. I. (1979). *The Main Contradiction of the Formation. Economic Encyclopedia Political Economy: in 4 vol. Vol. 3* / Ed. A. M. Rumyantsev. М.: Soviet Encyclopedia, 188—189.
- Avdakov, Yu. K., & Polyansky, F. Ya. (eds.) (1962). *Economic History of Capitalist Countries. Lecture Course*. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature.
- Barg, M. A. (1962). *Research on the History of English Feudalism in the 11th—13th Centuries*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.
- Danilov, A. I. (1957). Towards a Critique of the Dopshian Concept of the Early Medieval Patrimonial Estate. *The Middle Ages*, IX, 7—68.

Drozdoz, V. V. (2019). *Colonate: history and economic nature of the institution*. M.: Economy.

Drozdoz, V. V., & Rachinsky, Yu. M. (1983). The result of many years of research into the economics of feudalism (Polyansky F. Ya. Questions of the political economy of feudalism. Lecture course. Moscow: Moscow University Publishing House, 1980). *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy*, 1, 76.

Kosminsky, E. A. (1947). *Research on the Agrarian History of England in the 13th Century*. M. — L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences

Nureyev, R. M. (1980). *Feudalism. Economic Encyclopedia. Political Economy: in 4 vol. Vol. 4* / Ed. in Chief A. M. Rumyantsev. M.: Soviet Encyclopedia, 270–275.

Ostrovitianov, K. V., et al. (1954). *Political Economy. Textbook*. M.: State Publishing House of Political Literature.

Petrushevsky, D. M. (1928). *Essays on the Economic History of Medieval Europe*. M. — L.: OGIZ

Polyansky, F. Ya. (1952). *Essays on the Socio-Economic Policy of Guilds in the Cities of Western Europe in the 13th — 15th Centuries*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Polyansky, F. Ya. (1954). *Economic History of Foreign Countries. The Era of Feudalism*. M.: Publishing House of Moscow University.

Polyansky, F. Ya. (1956a). The Economic Structure of Manufacture in Russia in the 18th Century. *Questions of History*, 6, 74–87.

Polyansky, F. Ya. (1956b). *The economic structure of manufacturing in Russia in the 18th century*. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Polyansky, F. Ya. (1956c). Letter to the editor. *Questions of History*, 12, 126–128.

Polyansky, F. Ya. (1957). *Material for a lecture on the topic “The Feudal Mode of Production”*. M.: [B. and.].

Polyansky, F. Ya. (1958). *Primitive accumulation of capital in Russia*. M.: Publishing House of Social and Economic Literature.

Polyansky, F. Ya. et al. (eds.) (1960). *History of the national economy of the USSR. Lecture course*. M.: Publishing House of Social and Economic Literature.

Polyansky, F. Ya. (1960). *Urban crafts and manufacturing in Russia in the 18th century*. M.: Publishing House of Moscow University.

Polyansky, F. Ya. (1961). *Economic History of Foreign Countries. The Era of Capitalism*. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya. (1969). *Commodity Production under Feudalism*. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya., & Zhamin, V. A. (eds.) (1971). *Economic History of Socialist Countries. Textbook*. M.: Economics.

Polyansky, F. Ya. (ed.) (1977). *Economic History of Foreign Socialist Countries (Pre-Revolutionary Period). Lecture Course*. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya. (1978). *Economic Thought of Ancient Rome*. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya. (1980a). *Questions of the political economy of feudalism*. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya. (1980b). *Economic history of capitalist countries. Lecture course*. Issue I. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya. (1983). *Price and value under feudalism: The influence of state, municipal and guild regulations on pricing in the era of feudalism*. M.: Moscow University Publishing House.

Polyansky, F. Ya., & Zhamin, V. A. (eds.) (1986). *Economic history of capitalist countries*. M.: Moscow University Publishing House.

Porshnev, B. F. (1956). *Essay on the political economy of feudalism*. M.: State Publishing House of Political Literature.

Stoklitskaya-Tereshkovich, V. V. (1953). Review of the book by F. Ya. Polyansky "Essays on the socio-economic policy of guilds in the cities of Western Europe in the 13th–15th centuries". *Questions of History*, 7, 158–162.

Syuzumov, M. Ya. (1953). Review of the book by F. Ya. Polyansky "Essays on the socio-economic policy of guilds in the cities of Western Europe in the 13th–15th centuries". *Questions of History*, 7, 162–166.

Tsagolov, N. A. et al. (1973). *Course in political economy: in 3 vol. Vol. 1. Pre-socialist methods*. M.: Economica.

Udaltsov, I. D., & Polyansky, F. Ya. (eds.) (1961). *History of Economic Thought. Lecture Course: in 3 vol. Vol. 1*. M.: Moscow State University Publishing House.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. Григорьев¹

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 330.16

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10

МИР ПРОЩАЕТСЯ С УТОПИЯМИ — ПОРА ПЕРЕСМАТРИВАТЬ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

«Суха, мой друг, теория везде, А древо жизни пышно зеленеет»

Мефистофель (Иоганна Вольфганга Гете)

Сложившийся к началу XX в. массив социально-экономических теорий лег в неявном виде в основание Целей устойчивого развития ООН 2015 г. Фактическое мировое развитие пошло своим путем. Не были успешными попытки коллективными усилиями экономической политики вывести его на благоприятную всем траекторию. Кризис глобального управления и развитие геополитических конфликтов довели разочарование. Пора признать идею ЦУР как утопию, хотя весьма позитивную по намерениям. Реальное состояние и характер развития мира переживают различные кризисы, но пессимизм не должен вести нас к распространению чувства безнадежности. Человечество, надо полагать, не достигнет в нынешнем веке ни равенства межстранового и социального, ни климата планеты в пределах +1,5°C, ни благосостояния для всех и каждого из десяти миллиардов своих ожидаемых обитателей. Ни одна из радикальных целей, претендующих на главенство общественных теорий, не будет достигнута. И мечту об утопии также пора квалифицировать как утопию. Разумно признать то обстоятельство, что мы не вполне понимаем социально-экономические законы мира. Для создания в будущем реалистической программы мирового развития разумно начать программу, которую мы называем «критическим анализом теоретических основ Целей устойчивого развития». Без координации действий стран в согласованной логистике трудно рассчитывать на успех, как это показала декада развала глобального управления. И нужна проработка прикладных теорий экономики, ориентированных на координированное глобальное выживание.

Ключевые слова: утопии, мировое развитие, цели устойчивого развития, неравенство, теории роста.

¹ Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

© Григорьев Леонид Маркович, 2025

Цитировать статью: Григорьев, Л. М. (2025). Мир прощается с утопиями — пора переосматривать теории развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 176–205. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10>.

L. M. Grigoryev

HSE University (Moscow, Russia)

JEL: A14, B25, D63, F02, F63, O16

THE WORLD BIDS FAREWELL TO UTOPIAS: TIME TO RECONSIDER DEVELOPMENT THEORIES

By the end of XX century the constructed complex of economic theories was used as an implicit background under the Sustainable Development Goals of the UN 2015. In fact, the actual path of global development has moved along its own path. Collective efforts of economic policies to pull this path onto an attractive trajectory of well-being and sustainability were not very successful. Global governance crisis and evolving geopolitical conflicts had completed disillusionment. It is time to recognize the SDG idea as a quite positive by intentions but utopia. Actual condition and character of development have been undergoing different crises but pessimism should not drive us to a widespread hopelessness. Mankind — it appears — will not reach in this century either interstate or social equality, or stable climate with +1,5°C, or wellbeing for expected ten billion inhabitants of our planet. None of radical objectives of any social theories — pretending to dominate our thinking — will be achieved. And the very dream of utopia should be considered as a utopia. It is reasonable to recognize the fact that we do not fully realize global socio-economic forces. To create future realistic program of a global development it would be reasonable to initiate the program which we call “Critical analysis of the theoretical background of SDG”. As the decade of global governance destruction has demonstrated, no success can be expected without coordination of countries in the accepted logistic. The findings demonstrate the need for elaborating applied economic theories oriented towards a coordinated global survival.

Keywords: utopias, global development, sustainable development goals, inequality, growth theories.

To cite this document: Grigoryev, L. M. (2025). The world bids farewell to Utopias: time to reconsider development theories. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 176–205. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10>

Введение

Турбулентность — этим понятием мы классифицировали недавний период в жизни мировой экономики как до, так и во время пандемии COVID-19 и впоследствии во время связанного с ней кризиса (Григорьев, Паршина, 2022). Мы отмечали кризис «глобального управления», который отличается от «кризиса глобализации», активно обсуждавшегося.

Характер мировой дискуссии обычно смешивал и смешивает трудности в международной торговле, последствия пандемии, необычный характер антикризисных мер (особенно в США) и их последствия с нарушением взаимодействия по политическим установкам в действиях многих стран. В ходе событий 2008–2024 гг. мы имеем дело с экономическими кризисами, широкими колебаниями энергетических цен, снижением темпов роста Китая, все более заметным отставанием Евросоюза. Парижские соглашения по климату и Цели устойчивого развития ООН, одобренные в 2015 г., стали вершиной и завершением периода поиска единого движения к решению планетарных проблем. На короткий период мировому сообществу показалось, что у мира есть шанс на координацию и переход от разрозненных соглашений и деклараций к коллективным действиям, и были составлены Цели устойчивого развития ООН на базе набора более или менее понятных теорем социально-экономического развития, «принятых за основу». Был достигнут трудный компромисс по набору целей, формулировкам и индикаторам так, будто меры экономической политики должны были применяться в различных сферах, разными странами самостоятельно, но приводить к искомому позитивному результату. Хотя этот набор целей и сопутствующих идей далеко не идеален, но, по крайней мере, он не являлся догматической теорией с жесткой политической или религиозной основой. Недостаточно впечатляющие результаты реализации Повестки 2030 г., конечно, огорчают, но шансов у ЦУР так, как они сформулированы, было немного.

Мир негласно расстается с утопиями

К 2025 г. человечество достаточно далеко зашло в тупик, чтобы осознать: единственная общая разумная цель его может объединять — это понять свое развитие и понять, как действовать, чтобы выжить на планете. Речь идет не о только климате, хотя частота засух и торнадо растет. Это сложная задача, когда нас на планете быстро становится 10 млрд человек, весьма неравномерно разместившихся на каменистом объекте ограниченного размера в совершенно безвоздушном, холодном и темном Космосе. Выживать на этом объекте приходится при разрывах в благосостоянии в десятки раз («равенство» осталось лишь мечтой), множестве языков, неравномерном распределении воды и ресурсов (и собственно климатических условий). Различия культурных кодов только начали осознать как критический важный фактор (ограничивающий «братство»). Теперь пора подумать о более сложном определении под углом культурных кодов с историей, религией — примерно так, как это вышло у ряда народов, которые восстанавливали свою жизнь после вековых проблем.

Приходится констатировать, что идеологии вернулись для доминирования в политике после того, как удалось уйти от догматического марк-

сизма. Прекрасная идея добровольного координированного глобального развития в виде ЦУР ООН 2015 г. своими лозунгами объединила значительную часть элит и образованных людей мира. Его приняли правительства большинства стран мира, сделав его международной программой. Но и эта программа при внимательном прочтении и анализе практики потеряла бедных в пользу климата и заботу о равенстве — цель 10 сформулирована весьма неконкретно и ни к чему не обязывает (Григорьев, Меджидова, 2020). Все страны должны были сами выработать свои формулировки конкретных целей, наборы шагов, сроки реализации и двигаться вперед. Это была разумная идея по двум причинам: создавался прецедент координации, уважался суверенитет стран. Но программа претендовала на глубокое единое понимание устройства мира и его экономических и социальных механизмов, чего на самом деле не было, и просто поручала политическим элитам сделать то, «что они выбрали в данный момент».

Свобода выбора конфигурации страновой политики ЦУР казалась естественным форматом реализации проекта. Однако все участники находятся на разных стадиях развития и координировать надо совершенно различные конкретные цели в разные сроки стран с разными ресурсами и политической системой и ситуацией. Политика развития ограничена элитами через политическую корректность победителей последних выборов, причем с разной степенью жесткости в сегментах климата, социального неравенства, других спорных вопросах внутренней политики, включая и взгляды на человеческую эволюцию (гендерный прогресс) в ряде групп стран. Необходимость выигрывать выборы каждые несколько лет при расколотых электоратах создает неопределенность для инвестиционных процессов, которые рассчитаны по своей природе на десятилетия. При определенных успехах в реализации ЦУР достижения в общем ограничены едва ли не по всем пунктам, что выявилось при разработке доклада ООН 2023 г. (Глобальный доклад..., 2023). Мы не сможем пройти с критическим аудитом все 17 целей этого большого проекта, но нам будет достаточно проблемы климата (энергетики) и неравенства (межстранового и социального), чтобы определить степень успеха и проблем проекта.

Отчет ПРООН (UNEP, 2024) показывает, что наиболее явная и критически важная задача ограничения потепления климата в текущем веке не будет достигнута. Глубокий анализ причин и состояния дел уже имеется (Макаров, Шуранова, 2023). Трудности реализации проекта привели уже к фактической коррекции (или признанию нереальности) климатической и некоторых других программ. Правда, в этом большую роль сыграли даже не осознание нехватки ресурсов (особенно в развивающихся странах), невыполнимости задач в желательные сроки, а стагнация экономики в Евросоюзе и реванш Президента Дональда Трампа в США. Другие цели мы рассмотрим ниже, но важно осознать, что проект в его задуманных параметрах невыполним. Механизмы — блоки теорем работали иначе,

чем предполагалось, совместимость активной экономической политики не была обеспечена, политики разных блоков не были координированы, ресурсов было заведомо недостаточно.

Так что ЦУР может рассматриваться как утопия, которая не удалась («Цели Тысячелетия» были менее амбициозными), причем первая по социально-экономическим глобальным вопросам. Можно вспомнить и другие — менее практические. Рыцарский круг Короля Артура даже при содействии Волшебника Мерлина был «Рыцарской утопией», навеянной крестовыми походами в их идеальном (не практическом) воплощении. Это была попытка дюжины рыцарского, бескорыстно-аристократического спецназа решить проблемы справедливости в мире феодалов, пастушек, драконов и отрицательных баронов. Изобретенный Кретьеном де Труа («Эрек и Энида») рыцарский роман продержался века, хотя каждый отдельный роман обычно остается интересным на длину одной жизни Артура даже и с Мерлином. А сейчас, похоже, и того меньше. Это при том, что проблемы наслаиваются и навинчиваются друг на друга. Есть ощущение, что «мене — теке — фарес» (writing on the wall) мелькает 25-м кадром, но человечество не замечает, поскольку либо заседает, либо враждует! Так что наше поколение не первое подпало под обаяние утопии, но попытка всем вместе навести порядок в социально-экономических процессах — это крайне важная задача. Правда, теперь становится ясно, что дело не в единых привлекательных и важных лозунгах, а в глубоком понимании социально-экономических механизмов и в глобальной координации реалистической политики.

В «Махабхарате», если мы правильно понимаем идеи великой эпопеи, шла битва за исправление общей мировой кармы. Чтобы все это могло произойти, в дело вынужден был все время вмешиваться Васадева Кришну — бог и человек в одном лице. Дело шло туго, так что индивидуальные дхармы многих участников пострадали. Участвовал в битве весь известный тогда мир, но радикально исправить мир не удалось или удалось ненадолго. А сама идея исправления кармы мира представляется разумной, хотя хотелось бы без войны обойтись. В последующем идея установления глобального порядка (иногда исправления) появлялась либо как религиозная, либо как имперская, но так и не реализовалась без насилия и надолго.

Империи древних пытались насильственно насадить координацию на какой-то период времени. Греческие боги играли роль могучей олигархической касты с большими магическими мощностями. Порядок, ими установленный, был тверд и ясен — Зевсу можно все, остальным меньше на «линию» вплоть до человека. Ветхий Завет не слишком понятен людям вне веры двух религий, но главное — нельзя сомневаться и надо все выполнять. Римляне, похоже, поверили больше в Империю, хотя клялись Юпитером. А остальное у них было «платной» демократией, потом Империей для поддержания номенклатуры и расширения.

Рим продержался лет 500–600, но цена была высокой — разгром Этрусков, Карфагена, Коринфа, других центров цивилизации. Со временем перерастание размеров, освобождения граждан от налогов, дурное обращение с колониями — имперскими налогоплательщиками — и их довело до краха. Все же Риму, безусловно, спасибо за римское право, за дороги, распространение технологий и за сохранение копий разбитого ими греческого искусства (Григорьев, 2024).

Христианство пришло как огромный шаг вперед в гуманизме, особенно народами, осознанно принявшими веру. От христианства можно было бы ожидать мира и человеколюбия, объединения. Однако христиане распались на церкви, воевали не меньше (или больше) других религий за принципы, так и за территории и славу. И началась попытка создать идеальный — и одинаковый — мир на пространстве Европы плюс из того, «что удалось захватить» из территорий Римской империи. Раскололись несколько раз, достали друг друга, но мечами и пушками, кострами и инквизицией попытались добиться единообразия в символах веры, ритуалах, нормах. Плюс колонизация нескольких континентов — их рук дело, последствия которого еще будут действовать очень долго.

Так человечество и живет, время от времени хватаясь за меч, пытаюсь объединить через силу, чтобы воспрепятствовать инакомыслию, обеспечить некий идеальный мир. Тут появляются утопии, секты с идеальным порядком, мифы об идеальных государствах и общественных системах. Правда, после некоторого периода наслаждения миром, равенством, даже братством и в редких случаях свободой христиане все равно берутся за меч, чтобы обеспечить свою версию комбинации этих бесспорных достоинств. Марксизм предлагал единую концепцию, но реализовать ее не удалось. Пришел было либерализм, но и этот не удержался — объявил, что точно знает, как именно надо жить всем! А кто не хочет — тот реакционер... Он недавно почти победил «историю» на большом пространстве, но опять поднялись традиционалисты, консерваторы, диссиденты и просто бесчисленные любители жить по-своему.

Мультиполярность мира — это вопрос политики, отношений элит между собой, союзов и объединений, комплементарности ресурсов. А разнообразие мира — это больше вопрос культурных кодов, их разнообразия, нежели размеров масс и ресурсов. Если политическая мультиполярность — некое динамическое мировое равновесие (избегание гегемонии) с целью избегания войн и снижения накала прочих конфликтов, то разнообразию культурных кодов трудно помешать плодиться и размножаться. Естественно возникает вопрос о роли «взросления» общества (по стадиям), уровня развития (хоть ВВП), эволюции культурных кодов больших групп. Там еще спрятана матрешечная структура меньшинств, регионов и сложившихся групп. Особенно важны культурные коды высокоразвитых стран, которые несут просвещение, развитие и культурные коды всем, кого они считают

обделенными. Конфликты вокруг борьбы традиций с пересаживанием кодов в массовом порядке — это вопрос насилия против ассимиляции меньших групп, оказавшихся промыслом истории в зависимости! И тут возникает проблема «срока давности» — до какой глубины в истории страны и народа — тот или иной код — это принятый прогресс, а до какой — культурный код (Григорьев, Майхрович, 2023).

Но этого мало: нации, языки, религии, — еще и социальное неравенство живет, динамично развивается, пересекается с другими группами. И всем группам, слоям, стратам обещана справедливость, но иерархии различны. Изначально у французов в XVIII в., когда король с аристократией их довели до Великой революции, свобода, равенство, братство продержалось несколько лет, а потом посредством гильотины скатилось в империю и масштабную экспансию. Правда, Кодекс Наполеона — очень полезная вещь, как когда-то Кодекс Юстиниана.

В результате свободу все воспринимают по-своему, братство (скорее дружба или дружба по оружию) иногда возникает как бесценный редкий культурный код. А вот с идеей равенства, похоже, приходится расставаться как с реалистичной целью — какая хорошая была мечта! Планы выравнивания уровней развития стран, социальных слоев не реализуются практически нигде. Но ни из одного документа в мире цель выравнивания не убрана. И наконец, заметим, что очень редко при обещании выравнивания дают горизонт достижения этой славной цели. Наше поколение уже точно не будет жить при коммунизме. Пожалуй, стоит спокойно признать, что разнообразие мира скорее увеличивается, все больше групп, осознающих свою уникальность и предъявляющих права на своеобычность, самоуправление, защиту своих культурных кодов, как древних, так и недавно сочиненных. В ближайшие полвека никому не удастся достичь или навязать единообразие культурных кодов, уровней жизни, религии и даже налогообложения. Будущее мира зависит от взаимной терпимости, компромиссов, обеспечения прогресса различным группам стран и народов — хоть понемногу, но надежда нужна всем.

Внутри общего процесса поиска или мечтаний о гармоничном обществе будущего (звучит уже достаточно утопично) есть несколько теорем нобелевских лауреатов, которые лежат в основе ЦУР, но как бы по умолчанию. Это теорема Роберта Солоу (Solow, 1956) о конвергенции уровней развития стран в процессе экономического роста. Весьма популярна работа Саймона Кузнеца (Kuznets, 1955) — он предположил «зонтное движение» социального неравенства: увеличение, перегиб и снижение. Восхищаясь обоими Нобелями, надо признать, что практически реализации этих теорем нет — есть некоторые расчеты и результаты, которые обсуждаются исследователями (Майхрович, 2025). Новый рост социального неравенства в развитых странах идет примерно с 1980-х гг. — спасибо Томасу Пикетти (Piketti, 2014), но оно не убирает обеих теорем из учебников. И тут же есть

актуальная пара проблем: как рост не порождает демократию и как демократия не порождает рост, а также какую роль играет в этой истории популизм. Так что остается гордиться снижением абсолютной бедности в мире, хотя случилось оно благодаря усилиям в Китае и в Индии в основном.

Д. Трамп и его действия не открыли новых противоречий или слабостей глобализма и идеологии прогресса. Но он вывел критику ситуации, которая шла от левого крыла (бедность и неравенство), традиционного крыла (ценности), к самоанализу в центре в связи с явным концом этой повестки дня на 2025 г. в США. Признать необходимость пересмотра подходов согласны, похоже, все. Вопрос в том, как далеко простирается это осознание. Готовы ли многие лидеры от политики, академии и общественного мнения только «подкрутить» соглашения, приспособиться к Д. Трампу и держаться за парадигму прогресса в сложившемся отвердевшем варианте? Заметим, что в практическом плане фрагментация взглядов, национальных интересов и оценки будущего практически достигла стадии распада прежнего. Действия крупных игроков (США — Трамп-2025) уже разваливают даже те локальные равновесные системы и ситуации, которые еще не были явно под ударом вчера (в 2024 г.). Похоже, это еще несколько щелчков по домино в разных частях большого многомерного пространства, заставленного бесконечными узорами из домино.

Трудно даже ставить вопрос о корректировке «парадигмы развития», чтобы она учитывала многообразные интересы акторов, отсутствие идеологического единства мира, социальную необходимость компромиссов и коллективных действий, несовершенство экономических механизмов, как принято их понимать, и, конечно, иные временные горизонты решения глобальных проблем. Напомним, что с ростом благосостояния социальные акторы сближаются по характеру потребления товаров и услуг, но все больше углубляются в свои культурные коды (додумывают, если не хватает). Мировое разнообразие народов и языков не исчезает, так что рассчитывать в нашем веке на унификацию не нужно — скорее надо уважать различия и дать всем уверенность в таком уважении. К этому драматическому компендиуму приходится добавить необходимость критического анализа теоретических основ целей устойчивого развития, понимаемого как комплекс теорем по функционированию экономических механизмов, на которые предполагалось воздействовать мерами экономической политики. Набор простых целей, разнесенных на группы, программы 2015 г. не справился со сложностью решения общей задачи — нужно осмыслить внутренние слабости концепции и попытаться предъявить более или менее работоспособный набор механизмов развития и выживания планеты и мирового сообщества. Но на него еще должны согласиться элиты, и акцептовать все те массы людей с разными интересами и разным распределением во времени (и интенсивности) предполагаемых выигрышей (уступок или компромиссов).

Глобальные реалии

Идеи ЦУР ООН 2015 г. были десять лет удобны тем, что про них все знали, правительства множества стран их подписали, по ним разработаны цели и планы компаний. Страновые цели оказались не слишком координированы, механизмы достижения намеченных индикаторов могут быть не стыкованы изначально и расходиться за счет неравномерности развития (Бобылев, Григорьев, 2021). Мы много писали о том, как и насколько расходится процесс реализации «Повестки-2030» и реалии с целями. Поэтому пройдем несколько принципиальных положений ситуации в мире. Мы с профессором С. Н. Бобылевым предлагали в своей работе 2021 г. установить оценки, измерители и умеренные цели в рамках ЦУР-10 и создать реалистичную картину мира. Дело в том, что цель 10 — снижение неравенства, хотя сформулирована весьма обще, может служить критически важным измерителем успехов развития и перспектив мирового сообщества, поскольку представляет собой комбинацию демографической динамики, социальной неоднородности и общих темпов роста. Фактор времени еще более важен для «срока давности» изменения названий, границ, претензий... культурных кодов, захватов территорий. Никакие расчеты не обнадеживают в отношении сближения стран мира в ближайшие два поколения, но надо иметь ясную текущую картину.

Таблица 1 дает обновленную картину диспаритетов по уровню ВВП на душу населения среди 157 государств мира за 1992–2023 гг. (Григорьев, Паршина, 2013). Все основания, литература и разъяснения для данной таблицы даны в учебном пособии 2022 г. (Григорьев, Павлюшина, 2022). В кластерах страны размещены по ВВП по ППС 2021 г. на душу населения: рамки приведены в Приложении 1, они сдвигались с 1992 до 2023 г. с темпом роста ВВП на душу мира (но без учета Китая).

Для целей нашего изложения важно, что за 70 лет с работы Р. Солоу конвергенция не состоялась, хотя поиски ее следов с помощью эконометрики не прекращаются. У стран с ВВП по ППС ниже 5 тыс. долл. шансы быстро преодолеть разрывы не слишком велики (Григорьев, Майхрович, 2023). Поиски конвергенции по Р. Солоу были продолжены таким видным экономистом как Р. Барро, однако наличие в уравнениях «правильных коэффициентов» указывает только на некий эффект. Добросовестная проверка проблемы проведен М. Я. Майхрович, но эффект очень слабый (Майхрович, 2025). По табл. 1 можно констатировать, что мир в целом развивается, есть шанс на будущее уйти от абсолютной бедности, но не решить вопрос об огромных разрывах в развитии.

Таблица 1

**Динамика душевого ВВП (ППС 2021) по кластерам (157 стран),
1992–2023 гг.**

	1992			2000			2008			2010		
Номер кластера	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС
1	33	0.85	44.6	36	0.91	50.9	41	1.16	55.5	40	1.18	54.8
2	14	0.34	19.6	17	0.43	20.4	19	0.38	23.7	21	0.40	23.9
3	22	0.52	12.3	21	0.48	12.9	17	0.50	15.7	17	0.59	15.7
4	28	0.43	7.6	27	0.55	8.0	29	1.96	9.7	30	2.00	9.8
5	31	0.58	3.6	31	3.12	3.8	24	2.06	4.5	24	2.06	4.4
6	21	2.35	1.8	13	0.14	2.0	19	0.23	2.3	17	0.21	2.3
7	8	0.16	1.0	12	0.25	1.1	8	0.22	1.2	8	0.23	1.3
Всего	157			157			157			157		
	2019			2020			2022			2023		
Номер кластера	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС
1	36	1.03	63.4	40	1.30	57.3	41	1.30	61.6	41	1.31	62.7
2	19	0.41	33.2	18	0.25	26.6	19	0.26	29.2	20	0.26	29.7
3	16	0.52	20.5	25	2.18	16.8	24	2.19	18.0	23	2.20	18.3
4	32	2.27	13.8	27	2.38	10.3	26	2.42	10.9	25	2.40	11.3
5	24	2.48	6.6	25	0.88	5.0	25	0.89	5.1	26	0.94	5.3
6	20	0.32	3.2	14	0.27	2.6	13	0.29	2.7	13	0.30	2.8
7	10	0.36	1.7	8	0.22	1.4	9	0.25	1.5	9	0.26	1.5
Всего	157			157			157			157		

Источник: составлено по (Всемирный банк, 2024).

В 1990-х гг. распад социалистического лагеря, СЭВ, СССР и Югославии вызвал огромный региональный кризис, намного сильнее угрозы торговой войны 2025 г. Этот кризис имел, разумеется, трансформационную составляющую, так что 2000—2023 гг. вполне могут рассматриваться как адекватный полигон для проверки идеи и прикладных результатов. Разумеется, за послевоенный период развитые страны шагнули вперед в технологическом развитии, благосостоянии; продвинутые развивающиеся страны, особенно Китай, Республика Корея решили проблему абсолютной бедности, которая вообще заметно снизилась. Однако успехи человечества надо оценивать и от теории, и от современных проблем и задач.

В терминах ЦУР 10 задачу конвергенции и ослабления межстранового неравенства в конкретных параметрах не удалось даже поставить. Показатели средних уровней ВВП на душу населения (шагом сверху вниз) от кластера к кластеру повышаются, близким к удвоению. Даже абсолютная разность между уровнями 1-го и 2-го кластеров не сокращается (более 33 тыс. в среднем). При этом 1-й кластер за эти годы пополнили нефтяные экспортеры, и размер отрыва от 2-го кластера остается на протяжении текущего века равен среднему уровню ВВП на душу 2-го кластера. Перескочить «через пропасть» между кластерами сумели несколько стран своими уникальными путями. Доклад МБРР 2024 г. (несколько поздновато) посвящен поиску теорий преодоления «ловушки среднего уровня развития» в мировом развитии (World Development Report, 2024), но неясно, как большая часть человечества станет расти быстрее и, особенно, выравниваться в развитии. Так что пока табл. 1 может рассматриваться как достаточно устойчивая страновая структура мировой экономики. Внутри 1-го кластера разыгрывается «межатлантическая конкуренция» (Григорьев, Ляхова, 2025). Страны БРИКС (если взять даже пять первых участников) растянуты по таблице от Индии в 4-м кластере, Бразилии и ЮАР в 3-м и Китае во 2-м, а РФ — в 1-м кластерах, решая довольно сходные задачи догоняющего развития, но с весьма разным социально-экономическим уровнем. Для стран БРИКС, с их различиями, контрастами благосостояния впереди трудные задачи развития. Как отмечают Отавиано Кануто и Бруно Сарайва, что стало бы перспективным для этой группы: «Обещающим путем были бы защита и укрепление мультиполярности при поддержке кооперации по проблемам и такими путями, которые не усиливают поляризацию или глобальный конфликт» (Canuto, Saraiva, 2025, р. 7). Рассчитывать на вложения финансовых ресурсов развитых стран в развивающийся мир не приходится. БРИКС должен будет развиваться на свои средства и стремиться развивать свои технологии в эпоху протекционизма и санкций.

Практически табл. 1 охватывает весь развитой мир, но не только его, не забудем, что существует еще порядка 60—70 стран, сюда не вошедших. Всемирный банк в 2024 г. выпустил доклад “The Great Reversal”, кото-

рый показал, что в 2020-х гг. наименее развитые страны стали отставать от более развитых. Более того, МВФ в своем обзоре в апреле 2024 г. показал, что рост ВВП этой группы стран в 2020-х гг. шел за счет увеличения приложения труда и капитала, но общая факторная производительность не увеличивалась. Внизу мировой лестницы душевого ВВП картина не веселая. Принципиально важно отметить, что позади десятилетия бюджетных дефицитов в развитых странах, помощи развитию, затрат на преодоление финансового кризиса 2008–2010 гг., колебаний цен на энергию. Мир подошел к такому уровню задолженности государств, бизнеса и населения, что нереально рассчитывать на долговое финансирование решений крупных мировых проблем (Global Debt Report, 2025). Передача официальных ресурсов на развитие идет трудно, хотя работают каналы поддержки для наименее развитых стран. Некоторый успех по снижению абсолютной бедности в мире сопровождается заметным ростом относительного неравенства между странами и внутри стран. Представители науки, в частности экономисты и социологи, предложили бы (такое было раньше), естественно, сократить растущие военные расходы и направить ресурсы на решение глобальных проблем. Но эта естественная идея вряд ли встретит немедленный положительный отклик политиков в эпоху ослабления геополитических проблем.

В середине таблицы крупные страны БРИКС делают максимум возможного по догоняющему развитию, хотя результаты далеко не одинаковые. Население Индии продолжает расти и подушевые показатели страны (9 тыс. долл. ППС — 4-й кластер) увеличиваются. Россия после тяжелейшего кризиса переходного периода вышла в 1-й кластер (40 тыс. долл. ППС). Это является отличным результатом, особенно с учетом упущенных возможностей реинвестирования нефтяной ренты в свою экономику вместо вывоза ее как частного капитала. Бразилия сделала замечательный шаг вперед в начале 2000-х гг. при первом сроке Президента Лулы да Силвы (сейчас 15 тыс. долл. ППС). Далее рост шел с определенными препятствиями, но потенциальные возможности страны огромны.

Китай смог пройти путь от уровня в 1,7 тыс. долл. ВВП ППС на душу населения (при доле абсолютной бедности в 95%) в 1992 г. до выдающегося результата в 22 тыс. долл. на душу по ППС в 2023 г. Этот результат был достигнут с помощью удивительной комбинации трудолюбия народа, использования либерализации хозяйственной деятельности внутри страны и в мире, но и при огромной роли планирующих органов, что мы показали в своей работе (Григорьев, Жаронкина, 2024). Китайское руководство смогло найти динамическое решение для совместных экономических и социальных преобразований. Рынок был сделан практически за одно поколение в 33 года, не допустив разрыва между ростом уровня благосостояния и образования. И все эти годы поддерживался невероятно высокий уровень нормы накопления в ВВП — примерно в 40% ВВП. Это означало

в частности, что рост личного потребления шел с лагом от формирования инфраструктуры и мощностей промышленности. Повторение такого пути на протяжении трети века в другой стране выглядит очень сложным.

Проблема «ловушки среднего уровня развития» еще требует своего аккуратного решения. Новый доклад Всемирного банка по этому вопросу в 2024 г. показал некоторые параметры проблемы. Но мы здесь хотели подчеркнуть, что для стран перейти в более высокие кластеры табл. 1 получается с трудом. Заметим также различия в определениях «середины» у нас и у Всемирного банка. Мы могли согласиться, что речь идет о 4-м кластере, верхней части 5-го кластера, нижней части 3-го кластера — округленно в пределах 10–20 тыс. долл. на душу. Всемирный банк относит 108 стран к категории «*со средним уровнем дохода*», т.е. ВНД на душу населения страны составляет от 1146 до 14 005 долл. (World Development Report, 2024, табл. P1.1, p. 31). Это огромное различие в самом понимании «среднего уровня» развития. Среднеразвитые страны с уровнем дохода в 9–14 тыс. долл. в этом подходе — это страны Центральной и Восточной Европы, ведущие страны Латинской Америки, которые в табл. 1 занимают вполне достойное место во 2–3-м кластерах.

Наверху мировой иерархии развития находятся в основном страны Европы и Северной Америки, которые оторвались в развитии от остального мира еще до Первой мировой войны. Они не однородны и имеют высокое социальное неравенство. Выше уровня в 37 тыс. долл. ВВП ППС на душу населения (табл. 1 — порог входа в 1-й кластер) живет на 2023 г. 41 страна с населением 1,3 млрд человек, внутри которых еще вполне много бедных. В общем задача человечества на ближайшие десятилетия довольно проста — вывести большинство населения выше уровня хотя бы входного порога в 4-й кластер в 7,4 тыс. долл. (треть от пропускной нормы во 2-м кластере). Это амбициозная задача, хотя далеко отстает от фактического успеха Китая. Сейчас руководство Китая поставило задачу выхода примерно на 35 тыс. долл. на душу к 2035 г., что уже совсем близко к 1-му кластеру развитых стран. Так что масштабы относительного неравенства, вероятно, сохранятся на ближайшие полвека, а проще сказать, до конца XXI в. — горизонта, который появился в связи с расчетами потепления климата.

К сожалению, даже среди высокоразвитых стран счастливого «постиндустриального общества» без серьезных социальных проблем и политических разногласий практически не наблюдается. Наверное, можно выбрать дюжину сравнительно развитых стран, обычно небольших и с этнически однородным населением (что снижает трения и расходы), которые продолжают развитие без значительных социально-экономических проблем и социально-политических кризисов. Но выйти на такой уровень стабильности экономики, социальной сферы и политической системы и практики сложно. Мы наблюдаем в развитых странах не социально-политический

«штиль», а обострение различий культурных кодов, сложности положения меньшинств и миграции, усиление осознания социальной несправедливости и фрагментации общества в развитых странах, включая США и Евросоюз. Это явно снижает ожидания и надежды следующих когорт стран, догоняющих по уровню на достижение такого этапа, в котором нет острых проблем общественной жизни. На наших глазах исчезают утопии или их приход откладывается на пару поколений.

В развитых странах (1-й кластер) — в США и ЕС — также нет «постиндустриального покоя». Политические системы фрагментируются со смещением в края спектра и вымыванием центристских сил и партий. Партийные комбинации, которые реконфигурировались, но оставались привычными и понятными, стали разрушаться еще до кризисов COVID-19 и геополитики. Раскол идет по линиям, которые отражают гибридные программы в социальной сфере, роли и положению меньшинств и мигрантов, культурных кодов в сфере гендерной политики, условно различаемых как консервативные и «прогрессивные». За этими различиями стоят социальное неравенство по доходам и ограниченные возможности перераспределения налоговых ресурсов для выравнивания потребления.

Постиндустриальное развитие стало объектом озабоченности в США и ЕС в связи с потерями промышленной базы, занятости и некоторых слоев среднего класса. Применительно к Евросоюзу вместо постиндустриальной интеграции обнаружилось неравномерное развитие внутри блока (отставание группы средиземноморских стран от Германии). Торможение роста ЕС принципиально связано с несовершенством институционального пространства Союза по сравнению с США и Китаем. Успех интеграции «старого союза», расширение разнообразия внутри блока принесли пользу новым восточным членам, создали вполне нормальную систему, но уступающую — в плутарховском анализе — внутренним условиям ведения бизнеса в США (Григорьев, Ляхова, 2025). Раскол и шатания электората, жесткая ограниченность ресурсов затрудняют принятие решений по долгосрочным проблемам стран и всего мира. Вывод напрашивается простой — конкуренция между идеологиями, применение административных средств подавления инакомыслящих, медленный рост: динамика роста и неравенства по кластерам в табл. 1 — это новая нормаль для мира. Мы используем ЦУР-10 по неравенству как микроскоп для анализа более широких проблем развития, поскольку тут учтены и демографический рост, и внутреннее социальное неравенство, но не полагаемся на эту теорему сближения при прогнозировании и в ЦУР ООН.

Применительно к развитым странам известная и частично описанная выше ситуация социально-идеологических конфликтов при огромной неравномерности межстранового и социального неравенства толкает нас на предложение объявить ее «ловушкой богатства». Есть ловушки бедности,

среднего уровня, незавершенной интеграции, тогда вполне возможно достроить пирамиду ловушек еще и на богатстве. Но более аккуратное развитие этой идеи мы отложим на следующую работу.

Мы не можем в короткой работе дать развернутый аудит состояния экономики и теории (Григорьев, 2024) — мы очень сжато сделали это в выступлении на Ломоносовских чтениях на Экономическом факультете МГУ 11 апреля под названием: «Глобальные ловушки: почему Ахиллес никогда не догонит черепаху». Но мы полагаем, что идея ловушек на пути развития в самых разных областях является разумным подходом, который снимает необоснованные ожидания, что те или иные вполне разумные шаги по решению социально-экономических проблем стран и всего мира выводят мир, общество, элиты в состояние «равновесия» или «бесконфликтного развития». Неравномерность межстранового развития, замедление роста в целом, ограниченность ресурсов для решения глобальных проблем играют определяющую роль комплексных тяжелых ограничений.

В развитых странах проблема неравенства — это еще и конкуренция между «своими и чужими» бедными. Задачи борьбы с абсолютной бедностью, сохранения климата планеты требуют как текущей поддержки потребления для бедствующих групп, так и инвестиций в формирование инфраструктуры. Мы в течение длительного времени показывали, что доля 10-го дециля как наиболее адекватная мера неравенства по доходам может служить (до и после налогов) показателем состояния социального неравенства. На этот счет есть глава 14 в нашем учебнике 2022 г. (Григорьев, Павлюшина, 2022). В недавней работе мы показали устойчивость социального неравенства в Евросоюзе, до и после уплаты налогов (Григорьев, Васильева, 2025). Практически мы можем вычислить по странам в табл. 1 те состоятельные 20%-е группы высокоразвитых и среднеразвитых стран, у которых определенные квинтили (в основном 4-е и 5-е наиболее развитых стран) имеют доход выше определенного уровня (примерно соответствует порогу в 37 тыс. долл ВВП по ППС), образуя некий обширный слой благополучных жителей планеты по личному потреблению. Но на другом конце гауссовского распределения мирового населения находится огромный слой очень бедных на планете (порядка 700 млн человек, живущих на уровне ниже 2,15 долл. в день).

Период 2020–2024 гг. показал, что элиты больше беспокоятся о безопасности (в самых разных смыслах), чем о долгосрочных решениях. Разумеется, были предприняты существенные усилия по проведению реформ для ускорения энергоперехода. Этому посвящена огромная литература, но вкладывать в развивающиеся страны надо гигантские суммы. И мы понимаем, что к 2100 г. потепление, видимо, составит порядка 2,5°C, так что мир должен одновременно с усилиями по митигации переходить к дорогостоящей и непривлекательной для частного сектора адаптации.

Здесь различия между странами по уровню благосостояния будут играть огромную роль. Разные скорости демографических изменений по странам будут связаны как с естественными процессами. Впереди неравенство доходов уже среди 10 млрд жителей Земли, плюс технологическая революция с участием ИИ также входит в жизнь состоятельных слоев населения и расходится по социальным стратам в соответствии с доходами. Практически большая часть целей устойчивого развития ООН — это расходные статьи при бюджетных ограничениях.

Общие институциональные цели не имеют четкой обрисовки, остаются предметом научных и политических дискуссий. А вот существующие институты (особенно собственности), обеспечивающие производство, распределение и перераспределение доходов, достаточно устойчивы, увязаны с интересами элит и не меняются сколько-нибудь быстро и радикально (кроме трансформации постсоциалистического пространства). В данном случае нам важно зафиксировать, что и «зонтик» С. Кузнеця практически «не работает» 70 лет. Ригидность социального неравенства можно считать параметром нормы нашего времени. Идет также фрагментация общества, растет роль меньшинств и мигрантов, так что реальная ситуация, разумеется, более сложная, чем просто высокая (часто 30%) доля 10-го дециля в доходах и расходах (после перетока налогов). Т. Пикетти указывал на необходимость действий по снижению социального неравенства.

Нельзя сказать, что политики (элиты) и образованные слои общества не сознают или не ощущают тревожности ситуации в мире. Бреттон-Вудские институты все более откровенно показывают трудности развития, риски, ловушки и угрозы. Отметим Берлинскую декларацию мая 2024 г., выдвинутую группой известных экономистов (табл. 2).

Таблица 2

**Выдержки из Берлинской декларации с нашими комментариями
(выбор и нумерация наши)**

Перевод	Комментарии
(1) «Смена фокуса политики и институтов с цели экономической эффективности на совместное (социально) процветание и обеспечение квалифицированных рабочих мест»	Потребуется смена целей больших компаний, системы налогообложения в пользу <i>квалифицированного труда в развитых странах (!)</i>
(2) «Развитие промышленной политики для проактивного решения неизбежных региональных потрясений путем поддержки новых отраслей и перехода к инновациям в создание богатства (благосостояния) для многих»	Внутри развитых или глобальных регионов? Новые отрасли после обеспечения базисных потребностей или это лишь в развитых отраслях. Для «многих» это не «создание», а «использование» инноваций...

Перевод	Комментарии
(3) «Обеспечить промышленную стратегию не для субсидирования и кредитования действующих секторов для их выживания, а заботы о тех, кто делает инвестиции и инновации для таких решающих целей, как “чистый (карбонный) ноль”»	То есть не столько поддержка занятости и прибыльности действующих секторов, сколько важных целей вроде карбонной нейтральности. Для развитых стран неясно, как это совместимо с пунктом 1
(4) «Создать дизайн более здоровой формы глобализации, с балансировкой свободы торговли и защитой неустойчивых элементов, координацией климатических политик, но разрешая национальный контроль в случаях важнейших стратегических интересов»	Свобода торговли, защита слабых плюс климатическая политика требуют глобальной координации очень высокого уровня. Нужны и принуждение, и арбитраж. Согласие на национальный контроль по стратегическим вопросам — это принятие реалий и межстранового (группового) конфликта интересов
(5) «Адресовать внимание на неравенство по доходам и богатству, усиленное системой наследства и автоматизмом финансовых рынков, будь это укрепление прав (мощи) низкооплачиваемых, адекватное налогообложение высоких доходов и богатства, или обеспечить уменьшение стартового неравенства через механизмы типа социального наследства»	Призыв к налоговому перераспределению доходов и богатства ради сжатия неравенства. Явно показана роль «автоматизма» финансовых рынков, призыв к изменению института «наследства». Велика дистанция от «адресовать внимание» до изменения стойких институтов
(6) «Реорганизовать климатическую политику, комбинируя цену карбона с позитивными стимулами снижения эмиссии и амбициозными вложениями в инфраструктуру»	Наконец-то появились позитивные стимулы (хотя неясно какие) к снижению эмиссии и важные инфраструктурные инвестиции, а не только налоги и наказания
(7) «Обеспечить развивающиеся страны финансовыми и технологическими ресурсами, необходимыми им для сосредоточения на климатическом транзите, и мерах митигации и адаптации без подрыва их перспектив (развития)»	Вот появились развивающиеся страны... им нужны не только финансы, но и технологии для климатического перехода, митигации и адаптации, и не вместо развития. Масштабы задачи огромные!
(8) «В целом установить новый баланс между рынком и коллективными действиями, уйти от самоубийственной экономии и инвестировать в эффективное инновационное государство»	В целом это мечта о новом равновесии между рынком и координацией действий. Вложения в эффективное инновационное государство — звучит увлекательно, но неопределенно и, видимо, для развитых стран
(9) «Снизить рыночную власть на высокочконцентрированных рынках»	Звучит, конечно, оптимистически — но это вместе с изъятием доходов в пользу бедных! Похоже на весьма детальное регулирование, возможно, даже ручное

Источник: составлено по (The Berlin Summit Declaration, 2024).

Заметим, к чести научного сообщества надо отнести попытку сделать шаг вперед в реализме целей. Речь идет о «Берлинской декларации» от 29 мая 2024 г., которая вызывает большой интерес. Она составлена группой первоклассных ученых и адресована в конечном итоге всему миру. Представляется, что Декларация — естественный отклик ведущих ученых на реалии современной ситуации в мире, ригидность неравенства, вялый ход реализации программы ЦУР. В небольшой по размеру Декларации сделан шаг вперед в выделении задач промышленной политики, борьбы с неравенством и решении проблем развивающихся стран — это неординарное событие. Разумеется, в ней многократно оговорены задачи климатической политики. Но в целом это более сбалансированная постановка задач для ЦУР, одобренных членами ООН. В Декларации нет иерархии, временной последовательности задач, привязки задач к этапам и уровням развития стран мира, хотя появился, наконец, фокус на создание инфраструктуры и передачи развивающимся странам не только финансовых ресурсов, но и технологий.

Мы привели некоторые (основные) положения этого интересного и откровенного документа, который по сути дела по-новому подходит к целям устойчивого развития. Декларация пытается сохранить важность спасения климата, но подчеркнуть важность борьбы с бедностью. А перераспределение доходов от богатых и выравнивание стартовых условий в обществе выглядят как промежуточные цели и одновременно инструменты социальной политики. Можно сказать, что Берлинская декларация уже меняет приоритеты целей ЦУР, молча признает отсутствие ожиданий прогресса ЦУР «как она есть» и предлагает более современные формулировки и цели, которые должны быть адресованы одновременно. Но важнейшие проблемы ЦУР остаются и в этой реинкарнации. Прежде всего, нет ясных механизмов решения структурных и глобальных проблем на уровне фирмы. Разворот от эффективности к гибридной пользе — промышленной и социальной политики (плюс климат) означает ломку поведения (ломку теории) корпорации, т. е. инвестиционных функций, оплаты труда менеджеров и удовлетворения прав собственников (акционеров и кредиторов).

В относительно простом плане для мирового сообщества есть короткий вариант новой постановки, сформулированный одним из самых глубоких экономистов Дэнни Родриком: «Изменения климата — это угроза существованию. Большой и стабильный средний класс — это основа либеральных демократий. Снижение глобальной бедности — это моральная норма».

Было бы тревожно если мы вынуждены были бы отказать от любой из этих трех целей (Rodrik, Sept. 9, 2024). Вот попытка совместить даже эти три цели требует уверенности в следующем: человечество понимает, что собирается делать следующие хотя бы два поколения.

Берлинская декларация и трилеммы Д. Родрика — важный шаг вперед в признании реалий. Но и они по умолчанию подразумевают, что совре-

менная экономическая наука и экономическая политика учитывают закономерности развития стран всех типов, социальные процессы и способы решения мировых проблем. Мы в этом серьезно сомневаемся — ведущие экономисты видят проблемы, но не решаются сказать простую мысль: мы знаем многое, но мы не имеем ясной дороги к будущему выживанию и развитию всего человечества Планеты.

Институциональные условия, финансовые и макроэкономические рамки по странам (по уровням развития) серьезно отличаются и один теоретический комплекс мер на всех не подойдет. Рассмотрение важности стратегических задач стран: региональных проблем, бедных слоев, недостаточного человеческого капитала, угрозы последствий климатических сдвигов, представлений о безопасности, ставит вопрос о приоритетах на каждом этапе и для каждой страны, и по группам (скажем, по кластерам табл. 1).

В последнее время все более видное место в мыслях стратегов занимает забота об устойчивости общества в развитых странах, закодированная как укрепление среднего класса. Правда, при конкретизации тут появляется реиндустриализация, т. е. поддержка занятости в обрабатывающей промышленности в развитых странах, что в свою очередь будет ограничивать возможности соответствующего экспорта из развивающихся стран. Эти мысли очень ясно были изложены Дэни Родриком в сентябре 2024 г. Осталось выяснить, понимаем ли мы механизмы собственно экономики и общества и как должна выглядеть экономическая политика в мире, во что она обойдется и кто возьмется ее реализовывать. Будут ли бедные, средние, богатые в бедных, средних, богатых странах фирмы и компании, правительства и банки принимать решения, нести издержки ради неких правильных решений? Или они будут, как и элиты, решать свои насущные проблемы на обозримом горизонте.

От утопии к осознанию проблемы выживания

Проблема выживания Планеты и человеческого сообщества была бы трудной, но технической, если бы не одно фундаментальное — и в общем очевидное — обстоятельство. Все участники глобальных процессов и взаимодействий могут опасаться потерь или необходимости от чего-то отказаться: в настоящем, в будущем (надежды, ожидания, обещания) и даже в прошлом (конфигурация памяти, чувство совершенной правоты или веры в прошлую славу). И речь идет не только и не столько о правительствах или законодателях, которых, конечно, трудно будет уговорить поменять свои программы и планы и добровольно скоординировать их с общим «глобальным благом». За государствами стоят элиты, которые трудно подвинуть на компромиссы, потом народы, племена, меньшинства, избиратели, которые не всегда верят своим традиционным лидерам. Они все чаще обретают внезапное желание сменить их на более харизматических лидеров,

пытающихся красиво максимизировать ожидания тех социальных и национальных сообществ, которые считают свои интересы нарушенными. Тьма примеров тому накопилась к 2025 г. Но мало осознать проблему, нужно, как в свое время говорил Карл Маркс (11-й тезис о Фейрбахе), изменить мир, хотя теперь будущее видится иначе, но приходится возвращаться к идее философов о координированном действии.

Мировое сообщество прошло огромный путь научно-технического и социального прогресса за последние полтора века. Но сейчас оказалось, что оно движется назад к неравенству, соперничеству, фрагментации и неустойчивости. Общий экономический рост, прогресс технологий, прорывы отдельных стран к более высокому уровню развития не создали общего чувства прогресса и благополучия, хотя никто, разумеется, не хочет брать на себя ответственность. Элиты ведущих стран мира рубежа XIX—XX вв. шаг за шагом фокусировались на конфликтах, упустив возможности расширения благосостояния, социального прогресса и в самом оптимистическом варианте — деколонизации. Это очень заметно в нашей работе «Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880—1913» (Григорьев, Морозкина, 2021).

Нужно уважение от партий, общественных групп, видных общественных деятелей и политиков к позициям множества сопоставимых по типу контрагентов. Но все контрагенты (по сути, интеллектуальная элита) также имеют свои взгляды, с очень разными мощностями по ресурсам убеждения. Многие историки и физики, инженеры и литераторы, экономисты и философы, как известно, еще более упрямы в своих верованиях, чем политики, финансисты и юристы. Поэтому шансы на то, что всемирный конгресс мыслителей сможет найти не «точку», а «множество» точек равновесия между странами по оценке ситуации, подходу к решению ключевых проблем Земли, которые здесь можно свести к простой формуле (скорее заголовку): Мир без войны — выравнивающее развитие — уважение к культурам и традициям. Устойчивое развитие, как его пропагандируют экологи и экономисты — это частный случай поиска глобального равновесия, хороший по намерениям, слабый по технологии. Он уже не выдержал конфликта интересов стран, регионов и отраслей, также иных целей человечества — бедности по преимуществу, уже не столько абсолютной, сколько относительной. Но от относительности неравенства общественным группам не легче — тут возникают проблемы стартового распределения богатства, справедливости (фактической и обещанной), интенсивности вертикальных лифтов. Тут же и феномен международной миграции, который обеспечивает некоторую коррекцию дохода иммигрантов, но при потере собственной страны и социального статуса эмигранта, трудностей с сохранением (или навязыванием) культурных кодов.

Картина разнообразия мирового сообщества и его проблем, которая начинает разрастаться, приобретать больше и больше измерений, может

быть узнаваема — в удобных нам терминах — интеллигенцией. Может быть, в рамках образованных (но не слишком богатых) социальных слоев можно обсуждать принципы мирового понимания проблем. Гражданское общество, которое в своей материальной (социально-экономической) основе «стоит» на среднем классе, играет ключевую роль в социально-политической стабильности. Однако средний класс (или классы) неоднороден. Высшая страта достигает дохода (преимущественно зарплатного по источникам) своей карьерой, образованием и предприимчивостью. Она конкурирует с бизнес-карьерой, невелика и не может потянуть электоральных проблем. Интеллигенция развитых и в общем всех стран — «средняя средняя» страта — конечно, должна бы осознавать проблемы мира и склоняться к компромиссам, она и есть опора ЦУР в настоящее время. Огромные массы нижней средней страты в развитых странах очень зависимы от государственной политики перераспределения доходов, которая обычно направлена на более низкие доходные категории. Мы надеемся на «массы», состоящие из этой страты и низших доходных классов (особенно в развивающихся странах). Но заметим, что в этой части электорального и имущественного спектра многих увлекают простые формулы и решения.

Немного надежды на политические и финансовые элиты. И не потому, что они что-то не понимают в современной ситуации в мире или не могут рассчитать балансы выигрышей/потерь для всех и для себя — могут, конечно, считают. Но им не нравятся их расчетные потери — надежды на «выигрыши без оплаты» никогда не умирают, ни первыми — ни последними! Конфликт элит общество плохо переносит, причем эта «болезнь» не вполне осознается, поскольку элиты располагают колоссальными ресурсами для продавливания своей повестки дня через государство и СМИ. Время от времени политикам или деловым элита удается подорвать влияние и поглотить кого-то из конкурентов, что представляет собой увлекательное и высокоприбыльное занятие. Способность к компромиссам, разумеется, присутствует, но время от времени взрывается сдвигами в реальных процессах. Так что геополитические конфликты — это элитная проблема, хотя политики не способны признать очевидное — это они внедрились «своим массам» те или иные концепции, находящиеся в конфликте друг с другом, но ссылаются на «массы» как источник своего политического вдохновения.

Необходимо учитывать фактор времени — важнейший параметр процесса «лечения» социально-экономической основы планеты (помимо экологии и политики). Оно важно и для оценки горизонтов выживания и времени действия политических и технико-экономических проектов. Без него невозможно говорить о целях, методах и результатах проекта мирового развития — это время, горизонт. Разумеется, все, что выпадает за пределы двух жизней — 40 лет Моисея — трудно предложить электорату со средним возрастом голосующих в 30–50 лет. Пенсионеры могут рассма-

тривать длинные горизонты, как попытку их еще раз ограбить (пенсии, инфляция и т.п.). Молодежь часто отвечает на длинные программы требованиями все предоставить быстро. Уговорить демографические когорты на ожидание отдаленных эффектов («небес в алмазах») очень сложно. Обычно предлагают процветание в очень далеком будущем. Хотя Китай смог обеспечить развитие в ускоренном режиме, доставляя быстрый рост благосостояния, но повторить его опыт очень трудно (Григорьев, Жаронкина, 2024). Обычно политики, особенно при 4–6-летнем электоральном цикле вынуждены обещать быстрые эффекты. Часто это вызывает разочарование или остановки, поскольку осмысленный план для страны нужен на 10–12 лет — что уже реалистичнее, но зависит от мировой обстановки, торговли, финансов и пр. Здесь стоит напомнить, что «ловушки» при прямой экстраполяции отправляют сближение уровней благосостояния стран за полувековой горизонт (Григорьев, Майхрович, 2023).

Теория ловушек среднего уровня развития еще не разработана до конца, но лишнее десятилетие эти ловушки могут забрать. Наконец, автор полагает, что пора признать «ловушки богатства», которые показывают сохранение глубокого неравенства и массы проблем в наиболее развитых странах. Заодно пора расстаться с утопией Дж. Белла о «постиндустриальном развитии» с учеными у власти, от которой осталось одно лишь название. Страны движутся от кластера к кластеру, от ловушки к ловушке, сохраняя (используя) внутреннее социальное неравенство. Набор «ловушек» нельзя воспринимать как россыпь сюжетов для диссертаций. Это ловушки связаны этапами развития — они нормальны для того пути, по которому идет человечество. Так, глобальная долгосрочная программа развития должна указывать примерно этапы, ресурсы и сроки для каждого типа стран. В общем «возможны варианты», особенно для более развитых стран, но в целом речь идет о полувеке, куда можно даже зачислить некоторым странам отдельные успехи недавнего прошлого. Но стадийность роста и проблем на горизонте в два поколения нужно будет предъявить массам, ожидания придется снизить, их достоверность необходимо поднять.

Как же развивается человечество в этой обстановке недоверия, чрезмерных желаний и амбиций? Оно идет от одной доминирующей системы к другой, чаще от одной комбинации противостоящих или хотя бы конкурирующих общественных систем. Есть много попыток упорядочить смену систем, формаций, больших циклов, опираясь на технологические циклы или вообще на встроенные в человеческую историю смены фаз подъема, процветания и разрушения движущих сил прогресса с откатами в развитии. В ситуации империй древности крах той или империи означал чаще всего и гигантское разрушение хозяйства (и массовую гибель людей). Конфликты и крахи государств постепенно трансформировались в выигрыши войн, территорий, гибель политических систем, приобретение и потерю колоний и т.п. И так до двух мировых войн XX в., которые

отбросили человечество не только и не столько в материальном плане, сколько к потерям человечности. Большие революции также оказались неожиданно жестокими и создавшими множество проблем для человечества на долгое время.

Здесь мы хотели бы остановиться на «шаге» развития и времени на решение проблем. Одна из важных проблем (а не только преимуществ) современного развития — это изобилие и скорость распространения информации. Много ли образованных людей в Европе XII в. знали про короля Артура и его попытку навести порядок в мире (пусть условном) с помощью дюжины «рыцарей спецназа Круглого стола»? Много ли европейцев читали Сен-Симона, Фурье, Оуэна и Адама Смита? Вот идеи Карла Маркса и левых радикалов газеты и железные дороги развезли по всему миру. Радио и авиация повлияли на Первую мировую войну, а Ф.Д. Рузвельт 17 марта 1933 г. провел первую встречу с радиослушателями «У камелька»... Представления о необходимости дебатов и выработки решений компромиссного характера во внутренней и во внешней политике постепенно слабеют — предпринимается попытка сформировать через СМИ примерный «дискурс электората» и удерживать последний в рамках дискурса, маневрируя деталями. В странах с демократическими традициями идет реакция путем дробления электората на более мелкие группы со своими партиями и лидерами, что делает политические компромиссы более трудными (всем нужна своя идентичность и независимость), но вынужденными по деталям практической политики.

Скорость и глубина распространения информации значительно увеличились и относятся не только к текущим событиям, но и основным правам, пунктам программ партий, параграфам законов и пунктам обещаний партий и лидеров. А вот скорость имплементации всех этих замечательных положений возросла намного меньше, так как стоимость реализации выросла многократно, поскольку все дорожает, людей становится больше, блага обещанные охватывают больше социальных слоев. Пожалуй, сумма потенциально ожидаемого людьми от законов, партий и лидеров планеты находится далеко за пределами суммы имеющихся бюджетных ограничений, причем за десятки лет. А выборы и смены проблем, кризисы и шоки происходят намного чаще. И основные массы получателей благ или пострадавших теперь вполне информированы и о проблемах, и о непредоставленных благах. Тут у контролирующих элит вырабатывается безошибочный инстинкт самосохранения путем переноса ответственности за все или некоторые проблемы страны и общества на те или иные «инородные элементы»: социальные слои, меньшинства, иные страны. Вот тут сложившийся кризис мирового порядка и имеет свою постоянную заинтересованную и активную опору. Поэтому спиралевидное распространение геополитического кризиса требует нетривиальных мер для предотвращения худшего исхода.

Особенно сложный вопрос — кто в конечном итоге может создать и реализовать реалистический проект мирового координированного развития. Сегодня выбор невелик — ООН и Бреттон-Вудские институты, но ООН не демонстрирует эффективность, а МВФ и Всемирный банк квалифицированы, но решают более узкие проблемы. Система глобального управления никогда не была особенно стройной, не было способа реализации решений (Григорьев, Курдин, 2013). Но она вместе со всей системой соглашений раскололась на СЕВЕР — ЮГ, НАТО — не НАТО, ОЭСР — БРИКС, соперничество Китай — США, и т.д. Растет надежда на координационную роль БРИКС, который расширился, охватывает страны разных уровней благосостояния и принципиально заинтересованных в догоняющем развитии. За различными организациями в тени остаются мировые элиты, скрытые демократией и оперирующие интересами своих народов. Не намного легче, пожалуй, с создателями проекта — как и ЦУР его трудно будет согласовать и на интеллектуальном, и на политическом уровне. Много проблем может быть из-за амбиций интеллектуалов, даже со сходными позициями. В прошлом выдающиеся представители интеллектуальной элиты были в состоянии объединить себе подобных по ряду критически важных, ясных вопросов (о мире), в которых они разошлись со многими политическими элитами. Но теперь речь идет о сложнейшем комплексе действий всего мира, длинном во времени, обширном по странам в любой момент времени и дорогостоящем. Конфликты интерпретаций и интересов участников, бенефициаров и «доноров» делают проблему предельно трудной. Важно продолжать усилия по решению глобальных проблемы в их нынешнем понимании, но представляется, что избежать Мирового проекта нельзя, но для начала надо его более отчетливо сформулировать.

Задача статьи — не решение политических глобальных проблем, до которого, видимо, далеко. Важно осознать необходимость заново поставить проблему неизбежности такой работы, и достичь более глубокого и системного понимания способов ее решения. Все же нужно напомнить, что существующее понимание экономических законов недостаточно глубоко отражает изменившиеся стилизованные факты. В ряде случаев шаги по достижению обозначенных целей не были координированы с «соседними целями», имели побочные последствия или вызывали более серьезное противодействие (например, от укоренившихся интересов), чем это было реально преодолеть. Взаимодействие различных направлений и проблем развития также не имеет работоспособной теории и оснований, считая для простоты хотя бы по 17 ЦУР, хотя теорий понадобится больше. И появится много ограничений — развитие разнородного человечества по-прежнему зависит от социальной структуры, внутренней политики, взглядов элит, действий государств.

Для начала надо провести «Критический анализ теоретических основ устойчивого развития» как они сложились — легче стартовать. Однако если мы возьмем за основу ЦУР ООН 2015 г., то возникнет несколько проблем неполноты покрытия проблем мира, разнородности и различной важности проблем для стран с разным уровнем и типом развития. Поэтому напрашивается несколько принципов подхода к программе развития мира, если до этого дойдет дело. Мы сознаем, насколько трудно в нынешнем мире с его геополитическим кризисом, короткими политическими горизонтами, жесткими политическими целями и значительным недоверием элит друг к другу обсуждать долгосрочную координацию. Но надо решаться смотреть в будущее не только от провалов прошлого и конфликтов настоящего.

Принцип А. Утопично предполагать, что «прогрессивные утопии» воодушевляют и вытягивают реформы, поскольку все были много раз обмануты ожиданиями — перспективы совместных действий должны быть более ясными для участников. Общая цель — выживание обществ, компромисс между сообществами на планете, сближение уровней развития без потери разнообразия. На этом пути не надо рассчитывать, после тяжелого труда нас ждет некое равновесное «беспечальное» состояние общества, до которого можно дойти за разумное время. Увы, там ждут старые и новые проблемы, у развитых стран как и всех остальных.

Принцип Б. Стадии развития определяют гибридные программы примерно на поколение, так что программы должны быть понятны на входе и выходе: «не обещайте деве юной...». Нужна минимальная ясность в том, с чем надо войти и когда можно выйти из стадии: инфраструктура — человеческий капитал — промышленность — услуги и свободное время. Временной горизонт должен быть привязан к переходу в следующие стадии. Стадии развития, конечно, связаны с технологиями (укладами) и человеческим капиталом, но не меньше они зависят от структуры собственности и общества. И стадии развития существуют (и с трудом сосуществуют) сейчас одновременно.

Принцип В. Программы должны быть «конгруэнтны»: давать совместные ориентиры, механизмы и результаты в сфере экономики (уровней дохода, степени конкуренции и кооперации); социальной жизни (неравенства по доходам и богатству, способам социальной конкуренции и защиты); общественной психологии и культурных кодов (сменность и устойчивость власти и целей, согласие на самоограничение); общественной организации и внутренней политики. Программы на поколения надо продолжать, провал одного из четырех компонентов или попытка загнать вперед одно-два, другие потерять — подорвет процесс.

Принцип Г. Общее участие, разделенные усилия, издержки (уступки) слоев общества, групп, учет интересов меньшинств без превращения этого

достойного процесса в фетиш. Справедливость сразу всем и быстро не бывает, а попытки достичь — дороги.

Принцип Д. Элиты должны решиться и признать, что невозможно все сделать по-своему, на политическую конкуренцию с кооптацией инакомыслящих. Возможны технологии социального выравнивания (налоги на наследство). Образованные слои должны участвовать и нести ответственность, причем вряд ли им удастся реализовать свои представления о справедливом обществе. Менее состоятельные группы (по доходу и знаниям) должны видеть перспективу повышения благосостояния и статуса, вертикальные лифты. Участники процесса должны понимать, что нельзя получить все и быстро, но можно быть счастливыми людьми в процессе собственного роста и видеть прогресс талантливых. Видимо, это относится и к международным проблемам.

Разумеется, этим не исчерпываются требования к комплексной глобальной программе, но начать нужно с реализма целей, механизмов, расходов и временных горизонтов, специфицированных по уровням развития. Отдельно стоит невероятно сложный вопрос недоверия между политическими элитами — оно сложилось и его еще надо преодолевать для любых шагов вперед. Суверенные государства хотят решать свои проблемы «немедленно сейчас» — обычно сразу после выборов (как мы видим это по президенту Д. Трампу), поскольку надо успеть получить позитивный результат «на земле и в умах» к следующим выборам. Такими рваными рывками трудно решать долгосрочные задачи. Мир наблюдает стагнацию всего процесса достижения Целей устойчивого развития — недавнюю утопию решения всех проблем через климатические программы. Повестка дня 2030 г. постепенно слабеет и «уезжает» на 2050–2060 гг. Фрагментация мира усиливается, попытки решить свои проблемы за счет друга, разноречивостью со сроками совместных действий, дальнейшее падение доверия в устойчивость институтов и траст контрагентов. Климат, предположительно, будет продолжать ухудшаться, расходы большинства стран на адаптацию к ситуации будут возрастать, не давая экономии на митигации климатических изменений в течение ближайших поколений. Условием создания работоспособной программы выживания человечества на планете является критический анализ теоретических основ социально-экономического развития мира.

Издержки провала «следующей» Утопии могут быть очень тяжелы, если они будут основаны на разрозненных действиях правительств с разными сроками пребывания у власти и в значительной степени неспособных к кооперации по идеологическим, внутриполитическим (различия электоральных циклов), историческим или даже личным основаниям. И придется взглянуть в лицо главной угрозе — ограниченной способности элит к компромиссу даже во имя общего выживания. Мир приходил ранее к равновесию на какой-то период, обычно «локально-континентально» под воз-

действием войн и катастроф, в изнеможении от конфликтов или за счет доминирования определенной силы (империи иногда). Но угрозы всей планете сразу были ограничены, а сейчас нет уверенности ни в преодолении нарастающей фрагментации, ни в планетарной перспективе. Постараемся не впадать в фатализм, а поддерживать разумный оптимизм, веру в здравый смысл и надеяться на будущую мировую координацию по спасению планеты во всех смыслах.

Список литературы

Бобылев, С. Н., & Григорьев, Л. М. (2021). В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС. *Электронный журнал*, 13(10). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-515>.

Глобальный доклад по устойчивому развитию, подготовленный независимой группой ученых. (2023). Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development. https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf.

Григорьев, Л. М. (2024). Империи древних — грубое орудие истории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 125–160. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-9>.

Григорьев, Л. М., & Васильева, А. А. (2025). Неравенство в странах Евросоюза в первой четверти XXI века: неординарные тенденции. *СМЭ*, 1(9). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-6-30>.

Григорьев, Л. М., & Жаронкина, Д. В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*, 19(1), 176–200. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>.

Григорьев, Л. М., & Курдин, А. А. (2013). Механизмы глобального регулирования: экономический анализ. *Вопросы экономики*, (7), 4–28.

Григорьев, Л. М., & Ляхова, С. (2025). Разгадка торможения Евросоюза. *Россия в глобальной политике*, 23(3), 83–105.

Григорьев, Л. М., & Майхрович, М. Я. (2023). Теории роста и реалии последних десятилетий (Вопросы социокультурных кодов — к расширению исследовательской программы). *Вопросы экономики*, (2), 14–41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-18-42>.

Григорьев, Л. М., & Морозкина, А. К. (2021). *Успешная неустойчивая индустриализация мира, 1880–1913*. М.: Нестор — История.

Григорьев, Л. М., & Павлюшина, В. А. (2022). Международное неравенство: динамика и проблема стадии развития. В Л. Григорьев, А. Курдин, И. Макаров (Eds.), *Мировая экономика в период больших потрясений* (с. 13–39). М.: ИНФРА-М.

Григорьев, Л. М., & Паршина, Е. Н. (2013). Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*, (4), 70–86.

Майхрович, М.-Я. (2025). Скорость сближения уровней развития стран мира в XXI веке: теоретические подходы и статистические ограничения. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(5), [в печати].

Макаров, И. А., & Шуранова, А. А. (2023). Климатические изменения как новый фактор международных отношений. *Международная аналитика*, 14(4), 52–74.

Мировая экономика в период тяжелых потрясений (Л. Григорьев, А. Курдин, И. Макаров, ред.). (2022). М.: ИНФРА-М.

Прогноз развития энергетики мира и России 2024 (Галкин, Ю. В., Галкина, А. А., Григорьев, Л. М., Грушевенко, Д. А., Грушевенко, Е. А., Грушевенко, Е. В., Дементьев, К. И. и др.; под ред. В. А. Кулагина). (2024). М.: ИНЭИ РАН.

Canuto, O., & Saraiva, B. (2025, July 21). BRICS in times of tectonic shifts. <https://www.emacrodev.com/brics-in-times-of-tectonic-shifts/>.

Emissions gap report 2024. (2024). UNEP. <https://www.unep.org/resources/emissions-gap-report-2024>.

Galbraith, J. K. (2024, September 9). Economic theory for the real world. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/magazine/modern-sciences-reveal-why-mainstream-economics-has-failed-by-james-k-galbraith-2024-09>.

Galbraith, J. K., & Chen, J. (2025). *Entropy economics: The living basis of value and production*. University of Chicago Press.

Global Debt Report. (2025). OECD.

Piketty, T. (2014). *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rodrik, D. (2024, September 9). *A new trilemma haunts the world economy*. Project Syndicate.

The Berlin Summit Declaration. (2024, May 29). Forum New Economy. <https://newforum.org/en/the-berlin-summit-declaration-winning-back-the-people/>.

The Great Reversal. (2024). World Bank.

Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development. (2023). https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf.

World Development Report. (2024). *The middle-income trap*. Washington, DC: World Bank.

References

Bobilev, S. N., & Grigoriev, L. M. (2021). In search of new frameworks for Sustainable Development Goals after COVID-19: BRICS countries. *Electronic Journal*, 13(10). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-515>.

Global and Russian Energy Outlook 2024 (Galkin, Yu. V., Galkina, A. A., Grigoriev, L. M., Grushevenko, D. A., Grushevenko, E. A., Grushevenko, E. V., Dementiev, K. I., et al.; edited by Kulagin, V. A.). (2024). М.: INEI RAS.

Grigoryev, L. M. (2024). Empires of the Ancient — a crude tool of history. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 125–160. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10>.

Grigoriev, L. M., & Kurdin, A. A. (2013). Mechanisms of global governance: Economic analysis. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 4–28.

Grigoriev, L. M., & Lyakhova, S. (2025). Unraveling the slowdown of the European Union. *Russia in Global Affairs*, 23(3), 83–105.

Grigoriev, L. M., & Maikhrovich, M. Ya. (2023). Growth theories and the realities of recent decades (issues of sociocultural codes — expanding the research program). *Voprosy Ekonomiki*, (2), 14–41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-18-42>.

Grigoriev, L. M., & Morozkina, A. K. (2021). *Successful unstable industrialization of the world, 1880–1913*. М.: Nestor — Istoriya.

Grigoriev, L. M., & Parshina, E. N. (2013). Economic dynamics of the world's countries in 1992–2010: Uneven growth. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (4), 70–86.

Grigoriev, L. M., & Pavlyushina, V. A. (2022). International inequality: Dynamics and the development stage problem. In L. Grigoriev, A. Kurdin, I. Makarov (Eds.), *World Economy in Times of Major Turmoil* (p. 13–39). M.: INFRA-M.

Grigoriev, L. M., & Vasilieva, A. A. (2025). Inequality in EU countries in the first quarter of the 21st century: Unusual trends. *SME*, 1(9). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-6-30>.

Grigoriev, L. M., & Zharonkina, D. V. (2024). The Chinese economy: Thirty years of catch-up development. *Herald of International Organizations*, 19(1), 176–200. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>.

Independent Group of Scientists. (2023). Global Sustainable Development Report: Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development. https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-1110923_1.pdf.

Maikhrovich, M.-Ya. (2025). The speed of convergence of development levels of world countries in the 21st century: Theoretical approaches and statistical limitations. *Lomonosov Economics Journal*, 60(5) [in press].

Makarov, I. A., & Shuranova, A. A. (2023). Climate change as a new factor in international relations. *International Analytics*, 14(4), 52–74.

World Economy in Times of Severe Shocks (L. Grigoriev, A. Kurdin, I. Makarov, Eds.). (2022). M.: INFRA-M.

Приложение

Границы кластеров по ВВП ИПС

Кластеры	1992		2000		2008		2010		2019		2022		2023	
	Нижняя границы	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх
1	25 001		27 495		31 686		31 862		36 138		36 821		37 392	
2	15 001	25 000	16 497	27 494	19 012	31 685	19 118	31 861	21 683	36 137	22 093	36 820	22 436	37 391
3	10 001	15 000	10 999	16 496	12 675	19 011	12 745	19 117	14 455	21 682	14 729	22 092	14 958	22 435
4	5 001	10 000	5500	10 998	6338	12 674	6374	12 744	7228	14 454	7365	14 728	7480	14 957
5	2 301	5000	2531	5499	2916	6337	2933	6372	3326	7227	3389	7364	3441	7479
6	1 301	2300	1431	2529	1649	2915	1658	2932	1880	3=325	1916	3388	1946	3440
7		1300		1430		1648		1657		1879		1915		1945

Примечание:

Прогноз мира висит на демографии, климате, конфликтах,
+ торможение роста мира сократит ресурсы и обострит конфликты;
+ переход от максимизации эффективности к пром. политике означает сжатие роста эффективности;
+ не видно позитивного прогноза до 2050 г.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Балацкий¹

ИМЭМО РАН (Москва, Россия)

Н. А. Екимова²

ИМЭМО РАН (Москва, Россия)

УДК: 314.1

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-11

РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Статья посвящена исследованию стоящей перед Россией задачи демографического роста, которая на фоне происходящей глобальной демографической трансформации принимает для страны экзистенциальное значение. Цель статьи состоит в рассмотрении специфики места России в мировой демографической и геополитической системе, а также вызовов и возможностей, порождаемых XXI в. Для решения поставленной цели в статье использован сценарный подход, позволяющий рассмотреть альтернативные демографические прогнозы для России и показать место страны в случае того и другого вариантов развития. Результаты показали, что инерционный сценарий приведет к тому, что в начале 2050-х гг. Россия переместится с нынешнего 9-го места международного демографического рейтинга на 15-е и тем самым утратит статус страны-гиганта и соответствующий ему международный авторитет. При реализации проактивного сценария на основе демографической экспансии населения Россия сможет с 9-го места международного демографического рейтинга перейти на 7-е и за счет этого заметно укрепить свои геополитические позиции. Демографический вызов для России усугубляется тем обстоятельством, что страны с большим населением рано или поздно становятся экономическими и технологическими лидерами, быстро преодолевая технологическое отставание от более развитых государств. В основе такого ускорения лежит обнаруженный авторами технологический парадокс, который состоит в противоречии между усредненными макроэкономическими показателями и стилизованными фактами на микро- и мезоуровне. Типичным проявлением указанного парадокса выступает пара Китай — США, которые достигли примерного технологического паритета на фоне кратного отставания Поднебесной по уровню душевого ВВП. Прикладные расчеты позволяют по-новому переосмыслить

¹ Балацкий Евгений Всеволодович — д.э.н., профессор, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, ИМЭМО РАН; e-mail: evbalatsky@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3371-2229.

² Екимова Наталья Александровна — к.э.н., доцент, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, ИМЭМО РАН; e-mail: n.ekimova@bk.ru, ORCID: 0000-0001-6873-7146.

© Балацкий Евгений Всеволодович, 2025

© Екимова Наталья Александровна, 2025

значение демографических преимуществ стран-гигантов, что долгое время отрицалось ортодоксальным положением о примате технологий над демографией. Обсуждается вопрос о целесообразности осуществления сверхусилий со стороны России для реализации сценария демографической экспансии.

Ключевые слова: вызовы, геополитика, демография, технологический макро-парадокс, эффект масштаба.

Цитировать статью: Балацкий, Е. В., & Екимова, Н. А. (2025). Россия перед лицом демографических вызовов: угрозы и возможности. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 206–230. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-11>.

E. V. Balatsky

IMEMO (Moscow, Russia)

N. A. Ekimova

IMEMO (Moscow, Russia)

JEL: J11

RUSSIA FACING DEMOGRAPHIC CHALLENGES: THREATS AND OPPORTUNITIES

The paper addresses the issue of demographic growth facing Russia, which, against the background of the ongoing global demographic transformation, is assuming an existential importance for the country. The purpose of the article is to examine the specifics of Russia's place in the global demographic and geopolitical system, as well as the challenges and opportunities generated by the 21st century. To achieve this goal, the article uses a scenario approach that allows us to consider alternative demographic forecasts for Russia and show the country's place in the case of both development options. The results show that the inertial scenario will move Russia from the current 9th place in the international demographic ranking to the 15th in the early 2050s, thereby losing its status of a giant country with corresponding international prestige. Implementing a proactive scenario based on demographic expansion of the population, Russia will be able to move from 9th place in the international demographic ranking to 7th, thereby significantly strengthen its geopolitical position. The demographic challenge for Russia is compounded by the fact that countries with large populations sooner or later become economic and technological leaders, quickly overcoming the technological lag from more developed countries. This acceleration is based on the technological paradox discovered by the authors, which consists in a contradiction between averaged macroeconomic indicators and stylized facts at micro- and meso levels. A typical manifestation of this paradox is the China—USA pair, which has achieved approximate technological parity against the background of a multiple lag of China in terms of per capita GDP. Applied calculations make it possible to rethink the importance of demographic advantages of giant countries in a new way, which has long been denied by the orthodox position on the primacy of technology over demography. The findings emphasize the expediency of implementing super efforts on the part of Russia to implement the demographic expansion scenario.

Keywords: challenges, geopolitics, demography, technological macro paradox, scale effect.

Введение

В настоящее время происходит переформатирование мирового порядка в сторону ослабления позиций прежних лидеров — США и стран Европы. В этой ситуации Россия стремится отстоять свое место на геополитической арене и, может быть, даже усилить свои позиции, изрядно пошатнувшиеся за последние 35 лет. Однако происходящая глобальная трансформация имеет длительную предысторию неравномерного демографического роста в разных регионах и странах мира, что сегодня выходит на поверхность в форме не только демографических, но и экономико-технологических рокировок между разными государствами. Российская Федерация оказалась сильно затронута указанными процессами. Так, согласно данным Всемирного банка (*World Bank Group*), еще в 1960 г. СССР по численности населения занимал 3-е место в мире после Китая и Индии, а Россия в качестве республики (т.е. субгосударства) в составе Советского Союза фактически занимала 4-е место, пропуская вперед помимо двух названных стран только США. В 2000 г. Россия уже оказалась на 7-м месте в демографическом рейтинге, уступая Китаю, Индии, США, Индонезии, Пакистану и Бразилии. В 2023 г. она уже уступила позиции Бангладеш и Нигерии и оказалась на 9-м месте (WBG, 2025). Однако это отнюдь не предел — согласно демографическому прогнозу ООН, к 2054 г. Россия отстанет от Египта, Эфиопии, Танзании, Демократической Республики Конго и Мексики, оказавшись тем самым на 14-м месте международного демографического рейтинга (UN DESA, 2024).

Одновременно с демографическими рокировками происходит экономическое и технологическое усиление новых демографических стран-гигантов, а это создает угрозу того, что в долгосрочной перспективе Россия может утратить свое привилегированное место регионального лидера, а в мире возникнут альтернативные очаги экономической активности и станут новыми глобальными конкурентами страны. Параллельно будет происходить изменение позиций торговых партнеров России. Например, грядущий Закат Европы 2.0 чреват уменьшением роли европейских стран не только в мировой торговле, но и в торговом балансе Российской Федерации. Таким образом, главные очаги экономической и политической активности планеты подвергнутся кардинальным географическим изменениям, и Россия окажется в эпицентре этой трансформации. Происходящие геополитические рокировки накладываются на глобальный тренд истощения ресурсов планеты, что создает новые вызовы для России в плане безопасности. В этих условиях грядущее положение страны будет опре-

деляющим образом зависеть от решений политической элиты и умелого сочетания внутренних и внешних экономических трендов. В связи с этим цель статьи состоит в рассмотрении специфики места России в мировой демографической и геополитической системе, а также вызовов и возможностей, порождаемых XXI в. Реперная точка в сканировании будущего — 2054 г. Новизна авторского подхода заключается в опоре на демографические тренды и смежные с ними процессы при рассмотрении грядущего перестроения геополитического пространства планеты.

Глобальные экономические рокировки Север — Юг и Запад — Восток: обзор фактов и идей

Практически все исследования долгосрочных демографических трендов отмечают замедление темпов глобального роста населения до конца нынешнего столетия, когда численность мирового населения, достигнув своего пика, начнет уменьшаться. Об этом говорят отчеты таких исследовательских организаций, как: Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата Организации Объединенных Наций (UN DESA, 2024), австрийский Центр демографии и человеческого капитала имени Витгенштейна (Lutz et al., 2014, 2018), американский Институт измерения показателей и оценки состояния здоровья (Vollset et al., 2020); с этим солидарны и отдельные авторские исследования (Kumar et al., 2020, Wanassi, Torres, 2023, Склад, 2023; Захаров, 2023; Ясинский, 2024).

Указанные процессы будут происходить на фоне существенной региональной неравномерности, когда глобальный рост будет обеспечен за счет одних стран на фоне депопуляции других. Так, уже сейчас 95% прироста населения происходит за счет стран Глобального Юга, тогда как в 41 государстве Глобального Севера наблюдается сокращение численности населения; к 2050 г. прогнозируется их увеличение до 88 (Hofmann, 2023). Рост численности населения мира к 2050 г. прогнозируется за счет стран Африки (+85,6%), Азии (+13,9%), Латинской (+16,5%) и Северной (+15,2%) Америки; в европейских же странах ожидается сокращение численности населения (–5,1%), вызванное низкой рождаемостью, старением населения, социально-экономическими факторами и культурными трансформациями (Thomas, 2024; Рудакова, 2020).

Большинство авторов связывают столь ярко выраженную неравномерность с глобальным демографическим переходом, первую фазу которого, обозначающую переход смертности от традиционного типа к современному, прошли практически все страны мира, тогда как вторую, характеризующую переход рождаемости от традиционного типа к современному, пока преодолели только так называемые экономически развитые страны (Nath, 2020; Caldwell et al., 2006; Korotayev et al., 2006). В связи с этим

в развивающихся странах, которые еще достаточно далеки от завершения второй фазы демографического перехода, сохраняется высокая рождаемость, обуславливающая прирост населения (Зинькина, Коротаев, 2017; Коротаев и др., 2022).

Рассматривая грядущие демографические трансформации, аналитики отмечают роль миграционной составляющей в динамике роста ряда стран. В частности, согласно отчету Управления Конгресса США по бюджету (*Congressional Budget Office, CBO*), демографический рост в стране в ближайшие десятилетия будет обеспечиваться только за счет миграции; без нее с 2033 г. будет происходить сокращение численности населения США (*Congressional Budget Office, 2025*). Аналогичная ситуация сложилась и в странах Европы. Например, в Великобритании в 2023 г. наблюдался рекордный за последние 50 лет прирост населения. Однако этот прирост был обеспечен исключительно притоком мигрантов, поскольку за счет естественного прироста в указанный период произошло сокращение населения на 16,3 тыс. человек (*Office for National Statistics, 2025*). Приведенные факты указывают на то, что, несмотря на сопряженные с миграционными процессами проблемы, миграция в ближайшие годы останется одним из важных компонентов демографического вопроса для целого ряда стран. В сложившихся условиях политические системы управления миграцией должны будут оперативно реагировать на широкий спектр факторов и проблем, оказывающих прямое или косвенное воздействие на демографическую стратегию государств.

Существенным аспектом исследования демографического вопроса является его сопряженность с экономикой, институтами и культурой, характеризующаяся взаимным влиянием и взаимоувязкой демографических и социально-экономических трансформаций, на что указывает значительная часть проведенных исследований. При этом часть работ рассматривает демографические изменения как следствие социально-экономических трансформаций (Alam, Pörtner, 2018; Țarcă et al., 2022; Gallego, Lafortune, 2023), тогда как другая анализирует экономические сдвиги как последствия демографических трансформаций (Bloom, Kotschy, 2023; Cruz, Ahmed, 2018; Maitra, Ganguli, 2025; Dzhioev, Caberty, 2021). Сложный характер взаимосвязей между рассматриваемыми критериями обусловлен их взаимозависимостью и взаимообусловленностью, а выбор ракурса их рассмотрения определяется, как правило, целями проводимого исследования.

Тесную взаимосвязь между демографическими процессами и экономическим ростом демонстрируют страны Глобального Юга, доля ВВП которого уже превзошла долю ВВП крупнейших экономик мира: в 2023 г. доля Глобального Юга составила 45,4% против 44,3% экономики развитых стран. К 2028 г. *International Monetary Fund* прогнозирует увеличение доли Юга до 47,6% (Гоголюхина, Чирская, 2024). На фоне увеличения экономической активности Глобального Юга просматривается тенденция смещения вектора международного сотрудничества с направления

«Север — Юг» на направление «Юг — Юг», а также рост доли развивающихся стран в потоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Так, в 2020 г. развивающиеся страны вышли на устойчивый тренд превышения притока ПИИ над развитыми странами, достигнув к 2024 г. разрыва в 37,2 п.п.: по результатам 2023 г. доля ПИИ в развивающиеся страны составила 68,6%, тогда как аналогичный показатель развитых стран не превысил 31,4% (UNCTAD, 2025). При этом показательными примерами смещения вектора международного сотрудничества являются Малайзия и Индонезия, для которых доля инвесторов Глобального Юга составила 41 и 62% соответственно (Гоголюхина, Чирская, 2024).

Приведенные факты указывают на то, что Глобальный Юг с его колоссальным населением, богатством ресурсов и перспективами инвестиционных вложений становится важнейшим компонентом оси Север — Юг, которая становится одной из ключевых в формировании нового баланса Запад — Восток. На этом фоне происходит и смысловая трансформация понятий «развивающиеся страны» и «развитые страны», отражающих не столько соотношение уровней текущего развития, сколько потенциал роста, изменение геополитической конфигурации и вопросы безопасности (продовольственной, экономической, политической) (Bogdanov et al., 2024). Тем самым уже сейчас сформировалась новая ось противостояния, когда происходит смещение с координат Запад — Восток в плоскость Север — Юг.

Таким образом, переформатирование геополитического пространства идет полным ходом. И вектор текущих и грядущих трансформаций определен вполне четко — от диспозиции Запад — Восток к модели Север — Юг. Разворот этого вектора сопровождается вовлечением в глобальный круговорот демографического, экономического и технологического потенциала крупнейших стран мира. Россия в настоящий момент находится в эпицентре этих изменений и полностью зависит от того, насколько удачно она встроится в новую геоэкономическую конфигурацию.

Сценарии демографического роста в России

Россия занимает уникальное место в мировой демографической системе, что во многом и предопределяет ее нынешнее и будущее положение в мирохозяйственной системе. С одной стороны, Россия обладает огромной территорией, пригодной для жилья и даже для вполне комфортного проживания на ней местного населения. В этом отношении у России отсутствуют ограничения, характерные для большинства развитых и развивающихся стран. Достаточно указать, что ее плотность населения в разы меньше, чем у лидеров Северной Америки, в десятки раз меньше, чем у передовых европейских стран и в сотни раз меньше, нежели у рекордсменов Азии. Например, указанный показатель России по сравнению с США в 4 раза меньше, Франции — в 15 раз, Германии — в 28 раз,

Индии — в 52 раза, Бангладеш — в 142 раза (табл. 1). С другой стороны, Россия уже сегодня достигла достаточно высокого уровня жизни, который, как правило, уже не стимулирует быстрый рост населения. Например, согласно данным Всемирного банка на 2023 г., душевой ВВП России составляет порядка 65% от немецкого уровня и в 2,2 раза выше, чем в Бразилии, в 1,9 раза — в Китае, в 4,5 раза — в Индии, в 7,6 раза — в Пакистане. Таким образом, Россия обладает возможностями для мощного демографического роста, но не имеет для этого внутренних драйверов. Указанное обстоятельство создает большое число степеней свободы в будущей экономической динамике России, чего нет у большинства государств мира.

Таблица 1

Площадь территории и плотность населения стран мира, 2023 г.

Страна	Площадь, кв. км	Плотность, чел./кв. км
Россия	17 125 191	8,4
Европа		
Франция	547 030	124,9
Германия	357 385	233,1
Латинская Америка		
Бразилия	8 515 767	24,8
Мексика	1 972 550	65,8
Африка		
Нигерия	923 768	246,7
Эфиопия	1 127 127	114,2
Египет	1 001 450	114,3
Демократическая Республика Конго	2 345 410	45,1
Танзания	948 087	70,2
Азия		
Китай	9 598 962	147,0
Индия	3 287 263	437,5
Япония	377 835	329,5
Индонезия	1 904 556	147,6
Пакистан	803 940	307,9
Бангладеш	144 000	1190,7
Филиппины	300 000	383,0
Прочие страны		
США	9 833 517	34,1

Источник: составлено авторами по данным World Bank Group.

Подчеркнем главный тезис, от которого следует отталкиваться в последующем анализе: *Россия обладает рекордной по мировым стандартам демографической вариабельностью*. Это означает, что та реальная траектория развития, по которой пойдет страна в ближайшие десятилетия, в определяющей степени зависит от политики властей. Тем самым *в отношении демографического и экономического положения Российской Федерации имеется большая неопределенность, что и порождает глобальную политическую интригу*.

Сказанное делает целесообразным и оправданным рассмотрение долгосрочных перспектив России в разрезе нескольких сценариев, которые максимально выпукло высветят как угрозы, встающие перед страной, так и ее возможности для отстаивания своего места в новом мировом порядке. Для этого рассмотрим три демографических прогноза. Первый (консервативный) — оценки ООН на основе когортно-компонентного метода; второй (инерционный) — авторские оценки, полученные на основе гибридной (линейной и экспоненциальной) экстраполяции, методические аспекты которой рассмотрены в (Балацкий, Екимова, 2025); третий (проактивный) — целевые оценки, заданные политическим курсом российского руководства и проверенные с помощью трехшаговой эконометрической модели (Екимова, 2025).

Первый (консервативный) сценарий опирается на расчет демографического баланса с учетом трех составляющих динамики населения (рождаемости, смертности и международной миграции) и является крайне нежелательным для России, ибо в этом случае страна идет по пути активного демографического коллапса. Второй (инерционный) сценарий основан на простой экстраполяции прошлых тенденций, но дает более медленную депопуляцию населения страны и, следовательно, является ослабленным негативным вариантом развития событий. Третий (проактивный) сценарий предполагает мощную демографическую экспансию России, что превратит ее в одно из самых мощных государств мира в грядущие 30–50 лет. Последний сценарий требует определенных комментариев.

Дело в том, что впервые вопрос о подобной экспансии со стороны России был поставлен в (Балацкий, Екимова, 2023), где на основе использования эконометрической модели была обоснована сама возможность удвоения численности населения страны за разумный период времени. Позже аналогичные модели демографической динамики были построены для 15 стран мира и тем самым была подтверждена универсальность самого механизма роста населения (Balatsky, Ekimova, 2023). Данные макроэкономические построения и расчеты тесным образом перекликаются с демографической программой Либерально-демократической партии России (ЛДПР), председатель которой — Леонид Слуцкий — призвал в 2023 г. удвоить население России за ближайшие 50 лет; с этого времени демографическая повестка становится центральной в политическом дискурсе

властей страны. Спустя некоторое время построенная эконометрическая модель была модифицирована и усовершенствована, но и она также подтвердила реалистичность амбициозной цели России по достижению численности населения в 290–300 млн человек за срок в 50 лет (Екимова, 2025). Полученные при этом макроэкономические показатели, которые обеспечивают достижение целевого значения населения, вне всякого сомнения, являются напряженными, но отнюдь не нереалистичными.

Таким образом, Россия находится в состоянии своеобразной демографической бифуркации — между разнонаправленными траекториями депопуляции и экспансии. В зависимости от того, по какой развилке пойдет страна, будет определяться ее место в глобальной мирохозяйственной системе. Первые два сценария — консервативный и инерционный — предполагают существенную потерю международного статуса России, тогда как третий — проактивный — позволяет укрепить положение государства на международной арене. Тем самым угрозы и возможности для страны, идущие со стороны демографического вызова, в целом понятны, однако их масштаб определить довольно трудно; этот пробел и позволяют заполнить рассмотренные три сценария.

Не останавливаясь на технических аспектах прогнозных расчетов, укажем лишь, что для них использовались статистические данные банка данных World Bank Group; методические нюансы оценивания более подробно рассмотрены в работе (Балацкий, Екимова, 2025). Относительно проактивного сценария следует отметить, что он синхронизирован с предыдущими двумя сценариями по финишной точке — 2054 г. Однако заявленный результат более реалистично получить к 2070 г. Тем не менее это означает лишь то, что сценарий развития с более быстрым достижением целевого показателя означает более напряженный вариант развития для страны.

Следует особо подчеркнуть, что все прогнозные оценки носят порядковый характер, т.е. направлены на уяснение принципиальной диспозиции стран во второй половине XXI в. Вполне вероятное отклонение фактических данных от прогнозных, скорее всего, не повлияет на изменение качественных выводов.

Перспективы демографического роста в России: инерционный сценарий

В табл. 2 приведены два варианта прогноза: первый (консервативный), основанный на оценках ООН, и второй (инерционный), воспроизводящий авторские оценки; для удобства выделены географические регионы. Приведенные данные позволяют предметно уяснить те геополитические риски и угрозы, с которыми Россией столкнется в случае сохранения негативного демографического тренда к депопуляции своего населения. Рассмотрим будущую диспозицию более предметно.

Таблица 2

Численность населения стран мира (ретроспектива и прогноз), млн чел.

Страна	1960	2000	2023	2054 (прогноз)	
				Консервативный сценарий (ООН)	Инерционный сценарий
Россия	119,9	146,6	143,8	135,2	140,1
Латинская Америка					
Бразилия	72,4 (60,4)*	174,0 (118,7)	211,1 (146,8)	215,7 (159,5)	267,5 (191,0)
Мексика	36,7 (30,6)	98,6 (67,3)	129,7 (90,2)	149,6 (110,7)	179,6 (128,3)
Африка					
Нигерия	45,1 (37,6)	126,4 (86,2)	227,9 (158,5)	374,1 (276,7)	300,0 (214,2)
Эфиопия	21,4 (17,8)	67,4 (46,0)	128,7 (89,5)	237,8 (175,9)	259,5 (185,3)
Египет	26,9 (22,4)	73,1 (49,9)	114,5 (79,6)	166,5 (123,2)	190,0 (135,6)
Демократическая Республика Конго	15,3 (12,8)	50,5 (34,4)	105,8 (73,6)	235,1 (173,9)	233,5 (166,7)
Танзания	9,9 (8,3)	34,3 (23,4)	66,6 (46,3)	139,0 (102,8)	136,5 (97,5)
Азия					
Китай	667,1 (556,4)	1262,6 (861,3)	1410,7 (981,0)	1221,0 (903,1)	1624,2 (1159,6)
Индия	436,0 (363,6)	1057,9 (721,6)	1438,1 (1000,0)	1690,9 (1250,7)	1800,0 (1285,1)
Индонезия	88,3 (73,6)	216,1 (147,4)	281,2 (195,5)	322,0 (238,2)	385,0 (274,9)
Пакистан	45,7 (38,1)	154,9 (105,6)	247,5 (172,1)	387,3 (286,5)	300,0 (214,2)
Бангладеш	51,8 (43,2)	134,5 (91,8)	171,5 (119,2)	218,2 (161,4)	200,0 (142,8)
Филиппины	27,9 (23,3)	79,6 (54,3)	114,9 (79,9)	135,0 (99,9)	125,0 (89,2)
Прочие страны					
США	180,7 (150,7)	282,2 (192,5)	334,9 (232,9)	383,8 (283,9)	413,9 (295,5)

* В скобках приведены значения страны по отношению к аналогичному показателю России в этот же год.

Источник: составлено авторами по данным World Bank Group и ООН.

Отказ России от масштабных демографических реформ приведет к тому, что на территории Латинской Америки появится еще одно государство, превосходящее Россию по численности населения — Мексика. Одновременно с этим заметно возрастет демографическое преимущество Бразилии. Тем самым в регионе окажется два крупных государства, которые будут выступать в качестве альтернативных России ареалов экономической активности.

Африканский континент предполагает более радикальное переформатирование нынешней диспозиции. Нигерия очень заметно укрепит свое демографическое преимущество над Россией, а еще 4 страны — Эфиопия, Египет, Конго и Танзания — превзойдут северную державу. Небольшой комментарий заслуживает Танзания, которая по консервативному сценарию обгонит Россию, а по инерционному — не успеет догнать. Однако усредненные оценки по двум сценариям оказываются в пользу Танзании. Тем не менее этот момент можно считать непринципиальным, так как в любом случае сохраняющийся тренд приведет к доминированию Танзании, но только с отсрочкой в 3–5 лет, что и позволяет говорить об объективности предпочтения в пользу африканского государства. Следовательно, в начале второй половины XXI в. в Африке будет 5 государств с населением больше, чем у России.

Азия к настоящему моменту уже в основном реализовала свой демографический потенциал, а потому к середине 2050-х гг. она даст всего одну страну, которая превзойдет Россию по численности населения — Филиппины. Для этой страны ситуация во многом напоминает случай с Танзией: согласно консервативному сценарию, Филиппины практически сравняются с Россией, а согласно инерционному — будут еще немного отставать от нее. Однако, как и с Танзией, пролонгация действующего тренда приведет к тому, что через 5–10 лет преимущество островного государства все равно станет неоспоримым.

Таким образом, в трех частях света — Азии, Африке и Латинской Америке — появятся страны крупнее России. Следовательно, в каждой из частей света у России появятся новые экономические конкуренты, которые рано или поздно начнут перетягивать на себя внимание мировой политики и глобального бизнеса. Общий итог от действия инерционных демографических трендов для России будет таков: с нынешнего 9-го места в международном демографическом рейтинге страна к середине 2050-х гг. опустится на 15-е место. И это тот глобальный вызов, перед которым сегодня стоит Россия.

Перспективы демографического роста в России: проактивный сценарий

Негативный прогноз для России радикально меняется при реализации проактивного сценария (табл. 3). В этом случае Россия выходит на такой

уровень численности населения, что отрывается от своих ближайших конкурентов и сохраняет свое место в качестве одной из самых крупных держав мира. Для этого достаточно указать, что при реализации демографической экспансии Россия может даже улучшить свое нынешнее положение, перейдя с 9-го места на 7-е и тем самым отодвинув 8 активных государств-конкурентов (сравнение данных табл. 2 и 3).

Таблица 3

**Численность населения России (ретроспектива и прогноз),
млн чел.**

Показатель	1960	2000	2023	2054 (прогноз)		
				Консервативный сценарий (ООН)	Авторская оценка	
					Инерционный сценарий	Проактивный сценарий (2054–2070)
Численность населения, млн чел.	119,9	146,6	143,8	135,2	140,1	290,0
ВВП, млрд долл. США	-	2977,3	5815,9	13 831,5	14 329,6	51 408,9
Душевой ВВП, долл./чел	-	20 309,3	40 437,0	102 304,0	102 304,0	177 272,0

Источник: составлено авторами по данным World Bank Group и ООН.

Проактивный сценарий нуждается в некоторых дополнительных характеристиках. Во-первых, рост населения в проактивном сценарии по сравнению с худшим — консервативным — сценарием составит 2,14 раза, что показывает колоссальный разрыв между двумя траекториями развития страны. Во-вторых, реализация проактивного сценария потребует грандиозных социальных реформ внутри страны с радикальным переформатированием модели социального успеха рядового гражданина и очень серьезной экономической мобилизации, которая обеспечит требуемый сдвиг в уровне благосостояния населения.

Сказанное позволяет понять масштабы выигрыша от перелома негативного демографического тренда и масштабы усилий по достижению этого результата. На вскидку, игра стоит свеч, однако для лучшего понимания ситуации рассмотрим данные табл. 4.

**Распределение стран мира по демографическому критерию
(ретроспектива и прогноз)**

Группа стран	Критерий отнесения	Состав группы стран		
		1960	2054	
			Инерционный сценарий	Проективный сценарий
Страны - гиганты	Первая десятка стран демографического рейтинга	Китай, Индия, США, СССР/ Россия (4), Индонезия, Япония, Германия, Великобритания, Бразилия, Бангладеш	Индия, Китай, США, Индонезия, Нигерия, Пакистан, Бразилия, Эфиопия, Дем. Респ. Конго, Бангладеш	Индия, Китай, США, Индонезия, Нигерия, Пакистан, Россия (7), Бразилия, Эфиопия, Дем. Респ. Конго
Крупные страны	Вторая десятка стран демографического рейтинга	Италия, Франция, Испания, Польша, Пакистан, Нигерия, Мексика, Вьетнам, Турция, Филиппины	Египет, Мексика, Филиппины, Танзания, Россия (15), Иран, Япония, Турция, Вьетнам, Кения	Бангладеш, Египет, Мексика, Танзания, Иран, Филиппины, Япония, Турция, Вьетнам
Средние и мелкие	Прочие страны	Египет, Таиланд, Южная Корея, Мьянма, Турция и проч.	Германия, Франция, Великобритания, ЮАР, Таиланд, Колумбия, Мьянма и проч.	Кения, Германия, Франция, Великобритания, ЮАР, Таиланд, Колумбия, Мьянма и проч.

Источник: составлено авторами.

Совмещая данные табл. 4 с предыдущими оценками, получим следующую картину. Еще в начале второй половины XX в. Россия занимала условное 4-е место (в составе СССР) в международном демографическом рейтинге и была во главе списка государств-гигантов. После распада СССР и последовавших за этим событий страна к настоящему времени заняла 9-е место, по сути, замыкая список государств-гигантов и став претендентом на выбытие из этой привилегированной группы. В случае сохранения предыдущего демографического тренда страна рискует к началу второй половины XXI в. оказаться на 15-м месте международного демографического рейтинга и тем самым сдвинуться в середину группы крупных стран, само пребывание в разряде которых уже означает колоссальное падение международного престижа государства. Тем самым ближайшие три десятилетия при сохранении Россией своего нынешнего демографического статус-кво способны качественно ухудшить ее геополитические и геоэкономические позиции. Проактивный сценарий, наоборот, способен вернуть страну с нынешнего 9-го места на 7-е и тем самым надолго сохранить за ней место среди стран-гигантов, определяющих геополитическую повестку планеты. Схематично символическое движение России в глобальной международной диспозиции показано в табл. 4 более темными квадрантами.

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее: в зависимости от траектории демографического роста Россия имеет два варианта будущего — сохранение и усиление геополитических позиций в многополюсной конфигурации мирохозяйственной системы или потеря доминантного положения в мире и регионе со всеми вытекающими отсюда следствиями. Ситуация обостряется наличием стран, которые в будущем будут стремиться приблизиться к России по численности населения и тем самым создавать дополнительный страновой «навес» в сфере глобальной экономической конкуренции.

Технологический парадокс и угрозы для России в качественном измерении

Выше была обрисована грядущая негативная демографическая диспозиция, в которой позиции России заметно ухудшаются. Однако здесь может быть высказан *главный контраргумент* в отношении будущей геоэкономической конфигурации, суть которого состоит в следующем. Страны, ставшие демографическими гигантами, сегодня настолько сильно отстают в технологическом отношении от России, что и через 30 лет они не смогут не только полностью, но и сколь-либо существенно сократить свое технологическое отставание от нее. Следовательно, они не представляют той опасности для России, которые вытекают из их демографического потенциала. Однако, как это будет показано ниже, данный контраргумент

несет в себе серьезные логические изъяны и генерирует ошибочные политические решения.

Дело в том, что за демографией всегда следуют экономика и технологии. Это означает, что «молодые» страны-гиганты рано или поздно «подтянут» к масштабу своего населения масштаб производства, а потом и его технологическую и организационную эффективность. В этом случае демографические страны-лидеры превратятся в экономических и технологических лидеров. Однако в отличие от демографического роста спрогнозировать будущий уровень экономической и технологической активности стран крайне проблематично. Можно, например, продлевать тенденции роста относительного душевого ВВП разных государств (Балацкий, Екимова, 2025), однако, как правило, такие экстраполяции дают заниженные результаты. Это связано с определенными обстоятельствами, составляющими сущность глобального развития мирохозяйственной системы.

В работе (Балацкий, Екимова, 2025) было сформулировано простое правило развития любого государства:

Территория → Население → Производство → Инновации,

которое может быть выражено в эквивалентной форме как последовательность вида:

География → Демография → Экономика → Технологии.

Это означает, что развитие любого государства стартует с заселения искомой территории людьми, которые и должны осваивать имеющуюся в их распоряжении природную зону. Когда плотность населения достигает некоей критической отметки, начинается формирование развитого производства. В свою очередь достаточно обширное производство «запускает» эффект масштаба, в соответствии с которым чем больше производство, тем выше его эффективность (Балацкий, Екимова, 2025). Все эти процессы представляют собой чередование и переплетение фаз экстенсивного и интенсивного развития. Однако прогнозировать такие процессы почти невозможно из-за того, что нам не известно, при какой критической величине в той или иной стране «стартует» эффект масштаба. Это зависит от всей совокупности цивилизационных факторов государства — исторических событий, богатства природных ресурсов, ментальных особенностей населения, жесткости межстрановой конкуренции и т.п. Из-за этого некоторые государства могут быстрее переходить к стадии быстрого технологического прогресса, а некоторые — медленнее.

Важно отметить, что технологический прогресс предполагает два разноплановых механизма — диффузию (заимствование) технологических и организационных инноваций из-за рубежа и их самостоятельное создание (разработку) внутри страны. Если бы вслед за экстенсивным механизмом (диффузией) рано или поздно не вступал в действие интенсивный

механизм (разработка), то в геополитической системе не происходило бы смены страны-лидера; в этом случае государство, добившееся гегемонии, навсегда оставалось бы в привилегированном положении.

Для иллюстрации проблем с прогнозированием ВВП достаточно сравнить прогнозы компании PricewaterhouseCoopers (PwC, 2017) и авторские оценки (Балацкий, Екимова, 2025). Сопоставления показывают, что в первом случае к середине века Бразилия по объему ВВП опередит Россию, то во втором — наоборот, продолжит отставать. Однако нельзя не отметить и общее для обоих прогнозов — все страны, ставшие демографическими гигантами, оказываются среди лидеров по объему ВВП.

Следует отметить, что почти все прогнозы объемов ВВП по странам грешат избыточной консервативностью. Это связано с системной недооценкой фактора будущего технологического уровня развивающихся стран. Аналитики априори полагают, что нынешним технологическим аутсайдерам не удастся в кратчайшие сроки преодолеть свое отставание от нынешних технологических лидеров. Однако этот тезис в ряде случаев оказывается принципиально ошибочным и порождает сильно искаженное представление о будущем нашего мира. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Дело в том, что консервативная позиция в отношении способности развивающихся стран догнать развитые базируется на сравнении уровней их душевого ВВП, которые могут кратно различаться и этот технологический разрыв не преодолевается в сжатые сроки. Тем не менее сегодня имеются яркие микро- и мезопримеры, противоречащие данному умозаключению. Так, в 2024 г. британский журнал *Economist* опубликовал обзор научно-исследовательской работы в Китае, в котором констатировалось, что из 14 главных направлений исследований, определяющих передовую технологическую повестку современности, в 8 (материаловедение, химия, машиностроение, информатика, экология, сельское хозяйство, физика, математика) Китай безоговорочно лидирует в мире (т.е. на китайских авторов приходилось более 50% всех лучших статей в мире в научных журналах, а лучшими считались те статьи, которые входили в 1% самых цитируемых). То есть более чем в половине всех ключевых сфер знания Китай уже не просто был мировым лидером, а совершал открытия и разработки больше, чем весь остальной мир, вместе взятый (Роров, 2025, р. 16). К сказанному можно добавить множество других показательных примеров: Китай сегодня имеет собственную систему глобальной навигации *BeiDou*, самый большой в мире телескоп *FAST* (сферический телескоп с пятисотметровой апертурой) в провинции Гуйчжоу, свою собственную орбитальную станцию «Тяньгун», в 2024 г. доставил грунт с обратной стороны Луны, планирует до 2030 г. высадить на Луне астронавтов, а с 2031 г. начать строительство научной лунной станции; разрабатывает свой широкофюзеляжный самолет *COMAC* — конкурент широкофюзеляжным

Boeing и *Airbus*; в 2024 г. такси без водителей уже разъезжали в Пекине, Чунцине, Шеньчжене и Ухани, а в провинции Сычуань в небо поднялся первый в мире беспилотный транспортный самолет; лидирует Поднебесная в производстве электромобилей, аккумуляторов, солнечных батарей, высокоскоростных поездов, в передаче электроэнергии на дальние расстояния и т.п. (Поров, 2025, р. 16–17). Уже сейчас по многим признакам Китай опередил США и продолжает укреплять свое лидерство. Достаточно указать, что на рынке производства солнечной энергии китайские компании почти полностью вытеснили американские фирмы не только у себя, но и на территории США (Толкачев, 2024). Однако все это технологическое чудо сочетается с тем неоспоримым фактом, что в 2023 г. душевой ВВП Китая был в 3,4 раза меньше, чем в США (здесь и далее данные Всемирного банка). Тогда резонно задать вопрос: как может страна с душевым ВВП в 29% от уровня США обогнать признанного мирового гегемона по большинству современных технологических направлений?

Тем самым имеет место парадокс, который здесь и далее будем называть *технологическим парадоксом*, сущность которого состоит в явном противоречии между усредненным технологическим макропоказателем (душевым ВВП) и мезо- и микроэкономическими фактами. Главное же в данном случае состоит в том, что, как оказывается, развивающееся государство (Китай), не ликвидировав разрыва в средних показателях эффективности производства, тем не менее, может добиться самых что ни на есть впечатляющих технологических успехов и достигнуть паритета или даже превосходства над развитым государством (США).

Как же можно объяснить обнаруженный технологический парадокс?

Объяснений здесь несколько, но, не отвлекаясь от основной темы, остановимся только на основном факторе — эффекте масштаба. Так, догоняющая страна с огромным населением может иметь менее прогрессивную технологическую структуру экономики (доля лиц, занятых в высокотехнологичных отраслях и производствах, в ней ниже, чем аналогичный показатель в развитых странах), но при этом численность занятых в топовых производствах в абсолютном выражении у нее больше, чем у развитых государств. Это означает, что при прочих равных условиях у развивающейся страны в высокотехнологичных секторах экономики имеется более значительный эффект масштаба, нежели у развитых стран. Чем больше работающих и чем масштабнее производство, тем больше разработок и вероятность новых технологических прорывов. Тем самым демографическое преимущество в топовых секторах экономики догоняющей страны способно «перевесить» прогрессивную структуру распределения кадров страны-лидера.

Простой мысленный эксперимент позволяет окончательно уяснить внешне парадоксальную диспозицию между США и Китаем. Так, если представить, что численность населения в Китае и США была бы одина-

ковой, то совершенно очевидно, что Китаю было бы нечего противопоставить нынешнему глобальному гегемону. Следовательно, именно демографический фактор был и остается главной силой Поднебесной.

Типичным проявлением технологического парадокса служит наличие ядерных программ в разных развивающихся странах, которые не преодолели минимального макробарьера. Например, Индия, которая уже давно стала членом Ядерного клуба, в настоящее время имеет душевой ВВП в 8,1 раза меньше, чем у США, а у Пакистана, также давно обзаведшегося ядерным оружием, это соотношение составляет 13,7 раза. На первый взгляд, разработка и создание ядерного вооружения в столь бедных и технологически отсталых странах кажутся невозможными, однако это бесспорный факт. Примечательно, что само наличие ядерной программы в стране поднимает ее экономику до уровня высокотехнологичной, однако даже по истечении длительного времени наличие высоких технологий в догоняющих странах остается локальным явлением, не распространяясь на все национальное производство. Подобных примеров можно привести множество.

Особо подчеркнем, что феномен технологического парадокса имеет широчайшую сферу распространения, а сам он может сохраняться на протяжении очень длительного времени для страны, которая уже давно стала технологическим лидером. Например, сегодняшний Китай тотально превосходит США по массовому технологическому обеспечению общественной жизни. Достаточно указать, что сами жители Поднебесной отмечают вопиющие странности между двумя странами: число бездомных на улицах Нью-Йорка огромно, тогда как в городе Нинбо недалеко от Шанхая с 10 млн жителей их вообще нет; в метро Нью-Йорка кондиционеров нет, а в Нинбо и других китайских городах они есть везде, автобусы американского мегаполиса шумят и выпускают выхлопы, а в Нинбо все автобусы электрические — бесшумные и экологически чистые; даже оплата товаров в китайских магазинах осуществляется телефонами, а не карточками, а пропуск даже в многоквартирных домах основан на распознавании лица (Роров, 2025, р. 15). Тем не менее усредненный показатель душевого ВВП генерирует совершенно иную картину.

Все сказанное ранее позволяет опровергнуть главный контраргумент в отношении будущей геоэкономической конфигурации. Это связано с несколькими выводами стратегического значения, вытекающими из предыдущего изложения.

Во-первых, как оказывается, сокращение технологической дистанции между странами иногда происходит поистине стремительно. Например, Китай по душевому ВВП в 2000 г. составлял лишь 7,2% от уровня США, однако через 20 с лишним лет это вопиющее отставание было преодолено в рамках технологического парадокса. Для сравнения: аналогичный показатель для Танзании по отношению к России сегодня составляет 8,7%

и нет никаких оснований думать, что африканское государство не способно сделать технологический рывок; даже если китайское чудо и не повторится, отставание может быть радикально уменьшено. Иными словами, иллюзия безмятежности довольно опасна для России, идущей по инерционному сценарию развития.

Во-вторых, как было показано, технологическое выравнивание между странами отнюдь не предполагает полного выравнивания их значений душевого ВВП. В этом смысле страна-гигант с кажущимся «безопасным» уровнем душевого ВВП может неожиданно оказаться серьезным экономическим конкурентом для России. Более того, само наличие технологического парадокса предполагает пересмотр базовых понятий — *развитых* и *развивающихся* стран. Как оказывается, технологические и социальные преимущества развивающихся государств над развитыми могут стать *визуально наблюдаемыми* (как, например, Китая над США), но академическая традиция отказывается пересматривать статус этих держав, апеллируя к уровню душевого ВВП. Фактически речь идет о том, что показатель душевого ВВП частично утратил свою релевантность и не может служить надежным индикатором текущего положения дел.

В-третьих, страна, попадающая в режим демографической стагнации и депопуляции, как правило, довольно быстро оказывается в технологической депрессии. Это правило хорошо видно на примере Японии и Южной Кореи, которые совершили свое экономическое чудо на траектории демографического роста, а теперь, попав в демографическую яму, теряют свои позиции — Япония уже достаточно давно, а Южная Корея относительно недавно. Отсутствие у этих стран большой территории ставит предел численности их населения, а это влечет экономический, технологический и культурный застой. Россия давно попала в ловушку демографической депрессии и, если в ближайшее время не выйдет из нее, то рискует оказаться в состоянии системного технологического кризиса. Северная Корея, которая всегда испытывала дефицит кадров, все-таки смогла реализовать ядерную программу, но нехватку людей компенсировала временем проекта, который длился с середины 1950-х гг. до примерно 2010 г. (примерно 50 лет). Китай, Индия и Пакистан, у которых был традиционный избыток кадров, ядерную программу реализовали гораздо раньше ядерных карликов — Северной Кореи и Израиля. Россия в перспективе может оказаться в состоянии Северной Кореи, когда масштабные технологические проекты она будет осуществлять с большим трудом и очень долго, что автоматически подорвет ее глобальную конкурентоспособность.

Эти опасности для России являются слишком серьезными и реальными, чтобы лишний раз переформатировать национальную стратегию демографического роста в сторону ее интенсификации, ибо вялый рост населения уже не спасет страну от новых агрессивных экономических конкурентов.

Угрозы для России в количественном измерении

Чтобы окончательно понять масштаб стоящих перед Россией проблем, следует количественно оценить некоторые эффекты. Прежде всего, вернемся к тому факту, что значительное преимущество в демографическом потенциале способно нейтрализовать отставание в технологическом развитии. Однако здесь есть свои ограничения. Например, по состоянию на 2023 г. Китай уступает США по уровню душевого ВВП в 3,37 раза, а по численности населения имеет превосходство в 4,21 раза. Если полагать, что сегодня между двумя странами наблюдается примерный технологический паритет, то можно говорить об эффекте компенсации нехватки технологического потенциала избытком демографического фактора. При этом замещение происходит не один к одному, а с некоторым перевесом в сторону демографического ресурса. Такое явление можно назвать *демографическим мультипликатором*, и его величина для Китая и США составляет 1,25 ($4,21/3,37 = 1,25$). Разумеется, эта цифра не является универсальной — для других стран и иных периодов она может быть совершенно иной или вообще отсутствовать. Однако для «прощупывания» численных закономерностей от этого индикатора можно оттолкнуться, чтобы понять примерный потенциал стран-конкурентов России.

Если Россия пойдет по инерционному сценарию развития, то ко второй половине XXI в. она окажется по населению в 1,91 раза меньше Бразилии. При подобном демографическом преимуществе Бразилии и при демографическом мультипликаторе в 1,25 это означает, что ей достаточно повысить отношение уровней душевого ВВП с Россией с нынешних 47,0 до 65,4% (+18,4 п.п.) ($1,25/1,91 = 0,65$) для того, чтобы достигнуть с ней технологического паритета. Эта цифра далека от запредельных, и велика вероятность, что подобный сценарий будет реализован. Учитывая, что речь идет о временном интервале примерно в 30 лет, Бразилии достаточно увеличивать относительный уровень душевого ВВП на 0,6 п.п. в год. Разумеется, эта цифра не так мала, учитывая, что Россия также будет наращивать производительность труда национального производства; фактически рост душевого ВВП Бразилии должен расти на 0,6 п.п. быстрее, чем аналогичный показатель России.

Аналогичным образом инерционный вариант развития событий приведет к тому, что ко второй половине XXI в. Индонезия станет в 2,75 раза больше России, а это означает, что ей достаточно довести относительный уровень душевого ВВП с нынешних 34,3 до 45,5% (+11,2 п.п.) ($1,25/2,75 = 0,45$) для достижения примерного технологического паритета с Россией. А этот сценарий является еще более вероятным — Индонезии необходимо увеличивать относительный уровень душевого ВВП на 0,37 п.п. в год.

Приведенные цифры показывают, что во всех регионах планеты уже имеются «молодые» государства-гиганты, готовые потеснить Россию

на международном Олимпе. Это лишь вопрос времени и, как было показано выше, времени весьма незначительного по историческим меркам. Сказанное лишний раз доказывает безальтернативность выбора России относительно проактивного сценария демографического роста.

Обнаруженный *технологический парадокс*, переосмысление явления *технологического паритета* и введение в рассмотрение понятия *демографического мультипликатора* имеет прямое отношение к проблеме идентификации так называемой *технологической границы*, под которой в данном случае понимается критическая величина относительной производительности труда страны (относительно страны-лидера — США), превышение которой делает выгодной разработку новых технологий внутри страны. Напомним, что последняя оценка технологической границы составила 71% (Balatsky, 2021). Однако, как было показано выше, избыток демографического фактора позволяет стране существенно понижать эту величину и вступать в технологическое соревнование гораздо раньше, чем это предусмотрено каноническим нормативом. Иными словами, само понятие технологической границы становится условным и распространяется на средние и мелкие государства, тогда как для особо крупных стран оно оказывается существенно пониженным из-за демографического демпфирования.

С этой точки зрения Россия оказывается опять-таки в двусмысленном положении. С одной стороны, она может получить значительные бонусы для технологического развития, если сохранит свои позиции государства-гиганта, а с другой — она рискует, наоборот, оказаться в невыгодном отношении по сравнению с другими странами-гигантами, если они продолжат демографическую экспансию, а она — нет. Это дополнительный аргумент в пользу проактивного сценария развития.

Заключение

Ускорение демографических различий между странами в последние десятилетия привели к радикальному переформатированию геополитического пространства планеты, которое будет продолжаться еще не менее трех десятилетий. Произошедшие изменения уже кардинально изменили международные позиции России и изменят их еще больше к середине века. Это геополитический вызов для страны со стороны глобальных демографических сдвигов. В этой ситуации перед Россией возникает довольно драматичная дилемма: либо осуществить сверхусилия по запуску демографической экспансии, довести за численность населения 30–50 лет до 290–300 млн человек и за счет этого сохранить и упрочить свои геополитические позиции, либо смириться с установившимся режимом демографической депрессии и оказаться сдвинутой с привилегированной позиции на международном Олимпе в разряд обычных стран. Это одновременно и угроза, и новые возможности.

Возникшая ситуация для России имеет явное своеобразие в части наличия у нее свободы выбора — страна может отказаться от борьбы за достойное место на мировой арене и ограничиться ролью регионального лидера, а может не просто принять участие в глобальной конкуренции, но и победить в ней и существенно укрепить свои позиции. Например, у европейских стран такого выбора уже нет, что выражается в возникновении феномена «Закат Европы 2.0», когда государства указанного субконтинента уже ничего не могут сделать для сохранения своего места в мировой политике и осуществляют фатальный дрейф в сторону попадания в разряд стран полупериферии и даже периферии.

Вместе с тем наличие у России подобных шансов ставит перед ней новые и весьма масштабные задачи, готовность к решению которых пока не очевидна. Фактически для того, чтобы успешно вписаться в новый мировой порядок России необходимо переходить к одной из моделей мобилизационной экономики, без чего необходимые изменения просто невозможны. Отказ России от борьбы будет означать, что на мировом рынке уже через 30 лет у нее будут конкуренты в лице «молодых» стран, ставших в последнее время демографическими гигантами. Согласно проведенным прогнозам, Россия может скатиться с нынешнего 9-го на 15-е место международного демографического рейтинга. И эти новоявленные «молодые» гиганты — Мексика, Филиппины, Эфиопия, Египет, Конго и Танзания — быстро превратятся в экономических и технологических лидеров будущего мира.

Обнаруженный авторами технологический макропарадокс, согласно которому крупные страны, даже не выйдя на современные макроэкономические технологические стандарты, способны превращаться в технологически развитые державы, подчеркивает серьезность вызова перед Россией. Новые страны-гиганты будут агрессивно конкурировать со странами центра мирохозяйственной системы, в том числе с Российской Федерацией. Расчеты с использованием понятия технологического паритета и демографического мультипликатора доказывают, что нынешние и будущие страны-гиганты будут навязывать России жесткую технологическую конкуренцию, выдержать которую без достойного демографического ресурса нельзя.

Россия сильно опаздывает в реализации своей демографической программы. Отчасти это вызвано тем, что на протяжении долгого времени в научном и политическом дискурсе доминировал примат технологического потенциала над демографическим фактором развития, а также примат производственных технологий над природными ресурсами. Эта логика поддерживалась опытом предыдущих трех столетий, когда небольшие европейские страны в силу своего технологического лидерства были способны подчинять огромные и слаборазвитые государства, а также присваивать и эксплуатировать их природные ресурсы. Похоже, что время ма-

лых государств снова уходит, грядет время многополярного мира на базе новых стран-гигантов. И России предстоит вписаться этот новый мир.

Список литературы

Балацкий, Е., & Екимова, Н. (2025). Закат Европы 2.0 в контексте глобальных демографических рокировок. *Terra Economicus*, 23(3). [В печати].

Балацкий, Е., & Екимова, Н. (2023). Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура. *Terra Economicus*, 21(2), 23–37. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37>.

Гоголюхина, М. Е., & Чирская, К. Н. (2024). Экономическое развитие стран Глобального Юга и их роль в мировой экономике. *КАНТ*, 2(51), 63–70. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-51.12>.

Екимова, Н. (2025). Моделирование демографического роста в России: факторы, механизмы, резервы. *Journal of Applied Economic Research*, 24(2), 386–414.

Зинькина, Ю. В., & Коротаев, А. В. (2017). *Социально-демографическое развитие стран Тропической Африки*. М.: URSS, 272 с.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., & Мусиева, Дж. (2022). К оптимизации глобальных демографических процессов. *История и современность*, 4(46), 81–103. <https://doi.org/10.30884/iis/2022.04.05>.

Рудакова, Е. К. (2020). Демографические процессы в Европе: динамика и причины депопуляции. *Власть*, 28(1), 227–234. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7466>.

Скляр, А. Я. (2023). Математическая модель динамики роста населения Земли. *Modern Economy Success*, 1, 159–169.

Толкачев, С. А. (2024). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США. *Мировая экономика и мировые финансы*, 3(4), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290>.

Ясинский, С. А. (2024). Моделирование роста народонаселения Земли для прогнозирования экономики труда государства. *Экономика труда*, 11(7), 983–1000. <https://doi.org/10.18334/et.11.7.121302>.

Alam, S. A., & Pörtner, C. C. (2018). Income shocks, contraceptive use, and timing of fertility. *Journal of Development Economics*, 131, 96–103. <https://doi.org/10.1016/j.jdevco.2017.10.007>.

Balatsky, E. (2021). Identification of the Technology Frontier. *Foresight and STI Governance*, 15(3), 23–34. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.3.23.34>.

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2023). Identifying regional foci of potential geopolitical activity on the basis of demographic scale effect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 138–154. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.8>.

Bloom, D. E., & Kotschy, R. (2023). Population aging and economic growth: from demographic dividend to demographic drag? *NBER Working Paper No. 31585*, 51 p. <https://doi.org/10.3386/w31585>.

Bogdanov, K. V., Frumkin, B. E., & Kobrinskaya, I. Ya. (2024). A Race for the Global South or a Battle for the World Majority: Russia's Prospects. *Russia in Global Affairs*, 22(4), 64–81. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-4-64-81>.

Caldwell, J. C., Caldwell, B. K., Caldwell, P., McDonald, P. F., & Schindlmayr, T. (2006). *Demographic Transition Theory*. Dordrecht: Springer. 412 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4498-4>.

Congressional Budget Office (2025). The Demographic Outlook: 2025 to 2055. <https://www.cbo.gov/system/files/2025-01/60875-demographic-outlook.pdf>.

Cruz, M., & Ahmed, S.A. (2018). On the impact of demographic change on economic growth and poverty. *World Development*, 105, 95–106. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018>.

Dzhioev, A., & Caberty, N. (2021). Analysis of the birth rate and mortality of the population of Russia in 2019–2021. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 28(4), 44–51. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2021-28-4-44-51>.

Gallego, F., & Lafortune, J. (2023). Baby commodity booms? The impact of commodity shocks on fertility decisions and outcomes. *Journal of Population Economics*, 36, 295–320. <https://doi.org/10.1007/s00148-021-00855-0>.

Hofmann, M. (2023). The future of international migration: what we know about the drivers that shape long-term migration trends and require policy responses. https://www.icmpd.org/file/download/61799/file/2023-11-30_Perspective_Nov_EN_pages.pdf.

Korotayev, A., Malkov, A., & Khaltourina, D. (2006). *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS, 128 p.

Kumar, S., Shaw, P. K., Abdel-Aty, A.-H., & Mahmoud, E. E. (2020). A numerical study on fractional differential equation with population growth model. *Numerical Methods for Partial Differential Equations*, 40(1), art. e22684. <http://dx.doi.org/10.1002/num.22684>.

Lutz, W., Butz, W. P., & KC, S. (eds). (2014). *World Population and Human Capital in the Twenty-First Century*. Oxford, England: Oxford University Press. 704 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703167.001.0001>.

Lutz, W., Goujon, A., KC, S., Stonawski, M., & Stilianakis N. (eds.). (2018). *Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 595 p. Oxford, England: Oxford University Press. 704 p. <https://doi.org/10.2760/41776>.

Maitra, B., & Ganguli, D. (2025). Impact of fertility decline, gender, and social development on economic growth in India. *Journal of Social and Economic Development*, 27, 450–471. <https://doi.org/10.1007/s40847-024-00345-5>.

Nath, S. K. (2020). Demographic Transition and Economic Growth. *Solid State Technology*, 63(5), 3142–3148.

Office for National Statistics (2025). Population estimates for the UK, England, Wales, Scotland and Northern Ireland: mid-2023. <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/bulletins/annualmidyearpopulationestimates/mid2023>.

Popov, V. V. (2025). *Why China Used to Lag Behind the West, but Is Now Overtaking It*. Moscow: Fortis Press, 392 p.

PwC. (2017). The long view: how will the global economic order change by 2050? <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf>.

Țarcă, V., Țarcă, E., & Luca, F.-A. (2022). The Impact of the Main Negative Socio-Economic Factors on Female Fertility. *Healthcare*, 10(4), 734. <https://doi.org/10.3390/healthcare10040734>.

Thomas, R. K. (2024). *World Population Trends*. In: *Demography: An Introduction to Population Studies*. Springer Texts in Social Sciences. London: Springer Cham, 235–249. https://doi.org/10.1007/978-3-031-56623-3_12.

UN DESA. (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results. <https://desapublications.un.org/publications/world-population-prospects-2024-summary-results>.

UNCTAD. (2025). World Investment Report 2024. <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>.

Vollset, S. E., Goren, E., Yuan, Ch.-W., Cao, J., Smith, A., Hsiao, Th., Bisignano, C., Azhar, G., Castro, E., Chalek, J., Dolgert, A., Frank, T., Fukutaki, K., Hay, S., Lozano, R., Mokdad, A., Nandakumar, V., Pierce, M., Pletcher, M., Robalik, T., Steuben, K., Wunrow, H. Y., Zlavog, B., & Murray, Ch. (2020). Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*, 396(10258), 1285–1306. [http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).

Wanassi, O. K., & Torres, D. F. M. (2023). An integral boundary fractional model to the world population growth. *Chaos, Solitons & Fractals*, 168, art. 113151. <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2023.113151>.

WBG. (2025). DataBank: World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>.

References

Balatsky, E., & Ekimova, N. (2025). Decline of Europe 2.0 in Context of Global Demographic Reshuffling. *Terra Economicus*, 23(3). [In print].

Balatsky, E., & Ekimova, N. (2023). Prospects for Russia's demographic expansion: Economics, institutions, and culture. *Terra Economicus*, 21(2), 23–37. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37>

Ekimova, N. (2025). Modeling Demographic Growth in Russia: Factors, Mechanisms, Reserves. *Journal of Applied Economic Research*, 24(2), 386–414. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.2.013>

Gogolukhina, M. E., & Chirskaya, K. N. (2024). Economic Development of the Global South and Their Role in the World Economy. *KANT*, 2(51), 63–70. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-51.12>

Korotayev, A. V., Malkov, S. Y., & Musieva, J. (2022). Towards the Optimisation of Global Demographic Processes. *Istoriya i sovremennost'*, 4(46), 81–103. <https://doi.org/10.30884/iis/2022.04.05>

Rudakova, E. K. (2020). Demographic Processes in Europe: Dynamics and Reasons for Depopulation. *The Authority*, 28(1), 227–234. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7466>

Sklyar, A. Ya. (2023). Mathematical Model of the Dynamics of the Earth's Population Growth. *Modern Economy Success*, 1, 159–169.

Tolkachev, S. A. (2024). U. S. -China rivalry in the U. S. solar market. *World Economy and World Finance*, 3(4), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290>

Yasinskiy, S. A. (2024). Modeling the Growth of the Earth's Population to Predict the Labor Economy of the State. *Russian Journal of Labor Economics*, 11(7), 983–1000. <https://doi.org/10.18334/et.11.7.121302>

Zinkina, Y. V., & Korotaev, A. V. (2017). *Sotsialno-demograficheskoe razvitiye stran Tropicheskoy Afriki*. Moscow: URSS. 272 p.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А. С. Гараева¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 339.5

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-12

**«ЗЕЛЕНый» ПРОТЕКЦИОНИЗМ:
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В статье рассматривается политическая экономия «зеленого» протекционизма как нового феномена в мировой торговле, в рамках которого экологические цели сочетаются с задачами поддержки национальной промышленности и технологического суверенитета. Исходная гипотеза состоит в том, что формирующийся режим «зеленого» протекционизма представляет собой форму перехода к режиму выборочного допуска на рынки, при котором доступ определяется соответствием экологическим и технологическим требованиям, устанавливаемым в одностороннем порядке крупнейшими экономиками. Цель исследования заключается в анализе инструментов, используемых крупнейшими экономиками, которые формируют современную архитектуру международной торговли через интеграцию климатических целей в промышленную политику. Основной акцент сделан на сравнительном анализе таких программ, как Европейский зеленый курс (European Green Deal, EGD), Трансграничный углеродный налог (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM), Закон о критически важных сырьевых материалах (Critical Raw Materials Act, CRMA), Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, IRA) и др., с опорой на материалы ВТО, UNCTAD, UNEP, UNIDO и официальные нормативные документы. В статье систематизированы этапы становления «зеленого» протекционизма, описаны основные инструменты и выявлены характерные черты современных мер, включая их трансграничный эффект и влияние на развивающиеся страны. Особое внимание уделено причинам слияния климатической и промышленной политики в единый комплекс регуляторных мер и различиям подходов Европейского союза и США к формированию новых правил глобальной конкуренции. Делается вывод о превращении «зеленой» политики в инструмент, при помощи которого страны — лидеры мировой экономики пытаются закрепить свое технологическое и экономическое лидерство.

Ключевые слова: «зеленый» протекционизм, международная торговля, промышленная политика, глобальная конкуренция, экологические стандарты, ВТО, технологический суверенитет.

Цитировать статью: Гараева, А. С. (2025). «Зеленый» протекционизм: политэкономические аспекты. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 231–254. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-12>.

¹ Гараева Анна Сергеевна — магистрант, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: anna.garaeva1512@mail.ru, ORCID: 0009-0006-4880-5707.

© Гараева Анна Сергеевна, 2025

A. S. Garaeva

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: F13, Q38, 019

GREEN PROTECTIONISM: POLITICAL ECONOMY ASPECTS

This article examines the political economy of green protectionism as an emerging phenomenon in global trade, in which environmental objectives are combined with the goals of maintaining domestic industry and ensuring technological sovereignty. The central hypothesis is that the evolving regime of green protectionism represents a shift toward a model of selective market access, where entry is conditioned on compliance with environmental and technological standards unilaterally defined by the world's largest economies. The aim of the study is to analyze the policy instruments employed by major economies to reshape the architecture of international trade by integrating climate objectives into industrial policy. The article focuses on a comparative analysis of key initiatives such as the European Green Deal (EGD), the Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), the Critical Raw Materials Act (CRMA), and the Inflation Reduction Act (IRA), drawing on sources from the WTO, UNCTAD, UNEP, UNIDO and official regulatory documents. The author systematizes the stages in developing green protectionism, identifies its core instruments, and highlights the distinctive features of current measures, including their extraterritorial impact and implications for developing countries. Special emphasis is placed on the drivers underlying the convergence between climate and industrial policy into a unified regulatory framework, and on the contrasting approaches of the European Union and the United States in shaping the new rules of global competition. The study concludes that green policy is increasingly being used as a strategic tool through which leading economies seek to consolidate their technological and economic dominance.

Keywords: green protectionism, international trade, industrial policy, global competition, environmental standards, WTO, technological sovereignty.

To cite this document: Garaeva, A. S. (2025). Green protectionism: political economy aspects. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 231–254. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-12>.

Введение

Экологические стандарты перестают быть исключительно техническими нормами и все чаще становятся политическими инструментами². На фоне ускоряющегося климатического перехода крупнейшие экономики мира — прежде всего США и Европейский союз — начинают все активнее использовать экологические требования в рамках промышленной и торговой политики. О растущем влиянии экологической повестки

² Автор признателен двум анонимным рецензентам за доброжелательные замечания и рекомендации, позволившие улучшить статью.

на международную торговлю в последние годы начали активно говорить ведущие экономисты и международные институты. Так, Дж. Стиглиц подчеркивает, что система многосторонней торговли уже не отражает современных реалий. Новые формы промышленной политики, включая меры в сфере устойчивого развития, все чаще применяются крупными экономикami вне универсальных норм, что подрывает доверие к правилам ВТО (Stiglitz, 2025). На этом фоне в академической литературе появляется концепция greener-thy-neighbor — переработка классической модели beggar-thy-neighbor³ в условиях климатической конкуренции (Deojain, Lindequist, 2025). В недавней работе С. Деоджайн и Д. Линдеквист показали, что протекционистские элементы «зеленой» политики могут выступать одновременно и как источник искажений, и как механизм международной климатической координации. Их модель демонстрирует, что в условиях неопределенности такие меры могут способствовать принятию климатических обязательств, но при этом усиливают риски координационных провалов и фрагментации торговли (Deojain, Lindequist, 2025).

Параллельно международные организации фиксируют рост числа субсидий, направленных на поддержку «зеленых» отраслей, и указывают на недостаточную прозрачность этих мер. В совместном докладе ВТО, МВФ, Всемирного банка и ОЭСР подчеркивается, что климатически ориентированные субсидии все чаще становятся причиной международной напряженности, поскольку распределяются исходя из стратегических интересов государств, предполагая ограниченный доступ для внешних производителей (IMF et al., 2022). На этом фоне все более отчетливо проявляется новая логика: экологические нормы становятся средством экономического отбора: кому позволено участвовать в импорте, а кому — нет. В ряде исследований подчеркивается, что «зеленые» меры — от субсидий до стандартов — превращаются в элемент геоэкономической конкуренции за будущее технологическое доминирование, в том числе ценой отхода от принципов нейтралитета и равного доступа к торговле (Kirkegaard, 2023).

В этих условиях складывается особая форма торгового вмешательства — «зеленый» протекционизм, в рамках которого доступ к рынкам зависит от соответствия установленным экологическим стандартам, зачастую определяемым в одностороннем порядке. Эти изменения невозможно понять в логике традиционного регулирования: речь о формировании новой модели экономического взаимодействия. Государства самостоятельно определяют, какие технологии, материалы или страны соответствуют их крите-

³ Под beggar-thy-neighbour политикой (букв. «обедняй своего соседа») в экономике понимаются меры, с помощью которых государство стремится улучшить собственное экономическое положение (например, восстановить занятость или торговый баланс) за счет ухудшения положения других стран. Термин восходит к Адаму Смиту, который указывал, что меркантилистская политика предполагает «обнищание соседей» ради собственной выгоды (Smith, 1776).

риям «устойчивости», и на этом основании допускают их к распределению ресурсов, контрактов и торговых преференций. Такой подход замещает универсальные правила глобальной торговли системой экономического отбора, в которой климатическая и промышленная политики становятся инструментами управления доступом к экономическим возможностям будущего (Meuer, 2024).

Принципиальной особенностью современного «зеленого» протекционизма является то, что он опирается на слияние промышленной политики, климатических целей и геоэкономических приоритетов в единую систему регулирования. Механизмы, внедряемые под лозунгами борьбы с изменением климата, фактически создают новые торговые барьеры и закрепляют неравный доступ к технологиям и инвестициям. Все чаще доступ к международным рынкам связывается с выполнением определенных условий: от уровня углеродных выбросов и требований к технологическим процессам до локализационных критериев происхождения компонентов. Эти меры формируются крупнейшими экономиками в одностороннем порядке, преимущественно в интересах национальных компаний. Это сопровождается ростом неравенства: страны — лидеры «зеленой» повестки используют свои возможности для продвижения выгодных им норм на различных международных и региональных площадках, тогда как развивающиеся страны зачастую лишены ресурсов для полноценного участия в выработке стандартов на международном уровне. Прежние механизмы согласования интересов в рамках многосторонних переговоров отступают на второй план, уступая место односторонним решениям, где ведущие экономики выступают одновременно авторами правил и арбитрами.

Особенно остро эти изменения затрагивают развивающиеся страны. Без адекватных механизмов финансовой и технологической поддержки такие меры закрепляют существующее глобальное неравенство и препятствуют формированию собственных траекторий устойчивого развития в развивающемся мире.

Происходящее невозможно свести ни к возвращению старых форм протекционизма, ни к логике глобального климатического сотрудничества. Возникает новая структура, в которой промышленная политика, климатические цели и геоэкономические приоритеты сливаются в единую систему распределения доступа к переходу на траекторию устойчивого развития. Именно этот сдвиг требует переосмысления — не только в терминах справедливости климатического перехода, но и с точки зрения самой архитектуры мировой торговли.

В настоящей статье рассматривается политэкономическая логика становления «зеленого» протекционизма как особого направления торгово-промышленной политики, в котором климатические цели используются вместе с задачами технологического развития. В статье уточняются теоретические основания этого явления и предлагается его разграничение

с другими формами экологического регулирования. На основе прослеживания траектории развития соответствующих механизмов в ведущих экономиках — таких как Европейский союз, США и Китай — анализируется трансформация экологических мер из инструментов кооперации в механизмы ограничения доступа к экономическим ресурсам. Отдельный акцент сделан на сравнении стратегий крупнейших экономик и их влиянии на глобальное распределение выгод, с учетом рисков для развивающихся стран и будущего мировой торговой системы.

Теоретико-методологические основы «зеленого» протекционизма

Расширение климатической повестки в международной торговле сопровождается усложнением политико-экономических механизмов ее реализации. На смену универсальным подходам к устойчивому развитию, предполагающим согласованные меры в рамках многосторонних соглашений, приходит новый тип односторонних инструментов, сочетающих цели декарбонизации с приоритетами национальной промышленной политики. Долгое время экологическая повестка рассматривалась как преимущественно техническая и согласуемая в многостороннем порядке, несмотря на скрытые политико-экономические противоречия. Однако в 2015 г. более чем 100 стран подписали Парижское соглашение, что стало поворотным моментом. Этот документ дополнил серию ключевых инициатив ООН, наряду с декларацией «Будущее, которое мы хотим» (2012) и «Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015), утвердивших устойчивое развитие в качестве одной из основополагающих концепций глобального развития в XXI в. (Бобылев, 2021). Парижское соглашение определило климатические ориентиры на период до 2050 г., зафиксировав цели сдерживания глобального потепления в пределах 1,5–2°C и достижения углеродной нейтральности. В дальнейшем вопросы экологии все чаще начали интегрироваться в экономические стратегии крупных экономик.

Активизация «зеленой» повестки в международной торговле находит количественное подтверждение в статистике Всемирной торговой организации (ВТО), объединяющей более 160 государств. Одним из ключевых инструментов институционального мониторинга является Environmental Database (EDB) — база данных, аккумулирующая информацию о мерах, которые имеют прямое или косвенное влияние на международную торговлю и одновременно связаны с экологическими целями. Наиболее часто выделяются два ключевых показателя при систематизации данных: 1) экологические торговые меры (environment-related trade measures), т. е. нормативные и политические действия, имеющие экологическую направленность и прямое влияние на международную торговлю, а также 2) эко-

логические уведомления (environment-related notifications) — сообщения, предоставляемые странами в ВТО в рамках обязательств по соглашениям.

Согласно данным Environmental Database, за последние 15 лет наблюдается устойчивый рост числа как экологических торговых мер, так и официальных уведомлений, поступающих от стран — участниц ВТО. Еще в 2009 г. государства — члены ВТО уведомили менее чем о 850 торговых мер, связанных с экологией. К 2023 г. их число достигло 2229 — почти трехкратный рост. Одновременно выросло и число экологических уведомлений почти в два раза — с 480 до 840 (рис. 1).

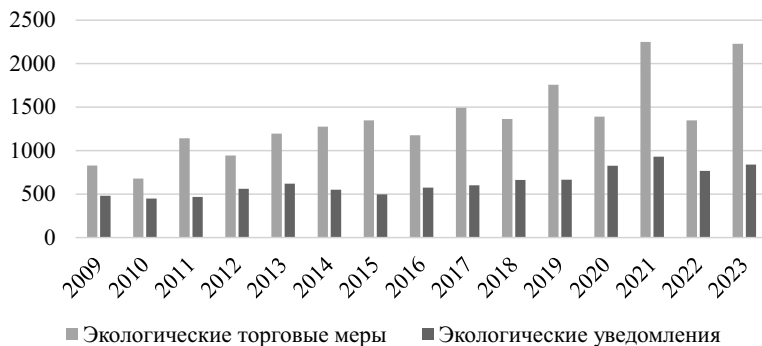

Рис. 1. Динамика количества введенных экологических торговых мер и поданных уведомлений странами — участницами ВТО за 2009–2023 гг.
Источник: составлено автором на основе (World Trade Organization, 2024).

Однако важно не только общее количество мер, но и то, кто именно задает темп этой трансформации. Для оценки активности крупнейших торговых игроков в области «зеленого» регулирования был составлен ранжированный список из 10 стран и объединений с наибольшим числом экологически мотивированных торговых мер, введенных в период с 2009 по 2023 г. (табл. 1). В качестве дополнительного индикатора в анализ также включено количество официальных уведомлений, поданных теми же странами за указанный период.

Бесспорное лидерство по числу принятых торговых мер с экологическим содержанием принадлежит Европейскому союзу (3284 меры) и США (3097 мер), что количественно подтверждает их ведущую роль в формировании новой нормативной архитектуры торговли, в которой экологические критерии используются как инструмент селективного доступа на рынки. Все остальные страны из списка демонстрируют существенно меньший масштаб активности в данной области.

Как отмечается в докладе UNCTAD (2023), рост числа климатических торговых и инвестиционных мер без должной международной координации может привести к фрагментации глобальной системы. Это усили-

вает тенденцию к формированию так называемого «зеленого» протекционизма — стратегии, при которой экологические проблемы используются для достижения неэкологических целей под прикрытием заботы о природе (Egixon, Abbott, 2009). Он проявляется в виде экологических стандартов, мер по локализации производства и трансграничных механизмов, которые формально служат целям декарбонизации, но, по сути, перераспределяют конкурентные преимущества в пользу стран с высоким уровнем регулирования и доступом к «зеленым» инвестициям. Данные меры могут представлять собой способ защиты промышленности в условиях климатического перехода, особенно в странах — законодателей моды в области ESG. Реализация таких механизмов может быть направлена на ограничение доступа к рынкам сбыта для производителей из стран, для которых климатическая политика пока не является приоритетом.

Таблица 1

Рейтинг стран и объединений — участниц ВТО по количеству экологических торговых мер за 2009–2023 гг.

Участники ВТО	Экологические торговые меры (ERM)	Экологические уведомления (ERN)
ЕС	3284	1124
США	3097	1027
Австралия	1238	258
Китай	994	388
Канада	686	207
Япония	513	211
Бразилия	494	457
Южная Корея	443	221
Новая Зеландия	404	167
Тайвань	393	207

Источник: составлено автором на основе (World Trade Organization, 2024).

«Зеленый» протекционизм развитых стран направлен не столько на согласование глобальных усилий по декарбонизации, сколько на закрепление структурных преимуществ, ограничений доступа к рынкам и инвестициям и воспроизводство зависимости развивающихся стран в роли поставщиков сырья для низкоуглеродной экономики (Lebdioui, 2024). «Зеленые» технологии в этой системе превращаются в инструмент, закрепляющий глобальное неравенство, когда возможность участия в междуна-

родной торговле определяется не уровнем ценовой конкурентоспособности, а соответствием стандартам и условиям, которые задаются центрами силы. Такая политика способствует неравномерному распределению выгод от «зеленого» перехода, укрепляет технологическое доминирование ведущих экономик и увеличивает риски фрагментации глобального торгового пространства.

Важно отметить, что положения, допускающие экологически обоснованные ограничения торговли, были предусмотрены еще в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г. — документе, впоследствии ставшем частью правовой системы Всемирной торговой организации (ВТО). Такие исключения закреплены в статье XX, а именно в пунктах b и g, — они разрешают государствам вводить меры, направленные на защиту здоровья людей, животных, растений и на охрану исчерпаемых природных ресурсов (World Trade Organization. General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1994). Article XX: General Exceptions, 1994). Однако эти меры должны отвечать важному условию: они не должны применяться произвольно, скрыто или с намерением создать необоснованное преимущество для своих производителей (Erixon, Abbott, 2009; Johnson, 2015).

На практике многие государства используют данную возможность для внедрения инструментов, которые формально соответствуют экологическим целям, но фактически могут ограничивать конкуренцию и перераспределять преимущества в международной торговле в свою сторону. Эти меры варьируются по характеру и механизму воздействия: от технического регулирования продукции до налоговых и тарифных барьеров. Для наглядности данные инструменты сведены в табл. 2.

Таблица 2

Инструменты «зеленого» протекционизма

Инструмент	Пояснение	Пример
Пошлины с учетом экологичности процессов и методов производства	Ввозные пошлины или сборы, применяемые к продукции, произведенной с высоким уровнем выбросов или без соблюдения экологических стандартов	Трансграничный углеродный налог ЕС CBAM
Требования к доступу на рынок в виде техно-экологических регламентов	Нормативные требования к характеристикам товара и процессу его производства, без соблюдения которых продукция не допускается на рынок	Экологические стандарты на автомобили в ЕС, ограничения на использование вредных веществ (REACH)

Инструмент	Пояснение	Пример
Информационные требования экологического характера	Обязанность производителей и поставщиков раскрывать сведения об экологических характеристиках на самой продукции	Маркировка углеродного следа товаров в ЕС, системы экомаркировки
Внутренние субсидии производителям «зеленых» товаров и инноваций	Меры государственной поддержки производителей, которые внедряют «зеленые» технологии	Субсидии на производство электромобилей (США, ЕС), которые зависят от степени локализации производства
Таможенные пошлины, дифференцированные по экологическим признакам	Разные ставки пошлин в зависимости от экологических характеристик продукции	Обсуждаются в рамках климатических инициатив; полноценного внедрения нет

Источник: составлено автором на основе (Lottici et al., 2014).

Современные проявления «зеленого» протекционизма невозможно рассматривать в отрыве от трансформации промышленной политики, которая в последнее время приобрела «зеленый» оттенок. «Зеленая» промышленная политика, возникшая в 2010-х гг. как ответ на вызовы климатического перехода и необходимость перестройки промышленности на новой технологической базе, формирует институциональную и экономическую среду, в которой происходит трансформация структуры внутренней экономической деятельности (Löfgren et al., 2024). Основная цель «зеленой» промышленной политики — ускорение перехода к низкоуглеродной и ресурсоэффективной экономике для увеличения темпов экономического роста за счет поддержки инновационных технологий и модернизации промышленности (Altenburg, Rodrik, 2017; Nahm, Urpelainen, 2021). Однако в реальности такая политика все чаще реализуется в форме сочетания «зеленой» промышленной политики с внешнеторговым протекционизмом.

Механизмы «зеленой» промышленной политики предполагают широкий спектр инструментов: от мягких (инвестиции в инфраструктуру, «зеленые» госзакупки) до жестких (субсидии, налоговые льготы, требования локализации, экспортные ограничения) (UNEP, UNIDO, 2017). Именно жесткие меры становятся ключевыми точками соприкосновения с «зеленым» протекционизмом. Отличие состоит в том, что если «зеленая» промышленная политика ориентирована на формирование новых производственных возможностей и поддержку технологических сдвигов, то «зеленый» протекционизм зачастую используется для ограничения зарубежных конкурентов.

Это делает важным методологическое разграничение: когда экологические стандарты служат всеобщему сокращению выбросов, а когда становятся инструментом перераспределения конкурентных преимуществ. Чтобы избежать терминологической путаницы и четко показать, где заканчивается «зеленое» регулирование и начинается «зеленый» протекционизм, целесообразно свести отличительные критерии в сравнительную табл. 3.

На данный момент «зеленый» протекционизм — это не частная практика, а элемент формирующейся глобальной системы, в которой доступ к рынкам, технологиям и инвестициям все в большей степени зависит не от конкурентоспособности товаров, а от односторонне устанавливаемых и несогласованных экологических требований, навязываемых тем или иным крупным игроком.

Таблица 3

**Критерии разграничения между «зеленым» регулированием
и «зеленым» протекционизмом**

Критерий	«Зеленое» регулирование	«Зеленый» протекционизм
Цель применения меры	Обеспечение охраны окружающей среды, сокращение выбросов парниковых газов, выполнение международных климатических обязательств	Формальное декларирование экологических целей при одновременной реализации скрытых задач поддержки национальной промышленности и ограничения внешней конкуренции
Принцип универсальности	Применение стандартов и мер ко всем производителям, независимо от страны происхождения	Применение мер, которые затрудняют или исключают доступ иностранных товаров на рынок
Правовая обоснованность	Соответствие нормам ВТО, согласование через международные институты	Использование норм, которые могут вступать в противоречие с нормами ВТО или другим соглашениям
Степень политизации	Меры, основанные на научных данных, международных экологических оценках и технических стандартах	Меры сопровождаются риторикой о стратегической автономии, суверенитете, геоэкономическом лидерстве

Источник: составлено автором на основе (Erixon, Abbott, 2009).

В условиях отсутствия универсально признанных правил и прозрачных механизмов согласования, дальнейшее распространение таких мер рискует привести к эскалации конфликтов в рамках ВТО и постепенной фрагментации мировой экономики на экологически «совместимые» и «несовместимые» регионы.

Эволюция «зеленого» протекционизма и современные кейсы

Феномен «зеленого» протекционизма формировался на протяжении нескольких десятилетий и не сводится лишь к событиям последних лет. Его истоки берут начало еще в 70-х гг. XX в., когда экологическая политика находилась преимущественно в рамках национального регулирования и практически не влияла на международную торговлю. Однако уже в этот период закладываются основы будущих конфликтов между экологическими целями и принципами либерализации торговли (табл. 4).

В 1960–1970-е гг. экологические вопросы воспринимались как внутренняя задача, направленная на защиту окружающей среды в пределах отдельных государств. В этот период индустриальные страны начали принимать первые национальные законы в области охраны окружающей среды, стремясь ограничить загрязнение воздуха и воды, а также регулировать выбросы промышленных предприятий⁴. К 1970-м гг. в странах Глобального Юга уже формировалось опасение, что новые экологические требования могут ограничить их доступ к рынкам развитых стран или использоваться в качестве скрытого барьера для защиты местной промышленности (Clapp, Dauvergne, 2005).

Таблица 4

Этапы формирования «зеленого» протекционизма

Этап	Основные особенности	Правовые условия и потенциал протекционизма
1. Экология вне торговли (1960–1970-е гг.)	Экологические меры принимались внутри стран и были направлены на охрану окружающей среды и снижение загрязнений	Почти нет торговых споров по экологии. Протекционистский потенциал минимален

⁴ В частности, в 1970 г. в США была создана Агентство по охране окружающей среды (EPA), а также принят закон о чистом воздухе (Clean Air Act), введший обязательные стандарты качества воздуха. Подобные меры также стали появляться в Западной Европе, где Германия и Швеция ввели обязательные нормы очистки сточных вод и контроля за выбросами в атмосферу (Clapp, Dauvergne, 2005).

Этап	Основные особенности	Правовые условия и потенциал протекционизма
2. Рост противоречий и конфликтов на стыке экологии и торговли (1980—1990-е гг.)	Рост числа международных торговых конфликтов, связанных с экологическими нормами. Экология впервые становится основанием для введения ограничений импорта. Развивается дискуссия о допустимости различий экологических стандартов между странами	Международные организации начинают признавать возможность введения ограничений в экологических целях при соблюдении принципа недискриминации. Потенциал для протекционизма возрастает
3. Институционализация «зеленой» повестки (2000 — конец 2010-х гг.)	Экологические вопросы интегрируются через стандартизацию продукции, системы добровольной сертификации и расширение ESG-отчетности. Акцент смещается с прямых запретов на косвенные механизмы регулирования	Рост «мягких» форм протекционизма, основанных на мониторинге и рекомендациях со стороны крупных игроков на «зеленом» рынке
4. Экологические требования как фактор доступа на рынок (начало 2020-х гг. — наст. время)	Качественный сдвиг: климат становится экономическим приоритетом. Экологические цели интегрируются в промышленную и торговую политику крупнейших экономик. Появляются меры с трансграничным эффектом — CBAM, IRA, NZIA, CRMA	Значительно увеличивается протекционистский потенциал экологических мер. Формируется новая нормативная база для ограниченного доступа на рынки и перераспределения экономических выгод в пользу стран-лидеров в «зеленой» повестки

Источник: составлено автором.

С развитием глобальной торговли в 1980—1990-е гг. начали появляться первые торговые споры, в которых экология стала использоваться как причина ограничения импорта. Так, ярким примером такого рода ограничений стали дела US — Tuna I и II (1991, 1994), где Мексика оспаривала запрет на ввоз тунца, выловленного с использованием сетей, опасных для дельфинов (Marceau, 2016). США ссылались на внутренние экологические нормы, однако в рамках процедуры урегулирования споров по ГАТТ эти меры были признаны недопустимыми, поскольку они распространялись на процессы за пределами юрисдикции США (Vogel, 1997). Эти дела вскрыли ключевую методологическую проблему: допустимо ли различать товары, идентичные по физическим характеристикам, но произведенные с разными экологическими стандартами.

С начала XXI в. экологическая повестка начала проникать в торговую сферу через стандартизацию, добровольные сертификаты и косвенные механизмы регулирования. Этот период характеризуется ростом «мягкого» протекционизма, когда государства формируют инфраструктуру для экологического мониторинга и ESG-отчетности, но не вводят жестких торговых ограничений. Тем не менее потенциал для использования экологических мер в качестве барьеров постепенно возростал, особенно со стороны США и ЕС (Jinnah, Morgera, 2013).

С конца 2010-х гг. можно датировать начало нового этапа, старт которому ознаменовал выход Европейского зеленого курса (European Green Deal, EGD) (European Commission. The European Green Deal). Эта стратегическая рамка, принятая в 2019 г., нацелена на достижение углеродной нейтральности к 2050 г. и включает широкий спектр инициатив: от системы торговли углеродными квотами (EU ETS) до устойчивого финансирования, поддержки низкоуглеродных технологий и модернизации промышленной базы ЕС. Хотя EGD формально позиционируется как вклад в глобальное общественное благо, на практике подобные инициативы перераспределяют выгоды в пользу стран-инициаторов, закрепляя неравномерный доступ к финансированию, технологиям и рынкам (Park, 2024).

Современный этап «зеленой» трансформации все чаще трактуется как начало формирования новой технико-экономической парадигмы. «Зеленые» технологии перестают быть лишь инструментом климатической политики и превращаются в основу следующей волны технологического развития (Mazzucato et al., 2024). К примеру, в недавней работе Р. Лемы и К. Перес «зеленая» трансформация рассматривается как сдвиг, подобный становлению предыдущих технико-экономических парадигм — от массовой электрификации до ИКТ-сектора (Lema, Perez, 2024). Авторы подчеркивают, что государства, обладающие способностью «наклонять» технологическую траекторию через политику и инфраструктуру, получают шанс закрепить лидерство на новых «зеленых» рынках (Lema, Perez, 2024). Подобную мысль высказывает К. Перес в более раннем исследовании, где она рассматривает «зеленое десятилетие» как стадию зрелости пост-ИКТ-парадигмы, в которой государства должны «перетянуть» рыночные силы в сторону устойчивых решений, повторяя динамику предыдущих индустриальных переходов (Perez, 2016).

Если раньше экологические стандарты были предметом согласования в рамках международных институтов, то в последние годы они все чаще формируются на национальном уровне. В современной фазе климатической политики отмечается тенденция, при которой экологические цели все чаще рассматриваются в связке с задачами экономической конкурентоспособности и технологического развития. На этом фоне акцент постепенно смещается от универсалистской повестки сокращения выбросов

к интеграции климатических критериев в механизмы распределения субсидий, доступа к инвестициям и рынкам (Yildiz, 2025; Fang, 2025).

В рамках реализации Европейского зеленого курса ЕС был запущен механизм трансграничного углеродного налога (CBAM) (European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2023/956), который вступил в тестовую фазу в октябре 2023 г. Это первый в мировой практике случай, когда внутренний экологический стандарт (цена углерода) экстерриториально применяется ко всем импортным товарам в определенных отраслях — с обязательной верификацией выбросов и последующей оплатой в рамках европейской системы (Варнавский, 2023b). При этом CBAM вводится без согласования с правительствами этих государств и без мандата ООН, что вызывает серьезные вопросы с точки зрения международного права и воспринимается как посягательство на суверенитет стран-экспортеров в отношении продукции, поставляемой на рынок ЕС (Варнавский, 2023a). Тем самым доступ к рынку становится функцией не только безопасности и качества, но и углеродоемкости, измеряемой по правилам страны-импортера. Это ставит под сомнение также принятые положения ВТО и порождает множество споров (Сидоров, 2022).

Дальнейшее усиление промышленной компоненты проявляется в Законе о нулевом уровне выбросов в промышленности (Net-Zero Industry Act, NZIA), принятом в 2024 г. (European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1735). NZIA ставит задачу обеспечить к 2030 г. как минимум 40% производства ключевых «зеленых» технологий (солнечные панели, водород, аккумуляторы, тепловые насосы и др.) внутри ЕС. Закон ускоряет лицензирование, упрощает допуск к государственным тендерам и дает преференции «стратегическим» проектам. К тому же Закон о критически важных сырьевых материалах (Critical Raw Materials Act, CRMA) (European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1735) устанавливает целевые показатели по переработке и добыче критических материалов в ЕС, ограничивая долю поставок из третьих стран (в частности, Китая) и вводя систему «союзных» партнеров для диверсификации импорта. Наблюдаемые изменения в климатической политике — включая распространение многоцелевых «зеленых» мер и переход к практике использования климатических критериев при распределении экономических преимуществ — могут рассматриваться как уход от универсалистской логики климатического регулирования и движение в сторону более точечной и стратегически ориентированной политики (Meyer, 2024; Yıldız, 2025). Экологическая повестка все чаще интегрируется в стратегии экономического развития и становится инструментом реализации приоритетных задач, формулируемых на уровне отдельных государств.

В совокупности меры, принятые в рамках European Green Deal, CBAM, NZIA и CRMA, отражают структурный сдвиг в торговой политике Европейского союза: от недискриминационного подхода к регулированию

внешнеэкономических отношений к модели, в которой доступ к рынку определяется соблюдением установленного перечня экологических и технологических требований. Продукция должна соответствовать внутренним стандартам, включая происхождение компонентов, углеродный след и степень локализации производственного процесса. Государственные меры поддержки также перераспределяются с приоритетом в пользу производств, отвечающих данным критериям.

В США переход к «зеленому» протекционизму идет по схожей логике, но не столько в регулирующей, сколько в стимулирующей форме. Ключевым поворотным моментом стало принятие Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, IRA) в 2022 г. (U. S. Congress. Inflation Reduction Act of 2022: H. R. 5376). Этот акт предусматривает рекордный объем субсидий (почти 370 млрд долл.) на поддержку производства, разработку и потребление «чистых» технологий на территории США. Стимулы предоставляются только при соблюдении жестких условий локализации: компании, производящие аккумуляторы, солнечные панели или электромобили, должны обеспечивать долю отечественного содержания компонентов и использовать сырье из стран с соглашениями о свободной торговле. Например, чтобы получить налоговый кредит в 2023 г. на 7500 долл. на покупку электромобиля (EV), не менее 40–50% компонентов должны быть произведены на территории США или стран-партнеров по свободной торговле (U. S. Congress. Inflation Reduction Act of 2022: H. R. 5376). Эта конструкция исключает производителей из Китая, а также из целого ряда развивающихся стран, фактически лишая их возможности конкурировать на американском рынке на равных условиях.

Протекционистская сущность подобных мер проявляется в функциональном вытеснении внешней конкуренции через приоритет внутреннего производителя, формально обоснованный климатической целесообразностью. Структура IRA отражает стратегическое сращивание климатической и промышленной повесток: под риторикой декарбонизации и устойчивости реализуется политика восстановления национального промышленного потенциала, усиления суверенитета и перераспределения инвестиций в пользу американских производств. При этом ограничение доступа к мерам поддержки строится не на прямом запрете импорта, а на институциональных фильтрах, встроенных в систему государственных стимулов. Эти меры представляют собой форму протекционизма, обеспечивая конкурентное преимущество «своим» за счет исключения «чужих». Именно этот механизм скрытого перераспределения конкурентных преимуществ, маскируемый под климатическую политику, составляет сущностное отличие «зеленого» протекционизма от классических форм торговой защиты.

«Зеленый» протекционизм в последние годы приобретает черты глобального явления, проявляясь не только в климатических мерах стран Европейского союза или США, но и в Китае. Это особенно четко прослеживается с момента утверждения в 2020 г. стратегии «двойной циркуляции».

Основное внимание в ней уделяется формированию внутреннего спроса и поддержке национального производства и поставок в сфере «зеленой» энергетики и транспорта (Fang, 2025).

Одним из ключевых инструментов этого курса стала привязка государственных стимулов (налоговых льгот, субсидий, льготных тарифов) к условию локализации производства. Поддержка распространяется на продукцию, произведенную внутри страны, что напрямую закреплено в стратегических документах, включая План развития отрасли новых энергетических транспортных средств (NEV) на 2021–2035 гг. (Ministry of Industry and Information Technology of the People's Republic of China). Региональные власти разрабатывают собственные программы, которые в ряде случаев предполагают поддержку в зависимости от размещения производств и использования местных комплектующих. Подобная практика способствует формированию замкнутого внутреннего рынка и снижает возможности иностранных производителей участвовать в программах поддержки.

Наряду с инструментами поддержки в Китае применяется система экспортного контроля на критически важное сырье. С 2023 г. под лицензионный режим вывоза попадают германий, галлий и различные формы графита. Эти меры официально мотивированы соображениями национальной безопасности и экологии, но одновременно способствуют укреплению позиций китайских перерабатывающих предприятий за счет гарантированного доступа к сырью (Fang, 2025).

Таким образом, на современном этапе происходит институционализация «зеленой» повестки в рамках торговой и промышленной политики как развитых, так и развивающихся стран. Новые меры демонстрируют смещение акцентов от добровольных стандартов к нормативно закреплённым требованиям, имеющим прямое воздействие на условия доступа к рынкам. Возникает своеобразная трансформация логики регулирования: от экологической кооперации к локализации, где соответствие внутренним нормам страны-импортера становится важным критерием для участия в глобальной торговле.

При этом говорить о полном отказе от принципов многосторонности пока преждевременно. Хотя описанные выше механизмы действительно порождают напряженность в международной торговле, они сопровождаются попытками институционального обоснования. Следовательно, «зеленый» протекционизм все чаще рассматривается не как исключение из правил, а как симптом структурной перестройки международного торгового режима, в которой экологические цели становятся интегральной частью промышленной и конкурентной политики ведущих экономик мира.

В этом контексте «зеленый» протекционизм нельзя трактовать исключительно как форму скрытого ограничения — он становится отражением более широкой трансформации глобальной торговой архитектуры в условиях климатических вызовов и технологических переходов.

Политэкономия климатического отбора: кто выигрывает

Политэкономия «зеленого» протекционизма проявляется прежде всего в том, каким образом формируются новые линии глобального экономического отбора. «Зеленые» технологии и отрасли становятся аренной перераспределения ресурсов, инвестиций и преимуществ. Чтобы понять, кто выигрывает в этих условиях и какие факторы определяют успех, важно сравнить крупнейшие экономические центры — США, Европейский союз и Китай. Эти три игрока являются лидерами глобального перехода к устойчивому развитию. Методологические пояснения и агрегированные данные по распределению капиталовложений и формированию приоритетов в области «зеленого» перехода за 2019–2024 гг. представлены в табл. А.1 и А.2.⁵

К примеру, за рассматриваемый период можно увидеть большой объем инвестиций Китая в чистую энергетику, значительное опережение по темпам наращивания производственных мощностей в новых технологических сферах и резкий рост продаж электромобилей отражают стратегию, ориентированную на прямое государственное вмешательство, мобилизацию промышленного потенциала и быстрое развитие новых отраслей. При этом данные показывают, что столь активная инвестиционная политика не привела к сопоставимому сокращению углеродной нагрузки: энергетическая интенсивность остается высокой, а доля в мировых выбросах значительной. Это указывает на специфику китайского подхода: ставка делается на технологическое лидерство и экспорт «зеленых» технологий при сохранении общей индустриальной модели, пока еще глубоко завязанной на традиционную энергетику (De Podestá Gomes et al., 2024).

ЕС представляет собой другую модель строительства экологически чистого будущего. Менее масштабные по сравнению с Китаем инвестиции сопровождаются более последовательным снижением углеродной интенсивности ВВП и сокращением доли в глобальных выбросах. Лидирующие позиции по доле ВИЭ в энергобалансе и значительное использование инструментов рыночного финансирования отражают модель, в которой акцент сделан на нормативное регулирование, комплексную межотраслевую координацию и интеграцию климатических целей в экономическую стратегию. ЕС действует через установку жестких правил игры и стимулирование рыночных решений в сложившейся системе.

США занимают промежуточную позицию. Данные фиксируют заметный рост инвестиций в «зеленые» секторы в последние годы, что связано с запуском крупных государственных программ, таких как IRA. Вместе с тем масштаб экологических преобразований остается более сдержанным, а промышленная политика продолжает опираться на стимулирование частного сектора преимущественно через налоговые льготы и субсидии.

⁵ Приложение А доступно по ссылке: https://docs.google.com/document/d/1dUQAp4nDA1nsr_fPGeifqH9N9zQpdnhN/edit

Эти различия в стратегиях демонстрируют, как «зеленый» протекционизм закрепляет расслоение мировой экономики на новые центры силы и периферии. Китай, ЕС и США используют «зеленый» переход для укрепления своих позиций. Их протекционистские меры превращаются в инструмент закрепления преимуществ на рынках будущего. Страны, которые не обладают сопоставимыми ресурсами, технологиями и возможностями для адаптации к новым стандартам, сталкиваются с ограничениями доступа к инвестициям, рынкам и передовым технологиям.

Политэкономия «зеленого» протекционизма проявляется не только в закреплении преимуществ, но и в сложном балансе выгод и рисков для стран-лидеров. Эти последствия систематизированы в табл. 5.

Таблица 5

Положительные последствия «зеленого» протекционизма для стран-лидеров и риски для глобальной экономики

Положительные стороны	Отрицательные стороны
Повышение конкурентоспособности собственных «зеленых» технологий за счет субсидий и локализации производства	Усиление геополитических рисков и ответных мер со стороны других стран, включая ответный протекционизм
Создание новых рабочих мест в «зеленых» секторах	Возможное нарушение принципов ВТО из-за дискриминационного характера мер
Повышение инвестиционной привлекательности для бизнеса за счет преференций (субсидии, налоговые льготы и т. д.)	Риск замедления глобальной декарбонизации из-за приоритета геоэкономических целей над климатическим сотрудничеством
Улучшение позиций на мировых рынках за счет стандартизации «зеленых» требований, что создает основу для будущего технологического доминирования	Создание барьеров для развивающихся стран и усугубление разрыва в доступе к «зеленым» технологиям
Укрепление технологического и промышленного суверенитета, снижение зависимости от импорта критически важных ресурсов	Риск создания «гонки субсидий», что может привести к перерасходу бюджетных средств без гарантированного климатического эффекта
Повышение устойчивости к внешним шокам и перебоям в международной торговле за счет выстраивания собственной промышленной базы	Опасность замещения целей климатической политики приоритетами промышленного лоббизма

Источник: составлено автором на основе (Lebdioui, 2024; Meyer, 2024; Kus, Jackson, 2025).

Развивающиеся страны становятся основной мишенью новых форм «зеленого» протекционизма (табл. 6). Формально направленные на защиту

окружающей среды, эти меры на деле создают скрытые барьеры для торговли, закрепляют технологическое и индустриальное отставание развивающихся стран и подрывают принципы справедливости.

Экологические стандарты и климатические требования, которые продвигаются странами-лидерами (ЕС, США, Китай), формируются исходя из их собственных технологических и институциональных возможностей. Эти стандарты зачастую не учитывают реальный уровень развития, производственные особенности и экономические возможности развивающихся стран. В результате малые и средние предприятия развивающихся стран сталкиваются с высоким барьером входа на рынки из-за необходимости дорогой сертификации, внедрения сложных систем учета и верификации выбросов, а также соблюдения многоуровневых требований к продукции и процессам производства (Lottici et al., 2014). В конечном счете такие меры не только ограничивают экспорт, но и вмешиваются в национальные производственные модели, подменяя внутренние стратегии устойчивого развития унифицированными внешними стандартами. Более того, добровольные меры в условиях рыночной власти транснациональных корпораций де-факто становятся обязательными (Lottici et al., 2014).

Таблица 6

**Основные положительные и отрицательные последствия
«зеленого» протекционизма для развивающихся стран**

Положительные стороны	Отрицательные стороны
Возможность получения инвестиций и экологически чистых технологий при условии поддержки со стороны крупнейших экономик	Рост издержек из-за требований по учету углеродного следа (особенно в странах с углеродоемким производством)
Шанс на наличие экспортных преимуществ при ранней адаптации к новым «зеленым» стандартам крупнейших экономик	Потеря конкурентоспособности на рынках крупных «зеленых» игроков из-за отсутствия финансовых и технологических возможностей соответствовать их правилам и стандартам
Встраивание в «зеленые» рынки других стран может привлечь международные инвестиции и диверсифицировать экономику	Развивающиеся страны почти не участвуют в формировании правил, которые принимаются в рамках «зеленой» повестки, но вынуждены им соответствовать
Создание стимулов к модернизации промышленности, чтобы технологически приспособиться к требованиям к углеродному следу и экологическим стандартам со стороны стран-лидеров в «зеленой» экономике	Риски закрепления зависимости от технологий и стандартов стран с более высоким уровнем развития, снижение национального политического суверенитета в экологической политике

Источник: составлено автором на основе (Lebdioui, 2024; Meyer, 2024; Kus, Jackson, 2025).

Жесткие экологические меры крупных экономик часто оказывают непропорционально негативное воздействие на компании из развивающихся стран, снижая их способность к созданию инноваций. Такие меры могут привести к росту издержек и затруднению инновационной активности, особенно в условиях «пробуксовки» механизмов глобального сотрудничества в области экологических задач (Borsatto, Bazani, 2020). В сочетании с высокими требованиями к сертификации и контролю это создает серьезные препятствия для выхода на международные рынки.

Не меньшую угрозу представляют меры, такие как СВМ ЕС, которые связывают доступ продукции на рынок с оплатой эквивалента выбросов парниковых газов. Эта мера игнорирует тот факт, что значительная доля выбросов в развивающихся странах приходится на экспорт в развитые страны. Подобные схемы создают прецедент навязывания климатической политики по образцу ЕС под угрозой утраты доступа к рынку, что нарушает нормы недискриминации ВТО и ставит развивающиеся страны перед выбором между суверенитетом в экологической политике и сохранением своего положения в международной торговле (Meyer, 2024).

Кроме того, крупные экономики продвигают снижение тарифов на продукцию, в которой они доминируют (оборудование для ВИЭ, системы мониторинга выбросов), при этом интересы развивающихся стран (например, по снижению тарифов на агропромышленные или текстильные товары) не получают поддержки (Lottici et al., 2014). Как следствие, развивающиеся страны оказываются закреплены в роли поставщиков сырья и «грязных» товаров, без доступа к рынкам «зеленых» технологий.

В результате складывается парадоксальная ситуация: меры, формально направленные на глобальное сокращение выбросов и борьбу с климатическим кризисом, могут усиливать экономическую и технологическую зависимость развивающихся стран. Отсутствие сбалансированного подхода и международной координации ведет к тому, что «зеленый» протекционизм превращается в фактор углубления глобального неравенства и препятствует достижению устойчивого и справедливого развития.

Заключение

Современная архитектура мировой торговли изменяется — на место прежней универсальной модели приходит новая система, в которой климатическая политика активно политизируется. «Зеленый» протекционизм постепенно превращается в устойчивый элемент глобального регулирования.

Крупнейшие экономики мира — прежде всего Европейский союз и США — через борьбу с изменением климата пытаются сохранить свое доминирование в глобальной экономике. Программы СВМ, NZIA, CRMA, IRA и др. закрепляют новую логику: доступ к рынкам, субсидиям и льго-

там определяется не рыночными механизмами, а соответствием установленным стандартам. Эти стандарты разрабатываются без участия значительного числа стран, а их исполнение требует значительных ресурсов, которыми располагают лишь некоторые страны с высоким уровнем развития. Таким образом, «зеленый» протекционизм не только регулирует внешнюю торговлю, но и перераспределяет конкурентные преимущества в пользу стран — авторов правил.

Главная особенность формирующегося режима заключается в том, что климатические цели и промышленная политика перестают существовать как отдельные сферы, они сливаются воедино. Эта система формирует новые принципы глобальной конкуренции. Успех на рынке зависит от соответствия стандартам, которые заданы крупнейшими экономиками и отражают их технологические, промышленные и геоэкономические приоритеты.

«Зеленый» протекционизм задает новый формат международной торговли, в котором климатическая повестка становится инструментом ограничения условий доступа к ключевым рынкам и формам государственной поддержки. На этой основе выстраиваются правила, определяющие, какие технологии и страны будут участниками глобального экономического роста, а какие — останутся на его периферии. Такие механизмы, которые чаще всего создаются под лозунгами борьбы с изменением климата, формируют не просто новые барьеры. Они закладывают долгосрочные основы технологического и индустриального лидерства крайне ограниченного круга стран.

Для развивающихся стран подобная модель создает серьезные вызовы. Экологические стандарты и требования, которые внедряются крупными экономиками, не учитывают их технологические и структурные особенности, формируя высокие барьеры на пути к международным рынкам и «зеленым» инновациям. Вместо поддержки собственных траекторий перехода к устойчивому развитию многие развивающиеся страны вынуждены адаптироваться к принимаемым нормам, что усиливает их зависимость от этих экономик и закрепляет технологическое отставание.

Таким образом, «зеленый» протекционизм — закономерный результат технологической конкуренции в условиях климатического перехода и важнейшая составляющая новой глобальной архитектуры. Борьба за рынки, технологии и инвестиции все чаще проходит через призму экологических требований, меняя баланс сил и правила игры в мировой экономике.

Список литературы

- Бобылев, С. Н. (2021). *Экономика устойчивого развития*. М.: КНОРУС.
- Варнавский, В. Г. (2023а). Монетизация выбросов в ЕС в условиях трансграничного углеродного регулирования. *Современная Европа*, 1, 74–87. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010060>.

Варнавский, В. Г. (2023б). Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(1), 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15>.

Сидоров, А. А. (2022). Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России. *Вестник МГИМО-Университета*, 15(4), 81–101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101>.

Altenburg, T., & Rodrik, D. (2017). Green Industrial Policy: Accelerating Structural Change Towards Wealthy Green Economies. In T. Altenburg & C. Assmann (Eds.), *Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences* (p. 1–19). Geneva; Bonn: UN Environment; German Development Institute.

Borsatto, J. M., & Bazani, C. (2020). Green innovation and environmental regulations: a systematic review of international academic works. *Research in Environmental Planning and Management*, 28, 63751–63768. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-11379-7>.

Clapp, J., & Dauvergne, P. (2005). *Paths to a green world: The political economy of the global environment*. MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5265.001.0001>.

De Podestá Gomes, A., Pauls, R., & ten Brink, T. (2024). Industrial policy and the creation of the electric vehicles market in China: demand structure, sectoral complementarities and policy coordination. *Cambridge Journal of Economics*, 47(1), 45–66. <https://doi.org/10.1093/cje/beac056>.

Deojain, S., & Lindequist, D. (2025). *Greener Thy Neighbor? On the Welfare Effects of Protectionist Climate Policies*. SSRN. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4952989>.

Erixon, F., & Abbott, R. (2009). *Green protectionism in the European Union: How Europe's biofuels policy and the renewable energy directive violate WTO commitments* (ECIPE Occasional Paper No. 1). European Centre for International Political Economy.

European Commission. The European Green Deal. Retrieved May 27, 2025, from https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.

European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2023/956 establishing a carbon border adjustment mechanism (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM). Retrieved May 27, 2025, from <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj>.

European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1735 establishing a framework of measures for strengthening Europe's net-zero technology products manufacturing ecosystem (Net-Zero Industry Act). Retrieved May 27, 2025, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023PC0161>.

European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1252 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials (Critical Raw Materials Act). Retrieved May 27, 2025, from <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1252/oj>.

Fang, M. (2025). Multi-Purpose Green Industrial Policy and the WTO: An Unavoidable Clash? *World Trade Review*, 24(2), 153–171. <https://doi.org/10.1017/S1474745624000168>.

IMF, OECD, World Bank, & WTO. (2022). *Subsidies, Trade, and International Cooperation*. Paris: OECD Publishing; Washington, DC: International Monetary Fund. <https://doi.org/10.1787/a4f01ddb-en>.

Jinnah, S., & Morgera, E. (2013). Environmental provisions in American and EU free trade agreements: a preliminary comparison and research agenda. *Review of European, Comparative and International Environmental Law*, 22(3), 324–339. <https://doi.org/10.1111/reel.12042>.

Johnson, T. (2015). Information revelation and structural supremacy: The World Trade Organization's incorporation of environmental policy. *Review of International Organizations*, 10(2), 207–229. <https://doi.org/10.1007/s11558-015-9215-y>.

Kirkegaard, J. (2023, February 14). The US-EU race for green subsidies can help fight climate change. Retrieved June 1, 2025, from <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2023/us-eu-race-green-subsidies-can-help-fight-climate-change>.

Kus, B., & Jackson, G. (2025). Green Transitions: Rethinking Political Economy in the Context of Climate Change. *Regulation & Governance*, 19(2), 287–302. <https://doi.org/10.1111/rego.70013>.

Lebdoui, A. (2024). *Survival of the Greenest: Economic Transformation in a Climate-conscious World*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009339414>.

Lema, R., & Perez, C. (2024). The green transformation as a new direction for technoeconomic development. *MERIT Working Paper No. 2024-001*. UNU-MERIT.

Löfgren, Å., Ahlvik, L., van den Bijgaart I. et al. (2024). Green industrial policy for climate action in the basic materials industry. *Climatic Change*, 177(147). <https://doi.org/10.1007/s10584-024-03801-7>.

Lottici, M.V., Galperin, C., & Hoppstock, J. (2014). Green trade protectionism: An analysis of three new issues that affect developing countries. *Chinese Journal of Urban and Environmental Studies*, 2(2), 1–32. <https://doi.org/10.1142/S234574811450016X>.

Marceau, G. (2016). The interface between the trade rules and climate change actions. In D.-Y. Park (Ed.), *Legal Issues on Climate Change and International Trade Law* (p. 3–39). https://doi.org/10.1007/978-3-319-29322-6_1.

Mazzucato, M., Doyle, S., & von Burgsdorff, L. (2024). *Mission-oriented industrial strategy: Global insights*. UCL Institute for Innovation and Public Purpose.

Meyer, T. (2024). Copernican revolution or green protectionism? In K. Claussen & G. Vidigal (Eds.). *The sustainability revolution in international trade agreements*. Oxford University Press. <https://ssrn.com/abstract=4545078>.

Ministry of Industry and Information Technology of the People's Republic of China. New Energy Vehicle Industry Development Plan (2021–2035). Retrieved May 27, 2025, from http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-11/02/content_5556716.htm.

Nahm, J. & Urpelainen, J. (2021). *The Enemy Within? Green Industrial Policy and Stranded Assets in China's Power Sector*. Global Environmental Politics, Forthcoming. SSRN. <https://ssrn.com/abstract=3906901>.

Park, S.-C. (2024). New era of U. S. and the EU protectionism: How will it affect East Asia? *International Organisations Research Journal*, 19(2), 21–55. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-02>.

Perez, C. (2016). Capitalism, technology and a green global golden age: The role of history in helping to shape the future. In M. Jacobs & M. Mazzucato (Eds.). *Rethinking capitalism: Economics and policy for sustainable and inclusive growth* (p. 191–217). Wiley-Blackwell. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-923X.12240>.

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: W. Strahan and T. Cadell.

Stiglitz, J. E. (2025, March 22). *The Resurgence of Industrial Policy and the New Protectionism* [Lecture at Nankai University]. Retrieved June 1, 2025, from https://business.columbia.edu/sites/default/files-efs/imce-uploads/Joseph_Stiglitz/Nankai%20University%20Resurgence%20of%20Industrial%20Policy%20and%20New%20Protectionism%20March%2022%202025.pdf.

UNCTAD. (2023). *World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for All*. United Nations.

UNEP & UNIDO. (2017). *Green Industrial Policy and Trade: A Tool-Box*. Geneva: UN Environment; Vienna: UNIDO.

U. S. Congress. *Inflation Reduction Act of 2022: H. R. 5376*. Retrieved May 27, 2025, from <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text>.

U. S. Congress. *Inflation Reduction Act of 2022: H. R. 5376*. Retrieved May 27, 2025, from <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text>.

Vogel, D. (1997). *Trading up and governing across: transnational governance and environmental protection*, 4(4), 556–571. <https://doi.org/10.1080/135017697344064>

World Trade Organization. General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1994). Article XX: General Exceptions. Geneva, 1994. Retrieved May 28, 2025, from https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_02_e.htm.

Yildız, E. C. (2025). *Geopolitics of Green Industrial Policy: Nuclear Energy Strategies and Economic Competitiveness in the EU, US, and China*. SSRN. <https://ssrn.com/abstract=5241013>.

References

Bobylev, S. N. (2021). *Sustainable Development Economics*. M.: KNORUS.

Sidorov, A. A. (2022). Features of modern protectionism by the U. S. and EU towards Russia. *MGIMO Review of International Relations*, 15(4), 81–101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101>.

Varnavskii, V. G. (2023a). Cross-border carbon regulation in the European Union: A new tool of global governance. *World Economy and International Relations*, 67(1), 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15>.

Varnavskii, V. G. (2023b). Monetization of emissions in the EU under cross-border carbon regulation. *Contemporary Europe*, 1, 74–87. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010060>.

Трибуна преподавателя

А. Г. Мирзоян¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

И. П. Сулова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. А. Локтионова³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. А. Синякова⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 378.4; 378.14.015.62

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-13

СПУСТЯ ГОДЫ: ЧТО ПОМОГАЕТ ПОЛУЧИТЬ ВЫГОДЫ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ?

Современные образовательные программы ориентированы не только на предоставление предметных знаний, но и на формирование обширного ряда навыков и ценностных ориентиров. При этом выпускники нередко указывают, что связь между изучаемыми предметами и дальнейшим трудоустройством остается неясной, а работодатели подчеркивают отсутствие развитых «мягких навыков» у соискателей. Цель исследования: оценить, какие навыки и знания, полученные от экономического образования, связаны с социально-экономическими выгодами выпускников, и выявить, какие ценностные ориентации способствуют освоению этих навыков и знаний. Проведен опрос 451 выпускника Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 1993–2023 гг. выпуска. В качестве методов моделирования использованы МНК-регрессия и порядковая логистическая регрессия. Получение практических знаний и навыков положительно связано с пятью зависимыми переменными из шести (получение востребованной профессии, заработная плата, конкурентоспособность, образование

¹ Мирзоян Ашот Гамлетович — старший преподаватель, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: manakhovaiv@mail.ru, ORCID: 0009-0005-9275-0099.

² Сулова Ирина Павловна — преподаватель, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: suslovairena@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7483-1910.

³ Локтионова Алина Александровна — магистрант, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: dancernb@yandex.ru, ORCID: 0009-0007-5421-1929.

⁴ Синякова Екатерина Алексеевна — магистрант, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: katya.sinyakova.02@gmail.com, ORCID: 0009-0007-1603-7165.

© Мирзоян Ашот Гамлетович, 2025

© Сулова Ирина Павловна, 2025

© Локтионова Алина Александровна, 2025

© Синякова Екатерина Алексеевна, 2025

связей, формирование круга единомышленников, карьерный рост), в то время как получение теоретических знаний — только с двумя (получение востребованной профессии и конкурентоспособность). Среди мягких навыков положительную связь с одной или несколькими зависимыми переменными продемонстрировали умение работать в команде, адаптивность, работоспособность и способность воспринимать критику. Коэффициенты перед переменными, отражающими способность к обучению, навыки устных выступлений, умение находить информацию, не значимы ни в одной из моделей. Ценностные ориентации респондентов объясняют около 30% разброса полученных знаний и навыков. Открытость, стремление к саморазвитию и независимости положительно связаны с большинством образовательных результатов. В отличие от других исследований, мы не только оцениваем связь образовательных результатов с социально-экономическими выгодами студентов, но и выявляем ценности, формирование которых способствует достижению этих результатов. Полученные результаты можно использовать при составлении образовательных программ.

Ключевые слова: образовательные результаты, экономическое образование, успешность на рынке труда, мягкие навыки, личностные ценности.

Цитировать статью: Мирзоян, А. Г., Суслова, И. П., Локтионова, А. А., & Синякова, Е. А. (2025). Спустя годы: что помогает получить выгоды от экономического образования? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 255–271. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-13>.

A. G. Mirzoyan

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

I. P. Suslova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. A. Loktionova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E. S. Siniakova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: I21; I26

YEARS LATER: WHAT HELPS TO REAP THE BENEFITS OF ECONOMIC EDUCATION?

Modern educational programs are focused not only on providing subject knowledge, but also on developing a wide range of skills and values. At the same time, graduates often indicate that the link between the subjects studied and future employment remains unclear, while employers emphasize the lack of developed 'soft skills' in job seekers. The purpose of the study: to evaluate which skills and knowledge gained from economic education are related to socio-economic benefits of graduates and to identify which value orientations contribute to mastering these skills and knowledge. Drawing on OLS-regressions and ordinal logistic regressions as modeling methods, the authors conducted a survey of 451 graduates of the Economics Faculty of Lomonosov Moscow State University (1993–2023). Obtaining practical knowledge and

skills is positively related to five dependent variables out of six (getting in-demand profession, salary, forming connections, forming a network of like-minded people, career growth), while obtaining theoretical knowledge is positively related to only two (getting in-demand profession and competitiveness). Among soft skills, teamwork, adaptability, efficiency, and ability to accept criticism showed a positive relationship with one or more of the dependent variables. The coefficients in front of the variables reflecting the ability to learn, oral presentation skills, and the ability to find information were not significant in any of the models. Respondents' personal values explain about 30% of the variation in knowledge and skills acquired. Openness, desire for self-development and independence are positively related to most of educational outcomes. Unlike other studies, attention is paid to both skills and knowledge formed during training and the personal values of graduates. The obtained results can be used in drawing up educational programs.

Keywords: educational outcomes, economic education, labor market success, soft skills, personal values.

To cite this document: Mirzoyan, A. G., Suslova, I. P., Loktionova, A. A., & Siniakova, E. S. (2025). Years later: what helps to reap the benefits of economic education? *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 255–271. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-13>.

Введение

Современное образование ориентировано не только на предоставление предметных знаний, но и на формирование широкого спектра навыков и ценностных ориентиров. При этом выпускники нередко указывают, что связь между изучаемыми предметами, выполняемыми задачами и дальнейшей карьерной траекторией остается им непонятной. Есть ряд свидетельств того, что высшее образование не адаптируется к быстро меняющемуся рынку труда, а потому приобретенных во время обучения знаний оказывается недостаточно для построения успешной карьеры (Ковалев, 2011). Работодатели все чаще начинают требовать от выпускников наличия развитых «мягких навыков», не ограничиваясь списком необходимых знаний для выполнения конкретной должностной роли (Волгин, Гимпельсон, 2022). Однако как сами выпускники (Бондарева и др., 2021), так и работодатели (Balcar et al., 2018) нередко указывают на недостаточный уровень развития «мягких навыков».

Процесс формирования у студентов навыков, способствующих успешному трудоустройству, ограничен объемом образовательной программы. Администрации университетов приходится распределять зачетные единицы между формированием универсальных «мягких навыков» и освоением специфических знаний — причем часто предпочтение отдается последним (Yashin et al., 2018). Понимание того, какие именно навыки помогают выпускникам получить выгоды от экономического образования, особенно актуально в контексте подготовки студентов к быстро меняющемуся рынку труда, где наличие или отсутствие определенных качеств может значительно влиять на карьерные траектории.

В рамках данного исследования мы ставим целью определить, какие навыки и знания, полученные от экономического образования, связаны с социально-экономическими выгодами выпускников, и выявить, какие ценностные ориентации способствуют освоению этих навыков и знаний. Вопрос о том, что помогает выпускникам получить выгоды от экономического образования, представляется особо актуальным в связи с востребованностью профессии экономиста на рынке труда (Тубольцева и др., 2019) и растущей популярностью экономических специальностей среди абитуриентов (Минцифры, 2025). Исследование проводится на основании данных мониторинга выпускников Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, в качестве методов моделирования используются МНК-регрессия и порядковая логистическая регрессия.

Работа состоит из пяти разделов. В первом разделе приведен обзор литературы по изучаемой проблематике. Во втором разделе описаны методы и данные, использованные в работе. В третьем разделе приведены результаты исследования. Четвертый и пятый разделы посвящены обсуждению полученных результатов и заключению, соответственно.

Обзор литературы

Вопрос соответствия получаемых навыков требованиям на рынке труда широко изучается различными авторами. Так, например, показана связь между восприятием выпускниками пользы от высшего образования в сфере бизнеса и навыками, приобретенными во время обучения (Athiyaman, 2001). Ряд навыков (например, навыки работы в команде), которые выпускники считают важными для развития карьеры, не развиваются на достаточном уровне во время обучения в бакалавриате (Athiyaman, 2001). Более того, получение студентами профессиональных знаний не обязательно означает, что выпускники смогут проявить себя на рабочем месте (Phuc et al., 2020). В среднем не менее 15% от всех выпускников сталкиваются с проблемой несоответствия навыков, полученных во время обучения в университете, и требований со стороны работодателей (Diem, Wolter, 2014).

Студенты, обучающиеся на одной специальности, нередко разделяют одни и те же ценности (Silva Añaña, Nique, 2010). Например, среди студентов-экономистов чаще встречаются те, кто ценит виртуозность и конформизм (Silva Añaña, Nique, 2010), обучающиеся в бизнес-школах ценят власть и стремление к достижениям (Arieli et al., 2016). Лопес с соавторами показывают, что экономисты менее склонны к социальному доверию по сравнению с другими студентами и населением в целом (Lopes et al., 2015). В зависимости от личных характеристик и набора ценностей студенты выбирают разные учебные дисциплины (Berring et al., 2018), по-разному воспринимают учебный материал и применяют его в даль-

нейшем на практике (Saunders et al., 2022). Некоторые ценности оказываются связаны с успеваемостью в университете (Vecchione, Schwartz, 2022). Ценностные установки влияют на образовательные цели студентов: те, кто жаждет общественного признания, получают образование преимущественно для построения карьеры и чаще удовлетворены своим образованием (Henderson-King, Smith, 2006).

Экономическое образование позволяет выпускникам быть востребованными (Михайлова, Гирская, 2019; Евплова и др., 2018) на рынке труда и обладать некоторыми преимуществами, что касается в том числе и размера оплаты труда (Тубольцева и др., 2019; Black et al., 2003; Bleemer, Mehta, 2022). Однако именно в экономическом образовании остро ощущается проблема несоответствия полученных навыков ожиданиям студентов и работодателей. Академическое образование в области экономики не адаптируется к меняющимся условиям, а навыки, полученные студентами в ходе обучения в университете, недостаточны для осуществления трудовой деятельности без дополнительного обучения (Dang Minh, 2018; Coats, 1992; Löfström, Weber, 2022). Новиков (Новиков, 2013) отмечает, что российские университеты также не создают достаточных условий для формирования компетенций, которые требуются со стороны предпринимателей и бизнеса, и не предоставляют достаточных практических навыков. Ковалев (Ковалев, 2011) отмечает, что текущая система образования не помогает развивать в студентах необходимые для успешной учебы и работы качества (например, самостоятельность). Потребность в высококвалифицированных специалистах (Тюнин и др., 2019; Халилов, Курбанов, 2020) растет в связи с изменяющейся геополитической ситуацией (Вострикова, Гвоздарёва, 2022), а также в связи с развитием цифровой экономики (Васильева и др., 2021). Необходимы профессиональные кадры (экономисты) для реализации национальных программ, например Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (Кузнецов и др., 2020).

В своем исследовании мы уделяем внимание как образовательным результатам (знаниям и навыкам, полученным выпускниками во время обучения), так и выгодам от экономического образования (успешность на рынке труда) и связи между оценкой результатов обучения и дальнейшего трудоустройства. Мы показываем, как выпускники разных лет обучения, разделяющие те или иные ценности, оценивают ключевые аспекты полученного образования.

Методология, материалы и методы

В работе используются результаты мониторинга выпускников Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, проведенного Отделом содействия трудоустройству и связям с выпускниками. В опросе

приняли участие выпускники с 1993 по 2023 г. выпуска. Опрос состоял из вопросов, разделенных на три блока: ценностные ориентации, образовательные результаты (теоретические и практические знания, умение искать информацию и т. д.), вопросы о влиянии обучения на социальные и экономические результаты (связи, единомышленники, профессия, конкурентоспособность, заработная плата, карьера). В первом блоке респонденты указывали, насколько их ценностные ориентации соответствуют предложенным описаниям, во втором оценивали, насколько обучение позволило сформировать соответствующие знания и навыки, а в третьем — насколько обучение повлияло на их дальнейшие жизненные результаты. Описание вопросов приведено в Приложении А, Таблице А.1. Из выборки были удалены те респонденты, которые указывали минимальное или максимально возможное значение во всех вопросах, относящихся к одному блоку. После удаления подобных ответов общий объем выборки составил 451 наблюдение. Из-за наличия пропусков по некоторым переменным число наблюдений, используемых в разных моделях, может отличаться.

Описательные статистики используемых переменных приведены в Приложении Б в Таблице Б.1. Наибольшие значения оценок образовательных результатов наблюдаются у навыков поиска информации, работоспособности, аналитики и способности к обучению. К ценностным ориентациям, получившим наибольшие оценки, относятся: важность быть лидером, стремление к достижениям и развитию. Наименьшие оценки получили такие ценности, как скромность, универсализм и отзывчивость.

Мы придерживаемся следующей концептуальной схемы: ценностные ориентации формируются в процессе обучения и оказывают влияние на образовательные результаты. В свою очередь образовательные результаты влияют на социально-экономические результаты. В качестве метода моделирования используется регрессионный анализ. Так как часть зависимых переменных принимает только четыре значения, для подобных переменных построены порядковые логистические регрессии, а не регрессии, оцененные с помощью метода наименьших квадратов.

Результаты исследования

Нами были построены модели с зависимыми переменными, описывающими социально-экономические результаты обучения (табл. 1). Получение практических профессиональных знаний и навыков демонстрирует положительную связь со всеми зависимыми переменными за исключением конкурентоспособности. При этом теоретические знания связаны только с получением перспективной профессии и конкурентоспособностью. Навыки командной работы и умение находить общий язык с другими положительно связаны с получением перспективной профессии и полезных связей. Эрудиция оказывается связанной с зависимыми переменными,

отражающими коммуникацию с другими людьми (формирование связей и круга единомышленников). Адаптивность положительно связана со всеми переменными, за исключением образования связей и получения перспективной профессии. На заработную плату и карьерный рост оказывают влияние одинаковые факторы: практические знания и адаптивность. Однако есть и различия: на заработную плату оказывает влияние работоспособность, а на карьерный рост — конкретные отраслевые знания.

Таблица 1

**Результаты построения моделей
с зависимыми переменными социально-экономических результатов
обучения**

	1. Связи	2. Единомыш.	3. Профессия	4. Конкурент	5. Зарплата	6. Карьера
Практика	0.273*** (0.057)	0.242*** (0.049)	0.359*** (0.041)		0.257*** (0.046)	0.238*** (0.049)
Эрудиция	0.224*** (0.073)	0.178** (0.072)				
Отношение к критике		0.153** (0.073)				
Теория			0.255*** (0.052)	0.264*** (0.060)		
Команда	0.301*** (0.073)		0.157*** (0.053)			
Адаптивность		0.289*** (0.074)		0.276*** (0.055)	0.144** (0.069)	0.221*** (0.055)
Работо- способность			0.202*** (0.058)		0.150** (0.071)	
Исследования				0.248*** (0.083)		
Отрасль						0.110** (0.048)
Константа	1.182** (0.512)	1.298*** (0.453)	0.232 (0.430)			

	1. Связи	2. Единомыш.	3. Профессия	4. Конкурент	5. Зарплата	6. Карьера
Число наблюдений	358	358	358	356	356	356
R²	0.302	0.404	0.526			
Скорректир. R²	0.297	0.397	0.520			
R² МакФаддена				0.109	0.107	0.118
F-статистика	51.168***	59.790***	97.767***			

Примечание: в качестве регрессоров использованы все переменные, отражающие образовательные результаты. Модели 1–3 построены для зависимых переменных, принимающих значения от 0 до 10, использована МНК-регрессия. Модели 4–6 построены для зависимых переменных, принимающих значения от 0 до 4, использована порядковая логистическая регрессия. После построения полных моделей все регрессоры, коэффициенты перед которыми оказались незначимыми на 5%-м уровне, были исключены из моделей. * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Источник: составлено авторами.

Студенты, имеющие различные ценности, по-разному подходят к образовательному процессу. Это означает, что образовательные результаты могут быть связаны с ценностными ориентациями. Мы построили МНК-регрессии с образовательными результатами в качестве зависимых переменных и ценностями в качестве регрессоров. В табл. 2 представлены ценности, коэффициенты перед которыми оказались значимыми. В табл. 3 показано, в каком количестве уравнений ценности оказались связаны с образовательными результатами. Так, творческий подход (открытость), стремление к получению новых навыков (развитие), стремление к независимости и толерантность к мнениям других оказываются чаще всего связаны с образовательными результатами.

**Результаты построения моделей
с зависимыми переменными образовательных результатов**

	Ценности	R²
Работоспособность	Толерантность***, Развитие***, Богатство**	0.28
Поиск информации	Достижения***, Открытость***, Независимость***, Толерантность**	0.31
Исследования	Толерантность***, Открытость***, Независимость***, Развитие**	0.34
Способность к обучению	Толерантность***, Развитие***, Богатство**	0.3
Аналитика	Толерантность**, Независимость**, Развитие***	0.27
Отношение к критике	Открытость***, Развитие***	0.3
Адаптивность	Открытость***, Независимость**, Развитие***, Лояльность**	0.34
Команда	Универсализм***, Лояльность***, Развитие***, Независимость**	0.35
Эрудиция	Открытость***, Развитие***, Достижения**, Толерантность**	0.29
Навыки письма	Открытость**, Развитие**, Независимость**	0.26
Теория	Открытость***, Независимость***	0.2
Красноречие	Независимость**, Развитие**, Универсализм**	0.24
Лидерские навыки	Открытость**	0.27
Отрасль	Открытость***, Отзывчивость**, Достижения**	0.2
Практика	Отзывчивость***, Открытость***, Гедонизм**	0.3
Работа в специальных программах	Открытость***, Универсализм***, Лояльность**	0.28

Примечание: в таблице приведены результаты оценивания регрессий с зависимыми переменными образовательных результатов и независимыми переменными ценностей. Коэффициенты перед всеми переменными положительны; * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Источник: составлено авторами.

**Количество коэффициентов перед переменными ценностей,
значимых в регрессионных уравнениях
с зависимыми переменными образовательных результатов**

Ценность	Количество
Богатство	2
Открытость	11
Универсализм	3
Достижения	3
Скромность	0
Гедонизм	1
Лояльность	3
Толерантность	6
Независимость	8
Отзывчивость	2
Развитие	10

Источник: составлено авторами.

Обсуждение

По результатам обучения индивид получает не только перспективы, связанные с карьерой и конкурентоспособностью на рынке труда: он приобретает доступ к социальному капиталу в виде знакомств и связей или круга единомышленников. Мы приходим к выводу, что процесс накопления социального капитала связан с мягкими навыками, формируемыми во время учебы: способностью работать в команде и проявлять гибкость мышления, умением критически относиться к своей деятельности (см. табл. 1). Не менее важной оказывается и эрудиция. Это показывает, что возникающие связи не строятся исключительно на сходстве интересов или дружеской симпатии, а представляют собой сложный процесс взаимодействия, требующий взаимной адаптации.

Приобретение практических знаний оказывается важным для получения как социальных, так и экономических выгод. При этом усвоение теоретических знаний связано с получением перспективной профессии и конкурентоспособностью на рынке труда. Коэффициент перед уровнем знаний о конкретной отрасли значим только в одной модели из шести (см. табл. 1). Это может быть связано с тем, что многие знания о конкретном

рынке или отрасли могут быть получены в процессе вхождения в профессию на рабочем месте.

Заметим, что многие навыки, рассматриваемые как ценные результаты обучения, демонстрируют отсутствие связи с социальными результатами: навыки поиска информации, аналитические навыки, навыки письма и устных выступлений, способность к обучению. Другими словами, мы не находим подтверждения представления о важности «умения учиться», к которому можно отнести многие из этих навыков.

Ценностные ориентации объясняют от 20 до 35% разброса полученных образовательных результатов (см. табл. 2). Это говорит о том, что формирование мировоззрения (частью которого являются ценностные установки) является не только одной из самостоятельных задач образовательного процесса, но и средством повышения эффективности процесса обучения. Стремление к богатству, скромность и гедонизм менее всего связаны с образовательными результатами, а творчество, стремление к развитию, толерантность и стремление к независимости оказываются чаще всего связаны с образовательными результатами.

Заключение

По результатам опроса 451 выпускника Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 1993–2023 гг. выпуска оценена связь между знаниями и навыками, формирующимися во время обучения, и социально-экономическими выгодами от экономического образования. Проведен анализ того, какие ценности способствуют развитию навыков, необходимых выпускникам для получения выгод от экономического образования.

Для оценки связи между знаниями и навыками, полученными выпускниками во время обучения, и социально-экономическими выгодами (получение востребованной профессии, конкурентоспособность, заработная плата, создание связей, формирование круга единомышленников, карьера), оценены МНК-регрессии и порядковые логистические регрессии. Получение практических профессиональных знаний и навыков положительно связано с пятью зависимыми переменными из шести, в то время как получение теоретических знаний — только с двумя. Среди мягких навыков положительную связь с одной или несколькими зависимыми переменными продемонстрировали умение работать в команде, адаптивность, работоспособность и способность воспринимать критику. Способность к обучению, навыки устных выступлений, умение находить информацию не значимы ни в одной из моделей. Наличие эрудиции способствует формированию круга единомышленников и получению связей, полезных для трудоустройства. Отраслевые знания положительно связаны с зависимой переменной, отражающей карьеру, но не связаны с остальными зависимыми переменными.

Личностные ценности респондентов объясняют около 30% разброса полученных знаний и навыков. Открытость, стремление к саморазвитию и независимости, а также толерантность положительно связаны с большим количеством образовательных результатов. Коэффициент перед переменной, отражающей скромность, не значим ни в одной из оцененных моделей.

Таким образом, получение выпускниками выгод от экономического образования связано не только с теоретическими знаниями и практическими навыками, но и с мягкими навыками: адаптивностью, умением работать в команде и другими. Более того, успешное освоение знаний и навыков связано с набором ценностей, которые разделяют обучающиеся. Образовательный процесс следует воспринимать не только как процесс передачи студентам знаний, но и как инструмент для формирования особого мировоззрения и компетенций.

Список литературы

Бондарева, Л. В., Потемкина, Т. В., & Саулембекова, Г. С. (2021). Влияние «мягких» навыков на готовность к самостоятельному трудоустройству: опыт самооценки будущих инженеров. *Высшее образование в России*, 30(12), 59–74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-12-59-74>.

Васильева, Я. И., Шабалина, К. Н., & Лубожева, Л. Н. (2021). Востребованность в будущих экономистах. *Научное пространство современной молодежи: приоритетные задачи и инновационные решения*, 48–50.

Волгин, А. Д., & Гимпельсон, В. Е. (2022). Спрос на навыки: анализ на основе онлайн данных о вакансиях. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 26(3), 343–374. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-3-343-374>.

Вострикова Е. О., & Гвоздарёва Л. П. (2022). Актуальные вопросы современной экономической науки. *Материалы XII Международной научной конференции*, Астрахань, 2022 г., 301. ISBN 978-5-9926-1417-6.

Евплова, Е. В., Корнеев, Д. Н., Федосеев, А. В., Мурыгина, Л. С., & Борисенко, Я. М. (2018). Проблемы и перспективы экономического образования в России. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 7(4 (25)), 101–104.

Ковалев, В. В. (2011). Университетское экономическое образование: проблемы восприятия знания. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, (2), 142–158.

Кузнецов, Н. В., Лизяева, В. В., Прохорова, Т. А., & Лесных, Ю. Г. (2020). Подготовка кадров для реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». *Современные проблемы науки и образования*, (1), 25–25. DOI: 10.17513/spno.29520.

Михайлова, Л. С., & Гирская, К. А. (2019). Востребованность и трудоустройство выпускников экономических вузов на рынке труда. *Сфера услуг: инновации и качество*, (41), 102–112.

Новиков, А. В. (2013). Экономическое образование: готовим инженеров бизнеса! *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, (3(465)), 138–145.

Тубольцева, И. А., Симакowa, Д. А., & Быстрова, Е. М. (2019). Востребованность профессий экономиста и менеджера в России и за рубежом — сравнительный аспект. *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*, 3, 475–477.

Тюнин, А. И., Демцура, С. С., Алексеева, Л. П., Базавлущая, Л. М., & Плужникова, И. И. (2019). Особенности экономического образования и восприятия в современных условиях. *Балтийский гуманитарный журнал*, 8(3(28)), 163–166.

Халилов, Б. Б., & Курбанов, Ф. Г. (2020). Важность подготовки кадров в экономике. *Вопросы науки и образования*, (6(90)), 12–14.

Arieli, S., Sagiv, L., & Cohen-Shalem, E. (2016). Values in business schools: The role of self-selection and socialization. *Academy of Management Learning & Education*, 15(3), 493–507. <https://doi.org/10.5465/amle.2014.0064>.

Athiyaman, A. (2001). Graduates' Perception about Business Education: an exploratory research. *Journal of Further and Higher Education*, 25(1), 5–19. <https://doi.org/10.1080/03098770020030461>.

Balcar, J., Šimek, M., & Filipová, L. (2018). Soft skills of Czech graduates. *Review of Economic Perspectives*, 18(1), 45–60. <https://doi.org/10.2478/revecp-2018-0003>.

Berring, L., Kumari, S., & Ahuja, S. (2018). Impact of personality traits and personal values on curriculum choice of young adults. *Journal of Beliefs & Values*, 39(3), 263–278. <https://doi.org/10.1080/13617672.2017.1293930>.

Black, D. A., Sanders, S., & Taylor, L. (2003). The economic reward for studying economics. *Economic Inquiry*, 41(3), 365–377. DOI: 10.1093/ei/cbg014.

Bleemer, Z., & Mehta, A. (2022). Will studying economics make you rich? A regression discontinuity analysis of the returns to college major. *American Economic Journal: Applied Economics*, 14(2), 1–22. <https://doi.org/10.1257/app.20200447>.

Coats, A. W. (1992). Changing perceptions of American graduate education in economics, 1953–1991. *The Journal of Economic Education*, 23(4), 341–352. <https://doi.org/10.1080/00220485.1992.10844767>.

Dang Minh, N. (2018). Building the Training and Self-training Skill Model for Vietnamese Students to Meet Enterprises' Demands. *VNU Journal of Economics and Business*, 34(1).

Diem, A., & Wolter, S. C. (2014). Overeducation among Swiss university graduates: determinants and consequences. *Journal for Labour Market Research*, 47(4), 313–328. <https://doi.org/10.1007/s12651-014-0164-3>.

Henderson-King, D., & Smith, M. N. (2006). Meanings of education for university students: Academic motivation and personal values as predictors. *Social psychology of education*, 9, 195–221. <https://doi.org/10.1007/s11218-006-0006-4>.

Löfström, J., & Weber, B. (2022). Economic education: Its past, present, and future. *JSSE-Journal of Social Science Education*, 21(2).

Lopes, J. C., Graça, J. C., & Correia, R. G. (2015). Effects of economic education on social and political values, beliefs and attitudes: Results from a survey in Portugal. *Procedia Economics and Finance*, 30, 468–475. [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(15\)01314-3](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(15)01314-3).

Phuc, P., Vinh, N., & Do, Q. (2020). The implementation of outcome-based education: Evidence from master program in economic management at Hanoi universities. *Management Science Letters*, 10(14), 3299–3306. <https://doi.org/10.5267/j.msl.2020.6.008>.

Saunders, C., Marcolin, B., & Cherneski, J. (2022). The role of students' personal values and ethical ideologies in increasing the importance of perceptions of social responsibility for business students: A PRME directive. *Journal of Management Education*, 46(5), 920–950. <https://doi.org/10.1177/1052562922107732015>.

Silva Añaña, E. da, & Meucci Nique, W. (2010). Personal values in relation to graduate career choices. *International Journal of Public Sector Management*, 23(2), 158–168.

Vecchione, M., & Schwartz, S. S. (2022). Personal values and academic achievement. *British Journal of Psychology*, 113(3), 630–652. <https://doi.org/10.1111/bjop.1255516>.

Yashin, A., Klyuev, A., & Bagirova, A. (2018). Designing entrepreneurial education in Russia: hard and soft skills. *Ekonomski Vjesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business, and Economic Issues*, 31(2), 261–274.

References

Bondareva, L. V., Potemkina, T. V., & Saulembekova, G. S. (2021). The influence of “soft” skills on readiness for self-employment: the experience of self-assessment of future engineers. *Higher Education in Russia*, 30(12), 59–74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-12-59-74>.

Evplava, E. V., Korneev, D. N., Fedoseev, A. V., Murygina, L. S., & Borisenko, Ja. M. (2018). Problems and prospects of economic education in Russia. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 4(25).

Halilov, B. B., & Kurbanov, F. G. (2020). The importance of training in the economy. *Voprosy nauki i obrazovaniya [Science and education issues]*, 6(90).

Kovalev, V. V. (2011). University Economic Education: The Problems of Knowledge Perception. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 5(2), 142–158.

Kuznecov, N. V., Lizjaeva, V. V., Prohorova, T. A., & Lesnyh Ju. G. (2020). Training personnel for the implementation of the national program «digital economy of the Russian Federation». *Modern problems of science and education*, 1. <https://doi.org/10.17513/spno.29520>.

Mihajlova, L. S., & Girsakaja, K. A. (2019). Demand and employment of graduates of economic universities in the labor market. *Services sector: innovation and quality*, 41, 102–112.

Novikov, V. V. (2013). Economical education: preparing our business engineers. *ECO*, 13, 138–145.

Tjunin, A. I., Demcura, S. S., Alekseeva, L. P., Bazavluckaja, L. M., & Pluzhnikova, I. I. (2019). Features of economic education and perceptions in modern conditions. *Baltic Humanitarian Journal*, 3(28).

Tuboltseva, I. A., Simakova, D. A., & Bystrova, E. M. (2019). Requirement of economist and manager professions in Russia and abroad — comparative aspect. *Actual problems of aviation and cosmonautics*, 3, 475–477.

Vasil'eva, Ja. I., Shabalina, K. N., & Lubozheva, L. N. (2021). Demand for future economists. *Scientific space of modern youth: priority tasks and innovative solutions: III ReFORUM “Manage the dream!”: collection of articles of participants of the II All-Russian Youth Scientific and Practical Conference: collection of articles of participants of the II All-Russian youth scientific and practical conference, Chelyabinsk, May 20, 2021*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 48–50.

Volgin, A. D., & Gimpel'son, V. E. (2021). Demand for skills: analysis based on online job data. *Jekonomicheskij zhurnal VShJe = Higher School of Economics Economic Journal*, 26(3), 343–374. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-3-343-374>.

Vostrikova, E. O., & Gvozdarjova, L. P. (2022). Actual issues of modern economic science. *Proceedings of the XII International Scientific Conference, Astrakhan*, 301.

Приложение А

Таблица А.1

Описание вопросов, предложенных респондентам

На что повлияло обучение	
Связи	На получение контактов и связей для дальнейшего трудоустройства и профессиональной деятельности
Профессия	На получение востребованной и перспективной профессии
Единомышленники	На формирование особого круга общения (единомышленников)
Конкурентоспособность	На Вашу конкурентоспособность на рынке труда
Заработная плата	На Вашу заработную плату
Карьера	На Ваш карьерный рост
Навыки и знания, сформированные во время обучения	
Практика	Практические специальные профессиональные знания и навыки
Теория	Теоретические знания в области экономики
Поиск информации	Умение находить и использовать информацию из различных источников
Аналитика	Аналитические навыки в сфере интерпретации данных и построения самостоятельных выводов
Отношение к критике	Умение критически оценивать свою деятельность, делать выводы из ошибок
Исследования	Способность к исследовательской и аналитической деятельности
Эрудиция	Эрудиция и осведомленность о социально-значимых проблемах
Работа в специальных программах	Навыки работы в специальных программах/приложениях
Отрасль	Общее представление о функционировании Вашей отрасли
Навыки письма	Способность грамотно излагать свои мысли в письменной форме
Красноречие	Навыки устных выступлений
Адаптивность	Гибкость мышления и адаптивность в рабочей среде
Команда	Способность работать в команде, находить общий язык с людьми

Навыки и знания, сформированные во время обучения	
Способность к обучению	Способность осваивать новые знания и умения
Работоспособность	Умение справляться с большим объемом работы
Лидерские навыки	Умение организовывать работу коллектива
Ценности	
Богатство	Для него важно быть обеспеченным человеком. Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей
Открытость	Для него важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом
Универсализм	Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни
Достижения	Для него важно быть очень успешным. Он надеется, что люди признают его достижения
Скромность	Для него важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание
Гедонизм	Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать
Лояльность	Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям
Лидерские качества	На работе для него важно быть профессионалом высшего класса. Он лучше многих разбирается в своей области
Толерантность	Для него важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей. Даже когда он с ними не согласен, он все равно хочет понять их точку зрения
Независимость	Для него важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других
Отзывчивость	Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии
Развитие	Для него важна возможность учиться, развиваться. Он стремится к получению новых навыков и умений

Примечание: в первом столбце указаны краткие названия переменных, используемых в работе. Во втором столбце указаны полные формулировки вопросов, которые были предложены респондентам для оценивания. Жирным шрифтом выделены названия блоков. Опрос состоял из четырех основных блоков и одного дополнительного («Прочее»).

Источник: составлено авторами.

Приложение Б

Таблица Б.1

Описательные статистики

	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Макс.
Конкурентоспособность	2.35	0.76	0	3
Заработная плата	1.78	0.94	0	3
Карьера	1.69	0.96	0	3
Связи	7.03	2.76	0	10
Профессия	7.45	2.34	0	10
Единомышленники	7.77	2.53	0	10
Практика	6.13	2.52	0	10
Теория	7.88	2.03	0	10
Поиск информации	8.48	1.91	0	10
Аналитика	8.37	1.94	0	10
Независимость	7.88	2.30	0	10
Отношение к критике	8.01	2.18	0	10
Исследования	8.31	2.01	0	10
Эрудиция	7.90	2.22	0	10
Работа в специальных программах	5.81	2.80	0	10
Саморазвитие	7.82	2.38	0	10
Отрасль	6.94	2.79	0	10
Навыки письма	7.71	2.50	0	10
Красноречие	7.12	2.60	0	10
Адаптивность	8.01	2.33	0	10
Команда	7.80	2.31	0	10
Способность к обучению	8.36	2.10	0	10
Работоспособность	8.47	2.15	0	10
Лидерские навыки	6.88	2.84	0	10
Богатство	7.32	2.00	0	10
Открытость	6.88	2.24	0	10
Универсализм	6.12	2.79	0	10
Достижения	8.24	1.78	0	10
Скромность	4.64	2.74	0	10
Гедонизм	7.16	2.19	0	10
Лояльность	6.89	2.53	0	10
Лидерские качества	8.37	1.95	0	10
Толерантность	7.34	2.25	0	10
Независимость	8.12	1.84	0	10
Отзывчивость	6.35	2.51	0	10
Развитие	8.21	1.95	0	10

Источник: составлено авторами.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. А. Назарова¹

Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

УДК: 330.83

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-14

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КРИЗИСОВ: ТРУДЫ ЭКОНОМИСТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К 75-летию кафедры Истории народного хозяйства и экономических учений

В статье проводится анализ развития теории промышленных кризисов в российской экономической науке. Рассматриваются теоретические положения, раскрывающие причины развития экономической нестабильности и периодической повторяемости промышленных и мировых кризисов. Поставлена задача выделить наиболее яркие и научно обоснованные выводы известных экономистов Московского университета, оставивших глубокий след в разработке теории кризисов. Знакомство с научными идеями И. К. Бабста, А. И. Чупрова, А. Н. Миклашевского, А. А. Мануйлова, С. А. Первушина, И. А. Трахтенберга, З. С. Каценеленбаума проводит современного экономиста по «лабиринтам» их научной лаборатории (вторая половина XIX — начало XX в.), приближая к пониманию механизмов нестабильности и четкому представлению системных последствий нарушения хозяйственных связей в ходе кризиса. А. И. Чупров, С. А. Первушин, И. А. Трахтенберг связывали начало подготовки к мировому кризису с миграцией ссудного капитала, свободного от «пограничных виз», и расширением кредитных отношений: «цепь долговых обязательств ныне соединяет хозяйства не только одной страны, но целого мира». Это высказывание А. И. Чупрова вскрывает один из ключевых симптомов кризиса. В работах известных российских экономистов Московского университета анализируются алгоритмы развития промышленных и мировых кризисов, показывается, что с появлением денег цикличность хозяйственного развития становится перманентным процессом. Обращается внимание, что характерная особенность исследований российских экономистов заключалась в комплексном подходе к изучению процесса циклического развития экономики. В статье показывается, что системный подход российских экономистов к феномену экономической нестабильности способствовал формированию многомерного представления о взаимодействии факторов микро- и макроэкономического уровня в промышленном цикле, развивая объемное макроэкономическое понимание хозяйственных процессов.

¹ Назарова Ирина Александровна — к.э.н., доцент, кафедра экономических и финансовых дисциплин, Московский гуманитарный университет (МосГУ); e-mail: mitht.ira@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6226-7646.

Ключевые слова: промышленный кризис, мировой кризис, денежный кризис, «фальшивое» оживление, дефицит оборотного капитал, «безденежье», «революция цен».

Цитировать статью: Назарова, И. А. (2025). Развитие теории промышленных кризисов: труды экономистов Московского университета. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 272–296. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-14>.

I. A. Nazarova

Moscow State University for the Humanities (Moscow, Russia)

JEL: B22, E39, E52, E59, H69

THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF INDUSTRIAL CRISES: THE WORKS OF RUSSIAN ECONOMISTS OF MOSCOW UNIVERSITY

The article analyzes the development of the theory of industrial crises in Russian economics. The author considers the stages in forming basic theoretical positions that reveal the causes of the development of economic instability and the periodic recurrence of industrial crises. The task is to highlight the most striking and scientifically sound conclusions of well-known representatives of Moscow University, who have made a profound impact on the development of the theory of crises. Acquaintance with the scientific ideas of I. K. Babst, A. I. Chuprov, A. N. Miklashevsky, A. A. Manuylov, S. A. Pervushin, I. A. Trakhtenberg, Z. S. Katsenelenbaum leads modern economists through the “labyrinths” of their scientific laboratory (the second half of the XIX — early XX centuries), bringing closer to understanding the mechanisms of instability and a clear representation the systemic consequences of the disruption of economic ties during the crisis. A. I. Chuprov, S. A. Pervushin, I. A. Trachtenberg linked the beginning of preparations for the global crisis with the migration of loan capital free of border visas and the expansion of credit relations: “the chain of debt obligations now connects the farms of not only one country, but the whole world”. This statement by A. I. Chuprov reveals one of the key symptoms of the crisis. The author argues that the characteristic feature of the research of Russian economists was an integrated approach to the study of the process of cyclical economic development. The article shows that the systemic approach of Russian economists to the phenomenon of economic instability contributed to the formation of a multidimensional idea of the interaction of micro- and macroeconomic factors in the industrial cycle, developing a multifaceted macroeconomic understanding of economic processes.

Keywords: industrial crisis, global crisis, monetary crisis, “fake” revival, working capital deficit, “lack of money”, “price revolution”, “military economy”.

To cite this document: Nazarova, I. A. (2025). The development of the theory of industrial crises: the works of Russian economists of Moscow University. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 272–296. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-14>

Введение

Прошедший в декабре 2024 г. 75-летний юбилей кафедры истории народного хозяйства и экономических учений является важной вехой в развитии российской экономической теории и ее преподаваний в университетском курсе. За это время учеными кафедры была проделана огромная исследовательская работа по обобщению и систематизации отечественных и зарубежных направлений экономической мысли и ее истории, созданию базовых учебных курсов и написанию монографий по данной дисциплине².

На кафедре были написаны фундаментальные труды по истории экономики и экономических учений, благодаря которым появились профильные историко-экономические дисциплины, составившие в совокупности с учебниками по политической экономии основы профессионального теоретического образования на экономическом факультете Московского университета³. Работы ученых кафедры отличаются глубоким теоретическим «погружением» в проблемы исследуемой эпохи.

² До создания кафедры истории народного хозяйства и экономических учений в 1949 г. единственным центром экономических исследований в XX в. была кафедра политической экономии Московского университета, которая определяла направление «в изучении, анализе и преподавании как зарубежного опыта, так и реалий российской экономики» (Пороховский, 2024, с. 163). Чтение истории политической экономии как части курса политической экономии начал в 1857 г. проф. И. К. Бабст. Однако самостоятельной научной дисциплиной история экономических учений стала после публикации в 1892 г. работы проф. А. И. Чупрова «История политической экономии» (Худокормов, Покидченко, 2018).

³ Первые работы, посвященные исследованию истории развития отечественного народного хозяйства и экономических учений, были написаны В. П. Безобразовым, А. И. Чупровым, М. И. Туган-Барановским, А. Н. Миклашевским, А. Ю. Финн-Енотаевским, А. Н. Энгельгардом, П. Н. Милюковым, П. П. Мигулиным, И. М. Кулишером, П. И. Ляшенко и др.

Ученые кафедры ИНХиЭУ (с 1949 г.) И. Д. Удалцов, Ф. Я. Полянский, И. Г. Блюмин, Б. Б. Кафенгауз, П. А. Хромов, Ю. Я. Ольсевич, Г. Н. Худокормов, В. Н. Черковец, В. С. Афанасьев, Е. Г. Василевский, В. А. Жамин, Л. Н. Сперанская, А. Г. Худокормов, Д. Н. Платонов, М. Г. Покидченко, В. В. Дроздов и многие другие продолжили эту работу, результатом которой стало создание ряда фундаментальных трудов по истории российской и мировой экономической мысли и отечественного народного хозяйства.

Среди базовых курсов, написанных преподавателями кафедры, следует отметить следующие учебные публикации: «Экономическая история капиталистических стран» под ред. Ю. К. Авдеева и Ф. Я. Полянского (1962); «Экономическая история социалистических стран» под ред. Ф. Я. Полянского (1971); «История экономических учений. Часть 2» под ред. А. Г. Худокормова (1994); «История экономических учений. Современный этап» под ред. А. Г. Худокормова (2002); «Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков». В 5 т. / под ред. Ю. Я. Ольсевича и А. Г. Худокормова (2003–20005); Худокормов А. Г. «Экономическая теория: новейшие течения Запада»: учебное пособие (2009); Худокормов А. Г., Покидченко М. Г., Калмычкова Е. Н., Ольсевич Ю. Я. «Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России» (2016); Покидченко М. Г., Сперанская Л. Н., Дробышевская Т. А. «Пути развития экономики России: теория и практика»: учеб. пособие (2016); «Новое будущее прошлого»: учебное пособие» под ред. Д. Н. Платонова (2018); Пла-

Изучение особенностей хозяйственного быта различных стран формировали ядро теоретической экономической науки. По мере «накопления» и оценки фактических материалов в конце XIX в. стали появляться труды, в которых вскрывались особенности методологии и ключевых положений научных школ.

В данной статье рассматривается *процесс создания российской теории промышленных и мировых кризисов в работах известных ученых Московского университета*, изучавших природу экономической нестабильности во второй половине XIX — первой трети XX в. Анализ этих трудов, на наш взгляд, представляет научный интерес, так как российские авторы вскрыли механизм развития кризиса в момент формирования крупного финансового капитала и расширения масштабов кредитных операций и, таким образом, показали «оборотную» сторону глобализации рынка в начале XX в., завершившуюся Первой мировой войной.

Сложность политико-экономической ситуации настоящего времени возвращает сообщество ученых к прочтению и осмыслению фундаментальных моделей кризисов и факторов мировой экономической нестабильности, которые на рубеже XIX–XX вв. стали основой нового подхода к изучению макроэкономических процессов. Системный мировой кризис настоящего времени и переход к новому технологическому укладу «погасил» эйфорию хозяйственной глобализации, перейдя в фазу «горячей» экономики и политики.

Своеобразие этого этапа является развитием «острой фазы» противоборства между представителями финансового капитала и национальными институтами, фазы, представляющей угрозу суверенитету отдельных государств. «Раскол» в твердом «ядре» экономической теории настоящего времени связан с необходимостью теоретического объяснения данного периода (Пороховский, 2011, с. 55–67; Худокормов, 2021, с. 103–125). Ситуация экономической нестабильности как перманентный процесс нуждается в глубоком исследовании национальных и мировых кризисов и особенностей их развития в прошлом и настоящем.

Несмотря на то что первый промышленный кризис в Англии прошел 200 лет назад (1825 г.) и стал периодическим, первые работы по научному осмыслению этого нового проявления экономической нестабильности были написаны в начале 60-х гг. XIX в.⁴ Известный французский исследователь кризисов начала XX в. Жан Лескюр, представивший в своей

тонов Д. Н. «Отечественная экономическая мысль как отражение особенностей русской цивилизации». Ч. 1 (2022); «Социально-экономическая история России» под ред. А. Г. Худокормова (2023) и многие другие.

⁴ Предсказать возможность периодических кризисов задолго до их наступления могли лишь мыслители, которые в конце XVIII — начале XIX в. обратили внимание на процесс глубокого обособления оборота товаров и денег, увидели «разрыв» в этом обмене и смогли представить его хозяйственные последствия. Это были швейцарский экономист С. де Сисмонди

книге аналитический обзор первых опытов изучения этого феномена⁵ экономистами второй половины XIX в., отмечал, что теории, в которых акцент поставлен, главным образом, на роли денежного рынка в повышении цен, не раскрывают сущности кризиса. Он писал, что при изучении лишь отдельных экономических явлений, эти теории «...строят свои выводы на слишком узких данных» (Лескюр, 1908, с. 395).

Эти замечания касались анализа кризисов французского экономиста К. Жюгляра и английского представителя неоклассики У. Джевонса. Работа К. Жюгляра «О торговых кризисах и их периодическом повторении во Франции, Англии и США», изданная в 1862 г. в Париже, «открывала» новую и еще неизвестную в науке проблему цикличности. Подход К. Жюгляра, в котором не рассматривалось влияние производства и потребления на развитие кризиса, позже назовут экзогенным, так как он изучал колебания цен лишь в отдельном, хотя и бесспорно важном, секторе народного хозяйства — на денежном рынке, свободном от вмешательства правительства. Однако динамика операций на денежном рынке и миграция денег на мировом рынке представляют лишь малую часть «айсберга» проблем народного хозяйства и факторов цикличности.

Работа М. И. Туган-Барановского «Периодические промышленные кризисы», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1894 г., стала заметным событием в научном мире, так как особенности развития кризиса, факторы, оказывающие влияние на его возникновение и дальнейшее течение, исследовались с использованием статистики народного хозяйства промышленно развитых стран. Публикация этой работы за рубежом, стала научным событием в теоретической экономии: она открыла новое научное направление исследований, которых не было в классической, и тем более, в неоклассической теории, занимавшейся изучением микроэкономических процессов.

После публикации работы у М. И. Туган-Барановского появились последователи в ряде стран (Ж. Лескюр, А. Афтальян, А. Шпитгоф и др.). С. А. Первушин писал, что теорию М. И. Туган-Барановского признают «высшей формой теории кризисов» (Первушин, 1914, с. 31). Создатель институционального направления Т. Веблен ссылаясь на книгу русского экономиста, считая его анализ кризиса наиболее глубоким (Корнейчук, 2008, с. 34). Современный немецкий историк русской экономической мысли Й. Цвайнерт пишет, что теория М. И. Туган-Барановского является крупнейшим теоретическим достижением российской экономи-

(1817 г.) и российский юрист и экономист А. Н. Радищев, написавший о возможности развития кризисов в «Письме о китайском торговле» в 1792 г.

⁵ Жан Лескюр (1882–1942) — французский историк и экономист, профессор факультета права в Бордо, автор работы «Общие и периодические кризисы», изданной в России в 1908 г.

ческой мысли, потому что он наметил *«магистральный путь конъюнктурных исследований в XX в.»* (Цвайнерт, 2007, с. 345).

Глубокий анализ причин возникновения и механизмов развития промышленных кризисов отличает труды известных экономистов Московского университета, следовавших «магистральным путем конъюнктурных исследований». С. А. Первушин вспоминал, что книгу его научного руководителя профессора А. И. Чупрова «Железнодорожное хозяйство» цитировал К. Маркс в «Капитале». Работу С. А. Первушина «Хозяйственная конъюнктура. Введение и изучение динамики русского народного хозяйства за полвека» в конце 1920-х гг. опубликовал С. Кузнец, отметив, что вклад российского ученого оказался недооцененным (Мясоедов, Клюкин, 2015, с. 4, 9).

Первые опыты исследования промышленных кризисов в отечественной экономической литературе

В 40–50-е гг. XIX в. в научной литературе, российской и зарубежной, экономические кризисы не исследовались: этот феномен был еще незнаком в теории. Однако проходили острые дискуссии о выборе орудий обращения для новой модели денежной системы, более устойчивой к инфляции. Теоретические дискуссии сторонников «денежной» и «банковской» школ очерчивали границы «территорий», которые разделяли интересы представителей государственного и частного кредита (Назарова, 2021, с. 140–141).

Известный российский историк и экономист, профессор Московского университета *Иван Кондратьевич Бабст*⁶ критически оценивал идеи шотландского финансиста Дж. Ло, который, преувеличивал роль кредита и причину хозяйственного упадка во Франции и Шотландии в начале XVIII в. связывал с недостатком капиталов. И. К. Бабст характеризовал национальное богатство как совокупность наличных запасов ценностей для производительного и индивидуального потребления. Главным условием роста народного благосостояния, подчеркивал ученый, является *производительное использование капитала*, потому что кредит *не создает новых богатств*: его творческая сила заключается лишь в ускорении оборота ценностей (Бабст, 1999). Высказанная И. К. Бабстом в 1853 г. мысль о кредите, *представляющем искусственные капиталы*, которые могли нарушить развитие производительных сил страны, предвосхищала возможность будущих циклических кризисов. Экономические работы И. К. Бабста

⁶ И. К. Бабст (1823–1881) — историк и экономист, заслуженный профессор Московского университета по кафедре политической экономии и статистики; защитил докторскую диссертацию по теме «Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы регентства» (1853 г.).

можно рассматривать как предысторию будущих специальных исследований нестабильности в отечественной экономической науке.

«Открытие» проблемы промышленных кризисов и первые шаги ее изучения в литературе были связаны с не менее важной экономической задачей описания народного хозяйства России, выяснения особенностей развития рынка и промышленного производства. Решение этой задачи во второй половине XIX — начале XX в. по мере накопления практических и аналитических материалов закладывало фундамент будущей научной дисциплины — *истории экономики и экономических учений*. Факты, характеризующие динамику хозяйственных процессов, открыли неизвестную до тех пор ситуацию рыночной нестабильности и привели к анализу причин цикличности в промышленном производстве.

Необходимо отметить, что «симптомы» кризиса в циклическом движении от оживления к спаду имели ряд принципиальных отличий в отечественном и зарубежном анализе. Государственное регулирование рыночной конъюнктуры в России, которое для представителей неоклассики до сих пор считается нарушением законов рыночного обмена (несмотря на то что понятие рыночной конъюнктуры, которое включает финансовые и кредитно-денежные государственные институты, используется), было практически незнакомо на европейских рынках в XIX в.⁷ В сценариях российских ученых в качестве первого «пускового механизма» рассматривается кредитно-денежная политика правительства, которая оказывала заметное влияние на развитие национального рынка.

Исследования В. П. Безобразова, М. И. Туган-Барановского, представителей петербургской школы экономического анализа и работы известных экономистов Московского университета И. К. Бабста, А. И. Чупрова, А. Н. Миклашевского, А. А. Мануйлова, С. А. Первушина, З. С. Каценеленбаума, И. А. Трахтенберга, вскрыли факторы и выявили этапы перехода к кризису.

Первым опытом изучения народнохозяйственной нестабильности и выделение этапов ее развития стала работа петербургского автора **Владимира Павловича Безобразова**⁸ *«О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом»*, изданная в 1863 г.

⁷ Эту позицию весьма однозначно охарактеризовал известный немецкий историк экономической мысли Й. Цвайнерт: в условиях государственного регулирования рыночного обмена экономическая теория развиваться не может, считает он, так как «языком» экономической подсистемы являются только цены. Остается без ответа вопрос: «О каком “языке” цен идет речь, если их уровень со второй половины XX в. определяют еще до выхода продукции на рынок крупные ТНК?»

⁸ В. П. Безобразов (1828–1889) — экономист, финансист и статистик, автор работ по истории народного хозяйства, финансам и кредиту, академик Петербургской Академии наук (1864), сенатор (с 1885 г.). В 1868–1878 гг. прочитал курс лекций по финансовому праву и политической экономии в Александровском лицее.

в Москве. В этой работе с использованием большого массива статистических данных рассматривалась динамика народного хозяйства Российской империи. Ученый не ставил задачи изучения промышленных кризисов, тем более что данное явление было еще неизвестно экономической науке, несмотря на публикацию книги К. Жюльера. Однако, анализируя результаты кредитно-денежной политики правительства после завершения Крымской войны, В. П. Безобразов проследил влияние дополнительных эмиссий денег, роста спроса и предложения на хозяйственную конъюнктуру в целом. Была выделена следующая последовательность событий, подготавливающих переход к кризису.

Во-первых, отмечалось, что *дополнительная эмиссия* увеличивает спрос населения, нарушая прежние хозяйственные пропорции. Каналы поступления бумажных денег, которые получают потребители, предъявляя повышенный спрос на предметы первой необходимости и роскошь, способствуют росту цен и предложения. Во-вторых, рост спроса усиливает *активность кредитного рынка* и, в-третьих, вызывает *рост капитального строительства*. Возникает ситуация искусственного оживления производства и роста предложения. Таким образом, в недрах *«фальшивого» оживления* экономики идет процесс «вызревания» промышленного кризиса. Итогом этого процесса становятся сокращение величины оборотного капитала и опасное сокращение производственных мощностей *в ряде отраслей народного хозяйства, производящих сырье и предметы первой необходимости*.

В. П. Безобразов пришел к заключению, что изменения хозяйственной конъюнктуры связаны с «денежными вливаниями» государства (Безобразов, 1863). Половина капиталов, имевших до кризиса «промышленное занятие», переходила в «праздное» состояние и, в силу этой «переориентации», меняла отраслевую структуру производства.

Александр Николаевич Миклашевский⁹ в работе «Деньги» (1895 г.) продолжает исследования, начатые в 1860-е гг. В. П. Безобразовым, расширяя базу анализируемых факторов промышленного цикла, включая в «сценарий» промышленного кризиса мотивацию предпринимателей. А. Н. Миклашевского интересует динамика цикла и механизм *«пошагового» перехода экономики от фазы благополучия и роста к фазе затухания производства и сбыта*. Несмотря на то что спрос служит регулятором колебания цен, государственная денежная политика, вызванная чрезвычайными обстоятельствами, корректирует величину спроса, увеличивая потребе-

⁹ А. Н. Миклашевский (1864–1911) — приват-доцент Московского университета (с 1895 г.), в 1904 г. защитил докторскую диссертацию на кафедре политэкономии и статистики на тему: «Обмен и экономическая политика»; профессор политической экономии и статистики в Юрьевском университете. Служил в Министерстве финансов и принимал участие в подготовке денежной реформы 1897 г., являясь сторонником системы золотого монометаллизма.

ние. Дополнительный спрос как главный фактор, оказывающий влияние на установление пропорций обмена, представляет новую покупательную силу на определенное количество благ и услуг.

Дополнительные выпуски приводят к росту цен, изменению доходов населения и пропорций обмена. Увеличение денежной массы в обороте меняет поведение продавцов и производителей товаров. Получая сверхприбыль, предприниматели значительно расширяют предложение в период *«фальшивого» оживления*, причем ведут его за счет завышения издержек и *открытия новых кредитов*.

Однако сокращение бумажно-денежной «подпитки» спроса вынуждает предпринимателей сокращать объемы производства. Возвращаясь к прежним выпускам и продажам продукции, продавцы, получавшие сверхприбыль, терпят убытки. Затратив значительную часть капиталов на удовлетворение возросшего спроса, промышленники с наступлением кризиса теряют своих покупателей и часть капиталов. В этом случае невостребованными оказывались новые производственные мощности. Цепь последовательных факторов, запускающих развитие кризиса, приводит к *замедлению или задержке оборота капитала*.

В национальном доходе сокращается доля *основного капитала*, а это сужает его воспроизводственную базу, угрожая экономическому суверенитету страны. Снижение вексельного курса уменьшало покупательную силу рубля на мировом рынке. Вследствие этого «обнаружилось *безденежье* и пожелание, чтобы правительство новыми выпусками поддержало падающую промышленность» (Миклашевский, 1895, с. 660). «*Безденежье*» как специфическое явление характеризовало дефицит оборотного капитала и являлось одним из определяющих признаков развития промышленного кризиса.

А. Н. Миклашевский впервые провел исследование причин развития «безденежья» как фактора, характеризующего опасный момент хозяйственной нестабильности, и выделил ключевые моменты этого процесса:

- расширение операций кредитного рынка вследствие обилия денежной массы (*иллюзия избытка капиталов*);
- увеличение капитального строительства, несмотря на насыщение спроса;
- масштабные операции с ценными бумагами на кредитно-денежном рынке и учредительство (рост числа финансовых пирамид) становились кульминацией этого процесса;
- момент наступления кризиса — *это сроки оплаты кредитов при дефиците платежных средств*.

Кризис менял соотношение *основного и оборотного капитала*. Приближение кризиса усиливало тягу к «овеществлению» *оборотного капитала* и приобретению недвижимости. «Безденежье» становилось демаркационной линией, которая разделяла движение денег как средства обращения,

инструмента расширения спроса и экономического роста, и приостанавливало их превращение в оборотный капитал.

Какая сила управляет сменой оживления и застоя в экономике? Теоретический анализ развития мировых кризисов экономистами Московского университета

Поиски ответа на вопрос о том, какая сила *«управляет этой поразительной сменой оживления и застоя в торговле, расширении и сокращении производства»*, поставленного С. А. Первушиным в работе, посвященной анализу теории кризисов М. И. Туган-Барановского, характеризует все исследования российских ученых. Этот ключевой вопрос отличает подходы отечественных экономистов, исследовавших действие скрытых «пружин» перехода от благополучного развития к кризису и застою.

Процесс функционирования индустриальной капиталистической системы хозяйства включил «маятниковые» механизмы цикличности — чередование подъема и спада экономической активности. В начале XX в. национальные промышленные кризисы приобрели новое качество — они стали мировыми. Подтвердился вывод А. И. Чупрова, сделанный ученым в 80-е гг. XIX в., об объединяющей власти кредита, который затягивает предпринимателей в «паутину» *мировых долговых обязательств* и превращает «заурядные» кризисы в мировые.

«Выход» кризисов на мировой уровень (в процессе глобализации кредитно-денежных операций и рынков капитала) чрезвычайно обострил проблемы товарообмена. Накопленные нерешенные противоречия ценой огромных убытков и потерь пытались разрешить в условиях «военной экономики», как крайней формы хозяйственной нестабильности, свойственной индустриальной эпохе XX столетия. «Военная экономика» как специфический тип народного хозяйства в период вооруженного противостояния политических блоков являлась кульминацией мирового кризиса.

Вызывает интерес совпадение двух мощных форм хозяйственной нестабильности — мировых кризисов начала XX в. и повышательной волны третьего большого цикла конъюнктуры (К-волны), когда изменения структуры производительных сил в мире ускоряли формирование влиятельных групп финансового капитала. Подобная интерференция двух форм нестабильности углубляла развитие мирового кризиса и дестабилизацию традиционного производства, обостряла проблемы инфляции и безработицы, создавая условия для утверждения новых укладов.

В своих исследованиях российские экономисты выделили еще одну значимую закономерность: государственная кредитно-денежная политика оказывает заметное влияние на подготовку условий развертывания кризиса. (Отметим, что, во-первых, кредитно-денежная эмиссия, рассматриваемая в трудах российских экономистов в качестве мощного инст-

румента развития искусственного оживления экономики, предполагала анализ денежных инструментов государственного регулирования конъюнктуры национального рынка, стимулирующих или снижающих спрос и предложение и оказывающих влияние на уровень цен. Во-вторых, государственная кредитно-денежная политика включала практический комплекс мер по регулированию рынка).

Александр Иванович Чупров¹⁰, заслуженный профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук, в своих лекционных курсах по статистике, теории и истории политической экономии, знакомил слушателей с материалами по развитию народного хозяйства в России (истории цен, истории российских бумажных денег и др.). Докторская диссертация А. И. Чупрова по теме «Железнодорожное хозяйство» (1878 г.) привела его к созданию первой в экономике *отраслевой экономической дисциплины — экономики транспорта*.

А. И. Чупров был одним из первых ученых, проанализировавших особенности развития *мировых кризисов* на примере ситуации неустойчивости 1883—1885 гг. Он показал специфику этого нового явления, которая отличала *новый тип кризиса от «заурядного» промышленного*, характеризовалась концентрацией крупного финансового капитала и формированием новых технологий. Теоретические исследования А. И. Чупрова способствовали открытию феномена мировых кризисов, анализу факторов мирового хозяйственного неравновесия, сопутствующего мощным процессам глобализации в мире в начале XX в.

Рассматривая особенности традиционных промышленных кризисов, которые он называл «*заурядными*», ученый выявил следующие тенденции. Для заурядных кризисов, в основе которых лежит разделение труда в частных хозяйствах, единственным связующим звеном является рынок и его ценовые сигналы информируют о соотношении спроса и предложения. В условиях традиционного хозяйства нарушение равновесия между производством и потреблением носило случайный характер. Поэтому что предприниматели, во-первых, были информированы о величине спроса на местных рынках и, во-вторых, делали ставку на использование собственного капитала. В силу этих особенностей взаимодействия покупателей и предпринимателей заурядные промышленные кризисы А. И. Чупров называл лишь «*кратковременными острыми болезнями хозяйственного механизма*».

Равновесие рынка нарушается, отмечал ученый, в случае неправильной работы ценовых механизмов, когда активное и заинтересованное включение спекулянтов в работу биржи приводит к искажению цен. Произ-

¹⁰ А. И. Чупров (1842—1908) — ученый-экономист, статистик, профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской АН (с 1887 г.), член Международного статистического института (с 1885 г.).

водители товаров получают ложную информацию о росте спроса и увеличивают выпуск готовой продукции, главным образом, за счет новых кредитов. Российские исследователи назвали этот момент раскручивания инфляционной спирали «фальшивым» оживлением, которое через некоторое время завершается кризисом.

Кризис 1883–1885 гг., писал А. И. Чупров, проходил на фоне масштабных *технологических изменений в народном хозяйстве* ряда стран, связанных с развитием железнодорожного и морского транспорта, длительной депрессией в аграрном секторе, динамикой занятости, цен и доходов, и перемещением отдельных трудоемких производств на экономическую периферию (на другие континенты). Этот кризис имел ряд важных отличий от всех предыдущих состояний нестабильности:

- *хронический и затяжной характер;*
- *развитие в условиях обилия свободных капиталов и значительного снижения ссудного процента;*
- *сокращение размеров прибыли, вызванное ростом безработицы;*
- *несмотря на падение прибыли сохранение прежних размеров производства.*

Кризис отличался сочетанием факторов, которые раньше в условиях промышленной нестабильности не встречались. Во-первых, вопреки всем негативным «симптомам» кризиса *и, в особенности, снижению прибыли, предприниматели продолжали сохранять прежние размеры производства.* Такая тактика предпринимателей для экономической теории была новой, непонятной и требовала научного осмысления. Во-вторых, кредит, который объединил рынки ссудного капитала в мире, стал одной из ключевых причин развития мировых кризисов, так как отдельные частные банкротства становятся звеньями в пирамиде мировых долговых обязательств.

В зарубежной литературе кризис 1883–1885 гг. объясняли недостатком денег. Опровергая эту позицию, А. И. Чупров вскрыл ряд особенностей нового кризиса: гипотеза о вздорожании золота оказывалась неубедительной в условиях роста металлических запасов и обилия денежных ресурсов. Этот факт подтверждался низким уровнем дисконта (менее 3,5% в Англии, Амстердаме и Берлине), следовательно, повышение цены золота играло лишь второстепенную роль, считал А. И. Чупров.

Вскрывая ключевые факторы мирового кризиса, А. И. Чупров писал, что расширение кредита имеет свои объективные пределы: значительные накопления нереализованных товарных запасов в условиях насыщения спроса становятся причиной банкротства множества фирм¹¹. Расширение кредитных отношений способствовало быстрому подъему, но углубляло

¹¹ Обращает на себя внимание один из ключевых «симптомов» периодичности циклов, который отмечали А. И. Чупров и М. И. Туган-Барановский. В качестве условия вступления экономики в фазу кризиса А. И. Чупров выделил *«накопление нереализованных товарных запасов в результате насыщения спроса»*, написав об этом в 80-е гг. XIX в. У М. И. Туган-Бара-

мировой кризис, потому что *«цепь долговых обязательств ныне соединяет хозяйства не только одной страны, но целого мира»* (Чупров, 1889, с. 11–12). Кредит, объединивший национальные рынки ссудного капитала *системой мировых долговых обязательств*, усиливал состояние нестабильности в мире, приближая начало новых кризисов (табл. 1).

Александр Аполлонович Мануйлов¹², известный экономист, историк экономической мысли, автор работы «Учение о деньгах», профессор кафедры политической экономии и статистики Московского университета возможность развития кризиса рассматривал с точки зрения влияния кредитно-денежной политики правительства на состояние хозяйственного равновесия. Он подчеркивал, что учение о деньгах — это вопрос, к которому сходятся «главные нити экономической теории и значение которого в области экономической политики громадно....» (Мануйлов, 1916, с. 6). Способствуя «передвижению ценностей», деньги становятся активными факторами экономического развития.

«Игра» рыночных сил и правовой фактор, подчеркивал ученый, являются противоречием, которое изначально определяет *дуальную природу денег*, поэтому в случае дополнительной эмиссии они становятся причиной серьезных потрясений в народном хозяйстве. Рассматривая проблемы ценности и денежного обращения в теоретических работах предшественников, А. А. Мануйлов приходит к заключению, что приспособляться к неравномерности промышленного производства сможет лишь *эластичная кредитно-денежная модель*. Система, включающая металлическую основу, кредитную надстройку и небольшое количество суррогатов денег (выпуск билетов казначейства, как «мягкий» и временный инструмент выравнивания краткосрочных бюджетных дефицитов) на вершине «денежной пирамиды», сможет быстро реагировать на изменение хозяйственной конъюнктуры.

Подчеркивая эластичный характер кредитно-денежного обращения, А. А. Мануйлов замечает, что размеры кредитно-денежной массы имеют жесткие ограничения. *Экономическое равноправие между банковскими билетами и металлическими денежными знаками есть та черта, которая отличает природу кредитных билетов от неизменных бумажных знаков*. Когда «две части одного и того же аппарата оказываются неслаженными между собой» (Мануйлов, 1916, с. 93), то «выход» кредитной массы за пределы может вызвать развитие финансового кризиса.

новского (1894 г.) предвестником кризиса становятся учредительство и *асинхронность спроса и предложения на факторных рынка* (в первую очередь, на рынках основного капитала).

¹² А. А. Мануйлов (1861–1929) — известный ученый, профессор кафедры политической экономии и статистики юридического факультета Московского университета (1903–1911, 1917), ректор Императорского Московского университета (1905–1911), профессор кафедры теоретической экономии факультета общественных наук МГУ (1921–1925); политический деятель: член Госсовета от Академии наук и университетов (1907), министр народного просвещения Временного правительства (1917).

Сергей Алексеевич Первушин¹³, профессор кафедры политической экономики и статистики Московского университета (с 1918 г.), известный специалист в области ценообразования и хозяйственной конъюнктуры, исследовал факторы развития промышленных кризисов. Изучая цикличность промышленного развития в России и западных странах, С. А. Первушин подчеркивал, что фазы промышленного цикла не всегда совпадают, так как колебания российской конъюнктуры происходят под влиянием двух сил — мировой конъюнктуры и колебаний сельского хозяйства.

С. А. Первушин выделил три этапа развития промышленной нестабильности в России, которые формировались под влиянием следующих факторов. *На первом этапе* (70–80-е гг. XIX в.), когда в отечественную промышленность стали приходить значительные иностранные капиталы, циклические колебания совпадали с конъюнктурой французского хозяйства. *На втором этапе* (начало XX в.) значительно повысилась роль внутреннего накопления, поэтому более отчетливо стала проявляться связь российской конъюнктуры с колебаниями *хлебного экспорта*. *Третий этап* (20-е гг. XX в.), разделяя подход А. Шпитгофа и А. Пигу, объяснявших спад и подъем техническим прогрессом и открытием новых рынков, С. А. Первушин дополнил показателями урожайности в аграрном секторе (Мясоедов, 2014, с. 351–352).

Рассматривая причины и особенности послевоенного кризиса 1920 г., С. А. Первушин считал, что переплетение ряда событий нестабильности исключало их трактовку как обычную, свойственную капитализму, депрессию. Необходимость восстановления нарушенных экономических связей Европы и Америки в 1920-е гг. сделала актуальными исследования динамики мирового хозяйства и его конъюнктуры. Характеризуя ситуацию, сложившуюся по окончании Первой мировой войны, С. А. Первушин выделил следующие особенности развития послевоенного кризиса, обозначив в их развитии два этапа.

В начале XX в., вследствие расширения транспортных возможностей и удешевления перевозок, возросло значение колоний, которые стали привлекать европейские капиталы. Государства, на территории которых не велись военные действия (Япония, США, Канада и Австралия), успешно включились в мировую конкуренцию, вытесняя на эмиссионном рынке европейские страны. Высокие темпы промышленного роста в этих странах при резком снижении производства в воевавших странах нарушили товарообмен довоенного периода, предвосхищая развитие мирового экономического кризиса.

¹³ С. А. Первушин (1888–1966) — известный ученый, профессор кафедры политической экономики и статистики Московского университета (с 1918 г.), профессор кафедры экономической статистики (с 1921 г.) факультета общественных наук; заместитель председателя секции конъюнктуры Госплана СССР (с 1922 г.).

Во-первых, решающим фактором развития послевоенного кризиса в условиях крайнего товарного дефицита стала конкуренция *на стороне товаров*. *Во-вторых*, военное производство изменило довоенные *отраслевые пропорции*, резко сократив выпуск гражданской продукции, покупательную способность населения и его потребление. *В-третьих*, в течение 1914–1918 гг. и в послевоенный период произошло *расстройство валютных отношений и нарушение кредитных операций*. *Ремонтные, в-четвертых*, многократно усилили развитие этого кризиса.

Первые сигналы наступления кризиса пришли из Японии, которая увеличила производство товаров народного потребления; чуть позже эти симптомы стали развиваться и в США. С. А. Первушин подчеркивал, что действие названных факторов мирового кризиса в начале 1920-х гг., помимо нарушения хозяйственного равновесия в воевавших странах, усиливалось вследствие промышленного роста в нейтральных странах, изменения географии товарных поставок и экспортно-импортных пропорций на мировом рынке (табл. 1).

Таблица 1

**Российские экономисты об особенностях развития мировых кризисов
(конец XIX — начало XX в.)**

Периоды Авторы	Факторы перехода к кризису
1. Кризис 1883–1885 гг.: А. И. Чупров	— технологические изменения, удешевление транспорта; — перемещение трудоемких производств на <i>экономическую периферию</i> ; — обилие свободных капиталов, <i>снижение ссудного процента и прибыли</i> ; — хронический затяжной характер кризиса при <i>сохранении прежних размеров производства</i>
2. Кризис 1918 г.: 3. С. Каценеленбаум	<i>на стороне товаров</i> : — сокращение занятых в народном хозяйстве; <i>на стороне денег</i> : — <i>волатильность</i> бумажной валюты и цен; — изменение структуры народного хозяйства и несовпадение темпов экономического роста в различных странах; — «безденежье»: нарушение товарно-денежного обмена между центром и периферией; — « <i>революция цен</i> » как <i>экономический «двойник» социальной революции</i>
3. Кризис 1920 г.: С. А. Первушин	— первые сигналы начала мирового кризиса: дефицит товаров, <i>нарушение отраслевых хозяйственных пропорций</i> (Япония, США); — девальвация валют, расстройство кредитных отношений; — рост немецкого дешевого экспорта в европейские страны при низком курсе марки и сокращение поставок из США

Источник: составлено автором с использованием работ (Чупров, 1889; Каценеленбаум, 1918; Первушин, 1922).

Во втором периоде развития мирового кризиса в условиях оживления экономики ряда европейских стран произошла «смена» стран-экспортеров. Резкое снижение курса немецкой марки создавало благоприятную ситуацию для ее экспорта, который привел к сокращению потоков американских товаров и сырья в страны Европы. Высокий урожай хлопка при сокращении его экспорта на европейские рынки привел к развитию кризиса в США (первоначально в сфере аграрного производства). Высокая цена серебра и дизажио на европейскую валюту способствовали более активному проникновению европейских товаров на восточные рынки, открыв новую страницу конкурентной борьбы.

Захарий Соломонович Каценеленбаум¹⁴ внутренние причины развития хозяйственной нестабильности в послевоенной экономике страны (1918 г.), подразделяет на две группы — лежащие «на стороне товаров» и «на стороне денег», показывая их влияние на внешний курс рубля. В первой группе причинами роста цен на *стороне товаров* является уменьшение числа занятых в народном хозяйстве и расстройство транспорта.

Во вторую группу причин, лежащих на *стороне денег*, З. С. Каценеленбаум включил изменения, происходящие непосредственно в мире денежных отношений: это переход к бумажной валюте¹⁵, увеличение бумажно-денежной массы в обращении и крайняя неустойчивость цен. Неравномерный рост цен по разным группам товаров приводил к нарушению основ правильного коммерческого расчета и создавал благоприятные условия для расцвета спекуляции и нарушения товарооборота.

Ситуация «безденежья» в фазе «фальшивого» оживления в мирное время (о которой писал А. Н. Миклашевский в 1890-е гг.) имела ряд отличий в чрезвычайном периоде. Характеризуя природу такого специфического и редкого феномена как «безденежье», З. С. Каценеленбаум проанализировал причины его возникновения в условиях «военной экономики». Во-первых, в чрезвычайных ситуациях происходило нарушение правильной циркуляции денежных знаков в стране. Во-вторых, расширение военного производства вызывало усиленный спрос на рабочие руки и сырье, поэтому поток денежных знаков шел из промышленного центра на периферию. Однако вследствие сокращения объемов гражданского производства все меньше товаров поступало в провинции в обмен на деньги. Происходило нарушение товарообмена: в регионах накапливались значительные денежные массы, и ощущался острый дефицит товаров, а го-

¹⁴ З. С. Каценеленбаум (1885–1961) — экономист, специалист в области финансов, кредита и денежного обращения; профессор прикладной экономики (1921–1925) факультета общественных наук Московского университета. Один из основателей Госбанка СССР (1921–1929 гг.): после революции подпись З. С. Каценеленбаума стояла на советских денежных знаках.

¹⁵ Имеются в виду новые кредитные деньги (август 1914 г.), которые не подлежат размену на золотую монету в условиях демонетизации золота.

род, переживая состояние *безденежья*, вынужден был прибегать к новым эмиссиям (Каценеленбаум, 1918, с. 7).

З. С. Каценеленбаум рассматривал безденежье и инфляцию, как две стороны процесса нарушения экономических пропорций. Он подчеркивает, что чрезвычайные хозяйственно-политические события многократно ускоряют темпы роста инфляции. Когда в России и странах Западной Европы в 1914–1918 гг., отмечал ученый, сокращение производства и большие материальные потери воюющих стран привели к росту цен на 60–80%, активно проявляла себя *«революция цен»*. (Новую трактовку этого исторического процесса дал М. И. Туган-Барановский, подчеркивая, что резкий скачок цен в эпоху перехода от мануфактуры к фабрике происходил не вследствие количественного увеличения денежной массы в стране, как считали рикардianцы, а в результате перехода от натурального обмена — к денежному обороту всех материальных ценностей).

Характеризуя развитие экономики в военное время, З. С. Каценеленбаум подчеркивал, что *«революция цен»* возникает в результате структурной перестройки хозяйственной системы, являясь ответом на политические потрясения. Поэтому феномен *«революции цен»* он назвал *«экономическим двойником»* социальной революции (см. табл. 1).

Первое историко-экономическое исследование особенностей циклической нестабильности (промышленных и мировых кризисов) более чем за 100 лет их развития провел в монографии *«Денежные кризисы (1821–1938 гг.)»* профессор Московского университета **Иосиф Адольфович Трахтенберг**¹⁶, известный специалист в области теории и истории экономических циклов. В отличие от предшественников в промышленном цикле он выделяет кризис не как демаркационную линию, разделявшую оживление и упадок, а как полноценную фазу, в которой *«завязывается»* весь *«узел»* проблем нестабильности, и продолжительность которой может составлять от нескольких месяцев до нескольких лет.

Во-первых, кризис как особая фаза цикла, концентрируя главные хозяйственные противоречия, является причиной промышленного спада. И. А. Трахтенберг считал, что ключевой причиной кризиса в условиях капиталистического воспроизводства является обособление накопления оборотного и постоянного капитала. Промышленный капитал и производство имеют *ограничения, связанные с величиной спроса, основного капитала и ско-*

¹⁶ И. А. Трахтенберг (1883–1960) — профессор кафедры теоретической экономики факультета общественных наук Московского университета (1921–1925), действительный член Академии наук СССР (1939), специалист в области денежного обращения и кредита, внештатный корреспондент наркомата финансов СССР в период подготовки и проведения денежной реформы 1947 г. Монография ученого *«Денежные кризисы (1821–1938 гг.)»* вышла в свет в 1939 г.

рости его использования¹⁷, сфера кредитных отношений таких ограничений не знает. «Встреча» массы кредитных обязательств и платежных документов при недостатке орудий обращения создают ситуацию «безденежья».

Во-вторых, И. А. Трахтенберг выделил особую функцию кризиса: он восстанавливает хозяйственные нарушения с помощью механизма рыночной переоценки материальных ценностей и кредитных обязательств. Путем сжатия кредитной надстройки денежный кризис «насильственно соединяет временно разорванные элементы производственного процесса» — реальный и ссудный капиталы (табл. 2). «Открывают» кризис, подчеркивал И. А. Трахтенберг, спекуляции в кредитно-денежной сфере.

Особенности развития «военной экономики» как особой формы хозяйственных отношений и кульминации мирового кризиса рассматривали экономисты московской и питерской экономических школ — С. А. Первушин, З. С. Каценеленбаум, И. А. Трахтенберг, М. И. Туган-Барановский, М. И. Боголепов.

И. А. Трахтенберг исследовал специфику хозяйственной нестабильности в условиях «военной экономики» дважды — в 1914–1918 и в 1941–1945 гг., выделив новые последствия масштабного кризиса в 1945 г.:

- сокращение спроса на гражданскую продукцию и перелив инвестиций в военные отрасли хозяйства с высокой рентабельностью;
- инфляционный бум, который менял пропорции между I и II подразделениями (складывалась ситуация, при которой выпуск промышленной продукции II подразделения не сокращался, но он был перепрофилирован и работал на удовлетворение военных заказов);
- сигналом развертывания кризиса являлись затруднения при реализации продукции военного сектора.

Исследование специфики военно-инфляционного хозяйства европейских стран, принимавших участие в конфликтах, приводит И. А. Трахтенберга к заключению, что *инфляция в XX в. является оборотной стороной милитаризации хозяйственно-политической жизни народов*.

Факторы наступления кризиса, отмеченные зарубежными исследователями, — снижение заинтересованности предпринимателей в продолжении производства (Ж. Лескюр), запаздывающий инвестиционный эффект «растопливания печи» (А. Афталион), инвестирование новых технологий («ведро капиталообразования» А. Шпитгофа) являются развернутым дополнением к анализу ключевых причин нестабильности капиталистического воспроизводства (табл. 2), которые вскрыли в анализе отечественные экономисты.

¹⁷ Процесс инвестирования и запаздывающий итог их использования для удовлетворения повышенного спроса — это факторы, которые описал А. Афталион, назвав этот процесс «эффектом растопливания печи» (эффект акселерации).

Российские экономисты выделили следующие ключевые факторы развития промышленных кризисов:

- ссудный капитал выступает в качестве условия и ускорителя промышленного роста и подготовки будущего кризиса;
- *денежный кризис* (как итог спекуляций в кредитной сфере) завершает промышленный цикл, обозначив *воспроизводственные пределы* прежнего цикла;
- причина периодичности кризисов — несоответствие массы основного и оборотного капиталов вследствие различия темпов их накопления (М. И. Туган-Барановский, И. А. Трахтенберг);
- дефицит оборотного капитала, «безденежье» есть результат нарушения товарооборота на национальном рынке (в условиях «военной экономики») и материализация оборотного капитала при завершении военной конфронтации — процесса «бегства» от капиталов, скупки недвижимости (А. Н. Миклашевский, З. С. Каценеленбаум, С. А. Первушин, И. А. Трахтенберг);
- развитие «революции цен» как «социального двойника» трансформации хозяйственной системы и чрезвычайных ситуаций (М. И. Туган-Барановский, З. С. Каценеленбаум);
- инфляция как результат милитаризации хозяйственно-политической жизни (И. А. Трахтенберг);
- технологическая трансформация хозяйственной системы и укрепление силы финансового капитала на мировом рынке являются ключевыми факторами нестабильности в мире (А. И. Чупров).

Таблица 2

Ключевые факторы перехода от оживления к кризису (начало XX в.).

Экономисты	Факторы перехода к кризису
1. М. И. Туган-Барановский, И. А. Трахтенберг	— Накопление ссудного капитала обгоняет рост основного капитала: происходит <i>сужение материальной базы кредитной надстройки</i> ; — начало кризиса — это спекуляции в кредитно-денежной сфере; — денежный кризис восстанавливает нарушенное равновесие
2. Ж. Лескюр	Кризисы — это результат сокращения спроса на средства производства из-за дефицита инвестиций, изменения <i>нормы прибыли и паралича предпринимательства</i>
3. А. Афталион	Причина развития экономического цикла — это фактор времени и эффект акселерации, т.е. <i>прироста дохода, полученного в результате действия первоначальных инвестиций</i> . Кризис — «пограничное» состояние экономики, расположенное на <i>«пересечении лихорадочной промышленной деятельности и плачевного застоя»</i>

Экономисты	Факторы перехода к кризису
4. А. Шпитгоф	– Изобретения и рынки формируют поток инвестиций, наполняющих «ведро капиталообразования»; – перепроизводство нового оборудования и неблагоприятный прогноз «ожидания» прибыли становятся началом перехода к кризису
5. Й. Шумпетер	Инвестирование новых комбинаций факторов производства: так называемые «неиндуцированные» изобретения

Источник: составлено автором с использованием работ (Лескюр, 1908, с. 533; Афтальон, 1930, с. 237; Трахтенберг, 1939, с. 45).

Заключение

Завершение мирового кризиса после окончания Первой мировой войны не «погасило» напряженного противостояния на мировом рынке. Сложившуюся ситуацию, довоенные и новые нерешенные проблемы прокомментировали известные российские ученые, представлявшие альтернативные концепции денег.

Характеризуя специфику нового и еще неизученного мирового цикла 1883–1885 гг., определяя факторы мировой нестабильности, А. И. Чупров резюмировал: *«Цепь долговых обязательств ныне соединяет хозяйства не только одной страны, но целого мира»* (Чупров, 1889). Сторонник количественного подхода А. А. Исаев, характеризуя природу экономической нестабильности, подчеркивал, что скорость оборота денег в масштабах мирового рынка создает ситуацию, при которой *«каждой сотне рублей, как средству платежа, противостоит меньше товаров, нежели раньше. Это и должно было привести к повышению цен»* (Исаев, 1912, с. 26–27). Количественные аргументы А. А. Исаева вскрывают реальные экономические противоречия, подготавливающие условия развития промышленных кризисов — несовпадение темпов и масштабов роста промышленного производства и расширения кредитно-денежного рынка. А. А. Соколов послевоенную ситуацию на рынке товаров и денег назвал *«золотой инфляцией»*.

А. Д. Нечволодов, разделявший позиции лидеров позднего номинализма в России, пришел к выводу, что процесс концентрации богатства в мире, многократно усиленный переходом к золотомонетной денежной системе, в значительной степени благоприятствовал росту экономического влияния представителей финансовой олигархии, которые, стремясь к максимизации прибыли, создавали условия для обострения мировых кризисов. И. И. Кауфман, известный специалист в области кредитно-денежных отношений, принимавший участие в подготовке программы де-

нежной реформы 1897 г., отмечая особенность финансовой политики, которая влияет на приближение кризиса, подчеркивал, что *чрезвычайные расходы* все еще составляют «центр тяжести всего финансового дела» (Кауфман, 1888).

Анализ развития промышленных и мировых кризисов в условиях военной конъюнктуры в отечественной литературе вскрывал причинно-следственные связи таких явлений, как бюджетный дефицит, нарушение довоенной хозяйственной структуры производства и обмена, истощение оборотных капиталов («безденежье»), переложение военного государственного долга на плечи будущих поколений страны и зависимость экономики от эмиссионного «допинга».

А. Н. Мануйлов подчеркивал, что решение задачи по исправлению денежного обращения воюющих государств по окончании военного конфликта является одной из сложных задач, так как она связана «со всеми сторонами денежного и кредитного механизма и в конечном итоге с жизнью всего народного хозяйства» (Мануйлов, 1916, с. 6).

Следовательно, рынок и государство, операции на кредитно-денежном рынке и денежные инструменты регулирования хозяйственной конъюнктуры правительством, интересы, различные по субъектам влияния и задачам тем не менее приближали развитие нестабильности.

Особенностью теории промышленных кризисов в анализе российских экономистов был системный подход, в котором кредитно-денежные факторы рассматривались в совокупности их влияния на различные сферы народного хозяйства (включая «конъюнктурные» инструменты государственного регулирования рынка). В их работах была рассмотрена динамика цикла и механизм «пошагового» перехода экономики от фазы благополучия и роста к фазе затухания производства и сбыта. Ж. Лескюр в капитальной работе по истории промышленных кризисов второй половины XIX — начала XX в., рассматривая труды К. Жугляра, У. Дживонса, М. И. Туган-Барановского, пришел к заключению, что промышленные кризисы нельзя относить к состоянию частичного (ограниченного лишь одной сферой экономики) неравновесия. Кризисы, отмечал Ж. Лескюр, необходимо изучать в контексте эволюции всей хозяйственной системы в целом (Лескюр, 1908).

Анализ природы и специфики цикличности промышленного производства в российской экономической науке формировал *многомерную модель макроэкономического подхода*, в котором рассматривалось влияние предпринимательской активности, динамики спроса и предложения и конъюнктурных инструментов государственного регулирования экономики на развитие промышленного цикла и условия перехода к кризису. Понятие экономической конъюнктуры (после исследований М. И. Туган-Барановского и Н. Д. Кондратьева) включало не только динамику спроса и предложения на рынке, сферу кредитно-денежной и финансовой политики правительства. В отечественной экономической науке разрабаты-

вались проблемы динамического равновесия социально-экономической системы¹⁸. Разработка теории и статистико-экономических показателей темпов экономического роста определили новые методологические критерии оценки индустриального развития стран¹⁹. В этом заключалась характерная особенность исследований российских экономистов. Многофакторный подход к изучению состояний экономической нестабильности способствовал пониманию особенностей мировых кризисов и созданию математических моделей циклического развития.

Исследование работ российских экономистов конца XIX — первой половины XX в. формирует предметно-методологическую основу для последующих работ, посвященных проблеме хозяйственной нестабильности, «развивает аналитические компетенции фундаментального уровня» (Хубиев, 2020, с. 16) и является важным условием «объективного раскрытия научного потенциала России, наведения мостов из XIX в XXI в. к русской экономической школе, породившей признанные в мире длинные волны Н. Д. Кондратьева...» (Мясоедов, 2014, с. 345).

Мы считаем, что в этом контексте история экономических учений представляет собой не «кунсткамеру» забытых курьезных идей, а «интеллектуальный банк», идеи которого помогут в сложный переходный период повысить уровень и глубину экономического анализа.

Список литературы

Афталъон, А. (1930). *Периодические кризисы перепроизводства. Т. 2. Периодические движения производства. Опыт построения теории*. М.: Госиздат/ГИЗ.

Бабст, И. К. (1999). Джон Ло и финансовый кризис во Франции в первые годы регентства. *Избранные труды*/ под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. М.: Наука.

Безобразов, В. П. (1863). *О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом*. Университетская типография Катков и К.

Дроздов, В. В. (1988). *Франсуа Кенэ*. М.: Экономика, 124 с.

Исаев, А. А. (1912). *Чем объяснить вздорожание жизни? Как бороться с ним?* Типо-лит. Шредера.

Кауфман, И. И. (1888). *Кредитные билеты, их упадок и восстановление*. Тип. В. С. Балашева.

Каценеленбаум, З. С. (1918). *Обесценение рубля и перспективы денежного обращения*. Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев.

¹⁸ Впервые этот макроэкономический взгляд на проблемы хозяйственной нестабильности были проанализированы в работе А. А. Богданова «Тектология: всеобщая организационная наука» (1918 г.).

¹⁹ В работах В. А. Базарова, В. Г. Громана, Г. А. Фельдмана и др. была создана теория планирования народного хозяйства (в 20-е годы XX в.) и сделаны первые в мире математические расчеты агрегатных макроэкономических показателей для национализированного сектора производства в СССР (СОП, ЧП и НД).

Корнейчук, Б. В. (2008). *Экономические воззрения М. И. Туган-Барановского*. М.: Наука.

Лескюр, Ж. (1908). *Общие и периодические промышленные кризисы*. Тип. т-ва «Обществ. Польза».

Мануйлов, А. А. (1916). *Учение о деньгах*: Специальный курс политической экономики, читанный профессором А. А. Мануйловым в Московском коммерческом институте.

Миклашевский, А. Н. (1895). *Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей «денежного» вопроса*. Университетская тип.

Мясоедов, Б. А. (2014). Проблемы экономических циклов и длинных волн в трудах и судьбах российских экономистов (на примере С. А. Первушина). *Кондратьевские волны: длинные и средние циклы*. М.: Учитель.

Мясоедов, Б., Ключин, П. (2015). Сергей Первушин еще плохо изучен и мало известен. *Экономические стратегии*, 3, 4–9.

Назарова, И. А. (2022). *Проблемы промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа)*. М.: ИНФРА-М.

Назарова, И. А. (2021). Развитие количественного и кредитно-денежного подходов в российской экономической литературе XIX в. (к 170-летию А. А. Исаева). *Вопросы политической экономики*, 3, 138–154.

Новое будущее прошлого. (2018) / под ред. Д. Н. Платонова. М.: ТЕИС, 296 с.

Ольсевич, Ю. Я. (2011). *Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада*. М.: ИНФРА-М, 298 с.

Первушин, С. А. (1922). *Конъюнктура современного мирового хозяйства*. Б.и.

Первушин, С. А. (1914). Теория кризисов М. И. Туган-Барановского. *Юридический вестник*, V(I)–VI(II).

Платонов, Д. Н. (2022). *Отечественная экономическая мысль как отражение особенностей русской цивилизации*. Ч. 1 (XV–XVIII). М.: ТЕИС, 180 с.

Полянский, Ф. Я. (1961). *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 438 с.

Пороховский, А. А. (2011). Политическая экономия: современные вызовы и перспективы. *Экономист*, 1, 55–67.

Пороховский, А. А. (2014). Цивилизационное значение политической экономии. *Вестник Московского университета. Серия: Экономика*, 4.

Пороховский, А. А. (2024). 20 лет на службе Отечеству, экономической науке и образованию. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, 16(3(53)), 161–174.

Пути развития экономики России: теория и практика. (2016). /под ред. М. Г. Покидченко, Т. А. Дробышевской, Л. Н. Сперанской. М.: Изд. экономического ф-та МГУ, 312 с.

Трахтенберг, И. А. (1939). *Денежные кризисы (1828–1938). Мировые экономические кризисы*. Т. 3. М.: Госфиниздат.

Хубиев, К. А. (2020). Вступительное слово. *Вопросы политической экономики*, 1(21), 15–16.

Худокормов, А. Г. (2024). Адам Смит, Семен Десницкий, Иван Третьяков: великий экономист и русские ученики. *Вестник Московского университета. Серия б. Экономика*, 6, 19–38.

Худокормов, А. Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс. *Вопросы политической экономики*, 1(25), 103–125.

Худокормов, А. Г. (2009). *Экономическая теория: новейшие течения Запада*: учебное пособие. М.: ИНФРА-М.

Худокормов, А. Г., & Покидченко, М. Г. (2018). Место и роль А. И. Чупрова в Российской экономической науке конца XIX в. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 3, 159–166.

Цвайнерт, Й. (2007). *История экономической мысли в России. 1805–1905*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Чупров, А. И. (1889). *О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе: Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского ун-та 12 янв. 1889 г.* Типография А. И. Мамонтова и К, 47 с.

Lescure, J. (1924). *Annuaire des contemporains notices biographiques*. Paris: Maitron J.

References

Aftalon, A. (1930). *Periodic crises of overproduction. Vol. 2. Periodic movements of production. The experience of building a theory*. М.: Gosizdat/GIZ.

A new future of the past. (2018) / Edited by D. N. Platonov. М.: THEIS, 296 p.

Babst, I. K. (1999). John Law and the financial crisis in France in the early years of the Regency. *Selected Works*. Edited by M. G. Shevchenko, E. N. Kalmychkova. М.: Science.

Bezobrazov, V. P. (1863). *On some phenomena of monetary circulation in Russia in connection with industry, trade and credit*. The University printing house of Katkov and K.

Чупров, А. И. (1889). *On the nature and causes of the modern industrial crisis in Western Europe: A speech delivered at the solemn meeting of the Moscow University on January 12, 1889*. Printing house of A. I. Mamontov and K, 47 p.

Drozdzov, V. V. (1988). *Francois Quesnay*. М.: Economics, 124 p.

Isaev, A. A. (1912). *How to explain the rise in price of life? How to deal with it?* Type-lit. The shredder.

Kaufman, I. I. (1888). *Credit cards, their decline and recovery*. Type. V. S. Balashev.

Katsenelenbaum, Z. S. (1918). *Depreciation of the ruble and prospects for monetary circulation*. Typo-lithography by I. N. Kushnerev.

Khubiev, K. A. (2020). Introduction. *Issues of Political Economy*, 1(21), 15–16.

Khudokormov, A. G. (2024). Adam Smith, Semyon Desnitsky, and Ivan Tretyakov: The Great Economist and His Russian Disciples. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*, 6, 19–38.

Khudokormov, A. G. (2021). New data on the “third crisis” of the economy. *Questions of Political Economy*, 1(25), 103–125.

Khudokormov, A. G. (2009). *Economic theory: the latest trends of the West: A textbook*. М.: INFRA-M.

Khudokormov, A. G., & Pokidchenko, M. G. (2018). The place and role of A. I. Chuprov in Russian economics at the end of the XIX century. *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics*, 3, 159–166.

Korneychuk, B. V. (2008). *Economic views of M. I. Tugan-Baranovsky*. М.: Science.

Lescure, J. (1908). *General and periodic industrial crises*. Type. t-va “Societies. The benefits”.

Manuilov, A. A. (1916). *The Doctrine of money: A special course in political economy, taught by Professor A. A. Manuilov at the Moscow Commercial Institute*.

Miklashevsky, A. N. (1895). *Money. The experience of studying the main provisions of the economic theory of the classical school in connection with the history of the “money” issue*. University type.

Myasoedov, B. A. (2014). Problems of economic cycles and long waves in the works and destinies of Russian economists (on the example of S. A. Pervushin). *Kondratiev waves: long and medium cycles*. M.: Teacher.

Myasoedov, B., & Klyukin, P. (2015). Sergey Pervushin is still poorly studied and little known. *Economic Strategies*, 3, 4–9.

Nazarova, I. A. (2022). *Problems of industrial crises (economic and historical analysis experience)*. M.: INFRA-M.

Nazarova, I. A. (2021). The development of quantitative and monetary approaches in the Russian economic literature of the XIX century (to the 170th anniversary of A. A. Isaeva. *Questions of Political Economy*, 3, 138–154.

Olsevich, Yu. Ya. (2011). *The influence of economic reforms in Russia and the PRC on the economic thought of the West*. M.: INFRA-M, 298 p.

Pervushin, S. A. (1914). The theory of crises by M. I. Tugan-Baranovsky. *Legal Bulletin*, V(I) – VI(II).

Pervushin, S. A. (1922). *The conjuncture of the modern world economy*. B. I.

Polyansky, F. Ya. (1961). *The economic history of foreign countries. The era of capitalism*. M.: Publishing house of the Moscow University, 438 p.

Porokhovskiy, A. A. (2011). Political Economy: Modern Challenges and Prospects. *Economist*, 1, 55–67.

Porokhovskiy, A. A. (2014). The civilizational significance of political economy. *Bulletin of the Moscow University, Series 6. Economics*, 4.

Porokhovskiy, A. A. (2024). 20 years of service to the Fatherland, economic science, and education. *Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal*, 16(3(53)), 161–174.

Trachtenberg, I. A. (1939). Monetary crises (1828–1938). *World economic crises*. Vol. 3. M.: Gosfinizdat.

Ways of development of the Russian economy: theory and practice. (2016). / Edited by M. G. Pokidchenko, T. A. Drobyshevskaya, L. N. Speranskaya. M.: Publishing house of the Economic Faculty of Moscow State University, 312 p.

Zweinert, J. (2007). *The history of economic thought in Russia. 1805–1905*. M.: Publishing house of the Higher School of Economics.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. Г. Чаплыгина¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101, 330.8, 330.173.34

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-15

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ОБЗОР ИТОГОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Образ Московского университета в экономической науке с момента его учреждения и по настоящее время задает целую серию направлений для научных исследований: место университетской науки в российской и мировой экономической мысли, ее своеобразие, влияние социальных функций университета, его уставов и образовательной политики на развитие науки. В представленном обзоре конференции, прошедшей на экономической факультете МГУ 2–3 декабря 2024 г. и приуроченной к 270-летию Московского университета и 75-летию кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, сделана попытка систематизировать взгляды участников конференции, высказанные в докладах, на историю, особенности и перспективы развития университетских экономических дисциплин. Для этого были обобщены и систематизированы взгляды выступавших на этапы эволюции университетской экономической мысли, специфику политэкономического дискурса советского периода, место московской университетской школы в мировой экономической науке. Определено своеобразие университетской экономической традиции, уходящее корнями в историю и заключающееся в выраженной междисциплинарности, системности, внимании к региональным особенностям, а также значимости прикладных исследований. Обобщены взгляды участников конференции на функции университетов, в частности как особой научной площадки, позволяющей реализовывать сложные исследования и проекты на стыке дисциплин. В связи с историческим ракурсом конференции отдельно проанализированы взгляды докладчиков конференции на исследовательский потенциал историко-экономических исследований и исторических методов анализа в экономической науке, позволяющих формировать научный плюрализм, развивать вариативность мышления, учитывать контекстуальность теорий и субъективную избирательность исследований.

Ключевые слова: Московский университет, экономическая наука в МГУ, советская политэкономия, междисциплинарность, историко-экономические дисциплины, миссия университетов.

¹ Чаплыгина Ирина Геннадьевна — к.э.н., доцент, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: igch@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3407-2462.

© Чаплыгина Ирина Геннадьевна, 2025

Цитировать статью: Чаплыгина, И. Г. (2025). Московский университет в мировой экономической науке (обзор итогов международной научной конференции). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 297–318. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-15>.

I. G. Chaplygina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: B14, B15, B16, B24, B26

MOSCOW UNIVERSITY IN THE WORLD ECONOMIC SCIENCE (REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)

Since its founding, Moscow University has set the tone for a whole bunch of research in economics, looking at the role of university science in Russian and global economic thought, its uniqueness, and the way the university's social functions, statutes, and educational policies have influenced the development of science. In this review of the conference held at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 2–3, 2024, timed to coincide with the 270th anniversary of Moscow University and the 75th anniversary of the Department of History of Economy and Economic Thought, an attempt has been made to systematize the views of the conference participants expressed in their reports on history, characteristics, and prospects for the development of university economic disciplines. To this end, the author summarizes and systematizes the views of the speakers on the stages of evolution of university economic thought, the specifics of the political-economic discourse of the Soviet period, and the place of Moscow university school in world economic science. The paper identifies the uniqueness of the university economic tradition, rooted in history and consisting of pronounced interdisciplinarity, systematicity, attention to regional characteristics, and the importance of applied research. The views of conference participants on the functions of universities, in particular as a special scientific platform to carry out complex research and projects at the intersection of disciplines, are summarized. In connection with the historical perspective of the conference, the views of the speakers are analyzed separately.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, economic science, Soviet political economy, interdisciplinarity, university economic tradition, university mission.

To cite this document: Chaplygina, I. G. (2025). Moscow University in the world economic science (review of the international scientific conference). *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 297–318. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-15>

Введение

Московский университет в ходе своей 270-летней истории заслуженно приобрел статус одного из ключевых центров развития экономической мысли России. При этом системных публикаций о вкладе именно

МГУ в экономическую науку, за исключением работы Н. К. Каратаева (Каратаев, 1956), практически не существует. Есть публикации, посвященные истории отдельных школ или кафедр экономического факультета (например, Аузан, Курдин, 2022), вкладу отдельных экономистов, связанных с Московским университетом. Есть ряд работ, посвященных особенностям русской экономической мысли в целом (Avtonomov, Nagemann (ed.), 2022; Цвайнерт, 2007; Абалкин (ред.), 2003), ее отдельным периодам или течениям. Юбилейный для МГУ год является хорошим поводом заново переосмыслить феномен именно Московского университета как генератора экономического знания, причем не только на экономическом факультете. Фокус на университетскую традицию позволяет поставить вопросы об этапах и внешних условиях развития именно университетской экономической науки, ее особенностях, ее месте в мировой экономической мысли. Помимо этого, в условиях, когда перед системой образования стоят новые вызовы, связанные с развитием цифровых и ИИ-технологий, он позволяет поднять вопрос о потенциале университетов как особых институтов, обладающих уникальной научной культурой². В частности, свойственная университетам междисциплинарность в сочетании со строгой специализацией делает их уникальной площадкой, позволяющей решать комплексные задачи, часто встающие перед экономической наукой. Помимо этого, обращение к наследию экономистов, имевших отношение к Московскому университету, очень ценно в целом, поскольку до сих пор теории многих из них не изучены достаточно и не оценены по достоинству, и даже личные судьбы некоторых из них до сих пор остаются до конца неизвестными в силу сложных исторических событий России XX в.

Все эти вопросы составили содержание международной научной конференции «Московский университет в мировой экономической науке», которая была организована кафедрой ИНХиЭУ и прошла 2–3 декабря 2024 г. на экономическом факультете МГУ. Ведущие специалисты по экономической мысли России представили 48 докладов на девяти секциях, посвященных истории университетской экономической мысли (4 секции), ее междисциплинарности (3 секции) и месту в мировой экономической науке (2 секции). Важной частью конференции стал круглый стол по историко-экономическим дисциплинам, литературный вечер, а также молодежная секция, на которой были представлены 12 студенческих докладов по теме конференции.

Пленарное заседание обозначило ключевые темы всей конференции. Во вступительном слове декан экономического факультета А. А. Аузан выдвинул тезис о том, что фундаментальность университетского экономического образования — это размах двух крыльев. Одно крыло — это ко-

² См. об этом, например: (Clark, 1953; Ортега-и-Гассет, 1930; Partha, David, 1994).

личественные методы анализа, второе — гуманитарное знание, сердцевину которого составляют исторические дисциплины. Именно история учит правильно понимать закономерности и факты, чувствовать влияние как времени, так и пространства. Поэтому одной из важных особенностей университетского образования является практика углубления в прошлое. Еще одной важной миссией историко-экономических дисциплин, по мнению А. А. Аузана, является воспитание научного и культурного плюрализма. В частности, историко-экономические учебные курсы позволяют привить студентам важную мысль, что в науке всегда существует диалог мнений, что это нормальное и продуктивное состояние любой дисциплины.

Тезис о большом исследовательском потенциале исторического метода получил свое развитие в первом докладе пленарного заседания, представленном заведующим кафедрой ИНХиЭУ проф. А. Г. Худокормовым³ и посвященном наследию проф. Ф. Я. Полянского как историка экономической мысли. В частности, было указано, что исторический подход работ Ф. Я. Полянского позволял увидеть контекст, в котором создавались используемые современной наукой категории и концепции (собственность, труд как антиблага, рынок, деньги и их функции)⁴. Принцип историзма давал возможность увидеть, что эти категории несут печать экономического уклада той эпохи, в которой они зарождались, и проследить, как их содержание менялось с развитием общества⁵. Исторический метод также позволял учитывать субъективность, избирательность внимания любого автора. В частности, Ф. Я. Полянский подчеркивал, что исторические свидетельства редко описывают обыденные события, чаще в них запечатлены редкие и потому кажущиеся автору наиболее яркими факты (например, средневековые ярмарки). Непонимание этого аспекта исследователем может приводить к искаженному восприятию истории. Внимание к контексту, изучение широкого круга источников при анализе истоков экономических концепций, по мнению А. Г. Худокормова, позволит видеть не только внутреннюю логику экономических концепций, но и аргументы, продиктованные временем, практическими целями и проблемами.

В докладе проф. Г. Б. Клейнера (ЦЭМИ РАН) также говорилось о новых подходах и возможных направлениях развития экономической науки. Подчеркнув флагманскую роль ЭФ в развитии целого ряда направлений

³ Доклад публикуется в данном выпуске журнала.

⁴ О том, что такой же исторический подход был свойствен и Н. А. Цаголову, говорилось в докладе В. А. Писемского, в частности в связи с его пониманием исторического разнобразия понятия «собственность».

⁵ Аналогичные примеры исторической изменчивости функций институтов (МВД), содержания и границ научных дисциплин (статистика, политэкономия) были приведены Ю. Н. Калашновым.

российской науки⁶, докладчиком было предложено обратиться к созданию «системной экономической теории» (СЭТ)⁷. Актуальность этой задачи была объяснена тем, что современный тренд на углубление отдельных дисциплин все больше разрушает связи между ними, нарушая единство анализа. Развитие эмпирических методов не может заменить теорию, внимание к историческим деталям и региональным особенностям не исключает теоретической важности идеальных моделей. Многообразие подходов продуктивно, но необходимы соединительные линии между разными отраслями экономической науки.

Выделив три экономические парадигмы: 1) неоклассическую, основанную на анализе поведения экономического субъекта; 2) институциональную, изучающую социальные нормы; 3) эволюционную, раскрывающую механизм преемственности систем, проф. Г. Б. Клейнер представил СЭТ как четвертую, «системную парадигму». На основе общей теории систем, пространственного анализа эта парадигма позволит выстроить связи на макроуровне между экономической теорией, социально-экономической политикой, управленческими дисциплинами и хозяйственной практикой, а на микроуровне между стратегиями разных типов экономических агентов (собственники, управленцы, специалисты, персонал). Она так же позволит обучать студентов не только принципам экономической эффективности, но и социальной целостности, придав экономическому образованию ту самую гуманитарную ориентированность, о которой сказал А. А. Аузан в своем приветственном слове.

Доклад к.э.н. А. А. Курдина (ЭФ МГУ) был обращен к институциональным формам, обеспечивающим устойчивость и эффективность университетской науки. Перечислив ряд ярких примеров научных школ, возникших на ЭФ в ходе его истории — экономики народонаселения Д. И. Валентея; теории устойчивого развития Т. С. Хачатурова; макроструктурного анализа А. И. Анчишкина и Ю. В. Яременко; институциональной теории А. А. Аузана, В. Л. Тамбовцева и А. Е. Шаститко, — докладчик подчеркнул, что свойственное таким структурам сочетание формальных и неформаль-

⁶ В частности: 1) политическая экономия (Н. А. Цаголов, Т. С. Хачатуров, А. А. Пороховский); 2) планирование (А. И. Анчишкин, Ю. В. Яременко, В. Ф. Майер); 3) применение экономико-математических методов (В. С. Немчинов, Н. П. Федоренко, Е. З. Майминас, С. С. Шаталин, Е. Г. Гольштейн, Д. Б. Юдин, Ю. Н. Гаврилец, Б. П. Суворов, М. В. Грачев); 4) институциональная экономика (А. А. Аузан, В. Л. Тамбовцев, А. Е. Шаститко, М. Ю. Шерешева и др.). Докладчиком отдельно было подчеркнуто, что математические методы начали развивать на ЭФ еще до формирования специальных институтов (ЦЭМИ и др.). Действительно, кафедра математических методов анализа экономики была создана на ЭФ за год до создания ЦЭМИ, а ее основатель, В. С. Немчинов, еще в 1954 г. инициировал созыв Всесоюзного совещания по вопросам преподавания статистики на экономических отделениях ВУЗов.

⁷ Подробно о СЭТ см. (Клейнер, 2021).

ных связей между учеными, а также опора на репутационные механизмы формирует эффективные мотивационные сигналы и тем самым обеспечивает устойчивость и успешность университета как научного и образовательного института⁸. Выделив два типа школ — персонализированные и деперсонализированные, А. А. Курдин выдвинул тезис о том, что последние обладают большей адаптивностью. Апеллируя к работам по экономике науки (Nelson, 1959; Arrow, 1962; Partha, David, 1994 и др.), докладчик подчеркнул ключевые факторы, не позволяющие рассчитывать только на рыночные механизмы для эффективного распределения ресурсов в сфере науки, в частности между фундаментальными и прикладными исследованиями. К ним были отнесены: 1) большие внешние эффекты, особенно фундаментальных знаний; 2) повышенные риски ухудшающего отбора в связи с выраженной асимметрией информации, свойственной доверительным благам; 3) высокоспецифичный характер создаваемого человеческого капитала, требующий, согласно классической теории О. Уильямсона (Уильямсон, 1985), долгосрочных контрактов, иерархических или гибридных механизмов координации ради защиты от оппортунистического поведения как владельцев такого капитала, так и его покупателей. Система научных школ позволяет, по мнению А. А. Курдина, смягчать эти проблемы.

Особенности российской экономической науки и традиции Московского университета

Многие участники конференции подчеркивали влияние германской научной традиции на российскую экономическую науку. Проф. М. Г. Покидченко (ЭФ МГУ) напомнил, что первые профессора Московского университета выписывались из Германии, что можно объяснить как авторитетом университетов этой страны в конце XVIII в., так и схожестью экономического уклада России и Германии. Следствием такого влияния стало формирование многофакторного подхода, предполагающего учет широкого круга общественных явлений при анализе экономики⁹.

О влиянии германской традиции говорилось и в докладе проф. А. Н. Дубянского (СПбГУ). Напомнив о важной роли камерализма в формировании экономической науки Московского университета¹⁰, А. Н. Дубянский предложил обратить внимание на курсы полицейского права, читавшиеся

⁸ Идея уникальной устойчивости университетов как институтов получила отражение и в докладе к.э.н. Л. Г. Ампар (АГУ), которая обратила внимание на то, что это единственный институт, созданный в средневековой Европе, который сохранился до настоящего времени. О проблеме формальности-неформальности в науке в терминах публичность — интимность см. В. Кларка (Clark, 1953).

⁹ В развитие темы любопытна статья: (Андреев, 2000).

¹⁰ Докладчик сослался на: (Чаплыгина, 2019).

в Московском университете И. Т. Тарасовым и И. И. Янжулом, как на одну из форм зарождения российской экономической науки. Особенность этих курсов отвечала общей специфике камеральных наук и не могла не повлиять на особенности дальнейшего развития экономических дисциплин в университете. Это была наука управления, занимавшаяся не поиском объективных законов, а определением путей обеспечения государственного благосостояния. Она была направлена на прикладную цель преумножения имущества конкретного государства, а потому внимательна к национальным (институциональным) особенностям. Она опиралась на метод индукции, при этом в целом отличалась эклектичностью, т.е. не считала важной научной ценностью методологическую строгость.

Доказательством того, что идущая из веков особенность сохраняет свою актуальность, стали приведенные в докладе В. Б. Гришиной (ЭФ МГУ) данные о структуре студенческой мобильности. На долю Германии до сих пор (2015–2024 гг.) приходится наибольшее количество международных контактов факультета: 27,4% «входящей» и 25,1%¹¹ «исходящей» мобильности.

Выраженный интерес к географическому фактору был назван отличительной чертой российских курсов политической экономии в докладе проф. Г. Д. Гловели (НИУ ВШЭ, ИЭ РАН). Особенно это характерно для курсов второй половины XIX в. А. И. Бутовского, Т. Ф. Степанова, А. И. Чупрова, А. А. Исаева. По мнению докладчика, эта особенность сформировалась благодаря распространенности исторического подхода, отрицающего универсальность экономических законов и потому требующего учитывать региональную и отраслевую специфику. На основе этого был сделан вывод, что русская экономическая мысль рубежа XIX–XX вв. демонстрирует уникальный для своей эпохи геополитический взгляд на предмет. Географическое положение страны, определяющее место ее экономики в мировом хозяйстве, рассматривалось как важный фактор, формирующий структуру национального хозяйства.

Внимание к философским основам экономических процессов было названо отличительной чертой дореволюционной российской мысли в докладе к.э.н. М. С. Сушенцовой (НИУ ВШЭ). В ходе дискуссии проф. П. Н. Клюкиным (РАНХиГС, РГГУ) было высказано мнение, что связанные с этим нормативные элементы преимущественно носили не просто этический (как в западной теории), а религиозно-этический характер.

В собственном докладе, говоря об особенностях экономической мысли именно Московского университета, П. Н. Клюкин подчеркнул характерную склонность к внедрению и культивированию генетического подхода.

¹¹ За исключением последних двух лет, которые, по мнению докладчика, рано воспринимать как тренд.

Своеобразие и особая роль университетской науки были неоднократно увязаны в ходе конференции с междисциплинарной структурой университетов. Эта тема была протянута от прошлого к современности. Начиная с мнения С. Булгакова, озвученного в докладе М. С. Сушенцовой, о том, что университеты являются прообразом целостного знания (Булгаков, 1906), до уже упомянутой идеи Г. Б. Клейнера о роли университетской науки в создании СЭТ. В более прикладном и крайнее актуальном плане междисциплинарность университетов была оценена в докладах к.э.н. А. А. Шпаковой (ЭФ МГУ) и к.э.н. Д. Е. Капиноса (ЭФ МГУ), как важный фактор, формирующий особую роль университетов в продвижении инноваций. Она позволяет создавать научные площадки, где специалисты разных факультетов могли бы сотрудничать для развития коммерчески выгодных инновационных проектов¹².

В качестве факторов, влияющих на университетскую науку, были указаны и социокультурные функции университетов (А. А. Шпакова, Л. Г. Ампар), в частности, формирование имиджа страны (к.э.н. В. П. Золотарева (АТиСО), к.э.н. В. А. Зубенко (ЭФ МГУ); участие в культурной дипломатии в роли «мягкой силы» (В. А. Зубенко); обеспечение социальных лифтов (Л. Г. Ампар).

Вопросы истории экономической науки Московского университета

Московский университет воспитал целую плеяду экономистов, наследие которых, как подчеркивали многие докладчики, до сих пор недостаточно хорошо изучено, а в ряде случаев и незаслуженно забыто. Рамки статьи не позволяют отразить все богатство новых биографических деталей и новых интерпретаций научных идей экономистов прошлого, которые были представлены в докладах. Остановимся лишь на концептуальных моментах.

На конференции были предложены три периодизации экономической науки Московского университета (табл. 1).

¹² Материал доклада А. А. Шпаковой и Д. И. Чашкиной об эффективности МФК по основам предпринимательства см. (Воронова и др., 2024).

Вехи развития экономической науки в Московском университете

Этапы развития, ключевые фигуры и события по докладу А. А. Курдина	Периоды расцвета науки и ключевые фигуры по докладу П. Н. Ключкина	Этапы развития и их специфика по докладу Ю. Н. Калашнова
1750–1800 И. А. Третьяков, С. Е. Десницкий	Конец XVIII в. влияние А. Смита благодаря стажировкам И. А. Третьякова и С. Е. Десницкого в Университет Глазго	1755–1804 поиск языка, предмета и системы
1800–1850 формирование кафедры политэкономии, первые учебники		1804–1835 самоидентификация
		1835–1863 «на подступах к научному скачку»
1850–1900 А. И. Чупров, И. И. Янжул, М. И. Туган-Барановский	1860-е гг. «золотой век» И. К. Бабст, А. И. Чупров, Н. А. Каблуков, А. А. Мануйлов и др	1864–1884 расцвет русской исторической школы
1900–1917 А. А. Мануйлов, А. А. Чупров, Е. Е. Слуцкий		1884–1918 «золотой век» имперского периода
1917–1950 Н. И. Бухарин, А. А. Богданов, И. Д. Удальцов	1920-е гг. «белое пятно» в истории русской экономической мысли	1919–1931 «золотой век» советского периода
		1931–1941 «разгром и пустота»
1950–1990 советская политэкономика (Н. А. Цаголов) развитие мат. методов (В. С. Немчинов)	1960-е гг., В. С. Немчинов, А. И. Анчишкин, С. С. Шаталин, математическая школа Л. В. Канторовича, отеснившая наследие Е. Е. Слуцкого, но повлиявшая на школу В. С. Немчинова	1941–1992 марксистская политэкономика: — «патристика» (И. Д. Удальцов, К. В. Островитянов, цитирование работ К. Маркса и В. Ленина); — «схоластика» (Н. А. Цаголов, переосмысление наследия К. Маркса, создание теоретической системы) ¹³

Источник: составлено автором на основе докладов А. А. Курдина, П. Н. Ключкина и Ю. Н. Калашнова.

¹³ При выделении подэтапов советской политэкономии Ю. Н. Калашнов сослался на (Автономов, 2016).

Большинство авторов указывали на связь развития науки и образовательной политики государства. М. Г. Покидченко напомнил, что импульсом к развитию университетского образования была реформа начала XIX в., которая привела к созданию целой плеяды университетов и экономических отделений в них: камерализма в 1802 г. в Дерпте (Ф. Э. Рамбах) и в 1803 г. в Вильно (Ш. Малевский); политэкономии в 1804 г. в Москве (Х. Шлёцер) и Казани (И. Нейман) и в 1805 г. в Харькове (Л. К. Якоб)¹⁴. Ю. Н. Калашнов (ЭФ МГУ) связал этапы с изменением устава (1755, 1804, 1835, 1863, 1884 гг.), а П. Н. Клюкин указал на связь между либерализацией уставов и периодами расцвета экономической науки.

Отдельной темой стала взаимосвязь теоретического и практического вклада ученых. В докладе д.э.н. А. А. Белых (РАНХиГС) был раскрыт мало изученный аспект деятельности И. К. Бабста как успешного организатора Московского купеческого банка, фактически опередившего так называемую «доктрину Шермана» и в своих взглядах предвосхитившего закон Гласса — Стиголла. В докладе к.э.н. А. В. Ломкина (ЭФ МГУ) о судьбе выпускника Московского университета, сотрудника Министерства финансов, одного из авторов советского червонца Н. Н. Кутлера был прямо поставлен вопрос о значимости для истории дисциплины практической деятельности экономистов. Можно ли считать вкладом в развитие науки деятельность тех специалистов, кто развивает свои знания в ходе решения практических задач и оставляет свое теоретическое наследие в виде докладных записок и реализованных реформ? По мнению докладчика, прикладной характер деятельности Н. Н. Кутлера не может оправдать то забвение, которому он был предан.

Этот тезис перекликается с мнением, высказанным Д. Е. Капиносом, о том, что экономист — это социальный инженер, создающий теории для решения хозяйственных задач. Единственное отличие — разрабатываемые экономистами функции не имеют такой точности как в естественных и инженерных дисциплинах из-за сложных мотивов поведения людей.

Проблемы изучения советской политической экономии Московского университета

Наряду с детализацией вкладов отдельных советских экономистов, уточнением сути многочисленных политэкономических дискуссий в ходе конференции был поднят ряд общетеоретических вопросов. Один из них — о влиянии идеологии. Эта тема звучала и в рамках докладов по русской экономической мысли. В частности, проф. Д. Н. Платонов (ЭФ МГУ) в докладе о Б. Б. Кафенгаузе привел ряд иллюстраций влияния социально-политического заказа на развитие науки. На секциях по советской

¹⁴ Подробнее см. (Жарова, 2013).

экономике эта тема неизбежно заняла одно из важных мест. По мнению проф. О. И. Ананьина (НИУ ВШЭ) и к.э.н. Д. В. Мельника (НИУ ВШЭ) в советский период под влиянием идеологии был сформирован особый стиль, который требует дешифровки для современных читателей. Обратившись к понятию «авторитарный дискурс» М. М. Бахтина (Бахтин, 1975) и сославшись на работу А. В. Юрчака (Юрчак, 2014), авторы доклада указали на особенности советского нарратива, которые следует учитывать при анализе научного наследия этого периода: многослойность дискурса, наличие скрытых дополнительных задач, решавшихся авторами при написании текстов, особые системы сигналов и ритуалов. Доклад получил высокую оценку коллег. В частности, проф. В. С. Автономов (НИУ ВШЭ) оценил его как новую страницу в исследовании политэкономии социализма благодаря использованию современных подходов к анализу текстов.

О том, что идеология была ритуалом, за которым скрывались актуальные научные исследования, говорилось в докладе В. А. Писемского (ЭФ МГУ), посвященного Н. А. Цаголову. В нем указывалось, в частности, что проблема плановости занимала центральное место в силу не только политического заказа, но и ее очевидной актуальности для экономик второй половины XX в., в том числе рыночных. Ведь дрейф в сторону развития элементов планирования в капиталистических системах в этот период отмечали многие авторы (Шумпетер, 1942; Гэлбрейт, 1967). С точки зрения проф. Н. М. Розановой (МШЭ МГУ), специфический язык, выполнение необходимых ритуалов, свойственных советской политэкономии, были вынужденной маской, за которой скрыто богатое и недооцененное теоретическое наследие, отличающееся оригинальным методом (системный анализ, близкий современному ESG-подходу) и создававшееся с учетом достижений зарубежной науки на основе анализа реальных хозяйственных процессов.

Особенностью политэкономической школы Московского университета был назван относительный уровень научной свободы. О. И. Ананьин напомнил, что только избранным экономистам позволялось влиять на официальный дискурс, и к их числу, наравне с такими авторитетами как Н. Ф. Федоренко (ЦЭМИ), относились профессора МГУ Н. А. Цаголов и А. С. Кронрод. В. А. Писемский отметил, что сам факт бурных дискуссий, которые развернулись на факультете среди учеников Н. А. Цагорова (В. П. Шкредовым, В. Н. Черковцом), свидетельствует как об относительной свободе факультетской школы, так и о научной толерантности ее главы.

Процесс трансформации советского дискурса в период слома советской системы был отражен в докладе к.э.н. А. В. Галеева (НИУ ВШЭ). На основе публикаций журнала «Вопросы экономики» за 1985–1995 гг. было показано, что в такие периоды научное сообщество временно замолкает, пытаясь осмыслить происходящее, поэтому журналы пережи-

вают «публицистический поворот», «переход к экономическому журнализму». Проф. А. Е. Шаститко (ЭФ МГУ) предложил интерпретировать эти процессы через эффект Даннинга — Крюгера. В ходе дискуссии проф. Н. А. Макашева (НИУ ВШЭ) отметила, что первенство ушло к изданиям тех научных институтов, которые в советский период в силу своей специализации были обязаны изучать зарубежный опыт, в частности к журналу «МЭиМО», а в области «экономической журналистики» — к литературным журналам¹⁵. На этом фоне возникла интересная дискуссия о том, можно ли говорить о хорошей и плохой междисциплинарности.

Проблема самоидентификации, стоящая перед современной политической экономией, была поднята в докладе проф. А. А. Мальцева (ЭФ МГУ). Был выдвинут тезис о том, что стремление политэкономии определить свое особое место может привести к изоляционизму и негативно сказаться на творческом потенциале этого направления. Важность диалога с различными современными течениями, формирующего единство в многообразии, наоборот, может стать благоприятной базой для развития этой школы.

Междисциплинарность экономической науки

Тема междисциплинарности¹⁶ является актуальной как минимум по двум причинам: 1) экономическая наука зарождалась в недрах других дисциплин (философии, юриспруденции) и приобрела самостоятельность относительно недавно; 2) на современном этапе междисциплинарность выступает в качестве нового тренда, с которым связывают надежды на теоретические прорывы.

Став одной из сквозных тем конференции, проблема междисциплинарности объединила сразу несколько вопросов — изменчивости границ предмета экономической науки, неоднородности применяемых ею методов, взаимовлияния различных научных дисциплин, положительных и негативных сторон междисциплинарного подхода. В частности, подчеркивая в своем докладе междисциплинарный подход Ф. Я. Полянского, проф. В. В. Дроздов (ЭФ МГУ) указал на риск для ученого оказаться чужим среди специалистов каждой из дисциплин, которые он пытается сочетать¹⁷.

Взаимосвязь экономической науки со смежными дисциплинами, как она была представлена в докладах конференции, можно представить в виде диаграммы (рис. 1), где в левой части показано пересечение по предмету, а справа — заимствование методов.

¹⁵ В развитие темы см.: (Макашева, 2006).

¹⁶ В развитие темы см.: (Arena et al. (ed.), 2009).

¹⁷ Доклад публикуется в данном выпуске журнала.

Рис. 1. Элементы междисциплинарных взаимосвязей экономической науки
 Источник: составлено автором на основе докладов секций 3.1, 3.2 и 4.

В докладе к.ю.н. О. Ю. Болдырева (ЮФ МГУ) о диалоге экономической науки и юриспруденции были упомянуты слова М. И. Тугана-Барановского о том, что экономическая наука развивалась как составная часть естественного права и юридических наук (Туган-Барановский, 1907). В качестве яркого примера симбиоза двух дисциплин О. Ю. Болдырев привел «науку о финансах» в том виде, в каком она существовала в XVIII–XIX вв. Отметив, что на современном этапе из 16 кафедр юридического факультета семь прямо или косвенно занимаются хозяйственными отношениями, О. Ю. Болдырев акцентировал внимание на различиях, существующих между юридическим и экономическим подходами: разным делении на субдисциплины, разным понимании отдельных терминов¹⁸, а главное — разных целях (эффективность vs. справедливость и социальный мир), которые преследуют эти две науки. Тем не менее, по мнению докладчика, диалог продолжается, чему свидетельствует появление новых смежных теории (теория экономической конституции В. Ойкена и Ф. Бёма, конституционная экономика Дж. Бьюкенена), а также новых отраслей знания (международное экономическое право, информационное право).

Близкая тема — соотношение экономической науки и этики — была затронута в докладе к.э.н. М. С. Сушенцовой (НИУ ВШЭ). Выдвинув тезис о том, что этика предшествует и праву, и экономической теории (последняя, как известно, выросла в том числе из недр моральной философии), М. С. Сушенцова привела критические слова С. Н. Булгакова о том, что современная политэкономия относится к дисциплинам, не помнящим своего духовного родства (Булгаков, 1909). В докладе было показано, что не только теории философов прошлого и настоящего, но и современные теории общественного выбора, а также экспериментальная экономика признают важность общественно-ориентированных предпочтений

¹⁸ О. Ю. Болдырев привел в качестве примера право на вклад в банке, которое для юристов не является правом собственности. Ю. Н. Калашнов упомянул суррогатные деньги, поразному квалифицируемые юристами и экономистами.

людей, обнаруживают свидетельства того, что идеалы, убеждения, понимание нравственного долга направляют хозяйственную деятельность. Работы А. Сена, Дж. Хекмана, С. Боулза, А. Витцтума представляют собой современный этап диалога между экономикой и этикой.

Менее очевидной представляется связь экономической теории и естественно-научных дисциплин. Тем не менее один только физико-математический факультет дал таких экономистов, как В. А. Базаров, А. А. Богданов, А. А. Конюс, А. Л. Вайнштейн, что было отмечено в докладе П. Н. Клюкина. Яркой иллюстрацией того, как естественнонаучное образование может влиять на экономические воззрения ученого, стал доклад к.э.н. Е. Ю. Буриной (Университет Париж-1)¹⁹ о заимствовании В. А. Базаровым математического динамического анализа, использовавшегося в тот период в химии, для анализа процессов восстановления экономики. Он использовал учение об органическом катализе, основы которого были заложены Н. Д. Зелинским (1861–1953), профессором кафедры химии физико-математического факультета. В результате В. А. Базаров вывел дифференциальные уравнения, показывающие динамику насыщения спроса на рынках. Эти же уравнения в дальнейшем легли в основу его теории цикла 1927 г.

О взаимосвязи экономической и географической наук говорилось сразу в трех докладах: к.г.н. А. А. Агирречу (ГФ МГУ), к.г.н. В. Е. Шувалова (ГФ МГУ) и Г. Д. Гловели. Экономическая география как университетская дисциплина возникла в России в 1902 г. в Санкт-Петербурге. По мнению Г. Д. Гловели, ее формирование как идеографической части экономической науки шло под влиянием взглядов А. А. Мануилова²⁰. В докладе В. Е. Шувалова говорилось о том, что использование идеографического подхода уводит эту дисциплину в сторону географии, а номотетического — в сторону экономики. В частности, и А. А. Агирречу, и В. Е. Шувалов указывали, что отрасле-статистическая школа основоположника экономгеографии В. Э. Дена сближала эту дисциплину с экономической наукой, а победившая в конце 1920-х гг. в МГУ районная школа Н. Н. Баранского привела к тому, что экономгеография осталась в русле географических наук (табл. 2).

¹⁹ Подробнее см. (Burina, 2023).

²⁰ Как было указано в докладе, под влиянием неокантианства, а также идей П. Б. Струве, А. А. Мануилов предлагал разделять отдельные области экономической теории на идеографическую и номотетическую части (Мануилов, 1914).

**Экономическая география
как экономическая и географическая дисциплина**

	Как раздел экономической науки	Как раздел географической науки
Тип науки	Номотетическая	Идеографическая
Методы	Теоретические (абстракция) Количественные (статистика)	Эмпирические (индукция) Качественные (описание)
Российские школы	Отрасле-статистическая школа В. Э. Дена	Районная школа Н. Н. Баранского
Зарубежные школы	Идеальные модели пространственной организации (И. фон Тюнен, А. Вебер, А. Лёш)	
	Школа пространственного анализа (В. В. Буге, П. Хагге, Т. Хегерstrand)	
	Новая экономическая география (П. Кругман, М. Фудзита, Э. Веенаблс, Ж-Ф. Тисс)	

Источник: составлено автором на основе докладов А. А. Агирречу и В. Е. Шувалова.

По мнению докладчиков, на современном этапе диалог двух дисциплин продолжается, в частности новые методы экономического анализа порождают новые направления экономической географии (институциональная экономическая география Р. Бошма, К. Френкена; эволюционная география).

Вопросы географии и статистики получили развитие и в докладе к.э.н. А. Л. Дмитриева (СПбГУ, СПбГЭУ, РАНХиГС). Говоря о сложностях внедрения вероятностных методов в российскую статистику, А. Л. Дмитриев в качестве одной из причин назвал характерное для российской традиции слияние статистики с географией и политической экономией, сославшись на мнение М. В. Птухи (Птуха, 1959). Математическая статистика развивалась особняком, в параллельном мире математики (Н. Е. Зернов (1804–1862), А. Ю. Давидов (1823–1885)). Развитие стохастического направления фактически начинается с работы 1890 г. выпускника юридического факультета Московского университета В. А. Косинского (1866–1938), ученика А. И. Чупрова. Отталкиваясь от индуктивной логики Дж. С. Милля, но считая, что однозначность причинно-следственного подхода не применима к общественным явлениям в силу их многофакторности (но не субъективности), В. А. Косинский начал развивать теорию вероятности, заимствовав математические принципы у В. Я. Бунаковского.

Развитию аналитического направления в русской экономической мысли, стремившегося внедрять математические методы в экономическую теорию, был посвящен и доклад П. Н. Клюкина о научном наследии В. К. Дмитриева и Н. Н. Шапошникова. В докладе была обозначена преемственность развития этого направления от работ М. И. Тугана-Барановского через исследования В. К. Дмитриева, Н. Н. Шапошников, В. И. Борткевича, Г. А. Харазова к работам Е. Е. Слуцкого.

Особое раскрытие тема междисциплинарности получила в ходе литературного вечера, на котором, с одной стороны, раскрывались экономические аспекты художественных произведений (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, А. П. Чехова, М. Волошина, А. Блока), а с другой — анализировалось литературное творчество экономистов (А. В. Чаянова, А. В. Аникина). Опыт таких исследований показал, что художественные тексты экономистов позволяют познакомиться с теми идеями, которые не могли найти отражение в научных статьях в силу отсутствия строгой обоснованности, но при этом обладали для авторов большой ценностью. Обращение же к художественной литературе позволяет историкам-экономистам оценить, как экономические идеи и экономические проблемы воспринимались современниками, не относящимися к академической среде. Это позволяет сформировать более взвешенный взгляд на исторические явления²¹.

Место в мировой экономической мысли экономистов Московского университета

Вопрос о месте российских ученых в мировой экономической мысли, несмотря на большое количество публикаций, остается дискуссионным. Так и на конференции, с одной стороны, не раз говорилось о том, что теории заимствовались, развивались под влиянием зарубежных течений, например, германской традиции (М. Г. Покидченко), в частности камерализма (А. Н. Дубянский). Подчеркивалось, что эта черта сохраняется и в советский период (Н. А. Макашева).

С другой стороны, во многих докладах приводились конкретные примеры, когда идеи российских авторов опережали свое время и предвосхищали мировые теории. Например, в докладе М. Г. Покидченко упоминалось, что В. Рошер указывал как на предшественницу исторической школы Германии на немецко-русскую историческую школу, в которую он включал немецких профессоров, преподававших в России и вернувшихся затем в Европу. А. А. Белых так же говорил об этой школе и ее важности для развития исторического направления, хотя отнес к ней, наоборот, обрусевших немцев — А. Л. Шлёцера, Е. Ф. Канкрин, А. К. Шторха

²¹ В развитие темы см. (Инграо, 2009; Уоттс, Смит, 1989).

и И. К. Бабста. Помимо этого, А. А. Белых подчеркнул, что И. К. Бабст одним из первых обосновал наличие факторов роста в экономике (Бабст, 1856) и высказал соображения, близкие по своему содержанию современной концепции «инклюзивных институтов» Д. Норта и Д. Аджемоглу.

В докладе П. Н. Клюкина подчеркивалось важное влияние В. К. Дмитриева и Н. Н. Шапошникова на формирование неорикардизма и непосредственно теорию П. Сраффа. В частности, было показано, что Н. Н. Шапошников, во многом опередив В. И. Борткевича, заложил основы таких ключевых концепций аналитического марксизма второй половины XX в., как определение нормы прибыли без цен, принцип определения заработной платы в модели общего равновесия.

Отдельный доклад был посвящен месту работ С. А. Фалькнера в мировой науке, представленный проф. Н. Неновским (Университет Пикардии). В докладе была проведена параллель между идеями С. А. Фалькнера и современной денежной теорией (ММТ) в связи с разрабатывавшейся им концепцией эмиссионного хозяйства (1919–1924 гг.)²². Его тезисы о том, что эмиссия денег является нормальной практикой для стран, находящихся в состоянии войны или революции (что отражало реальную практику советского правительства, показанную на цифрах в работе Ю. Голанда (Голанд, 2006)), что важна устойчивость темпа обесценивания денег, предвосхищают идеи ММТ. Указывалось, что проблема расчета устойчивого темпа эмиссии активно разрабатывалась в советское время (О. Шмидт (Шмидт, 1923), С. Г. Струмилин, В. А. Базаров, Е. Е. Слуцкий (Слуцкий, 1923), Н. Н. Шапошников, А. А. Конюс и др.) Также было подчеркнуто, что возникавшая в ответ критика В. В. Новожилова 1923–1924 гг., находившегося под влиянием работ Л. Мизеса, повторяет тезисы более позднего спора О. Лернера — Л. Мизеса о публичных финансах (проблема учета доходов и расходов, относительных цен, иллюзии изобилия ресурсов, приводящих к разрушению производства). В итоге был выдвинут тезис, что ММТ можно рассматривать как специфическую форму той политики, которая наблюдалась в плановом хозяйстве.

В докладе к.э.н. Е. Н. Калмычковой (ЭФ МГУ) был переосмыслен вклад М. И. Спектатора (Нахимсона), создателя кафедры мирового хозяйства на факультете советского права МГУ (1930–1931). Было показано, что теория мирового капитализма М. И. Спектатора во многом предвосхитила современные теории глобализации, несмотря на марксистский подход автора. Описав развитие капитализма с конца XIX в. как становление ТНК (сам термин не использовался), М. И. Спектатор показал, что происходит объединение производств и создание мирового рынка с единой стоимостью. Образующая в результате этой единой стоимости картельная рента может идти на развитие производства не в той стране, где она была полу-

²² Материал частично опубликован в (Nenovsky, 2024).

чена. Таким образом, М. И. Спектатор рисует модель объединенного мирового хозяйства, сохраняющего товарность, которое противостоит единой плановой системе. В докладе также было подчеркнуто, что работы М. И. Спектатора, фактически преданные забвению, представляют собой оригинальную ветвь развития марксизма.

В докладе к.э.н. О. Н. Емельяновой (ЭФ МГУ) была предпринята попытка сопоставить курсы политической экономии Н. А. Цаголова и японского марксиста Кодзо Уно (1897—1977). В частности, были выделены такие особенности, как изучение экономики в русле социальных, а не политических или идеологических проблем, признание возможности модернизировать капиталистическую систему с помощью государственной политики, признание изменчивости общественных законов. В докладе также было подчеркнуто, что японская марксистская политэкономия имеет свою собственную школу и всегда была довольно замкнута, так как не находила возможностей для диалога на мировом уровне: школа Кодзо Уно сильно расходилась в базовых представлениях с социалистическим марксизмом, а в капиталистической науке не находила единомышленников. Тезис о закрытости был скорректирован репликой к.э.н. О. Н. Борох (ИКСА РАН) о важном влиянии японского марксизма (Хадзимэ Каваками) на китайский марксизм.

Функции историко-экономических дисциплин в науке и образовании

На круглом столе, посвященном 75-летию кафедры ИНХиЭУ и завершившем работу конференции, обсуждалась роль историко-экономических дисциплин. Проф. А. В. Сидорович (Казахстанский филиал МГУ) подчеркнул, что история помогает ответить на важный для любого учебного вопрос — о месте современной науки в общем процессе ее развития. Знание истории дисциплины обеспечивает целостность и последовательность ее эволюции, позволяет избежать смешения трех несводимых друг к другу направлений — политической экономии, неоклассики и институционализма.

В докладе к.э.н. И. Г. Чаплыгиной (ЭФ МГУ) были перечислены функции, выполняемые историей экономических учений: (1) она обеспечивает прогресс науки с опорой на созданные теории; (2) демонстрирует разные подходы к анализу проблем, что формирует вариативность мышления; (3) выявляет исторический характер теорий, что способствует развитию критического мышления; (4) является ценным архивом идей, обращение к которому может помочь найти пути преодоления современных научных кризисов. Помимо этого, особую актуальность в эпоху постмодерна приобретает (5) способность этой дисциплины раскрывать исторический и идейный контекст отдельных категорий и понятий, которыми оперирует современная наука, часто не критически заимствуя их из прошлого.

Современное положение экономической истории как дисциплины было освещено в докладе к.э.н. С. И. Невского (ЭФ МГУ) на примере германских ВУЗов. Отделившись от экономической теории после «Спора о методах», экономическая история приобретает самостоятельность в Германии ко второй половине XX в. Но в 1970-е гг. классическая экономическая история начинает замещаться клиометрикой. На современном этапе идет «междисциплинаризация» предмета — экономическая история все больше преподается на неэкономических факультетах (исторический, философский и т.д.) и в слиянии с другими дисциплинами (региональными исследованиями, социологией, новейшей историей (*Zeitgeschichte*), экономической политикой, науками об окружающей среде и т.д.). По мнению докладчика, это угрожает размыванием границ дисциплины. В плане методов экономическая история сталкивается с новым вызовом — помимо количественного анализа (клиометрики), все большее распространение получает новый институциональный подход («новая экономическая история»). По мнению докладчика, под влиянием новых веяний, завораживающих своей способностью концептуализировать историю или давать количественные оценки, не стоит забывать о важности детализированного качественного исторического анализа.

Заключение

Работа конференции продемонстрировала богатство и актуальность экономического наследия ученых Московского университета, показала историческую междисциплинарность экономического знания, сохраняющуюся на современном этапе и особенно характерную для университетской науки. Были предложены новые подходы к анализу советского периода, поставлен целый ряд дискуссионных вопросов: о возможности синтеза разных направлений, о месте политэкономии в современной науке, об особенностях российской экономической традиции и, в частности, университетской школы. На конференции звучали доклады о современной практике междисциплинарного взаимодействия факультета (Д. Е. Капинос, А. А. Шапкина, Д. И. Чашкина, Е. В. Егоров) и международного сотрудничества (В. Б. Гришина, Е. Ю. Архипова, Л. Г. Ампар, А. В. Адлейба, В. А. Зубенко), в которых была отмечена успешность факультетских проектов, а также обозначены дальнейшие пути их развития.

Список литературы

- Абалкин, Л. И. (ред.) (2003). *Очерки истории российской экономической мысли*. М. Автономов, В. С. (2016). Экономическая теория в ИМЭМО: советский период. *Вопросы экономики*, 11. 117–134.

Андреев, А. Ю. (2000). «Гёттингенская душа» Московского университета (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Гёттингена в начале XIX столетия). *Вопросы истории естествознания и техники*, 2, 71–113.

Аузан, А. А., & Курдин, А. А. (2022). Институциональный аспект эволюции научных школ. *Проблемы прогнозирования*, 5(194), 91–99. Doi: 10.47711/0868-6351-194-91-99.

Бабст, И. К. (1856/2016). О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. *Вестник Московского университета. Серия б. Экономика*, 4, 35–60.

Бахтин, М. М. (1975). Слово в романе. (1934–1935). *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М., 72–233.

Булгаков, С. (1906/2007). Под знаменем Университета. Вступительная лекция к курсу «Критическое исследование проблем и идеалов политической экономии. История экономических и социальных учений. М., 273–285.

Булгаков, С. (1909/1993). Народное хозяйство и религиозная личность. *Соч.: в 2 т. Т. 2*. М., 343–367.

Воронова, А. С. и др. (2024). Внешние факторы формирования предпринимательских намерений студентов МГУ имени М. В. Ломоносова за 2020–2024 гг. *Вестник Московского университета, Серия б. Экономика*, 5, 265–286. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-5-13>.

Голанд, Ю. М. (2006). *Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924*. М.

Гэлбрейт, Дж. К. (1967/2004). *Новое индустриальное общество*. М.

Жарова, Е. Ю. (2013). Университетские уставы 1803–1804 гг. *Вопросы образования*, 4, 268–290. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2011-4-268-290>.

Инграо, Б. (2009/2022). Экономика и литература. *Versus*, 2(1), 9–42.

Каратаев, Н. К. (1956). *Экономические науки в Московском университете (1755–1955)*. М.

Клейнер, Г. Б. (2021). *Системная экономика: шаги развития*. М.

Макашева, Н. А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х — 1990-е гг.): революция и рост научного знания. *Истоки*. М., 400–426.

Мануйлов, А. А. (1914). *Политическая экономия. Курс лекций*. М.

Ортега-и-Гассет, Х. (1930/2010). *Миссия университета*. М.

Птуха, М. В. (1959). *Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. Т. II*. М.

Слущкий, Е. (1923). Математические заметки к теории эмиссии. *Экономический бюллетень Конъюнктурного института*, 11–12.

Туган-Барановский, М. И. (1907). *Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма*. СПб.

Уильямсон, О. (1985/1996). *Экономические институты капитализма*. СПб.

Уотс, М., & Смит, Р. (1989/2006). Экономика в произведениях художественной литературы и драматургии. *Экономическая политика*, 2, 165–179.

Цвайнерт, Й. (2007). *История экономической мысли в России. 1805–1905*. М.

Чаплыгина, И. Г. (2019). Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века. *Terra Economicus*, 17(4), 8–22. Doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94.

Шмидт, О. (1923). *Математические законы денежной эмиссии*. М.

Шумпетер, Й. (1942/1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.

- Arena, R., Dow, Sh., & Klaes, M. (ed.) (2009). *Open economics. Economics in relation to other disciplines*. Routledge
- Arrow, K. J. (1962). Economics Welfare and the Allocation of Resources for Invention. *The Rate and Direction on Incentive Activity: Economic and Social Factors*, National Bureau of Economic Research, Princeton University Press, Princeton.
- Avtonomov, V., & Hagemann, H. (2022). *Russian and Western Economic Thought. Mutual Influences and Transfer of Ideas*. Springer.
- Burina, E. (2023). Chemistry at the Service of Economic Modelling: Vladimir Bazarov's Approach to Formalizing Business Cycles. *Oeconomia. History, methodology, philosophy*, 13-4, 995–1027. <https://doi.org/10.4000/oeconomia.16566>.
- Clark, W. (1953). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. The University of Chicago Press.
- Nelson, R. R. (1959). The Simple Economics of Basic Scientific Research. *Journal of Political Economy*, 67, 297–306. <https://doi.org/10.1086/258177>.
- Nenovsky, N. (2024). Semyon Falkner and the Modern Monetary Theory: Contributions to the Russian Tradition in the Theory of Money. *AlterEconomics*, 21(1), 29–57. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.4>.
- Partha, D., & David, P. A. (1994). Toward a new economics of science. *Research Policy*, 23(5), 487–521. [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(94\)01002-1](https://doi.org/10.1016/0048-7333(94)01002-1).

References

- Abalkin, L. I. (ed.) (2003). *Essays on the History of Russian Economic Thought*. M.
- Andreev, A. Y. (2000). “Göttingen soul” of Moscow University (From the history of scientific mutual relations between Moscow and Göttingen at the beginning of the 19th century). *Questions of the history of natural science and technology*, 2, 71–113.
- Auzan, A. A., & Kurdin, A. A. (2022). The institutional aspect of the evolution of scientific schools. *Forecasting problems*, 5(194), 91–99. Doi: 10.47711/0868-6351-194-91-99.
- Avtonomov, V. S. (2016). Economic Theory at IMEMO: The Soviet Period. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 117–134.
- Babst, I. K. (1856/2016). On some conditions that contribute to the increase of national capital. *Moscow University Bulletin, Series 6. Economics*, 4, 35–60.
- Bakhtin, M. M. (1975). The Word in the Novel. (1934–1935). *Questions of the literature and aesthetics. Research of different years*. M., 72–233.
- Bulgakov, S. (1906/2007). Under the Banner of the University. Introductory Lecture to the Course “Critical Study of the Problems and Ideals of Political Economy”. *History of economic and social doctrines*. M., 273–285.
- Bulgakov, S. (1909/1993). National economy and religious personality. *Works in 2 vol*.
- Chaplygina, I. G. (2019). Cameralism and economic disciplines at Moscow University in the 17th century. *Terra Economicus*, 17(4), 8–22. Doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94.
- Galbraith, J. K. (1967/2004). *The New industrial state*. M.
- Goland, Y. M. (2006). *The discussions on economic policy during the years of monetary reform 1921–1924*. M.
- Ingrao, B. (2009/2022). Economics and Literature. *Versus*, 2(1), 9–42.
- Karataev, N. K. (1956). *Economic Sciences at Moscow University (1755–1955)*. M.
- Kleiner, G. B. (2021). *Systemic Economy: Steps of Development*. M.

- Makasheva, N. A. (2006). Economic science in Russia during the period of transformation (late 1980s — 1990s): revolution and growth of scientific knowledge. *Istoki*. M., 400–426.
- Manuilov, A. A. (1914). *Political Economy. Course of lectures*. M.
- Ortega y Gasset, J. (1930/2010). *University mission*. M.
- Ptukha, M. V. (1959). *Essays on the history of statistics in the USSR. Vol. II*. M.
- Schumpeter, J. (1942/1995). *Capitalism, socialism and democracy*. M.
- Shmidt, O. (1923). *Mathematical laws of money emission*. M.
- Slutzky, E. (1923). Mathematical notes on the theory of emission. *Economic Bulletin of the Conjunction Institute*, 11–12.
- Tugan-Baranovsky, M. I. (1907), *Essays on the Modern History of Political Economy and Socialism*. SPb.
- Voronova, A. S. et al. (2024). The external factors in the formation of entrepreneurial intentions of students of Lomonosov Moscow State University for 2020–2024. *Moscow University Bulletin, Series 6. Economics*, 5, 265–286. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-5-13>.
- Watts, M., & Smit, R. (1989/2006). Economics in Literature and Drama. *Economic Policy*, 2, 165–179.
- Williamson, O. (1985/1996). *The Economic institutions of capitalism*. SPb.
- Yurchak, A. (2014). *It was forever, until it ended. The last Soviet generation*. M.
- Zweynert, J. (2007). *The history of economic thought in Russia. 1805–1905*. M.
- Zharova, E. Y. (2013). The University Statutes of 1803–1804. *Education issues*, 4, 268–290. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2011-4-268-290>.

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: (Oliver, 1980), (Porter, 1994, p. 45), (Иванов, 2001, с. 20), (Porter, 1994; Иванов, 2001), (Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991). Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: (Гуриев и др., 2002) или (Bevan et al., 2001). Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники све-

дений и т.п. даются в виде: (Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20), (Статистические сведения..., 1963), (Устав..., 1992, с. 30).

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econ.msu.editor@gmail.com